Клайв Касслер
Джек Дю Брюль
БЕРЕГ СКЕЛЕТОВ

Глава 1

Пустыня Калахари.
1896.

И все-таки ему не следовало отдавать им приказ оставить оружие. Это решение может всем стоить жизни. Но был ли тогда иной выход? Когда одна из вьючных лошадей поранила ногу, им пришлось перераспределить поклажу, а это значило избавиться от снаряжения. Решение взять с собой лишь фляги с водой и сумки, набитые неограненными драгоценными камнями, было неоспоримо. Им пришлось оставить палатки, спальные мешки, тридцать фунтов еды, винтовки и боеприпасы к ним. Но даже когда они настолько облегчили поклажу, лошади все равно были чрезмерно перегружены. Оставалось надеяться, что крепления их седел выдержат еще день под неумолимым солнцем.

Эйч Эй Райдер более всего подходил на роль проводника по пустыне Калахари. Он был старый батрак-старожил, бросивший убыточную ферму в Сассексе в бурные времена Золотой Лихорадки в надежде сказочно разбогатеть на алмазном африканском поприще. Ко времени его приезда в 1868 году весь Коулсбергский холм — пригорок, где обнаружили первые алмазы, равно как и прилегающие к нему на несколько миль области, был огорожен. Поэтому Райдер там легко нашел себе занятие: он стал снабжать продовольствием отряды рабочих.

С парой тележек и сотней мешков с солью для засолки дичи он в сопровождении пары проводников из местных прочесывал тысячи квадратных миль. Это было уединенное существование, которое, однако, Райдер полюбил, равно как полюбил эту землю, с ее неуемными закатами и густыми лесами, потоками такой чистоты, что вода в них походила на стекло, и далекими горизонтами. Он научился говорить на языках разных племен — матабеле, машона и даже на языке свирепого, воинственного племени эреро. Он даже понимал некоторые из тех странных щелчков и пересвистов, которые местные обитатели пустыни использовали для связи.

Он взялся за работу проводника охотничьих экспедиций, чтобы богатые англичане и американцы могли трофеями украшать стены своих особняков, и также занимался поисками подходящих маршрутов для телеграфной компании, проводящей линии передач по южной части континента. Он сражался в десятках схваток и убил в них много людей. Он знал и понимал африканский народ, прекрасно чувствовал свирепость этой земли. Он знал, что ему не следовало соглашаться вести людей от Бечуаналенда через обширные просторы Калахари к морю, да еще в таком в бешеном, стремительном броске. Но в этом деле, как и во многих других, всегда присутствует соблазн большого заработка — обольстительный зов сиюминутного барыша, который и потянул его в Африку.

Если им все удастся и бездушная пустыня не предъявит к ним своих претензий, тогда Райдер сорвет куш, и мечты о богатстве станут явью.

— Думаешь, они все еще там, позади?

Райдер покосился на восходящее солнце, так что его глаза почти скрылись под обветренной кожей век. Вдали на горизонте он ничего не мог видеть, кроме занавесей мерцающего жара. Между людьми и раскаленным солнцем протянулись дюны чистого белого песка. С солнцем пришел и ветер, хлеставший по вершинам дюн и сдувавший песок с их гребней.

— Да, парень, — сказал он, не глядя на человека, обратившегося к нему.

— Как ты можешь быть так уверен?

— Они последуют за нами до самых врат ада за то, что мы сделали, — повернулся Эйч Эй к своему спутнику, Джону Уарли.

Уверенность в его скрипучем голосе заставила темнокожего Уарли побледнеть. Как и Райдер, четверо остальных мужчин в их отряде родились в Англии и приехали в Африку в поисках своего счастья.

— Нам нужно торопиться, — сказал Райдер. Они шли под сравнительно прохладным покровом темноты. — Мы можем преодолеть еще несколько миль до того, как солнце станет в зенит.

— А я думаю, нам нужно сделать привал здесь, — произнес Питер Смайт, самый молодой и неопытный член команды, настоящая обуза для них. Он утратил свое самодовольство вскоре после вступления в песчаное море и теперь передвигался шаркающей походкой старика. Белая корка облюбовала уголки его глаз и рта, а некогда ярко-голубые глаза покрылись туманной пеленой.

Райдер проверил крепление своего седла. Животное под ним страдало, и из-за этого он чувствовал вину — большую, на самом деле, чем за Смайта, поскольку у бедного животного не было иного выбора, кроме как везти их всех через эту безжалостную пустынную местность.

Мысль о том, чтобы позволить ему выпить еще воды, подвергнув риску остальных членов команды, ни разу не посетила сознание.

— Мы идем дальше.

Он посмотрел на запад и увидел как будто зеркальное отражение той местности, которую они уже прошли. Песчаные дюны, казалось, простирались бесконечно. Небо становилось латунным от света, отражавшегося от бескрайней пустыни.

Складным ножом он вынул камень из копыта лошади и привел в порядок попону. Некогда гладкая шкура лошади шматками свисала в местах, где протерлась плоть.

Он похлопал лошадь по морде и прошептал несколько ласковых слов ей на ухо. Ехать верхом было просто недопустимо. Животные и так из последних сил боролись с тяжестью поклажи. Он взял поводья и двинулся вперед. Ботинки Райдера погрязали в песке по самые штаны, пока он вел лошадь прямо в сердце дюны. Песок перемещался под ногами, шипя и ускользая по насыпи, угрожая опрокинуть рядом идущих людей, стоило хоть одному оступиться. Эйч Эй не оглядывался назад. Мужчинам не оставалось ничего другого, как идти друг за другом.

Райдер шел уже час, пока солнце продолжало свое неумолимое восхождение в сердце безоблачного неба. Он зажал гладкий камешек между верхними зубами и языком, пытаясь обмануть свой организм, убедив его в том, что обезвоживание еще не так сильно. Когда же он остановился, чтобы протереть пот внутри свой большой широкополой шляпы, жар опалил кожу на макушке.

Позади него путники начали выбиваться из сил, поэтому Райдер повел их в укрытие самой высокой дюны и начал сооружать навес от солнца из лошадиных попон. Пока он разбивал лагерь, путники его, тяжело дыша, повалились на горячий песок.

Эйч Эй задержал взгляд на лице Питера Смайта. Губы молодого человека представляли собой не что иное, как лопнувшие волдыри, из которых сочилась прозрачная жидкость, а щеки у скул покрылись ожогами, будто к ним приложили раскаленное железо прямо из жаровни.

Райдер только посоветовал ему ослабить шнурки на ботинках.

От такой ходьбы ноги распухали так, что снять обувь означало продолжить путь босиком, поскольку надеть ее вновь уже не получилось бы. Они с надеждой наблюдали за ним, следили, как он, наконец, снял пару канистр с водой с седельного вьюка и, откупорив их, подошел к лошадям. Почуяв воду, одна из лошадей тут же заржала. Остальные сгрудились вокруг нее, и его собственная лошадь мордой уткнулась в плечо.

Стараясь не пролить ни одной капли, Райдер налил одну порцию воды в чашу и, поддерживая ее, позволил животному выпить. Она хлебала шумно, а в брюхе у нее от воды,

выпитой впервые за последние трое суток, громко урчало. Он налил еще немного и снова напоил лошадь. В первую очередь Райдер поил лошадей, несмотря на собственную свирепую жажду и яростные взгляды своих спутников.

— Умрут они — и вы обречены, — только и сказал он, и все знали, что проводник прав.

Привязав лошадей, он отправился за миской, чтобы напоить людей. Он стал еще строже с их порцией, и каждый получил лишь по глотку воды, прежде чем Райдер снова спрятал флягу в своем коробе. Протестов не последовало. Только Эйч Эй уже пересекал эту безжизненную пустошь, и они полностью доверяли ему.

Тени от лошадиных попон были ничтожно малы. Калахари — одно из самых жарких и сухих мест на земле, иногда дождь не выпадал ни разу за много лет. Солнце обжигало землю, накаляя ее до предела, и путники лежали, охваченные летаргией, двигаясь, только когда перемещалась тень от движения солнца, открывая чью-то руку или ногу зверской атаке солнечного жара. Мужчины лежали, мучимые всепоглощающей жаждой, но более всего покоя им не давала алчность. Они были слишком близки к тому, чтобы разбогатеть так, как никто из них не смел и мечтать.

Достигнув зенита, солнце, казалось, еще более рассвирепело, превратив каждый человеческий вздох в схватку между нуждой в воздухе и желанием не дать жару ворваться в тело. Он высасывал влагу из людей с каждым малейшим вздохом и оставлял легкие объятыми пламенем.

Жар стал еще яростнее, и его удушающий груз вдавливал людей в землю. Райдер не мог припомнить, чтобы солнце хотя бы раз так жгло за все годы жизни в пустыне. Оно жарило так, словно упало с небес и теперь лежало на земле, неистовствуя и гневаясь. От этого запросто можно было сойти с ума, но они вынесли долгое мучительное послеполуденное время, проведя его в непрестанных молитвах, чтобы день, наконец, кончился.

Жар стал ослабевать так же стремительно, как и поднялся, поскольку солнце сместилось к западу и начало медленно садиться, окрашивая песок в красные, пурпурные и розовые полосы. Путники медленно выползли из тени, стряхивая пыль с одежды. В поисках преследователей Райдер с помощью подзорной трубы обследовал дюну, которая укрывала их от ветра, и пустыню позади них. Но ничего, кроме движущихся дюн, рассмотреть не смог. Их следы начисто стерли непрестанно дующие западные ветра, хотя это едва ли приносило ему утешение. Воины, что преследовали их, были чуть ли не лучшими охотниками в мире. Они непременно найдут их даже в этих безликих песочных просторах, как если бы Райдер намеренно оставлял для них метки из камней.

Он не знал, какое расстояние их преследователи проходили за день. Казалось, эти люди обладали поистине сверхчеловеческими способностями переносить солнце и жару. Эйч Эй прикинул, что, когда они только вошли в пустыню, у них еще был пятидневный запас. Значит, сейчас, учитывая темп их передвижения, они выигрывали лишь день, не больше. К завтрашнему дню это преимущество сократится наполовину. И что тогда? А тогда они заплатят за то, что оставили оружие, когда была ранена вьючная лошадь.

Осталось совсем немного бесценной жидкости, чтобы поить лошадей, да и их собственная порция воды втрое уменьшилась после заката. Что касается Райдера, так он и вовсе считал, что лучше обойтись без нее, нежели унижаться ради такого количества воды. Теплая струйка, казалось, скорее всасывалась в язык, чем шла на утоление жажды, которая теперь разъедала его желудок. Он заставил себя съесть немного сушеной говядины.

Окинув взглядом осунувшиеся лица, Эйч Эй понял, что не все смогут вынести оставшийся переход. Питер Смайт не мог стоять на ногах. Не лучше дело обстояло и с Джоном Уарли. И только братья Тим и Том Уотермен, казалось, еще держались, но они жили в Африке намного дольше, чем Смайт или Уарли, а последнее десятилетие работали батраками на большой скотоводческой ферме на Мысу. За это время их организмы более-менее приспособились к африканскому зверски палящему солнцу.

Эйч Эй провел руками по своим обгоревшим бакенбардам, вычесывая песок из погрубевших седеющих волос. Нагнувшись, чтобы надежней затянуть шнурки на ботинках, он ощутил себя вдвое старше своих пятидесяти лет. Спина и ноги невыносимо болели, а позвоночник хрустнул, стоило ему выпрямиться.

— Парни. Попомните мои слова. Сегодня мы напьемся, — сказал он, чтобы поддержать их слабеющий боевой дух.

— Напьемся чем, песком? — пошутил Тим Уотермен, демонстрируя, что все еще не утратил эту способность.

— Местные жители, что называют себя сэн, обитают в этой пустыне уже более тысячи лет. Говорят, они способны почуять воду за сотню миль, и это для них не предел. Когда двадцать лет назад я приехал в Калахари, моим проводником был один из сэн. Этот малый нашел воду там, где мне не пришло бы и в голову искать. Они вычерпывали ее из растений во время утреннего тумана и пили из рубцов убитых отравленными стрелами животных.

— Что такое рубец? — спросил Уарли.

Райдер переглянулся с братьями Уотермен, словно подразумевая, что это должен знать каждый.

— Это часть желудка животных, таких как корова или антилопа, в которых идет брожение жвачки. Жидкость, содержащаяся в нем, по большей части представляет собой воду и растительный сок.

— Я могу пойти и добыть их прямо сейчас, — только и смог пробормотать Питер Смайт. Из его треснувших губ сочилась кровь.

— Однако величайшим умением племени сэн является то, что они способны найти воду, схороненную под песком в иссушенных поколение назад руслах рек.

— А умеешь ли ты так находить воду? — спросил Джон Уарли.

— Я искал ее в русле каждого потока, что мы прошли за последние пять дней, — сказал Эйч Эй.

Путники были поражены. Никто из них до сих пор не осознавал, что пересек какую-либо из высушенных рек. Для них пустыня была безликой и необитаемой. Тот факт, что проводнику было известно о вади, так называемых природных резервуарах, заполняемых дождевой водой, вселил в них еще больше уверенности, что он выведет их из этого кошмара.

Тем временем Райдер продолжил:

— Позавчера у меня зародилась смутная надежда… Но тогда я не был уверен, а мы не можем позволить себе тратить время на мои ошибки. Я прикинул, что мы должны быть в двух-трех днях от побережья, а следовательно, эта часть пустыни питается влагой с океана и дождями от приходящих сюда время от времени штормов. Я найду нам воды, парни. В этом можете не сомневаться.

Эйч Эй говорил много, что на него было совсем не похоже, с тех самых пор, как приказал им бросить оружие, и это возымело желаемый эффект. Братья Уотермен усмехнулись, Джон Уарли выпрямился, и даже молодой Смайт перестал шататься.

Неприветливая луна начала свое восхождение перед их взорами, пока последние солнечные лучи тонули в далеком Атлантическом океане, и вскоре в небе зажглось такое обилие звезд, что не под силу было сосчитать ни одному человеку, будь у него хоть сотня жизней. В пустыне было тихо, как в церкви, не считая звуков перемещающегося под ногами и копытами песка и случайных скрипов кожаных седел. Шагали твердо и осторожно. Эйч Эй прекрасно осознавал, насколько вымотал их всех пройденный путь, но он ни на минуту не забывал о полчищах преследователей, что несомненно висели у них на хвосте.

В полночь они остановились на привал. Пейзаж пустыни слегка изменился: во многих впадинах встречались участки крупного песка. Эйч Эй заметил старые отверстия для питья в местах, где антилопы рыли твердый песок в поисках воды, скрытой под землей. Однако он не увидел каких-либо признаков использования их человеком, поэтому пришел к выводу, что они давно высохли. При остальных Райдер не упомянул о своей находке, но это подстегнуло его уверенность в том, что он найдет действующий источник.

Он даже позволил своим попутчикам двойную порцию воды, считая, что сможет снова наполнить канистры водой и напоить лошадей до восхода солнца. В противном случае нет никакого смысла в нормировании порций, поскольку пустыня возьмет свое на следующее же утро. Райдер отдал добрую половину своей воды лошади, тогда как остальные нетерпеливо выпили свои порции, мало заботясь о вьючных животных.

Люди продолжили путь. Через полчаса легкое облако заслонило луну, но когда оно минуло, сменившееся освещение вызвало на пустынных покровах нечто, что не ускользнуло от глаз Райдера. Согласно компасу и звездам, он следовал строго в западном направлении, и никто из его команды не отреагировал, когда он внезапно повернул на север. Он шел впереди остальных, узнавая хрустящую почву под ногами, и, достигнув цели, упал на колени.

Это было всего лишь углубление на ровной поверхности впадины, не более метра в диаметре. Он оглядел это место и напряженно улыбнулся, отыскав кусочки битой яичной скорлупы и одно почти целое яйцо, если не считать длинной трещины, что нарушала его гладкую поверхность. Скорлупа была размером с кулак и на вершине имела аккуратно просверленное отверстие, закупоренное пучком сушеной травы, смешанной с камедью. Это было одно из самых дорогих вещей для племени сэн, поскольку только в этих страусиных яйцах перевозили воду. Эта же скорлупа разбилась, когда ее вновь наполняли водой, что могло обречь на гибель ту общину местных обитателей, которая в последний раз пользовались источником.

Эйч Эй почти ощущал, как их призраки глядят на него сверху, с берега древнего речного русла; это были крошечные духи с венками из тростника вокруг голов и поясами из грубой кожи, украшенными гирляндами мешочков для страусиных яиц и колчанов для маленьких отравленных стрел, необходимых для охоты на дичь.

— Что там, Эйч Эй? — окликнул его Джон Уарли, опускаясь на колени рядом с проводником. Его некогда блестящие темные волосы теперь скудно спадали на плечи, но пиратскому блеску в глазах, что придавал взгляду некую таинственность, каким-то образом удалось сохраниться. Это были глаза отъявленного интригана, человека, движимого мечтами мгновенно разбогатеть и готовностью пойти на смертельный риск, только бы лицезреть исполнение этих желаний.

— Вода, мистер Уарли. Вода.

Будучи на двадцать лет старше, Эйч Эй все же старался быть почтительным в разговоре со всеми своими друзьями.

— Что? Как? Я не вижу никакой воды.

Братья Уотермен уселись на близлежащий валун. Питер Смайт свалился у их ног. Тим помог парню сесть так, что спиной он оперся прямо на скалу, таившую в себе воду. Голова упала на тощую грудь, а дыхание неестественно участилось.

— Она здесь, но под землей, как я вам и говорил.

— И как же ее достать?

— Будем копать.

Без лишних слов двое людей принялись соскребать грунт, которым местный житель трудолюбиво уложил источник, чтобы не дать ему высохнуть. Руки Райдера были широкие и настолько огрубевшие, что он мог копать ими, как совками, врезаясь в рыхлую землю и не обращая внимания на осколки кремневой утвари. Руки Уарли обличали в нем азартного игрока, гладкие с аккуратным маникюром, однако копал он так же энергично, как и его проводник, в неистовстве жажды не замечая царапин и порезов и сочащуюся из-под ногтей кровь.

Они раскопали землю на глубину двух футов, но по-прежнему никаких признаков воды не было. Будучи телосложением значительно крупнее местных воинов, в чьи обязанности входило выкапывание подобных колодцев, они принялись расширять отверстие. На глубине трех футов Эйч Эй набрал полную руку грязи, но когда отбросил ее, тонким слоем она прилипла к его ладони. Он скатал ее пальцами, получив небольшой шарик. А когда сжал его, дрожащая капелька воды заблестела под звездным небом.

Уарли издал победный вопль, и даже хладнокровный, почти чуждый всяким проявлениям радости Эйч Эй не удержался от улыбки.

Они удвоили свои усилия, принявшись расшвыривать грязь из дыры с безрассудным энтузиазмом. Райдеру даже пришлось попридержать Уарли, положив руку ему на плечо, когда они раскопали достаточно глубоко.

Остальные окружили колодец и молча наблюдали, как его темное дно вдруг помутнело. Это луна отражалась в воде, сочащейся в дыру из окружающих водоносных слоев. Эйч Эй опустил канистру с фильтром из куска тряпки, оторванного от своей рубашки, в грязную воду. В несколько минут она до половины наполнилась. Питер простонал, услышав ее плеск. Эйч Эй осторожно вынул канистру из колодца.

— Держи, парень, — произнес Райдер, передавая ему канистру. Питер жадно схватил ее, однако Райдер не выпустил фляги из рук.

— Тише, мой мальчик. Пей медленно.

Смайт слишком отчаялся, чтобы прислушиваться к советам Райдера и, набрав полный рот воды, подавился, зайдясь в приступе кашля, и целый глоток бесценной жидкости был истрачен впустую. Оправившись же, он, оробев, стал пить неуверенными глотками. Несколько часов понадобилось путникам, чтобы вдоволь напиться и заставить себя впервые за много дней поесть.

Эйч Эй все еще поил лошадей, когда заметил, как на востоке начало подниматься солнце. Он был очень внимателен к животным, заботясь, чтобы они не выпили слишком много и не зашлись потом в судорогах, поэтому поил их потихоньку. Огромные лошадиные животы удовлетворенно урчали, пока их поили и кормили, и впервые за несколько дней лошади даже помочились.

— Эйч Эй! — Тим Уотермен уединился на другом берегу, чтобы справить нужду. Он стоял, вырисовываясь на фоне рассвета, бешено размахивая шляпой и указывая на восходящее солнце.

Райдер выхватил подзорную трубу из седельного вьюка и помчался к нему, взбираясь на холм, словно одержимый. Он врезался в Уотермена, сбив его с ног, и оба упали. Прежде чем Уотермен смог понять, что произошло, Райдер зажал своему спутнику рот и прошипел:

— Не так громко. Звуки разносятся по пустыне очень далеко.

Расположившись на дюне и стараясь не высовываться, Эйч Эй раздвинул подзорную трубу и приставил ее к глазу.

«Смотреть, как они придут, — подумал он. — Боже, они неподражаемы».

Этих пятерых свела вместе острая ненависть Питера Смайта к отцу — человеку грозному, который некогда заявил, что его посетило видение архангела Гавриила. Тот якобы велел Лукасу Смайту продать все свое имущество и отправиться в Африку проповедовать слово Божие среди дикарей. Не будучи особенно религиозным до видения, Смайт настолько рьяно предался Библии, что, когда он обратился в Лондонское общество миссионеров, ему даже ответили отказом по причине его фанатизма. Но в конце концов его все-таки приняли, да и то лишь с целью убрать надоедливого Смайта подальше. Смайт, его жена и сын были посланы в Бечуаналенд, где Лукасу предстояло сменить умершего от малярии священника.

Вдали от общества, в небольшом приходе в самом сердце владений племени эреро, Смайт превратился в религиозного тирана: это был мстительный божок, который требовал абсолютного самопожертвования и сурового покаяния за малейшее неповиновение. Отцу ничего не стоило выпороть Питера за то, что тот мямлил в конце молитвы, или оставить его без ужина, не прочитай он по памяти определенный псалом.

Когда приехали Смайты, вождь племени Самуил Маареро, крещеный несколькими десятилетиями ранее, пребывал в горячем споре с властями колонии, а потому Ренишское Общество Миссионеров попридержало коней и не послало в его владения немецкого священника на замену Самуилу. И это происшествие позволило Лукасу Смайту и его семейству в полной мере воспользоваться покровительством вождя, пусть даже Маареро и

сомневался в его шумных проповедях о неповиновении и адских муках.

Хоть юному Питеру доставляло удовольствие водить дружбу с многочисленными внуками вождя, жизнь подростка при столь почитаемом дворе была довольно однообразной, прерываясь лишь всплесками ужаса, когда некий дух овладевал отцом, и Питеру оставалось только бежать.

Так, в частности, он и спланировал свой побег, посвятив в его детали Ассу Маареро — одного из внуков вождя и своего лучшего друга. Однажды, как обычно, обсуждая с Ассой все новые и новые замыслы побега, Питер сделал для себя судьбоносной открытие.

Это произошло в рондовале, лачуге круглой формы, в которых эреро хранили фураж, когда их земли приносили слишком мало корма. Именно эта хижина служила для них с Ассой укрытием. И хоть Питер и бывал здесь уже не один раз, впервые он заметил, что хорошо утрамбованная земля вдоль стены, замешанной на траве и грязи, подкопана. Темный грунт тщательно уложили, но его острый глаз подметил неровности насыпи.

Питер раскопал его, обнаружив, что слой земли был совсем неглубок, а под ним скрывалось больше дюжины огромных глиняных пивных кувшинов, величиной с его голову и с воловьей шкурой вместо крышек. Он снял один из них с места. Кувшин был тяжелый, а внутри него что-то ощутимо сдвинулось.

Питер осторожно расслабил веревку, шедшую поверх шкуры по горлышку. Когда он слегка наклонил кувшин, несколько обычных на вид камешков высыпались ему в ладонь. Он встряхнул их на ладони. Хоть они и вовсе не походили на искусно ограненные камни, которые он видел на картинке в каком-то журнале, по бледному сиянию, что они испускали в лачуге, стало ясно: он держит в руке шесть чистых алмазов. Самый маленький из них был не меньше большого пальца, самый большой — дважды превосходил его в размере.

Тут Асса нырнул в дверной проем и увидел находку друга. Глаза его в ужасе расширились, он тут же бросил взгляд через плечо убедиться, что никого из взрослых рядом нет. За забором несколько мальчиков пасли скот, в нескольких сотнях ярдов от них шла женщина, водрузив на голову вязанку хвороста. Асса в прыжке приблизился к испуганному Питеру и выхватил кувшин из его рук.

— Что ты сделал? — прошипел он по-английски со странным немецким акцентом.

— Ничего. Клянусь, Асса, — виновато воскликнул Питер. — Я увидел лишь, что что-то закопано в землю, и просто хотел посмотреть. Только и всего!

Асса протянул руку, и Питер вложил камни в его ладонь. Засовывая их обратно под кожаную крышку, юный африканский наследник наказал ему:

— Под страхом смерти ты никогда никому не должен о них говорить!

— Это ведь алмазы, да?

Асса внимательно посмотрел на друга.

— Да.

— Но как же это? Ведь никаких алмазов здесь нет. Все они там, на мысу Колони, около Кимберли.

Асса сел напротив Питера, скрестив ноги. Внутри него шла борьба между клятвой, данной деду, и гордостью за успехи своего племени. Он был на три года младше Питера, всего лишь тринадцати лет от роду, поэтому, видимо, льстивое хвастовство юности и взяло в нем верх над торжественно данной клятвой.

— Я расскажу тебе, но ты никогда не должен более вспоминать об этом.

— Клянусь, Асса.

— Когда алмазы только были найдены, люди нашего племени спустились к Кимберли, чтобы работать на рудниках. По контракту они проработали год и вернулись с деньгами, что заплатили им белые, прихватив с собой и кое-что еще. Они украли камни.

— Но я слышал, что всех покидающих лагерь тщательно обыскивают.

— Все верно. Наши люди надрезали кожу и в рану прятали камни. А когда зашивали, ничего и заметно не было. По возвращении они вскрывали раны дротиками и подносили камни моему прадеду — вождю Камаареро, который и указал им путь на юг, к Кимберли.

— Асса, но некоторые из камней довольно большие, не может быть, чтобы их не разоблачили, — не унимался Питер.

Это рассмешило африканца.

— Некоторые из наших людей тоже довольно большие.

Но тут же Асса посерьезнел.

— Так продолжалось более двадцати лет, затем белые раскрыли хитрость, на которую пошли эреро. Сотню наших людей арестовали, обвинив в воровстве, и даже те, кто еще не прятал камни под кожу, не смогли избежать этой участи. Все они были убиты… Но придет время, и эти алмазы помогут нам сбросить ярмо немецкой метрополии с нашей земли, — сверкнули его темные глаза, — и тогда мы снова обретем свободу. А теперь поклянись мне еще раз, Питер, что ни одна живая душа не узнает об этих сокровищах.

Глаза Питера встретились с горящим взором друга, и он ответил:

— Клянусь.

Его клятве суждено было продлиться не больше года. Когда ему исполнилось восемнадцать, Питер покинул небольшой приход в сердце общины вождя. Никто не знал о его уходе, он не сказал даже матери, и от этого чувство вины тяготило душу. Теперь ей одной приходилось сносить праведные тирады отца.

Питер всегда чувствовал, что его организм достаточно вынослив. Он и Асса неоднократно пересекали пустыню, однако, когда он добрался до рынка, в пятидесяти милях от прихода, Питер был едва жив от жажды и истощения.

Там он и потратил пару бесценных монеток, которые сэкономил, покупая матери подарок на день рождения. Отец никогда не давал ему денег, считая, что лишь рождение Иисуса Христа заслуживает празднования.

Денег ему едва хватило, чтобы заплатить погонщику телеги, который возвращался на юг с грузом слоновой кости и засоленного мяса и согласился довезти Питера на упряжке двадцати волов до Кимберли. Погонщиком оказался пожилой человек в огромной белой шляпе, и Питер впервые видел такие густые бакенбарды, как у него. Вместе с Райдером ехали двое братьев, которым колониальные власти пообещали землю под пастбища, но, приехав туда, братья обнаружили, что она уже занята матабеле. Не желая вступать в схватку с воинственным племенем, они разумно решили возвращаться на юг. Также в этой компании Питер заметил тощего человека с ястребиным лицом по имени Джон Уарли.

За несколько недель их длинного утомительного пути Питер ни разу не задумался о том, что привело Уарли сюда, за много миль от метрополии. В одном он был уверен: ни под каким предлогом этому человеку доверять нельзя.

Однажды на привале после опасной переправы через реку, когда Питер спас одного из волов Райдера, запрыгнув на животное и поведя его верхом, как лошадь, Уарли достал откуда-то из тайника спиртное. Это было огненное бренди из метрополии, чистейший спирт. Но тогда, на привале, они впятером с легкостью опустошили две бутылки, сидя у костра и закусывая мясом гиены, подстреленной Тимом Уотерменом.

Это был первый раз, когда Питер пил алкоголь, и, конечно же, в отличие от остальных, его разморило сразу же после первых небольших глотков.

Разумеется, разговор не мог не зайти об алмазах, поскольку добыча полезных ископаемых была второй натурой людей в этих краях. Казалось, ежедневно кто-то нападал на след алмазных захоронений, золотых жил или угольного рудника и тут же сказочно богател.

Питер прекрасно знал, что должен был держать язык за зубами. Он поклялся Ассе. Но ему не хотелось казаться молодым и неопытным на фоне этих бывалых и умудренных опытом людей, говоривших о вещах, совершенно не известных ему. Они были разговорчивы, особенно Уарли и Эйч Эй, и Питер больше всего на свете хотел, чтобы эти люди его уважали. Поэтому он, обмякнув от бренди, поведал им о глиняных кувшинах, до отказа наполненных необработанный алмазами, что были запрятаны в лачуге вождя Маареро.

— Откуда ты знаешь, парень? — прошипел Уарли.

— Отец этого малого — проповедник во владениях эреро, — ответил Эйч Эй, взглянув на Питера.

— Теперь я вспомнил, где видел тебя. Я встречался с твоим отцом пару лет назад, когда приезжал обсудить с ним некоторые вопросы касательно охоты на его земле.

Он пристально окинул взглядом сидящих.

— Он живет среди эреро уже пять лет, да?

— Почти шесть, — гордо ответил Питер. — Эреро знают меня и поэтому доверяют мне.

Последующие пятнадцать минут они уже бурно обсуждали планы кражи этих пивных кувшинов. Питер согласился пойти на это только после того, как остальные пообещали взять строго по одному кувшину каждый, чтобы не обчистить эреро до нитки; иначе он не поведал бы им, где спрятаны камни.

На рынке, еще несколькими сотнями миль к югу, Райдер продал повозку и груз и сумел обеспечить всех хорошими лошадьми. Он уже обдумал маршрут от владений эреро, который будет их единственно возможным спасением, как только содеянное ими воровство раскроют. Рынок располагался вблизи недавно проведенной линии телеграфа. Путникам пришлось немного подождать, пока Райдер решит все вопросы с продавцом, которого он знал еще с Кейптауна. На это ему понадобилось около трех дней. Эйч Эй не стал торговаться, поскольку прикинул: либо он разбогатеет так, что сможет потом расплатиться по любым счетам, либо в Калахари его ожидает смерть, и тогда никакие счета ему не страшны.

Пробраться в рондовал казалось невозможным. Гонцы доложили вождю об их проникновении, как только они переступили границы его земли. Но вождю был знаком Эйч Эй, да и Лукас Смайт пожелал вернуть своего сына, хоть Питер и подозревал, какое «радушие» отец ему окажет, — уж в пору быть Иовом, нежели блудным сыном такого отца.

Путникам понадобилось около недели, чтобы добраться до стана самого вождя, где их гостеприимно встретил сам Самуил Маареро. Он почти час беседовал с Райдером на своем родном языке. Эйч Эй делился с ним последними новостями о происходящем за пределами его владений, поскольку сам Маареро по приказу немецких властей теперь находился в ссылке. В свою очередь, вождь сообщил Питеру о том, что его отец с матерью отправились в народ — обращать женщин и детей в христианство, и их ждут не ранее завтрашнего дня.

Вождь позволил путникам остаться на ночь, но не дал Райдеру согласия поохотиться на его территории, как и четыре года назад.

— Не судите человека за попытку, ваше высочество. Я ведь всего лишь спросил вашего разрешения.

— Это не попытка, а упрямство — порок белого человека.

Именно той ночью они проникли в рондовал и украли алмазы. На этот раз лачуга была до отказа заполнена сеном, и им пришлось потрудиться, чтобы добраться до камней. Когда Джон Уарли опрокинул уже второй кувшин в свой вьюк, Питер Смайт понял, что с самого начала его водили за нос. Братья Уотермен тоже опустошили несколько кувшинов, и только Эйч Эй сдержал слово, взяв содержимое всего лишь одного.

— Если ты не берешь, их возьму я, — прошептал в темноте Уарли, намекая на оставшееся богатство.

— Твое дело, — протянул Райдер. — Я человек слова.

Им не хватило сумок, чтобы забрать все камни, и когда они рассовали их по карманам и повсюду, куда только было можно, оставалось еще четыре больших полных кувшина. Эйч Эй тщательно перепаковал свою поклажу, чтобы по возможности лучше спрятать краденое. На рассвете они покинули жилище вождя, поблагодарив его за оказанное гостеприимство. Маареро спросил, хочет ли Питер что-нибудь передать матери. И все, на что оказался способен Питер, так это промямлить, будто ему очень жаль.

Устроившись на хребте дюны, неподалеку от колодца, Эйч Эй прикинул, какие у них шансы против людей вождя.

Когда те двинулись в путь вслед за ворами, их была целая армия: тысячи воинов, преследующих беглецов на своей же земле. Но уже через каких-то пять сотен миль изнурительный путь резко сократил их численность. Тем не менее, их оставалось не меньше сотни, и продвигались они с неимоверной скоростью, несмотря на адский голод и жажду. Солнце взошло уже достаточно высоко и лучами поигрывало на остро заточенных лезвиях их оружия.

Эйч Эй тронул Тима Уотермена за ногу, и оба они сползли к высохшему руслу какой-то древней реки, у которого остальные беспокойно сбились в кучу. Лошади уловили неожиданную перемену в настроении людей. Они шаркали копытами в песочной пыли и подергивали ушами, стараясь уловить надвигающуюся опасность.

— По лошадям, парни, — скомандовал Райдер, принимая поводья от Питера Смайта.

— Мы собираемся весь день ехать верхом? — спросил тот.

— Верно, парень. Иначе один из воинов Маареро украсит твоими внутренностями свою шляпу. А теперь в путь. Мы выигрываем лишь милю, и неизвестно, как долго лошади вынесут такую жару.

Райдер знал, что не найди они прошлой ночью воду, эреро уже растерзали бы их, словно свора диких собак. Ведь когда они остановились около вади, у Райдера оставалась всего лишь одна канистра воды.

Они выбрались из ущелья и повернули, тут же почувствовав, как палящее солнце принялось яростно обжигать их шеи.

В начале пути Эйч Эй вел их довольно быстрой рысью, что позволило им еще на несколько миль оторваться от следовавших за ними эреро. Солнце припекало песок и мгновенно иссушало пот путников, едва он успевал выступить. Под защитой широкополой шляпы Эйч Эй все равно вынужден был сильно щуриться, чтобы не ослепнуть от солнечного света, отражавшегося от дюн.

Пока Калахари стремительно превращалась в самую настоящую печь, лежать в тени было практически невозможно, но уж куда лучше, чем пытаться пересечь пустыню под бешеной атакой палящего солнца. И этот путь показался Райдеру самым тяжелым испытанием, что когда-либо преподносила ему жизнь. Зной и солнечный свет сводили с ума, и Райдера неотступно преследовало ощущение, будто его собственный мозг начинал закипать. Редкий глоток воды лишь обжигал горло и еще больше разъярял и без того мучительную жажду.

Время для них перестало существовать, и Райдер, с трудом собрав всю свою волю и выдержку в кулак, время от времени сверялся с компасом, чтобы не сбиться с западного направления. С таким скудным количеством местных ориентиров Райдеру приходилось более руководствоваться догадками и предположениями, нежели какими-либо действительными фактами, но в такой спешке другого выбора у них не оставалось.

Ветер, как и солнце, был их постоянным спутником. Эйч Эй прикинул, что они должны быть не далее чем в двадцати милях от побережья Атлантического океана, и в любой момент может повеять легкий океанский бриз, но горячий пустынный ветер по-прежнему налетал на них сзади. Райдеру лишь оставалось уповать на то, что компас исправно работал, и стрелка его, которая должна была вывести их на запад, не заводила еще дальше, в самое сердце раскаленной пустыни. Он беспрестанно сверялся с компасом, радуясь уже тому, что никто не мог видеть отпечаток растерянности и напряженности на его лице.

Ветер усиливался, и когда Райдер оглянулся, чтобы проверить идущих позади людей, ему было видно, как ветер сдувает верхушки дюн. Большие облака песка неустанно путешествовали с хребта на хребет, с дюны на дюну. Сдуваемый ветром песок жалил его кожу и заставлял слезиться глаза. Как все это ему осточертело. Они двигались в нужном направлении, тогда как ветер всячески препятствовал им. Если песчаная буря застанет их так, без должного укрытия, шансы на выживание будут сведены к нулю.

Райдер отклонил призыв путников остановиться на привал и соорудить навес, мотивируя свой отказ тем, что, с одной стороны, их может настигнуть сильнейшая песчаная

буря, и никакой навес их не спасет, тогда как преследующие их разъяренные эреро не успокоятся, пока воры не будут перебиты. А с другой стороны, побережье совсем близко.

Солнце должно было зайти уже через час. Райдер, повернувшись спиной к ветру, направил лошадь вперед. Несмотря на слабость, животное, естественно, передвигалось быстрее человека.

Достигнув вершины одной из самых безликих и непримечательных дюн, Эйч Эй внезапно осознал, что пустыня кончилась: за ней простирались мутно-серые воды Атлантического океана, и впервые ему довелось вдохнуть его сильный, насыщенный йодом запах. Накатывающие волны сбивались в белую пену, с грохотом обрушиваясь на просторные океанские побережья.

Райдер спешился. Его спина и ноги болели от долгого изнурительного пути. Сил на бурную радость у него уже не осталось, и он тихонько стоял на берегу. И все же слабая тень улыбки в уголках его губ поигрывала на солнце, пока могучее светило опускалось в холодные темные воды.

— Что случилось, Эйч Эй? Почему ты остановился? — Окликнул его Тим Уотермен, все еще взбираясь вслед за Райдером, почти в двадцати ярдах от него.

Эйч Эй глянул вниз на с трудом карабкающуюся фигуру и увидел, что брат Тима здорово от него отстал. Чуть дальше молодой Смайт повис на спине своей лошади, пока животное едва передвигало копыта вслед за остальными лошадьми. А Джона Уарли еще даже не было видно.

— Мы спасены!

Этого было достаточно. Тим пришпорил лошадь для последнего рывка и, собственными глазами увидев океан, издал победный клич. Соскочив с лошади, он стиснул проводника в объятиях.

— Ни на секунду не сомневался в вас, мистер Райдер. Ни на единую секунду.

Эйч Эй не удержался от смеха.

— А стоило бы. Доверять мне — все равно что доверять дьяволу.

Через минут десять подтянулись и все остальные. Уарли выглядел хуже всех, и Эйч Эй усомнился, что тот экономно расходовал свои питьевые запасы, выпив, наверное, еще утром большую часть воды.

— Так, значит, мы уже у океана, — прорычал Уарли, стараясь перекричать гул ветра. — И что теперь? За нами по-прежнему гонится толпа разъяренных дикарей, и, к твоему сведению, мы не можем пить эту воду, — трясущимся пальцем указал он в сторону океана.

Пропустив мимо ушей его тон, Эйч Эй вынул подзорную трубу и навел ее на заходящее солнце.

— Там на берегу есть один высокий холм, где-то в миле от нас. Нам нужно быть на нем через час.

— И что же там будет?

— Увидите, если я уж такой замечательный проводник, как вы говорите.

Дюна, на которую они взобрались, казалась высоченной. Она на двести метров возвышалась над побережьем, а ветер на ее гребне был такой чудовищной силы, что даже лошадей гонял по кругу. Воздух стремительно наполнялся пылью, и чем дольше они стояли, тем толще и непрогляднее, казалось, становился ее слой. Райдер поручил Уарли и братьям Уотермен наблюдать за северной частью побережья, в то время как они с Питером следили за южной.

Солнце село, да и карманные часы Райдера уже показали семь. Их должно уже быть видно. Плохое предчувствие шевельнулось в нем. Конечно, это было слишком: пересечь сотни миль безжизненной пустыни, да еще и рассчитывать на то, что они сразу же попадут в нужное им место. Они могли быть еще в сотнях миль от тех, с кем должны были встретиться.

— Вон там. Смотрите, — внезапно прокричал Питер указывая в темноту.

Эйч Эй, приглядевшись, рассмотрел небольшое красное свечение, словно кто-то зажег лампочку там, далеко впереди, на берегу. Через миг сияние исчезло.

Стоя на берегу, на уровне моря, можно окинуть взглядом окружающие просторы примерно до расстояния трех миль, прежде чем ландшафтные изгибы полностью закроют видимость. Проведя их на отвесный берег, Райдер почти до девятнадцати миль увеличил поле их зрения. Если взять в расчет ту высоту, с которой подавался сигнал, то Эйч Эй мог предположить, что их встреча должна была состояться примерно двадцатью милями дальше по берегу.

Все-таки он вывел их через труднопроходимую пустыню практически к намеченной цели. По крайней мере, она была в зоне их видимости — это ли уже не самый настоящий подвиг.

Путники не спали уже двое мучительных суток, но с мыслью о том, что тяготы вот-вот подойдут к концу, а там их ожидает щедрое вознаграждение, они, воспрянув духом, стойко преодолели последние мили пути. Отвесные дюны пока закрывали океан от набиравшей силу песчаной бури, но пыль и песок уже оседали на океанской глади и растворялись в ней. Некогда белые песчаные хребты теперь потемнели, а вода, отяжелев от песка, напоминала тягучую, ленивую массу.

В полночь они увидели огни небольшого судна, вставшего на якорь в сотне ярдов от берега. Это был грузовой корабль длиной не более двух сотен ярдов, со стальным каркасом и угольной топкой. Небольшая надстройка виднелась на корме, в то время как в передней части судна на четырех держателях располагалась высокая дымовая труба, поддерживаемая парой длинных кранов. Буря уже атаковала корабль, и Эйч Эй не мог рассмотреть, топили ли еще его котлы. Луна практически скрылась во взвившемся в воздух песке, и не было видно, идет ли из трубы дым.

Когда они поравнялись со стоявшим в воде кораблем, Эйч Эй вынул небольшую сигнальную петарду из своего вьюка — единственную вещь, помимо камней и самого необходимого, которую он не решился тогда оставить. Он зажег ее и, размахивая ею над головой, закричал что было мочи, стараясь побороть штормовой гул. Остальные поддержали его в надежде, что через несколько минут будут спасены.

Прожектор на откидном трапе неожиданно зажегся, и его свет, прорезая песчаную бурю, остановился на путниках. Они скакали в мощном луче, тогда как лошади боязливо отступили, остерегаясь холодного света. Минуту спустя небольшая лодка была спущена с креплений, и два гребца, мастерски работая веслами, в мгновение ока пригнали ее к берегу. На корме лодки виднелась фигура третьего человека. Путники кинулись к шлюпке поприветствовать находившихся в ней гребцов, едва ее киль уткнулся в песок.

— Это ты, Эйч Эй? — раздался голос.

— Чарли, черт возьми! Да ты ли это?

Чарлз Тернбах, старший помощник капитана, спрыгнул с лодки прямо в воду и, стоя по колено в воде, произнес:

— Ну, что? Самая глупая выдумка, что мне когда-либо доводилось слышать, или ты на самом деле сделал это?

Эйч Эй показал один из своих седельных вьюков. Он даже потряс его, но в бушевавшей непогоде едва ли можно было услышать глухое грохотание камней.

— Скажу только, вы сюда не зря забрались. Сколько вы нас уже ищете?

— Мы встали здесь на якорь около пяти дней назад и все эти дни ровно в семь, как договаривались, пускали сигнальные петарды.

— Тогда проверь бортовой хронометр. Он на минуту запаздывает.

Райдер, не тратя время на представление остальных экипажу, сразу перешел к делу.

— Слушай, Чарли, у нас на хвосте около сотни разъяренных эреро, и я буду рад поскорее отсюда убраться.

Тернбах кивнул и стал помогать измученным путникам залезать в лодку.

— Ты знаешь, вообще нам не составит труда отойти от берега, но выбраться отсюда

пока не удастся.

Рука Райдера застыла на его покрытом грязью форменном костюме.

— В чем дело?

— Мы сели на мель во время отлива. Но с приливной волной будем свободны. Не беспокойся.

— Постой. Еще кое-что. У тебя есть револьвер?

— Что? Зачем?

Эйч Эй кивнул головой в сторону сбившихся в кучу лошадей, еще более ужасаясь усилению бури.

— Я думаю, у капитана должен быть, — ответил Тернбах.

— Я твой должник, если ты достанешь мне его.

— Но ведь это всего лишь лошади, — не удержался Уарли, скрючившись в лодке. — Которые заслуживают большего, чем быть убитыми на этой забытой Богом земле за все, что они для нас сделали.

— Пистолет будет, — ответил Чарли.

Эйч Эй помог подтолкнуть лодку, так что она свободно заскользила по воде, а сам остался рядом с лошадьми, успокаивая их, поглаживая по морде и шее. Тернбах вернулся минут через пятнадцать и молча сунул ему в руку пистолет. Минуту спустя Райдер уже сидел в лодке, уносившей его к грузовому кораблю.

Он нашел своих подопечных в офицерской кают-компании. Они уплетали еду и поглощали воду с неимоверной скоростью, так что вскоре даже более-менее ожили. Эйч Эй же пил осторожными глотками, позволяя своему организму заново привыкнуть к такому обилию воды. Когда Эйч Эй отправил в рот первую ложку жаркого, в маленькую комнату вошел капитан корабля Джеймс Керби в сопровождении Чарли и корабельного инженера.

— Эйч Эй Райдер, ты любую кошку переживешь на этой планете, — прогремел голос капитана.

Это был поистине невероятных размеров человек с темной густой шевелюрой и длинной бородой.

— И если бы я не знал, что это ты послал этот чертов сигнал, видит Бог, я бы, не раздумывая, приказал отчалить.

Двое мужчин горячо пожали друг другу руки.

— Что ж, за ту награду, что тебе причитается, могу поклясться, ты бы прождал вечность.

— Кстати, о награде, — одна из густых бровей Керби многозначительно поползла вверх.

Райдер спустил свой вьюк на пол и сделал вид, будто пытается расслабить его тугие веревки. На самом же деле он тянул время, позволяя себе насладиться все нарастающей алчностью, исходящей от членов экипажа. Он откинул крышку вьюка, немного пошарил в нем в поисках наиболее достойного камня и положил его на стол. Словно по команде, окружающие от удивления раскрыли рты. Кают-компания освещалась лишь парой лампочек, свисавших с крючков на потолке, но даже этот тусклый свет настолько ярко отразился от драгоценного камня, что казалось, будто радуга озарила небольшую комнату.

— Это возместит причиненные неудобства? — с беспристрастным лицом вопросил Райдер.

— Вполне, — выдохнул капитан, осторожно дотронувшись до камня.

В шесть утра следующего дня кто-то грубо растолкал Райдера. Он попытался отмахнуться, повернувшись на другой бок, насколько позволяла крошечная кушетка, но тщетно.

— Эйч Эй, черт возьми, проснись.

— Что такое?

— У нас проблемы.

Ужас в голосе Тернбаха моментально привел Райдера в чувство. Он слетел с кушетки, одеваясь на ходу. Пыль щедро оседала повсюду, пока он натягивал свою одежду.

— В чем дело?

— Ты должен увидеть это собственными глазами.

Было слышно, что шторм набирался неимоверной мощи. Ветер выл настолько пронзительно, что казалось, будто это разгневанный зверь пытается прорваться внутрь корабля, но еще более хищные порывы ветра непрестанно бросали его из стороны в сторону. Тернбах отвел Райдера на капитанский мостик. Сумрачный свет еле пробивался сквозь порывы ветра, и с носа «Бродяги», а именно так назывался корабль, было видно лишь на полторы сотни футов. Эйч Эй мгновенно понял, в чем опасность. Шторм нанес столько песка на палубу, что он намертво пригвоздил судно ко дну, и никакой прилив теперь не дал бы им сдвинуться с места. Что еще хуже, некогда отделявшая их от берега сотня ярдов теперь сократилась более чем наполовину.

Калахари и атлантический океан сцепились в своей вечной схватке за территорию — жестокая битва разрушительных океанских вод против устрашающих масс песка, коими пустыня щедро осыпала своего противника. Эта война тянется еще с незапамятных времен, каждый раз оканчиваясь изменением береговой линии, поскольку песок всегда находит какой-либо слабый проток или пользуется временем отлива, отвоевывая фут, ярд или даже милю пространства для своей госпожи. И что ни говори, этим атлантам нет совершенно никакого дела до крохотного корабля, пойманного в одной из их безжалостных схваток.

— Мне нужен каждый, кто способен копать, — проревел Керби. — Иначе, если шторм не стихнет, с наступлением ночи корабль будет погребен под песком.

Тернбах и Райдер отделились от команды и, вооружившись лопатами для угля из инженерной, кастрюлями из кухни, баками из капитанской уборной, бросились в сердце бури. Непосильная работа сковала их лица, а ветер был настолько сильным, что разговаривать было невозможно, и они рьяно принялись вычерпывать песок за борт. Они сражались со стихией, проклиная ее, так как казалось, что за каждую выброшенную за борт полную лопату песка она в тысячи раз больше швыряла им обратно в лица.

Все равно что пытаться удержать отлив. Только им удалось очистить один из люков дымохода, как остальные три были уже до отказа завалены песком. Пятеро путников и экипаж корабля из двадцати человек были не в силах справиться с бурей, что уже проделала путь в тысячи квадратных миль по выжженной земле. Видимость была практически сведена к нулю, и мужчины работали вслепую, крепко зажмурив глаза от жгучего песка, что атаковал «Бродягу» со всех сторон.

Спустя час неистового труда Эйч Эй решил проведать Чарли.

— Все это бесполезно. Нам остается только ждать и уповать на то, что шторм скоро утихнет. — Даже прокричав Чарли прямо в ухо, ему пришлось трижды повторить это слова, чтобы преодолеть пронзительный вопль ветра.

— Ты прав, — прокричал в ответ Чарли, и они отправились созывать людей.

Вся команда вновь собралась под навесом, на каждом шагу подвергаясь песчаному обстрелу. Эйч Эй и Джон Уарли последними спустились в люк. Эйч Эй — чтобы убедиться, что никого больше не осталось, а Уарли — оставаясь верным своей крысиной хитрости всегда уходить последним: вдруг можно будет чем-нибудь поживиться.

Внутри почти так же хорошо был слышен оглушительный рев ветра.

— Господь Всемогущий, помилуй нас, — слезно взмолился Питер Смайт, потрясенный неистовством природы, что восстала против них.

— Мы никого не забыли? — спросил Чарли.

— По-моему, нет, — обессилено прислонившись к навесу, ответил Райдер.

Чарли принялся пересчитывать своих людей, как внезапно послышался резкий стук по крышке люка.

— Господи, кто-то все еще там, наверху, — в ужасе воскликнул чей-то голос.

Уарли был ближе всех к люку, он и открыл щеколду. Как только буря ворвалась

внутрь, порыв ветра с силой хлопнул крышкой о стену, содрав с нее краску. Снаружи никого не оказалось. Похоже, это был кусок обшивки, сорванный ветром и стучавший по крышке люка.

Уарли бросился закрывать люк, и это ему практически удалось, как вдруг блестящий серебряный клинок почти на ладонь высунулся из его спины, легко пройдя сквозь тело. Кровь закапала с наконечника топора, а когда кто-то вынул его из раны, забрызгала остолбеневших членов команды. Джон свалился на пол, его рот беззвучно двигался, а по рубашке растекалась алая кровь. Темная фигура, с перьями и повязкой на талии, переступила через Уарли. В ее руках был зажат окровавленный топор. Позади нее стояла толпа отборных воинов, чьи боевые кличи по праву соперничали с оглушительным буйством природы.

— Эреро, — обреченно прошептал Эйч Эй, и дикари ворвались внутрь.

Штормы такой силы часто буйствовали в этой части Африки, навсегда изменяя облик ее юго-западного побережья. Там, где некогда процветали бухты, теперь белели песчаные полуострова, вдаваясь в холодные воды южной Атлантики. Континент разросся где-то на пять, где-то на десять миль, когда Калахари одержала очередную крупную победу в схватке со своим игривым противником. Карту следовало бы вновь переписать на несколько сотен миль вверх и вниз по побережью, если кому-то когда-либо пришло в голову обозначить на карте это проклятое место. Всякий моряк прекрасно знал, что ему следовало держаться как можно дальше от этого оплота вероломной морской стихии.

А что до «Бродяги» и тех, кто был на борту, то вышел официальный приказ считать судно пропавшим без вести. И эта была почти чистейшая правда, с той только разницей, что «Бродяга» был погребен не под толщей воды, а под огромным слоем белейшего песка примерно в восьми милях от того места, где ледяные воды течения Бенгела разбивались об африканское Побережье Скелетов.

Глава 2

Исследовательская лаборатория компании «Меррик и Сингер».
Женева, Швейцария.
Наши дни.

Сьюзен Донливи сидела сгорбившись, словно стервятник над жертвой, над окуляром своего микроскопа и следила за действом, что разворачивалось на ее глазах, ощущая себя словно богиня греческой мифологии, развлекающаяся боем смертных. В каком-то смысле ощущения не обманывали ее, поскольку то, что лежало на предметном стекле, создала она сама. Это был сотворенный ею организм, в который она вдохнула жизнь, как боги некогда даровали жизнь человеку.

Вот уже около часа женщина сидела не двигаясь, охваченная восхищением от увиденного, потрясенная настолько положительными результатами практически в начале своей работы. Игнорируя всяческие лабораторные принципы, идя на поводу собственного внутреннего голоса, Сьюзен Донливи вынула стекло из микроскопа и положила перед собой на рабочее место. Она подошла к холодильной камере, стоявшей у стены, и достала одну из множества склянок с водой, поддерживаемой при строго определенной температуре.

Воду держали в охладителе не более суток. Необходимость в свежей воде была одним из самых важных и дорогостоящих принципов ее эксперимента.

Она сняла крышку и почувствовала солоноватый запах океанской воды. Пипеткой взяла небольшое количество и капнула на предметное стекло. Установив его в микроскоп, она погрузилась в мир одноклеточных существ. Образец бурлил жизнью. Всего лишь в нескольких миллилитрах воды присутствовало огромное количество зоопланктона и диатомовой кремниевой водоросли — одноклеточных веществ, что были первыми звеньями в цепи питания всего океана.

Крошечные организмы и водоросли были похожи на те, что она изучала ранее, только они еще не были генетически модифицированы.

Удостоверившись в том, что микроорганизмы не погибли при транспортировке воды, она налила немного в мензурку. Держа ее над головой, она могла рассмотреть несколько экземпляров водоросли на ярком свету ламп. Сьюзен была так сосредоточена на работе, что не услышала, как дверь в лабораторию отворилась.

— Что вы там нашли?

Она вздрогнула и чуть не выронила мензурку.

— Доктор Меррик. Я не слышала, как вы вошли.

— Сколько раз можно вам говорить, что для всех сотрудников лаборатории я Джефф.

Сьюзен слегка нахмурилась.

Джеффри Меррик был неплохим парнем, но ей не нравилась его чрезмерная простота и любвеобильность, словно он хотел каждому дать понять, что его миллиарды не помеха общению с ним как с обычным человеком. Особенно это задевало простых штатных сотрудников, все еще трудящихся на свою докторскую степень.

Ему недавно перевалило за пятьдесят, но он был в отличной форме, поскольку круглый год катался на лыжах, а когда лето наступало и в Альпах, он ехал покорять снега Южной Америки. Кроме того, он сходил с ума по своей внешности, и кожа его была гладкой благодаря многочисленным подтяжкам. Получив докторскую степень, он оставил работу в лаборатории и теперь руководил исследовательской компанией.

— Это и есть ваш водяной эксперимент, с которым ваш начальник обратился ко мне несколько месяцев назад? — спросил Меррик, вынимая мензурку из рук Сьюзен и рассматривая ее.

Сьюзен не могла ничего придумать, чтобы он поскорей убрался из лаборатории, и ей ничего не оставалось, как ответить:

— Да, доктор. То есть Джефф.

— Когда мне предоставили идею вашего эксперимента, она показалась мне довольно интересной, но я до сих пор не понимаю, в чем состоит его польза, — сказал Меррик, возвращая мензурку.

— Впрочем, мы все этим здесь занимаемся. Идем на поводу наших прихотей и с интересом наблюдаем, к чему они нас приведут. Как продвигается эксперимент?

— Я думаю, что все в порядке, — ответила Сьюзен, в ней просыпалось беспокойство, поскольку, хоть Меррик был довольно любезен, что-то в нем настораживало ее. Честно говоря, много было тех, кто настораживал ее, начиняя от босса и заканчивая старушкой, у которой она снимала квартиру, и продавцом в магазинчике, где она покупала кофе.

— Когда вы вошли, я собиралась провести один ненаучный эксперимент.

— Ну что ж, давайте-ка поглядим на него. Продолжайте.

Мелкая дрожь охватила Сьюзен, и она поспешила опустить мензурку в подставку.

Женщина взяла стекло с образцом выведенного ею фитопланктона и захватила несколько его капель чистой пипеткой. Затем осторожно впрыснула ее содержимое в мензурку.

— У меня вылетели из головы подробности вашего эксперимента, — сказал Меррик, становясь позади нее. — Что мы должны здесь увидеть?

Сьюзен постаралась скрыть, что его излишняя близость ставила ее в неловкое положение.

— Как вам известно, эти водоросли, как и фитопланктон, содержат клетку кремния. Я хочу растворить стенки этой клетки и дать ее питательному живительному соку распределиться по вакуоли. Разработанные мною образцы должны взаимодействовать с образцами, находящимися в воде, и, следовательно, размножаться, и если все пойдет нормально…

Сьюзен замерла, вновь бросив взгляд на мензурку. Она надела защитную перчатку, чтобы взять колбу, и, когда наклонила ее, вода, вместо того чтобы вылиться, осталась на

стенке вязким, словно сливочное масло, веществом. Она еще больше наклонила пробирку, пока немного вещества не капнуло на стол.

Меррик захлопал в ладоши, словно ребенок, которому только что продемонстрировали фокус.

— Воду вам удалось превратить практически в гель.

— Пожалуй, что так. Водоросли всасывают воду и, тем самым, словно превращают ее в густое межклеточное вещество. Но вода отнюдь не меняет свою структуру: она всего лишь растворяется в клеточном соке водоросли.

— Будь я проклят! Сьюзен, вы гений.

— До настоящего успеха еще далеко. Данная реакция идет с выделением энергии, если все условия соблюдены. Поэтому-то мне и нужна эта перчатка с толстым защитным слоем. И гелеобразный состав спустя двадцать четыре часа разрушается, так как выведенные мною водоросли погибают. Я не могу понять, почему так происходит. Знаю, что дело в химическом составе моих образцов, но не могу найти, где допустила ошибку.

— И все же я настаиваю — вы на пороге блестящего открытия. И, я полагаю, у вас уже есть соображения, в какой сфере оно нам будет полезно. Не пришла же вам идея превратить воду в гель просто так. Когда мы с Дэном Сингером только начинали работать над проектом органического задержания выброса серы, мы считали, что это поможет атомным электростанциям сократить выделение опасного вещества в атмосферу. А значит, и вы не так просты, как хотите казаться.

Сьюзен не следовало бы попадаться на эту удочку.

— Вы правы. Мне кажется, что результат моего эксперимента можно было бы использовать для предотвращения разливов нефти в случае аварий или создания специальных резервуаров вблизи шахт и рудников, а также на заводах по очистке воды.

— Конечно же. Я и не сомневался в этом. Вы же родом с Аляски. Я помню из вашего личного дела.

— Да. Сьюард, Аляска.

— Стало быть, вы тогда подростком застали то печально известное происшествие, когда танкер «Эксон Валдис» напоролся на риф, и от обширного разлива нефти сильно пострадал залив Принца Уильяма. Это, должно быть, круто изменило вашу жизнь. Тяжелые были времена.

Сьюзен вздрогнула под наплывом воспоминаний.

— Да нет, в принципе. Мои родители держали небольшой отель, а поскольку приезжало огромное количество ученых и бригад по очистке, дела у нас шли довольно хорошо. Но у меня было много друзей, чьи семьи действительно пострадали, а некоторые и вовсе потеряли практически все. Вот у моей лучшей подруги родители даже развелись, так как ее отец потерял работу, когда закрылся консервный завод.

— Значит, за этим экспериментом стоит много личного.

Сьюзен возмутил его снисходительный тон.

— Я считаю, что всякое дело, касающееся защиты окружающей среды, близко каждому, кто о ней заботится.

Это заставило Меррика улыбнуться.

— Вы знаете, о чем я. Таких, как вы, много. Ученый в области онкологии, потерявший одного из родителей, страдавшего от лейкемии, или парень, ставший пожарным, так как однажды в детстве пожар случился в его доме. Вы вступили в схватку с темной стороной вашего детства.

Сьюзен ничего не ответила, и Меррик понял, что был прав.

— Нет ничего плохого в том, что ваше прошлое подвигло вас на данный эксперимент, как заставило других бороться с раком или пожарами, а в вашем случае — с кошмаром из детства. Вы, тем самым, целиком и полностью отдаетесь вашей работе, в отличие от тех, кто старается лишь ради денег. Я рад за вас, и, судя по успехам, думаю, вы на верном пути.

— Благодарю, — робко ответила Сьюзен. — Работы еще предстоит очень много, ведь

маленький образец в пробирке экспериментатора — ничто по сравнению с огромным нефтяным пятном.

— Воплощайте ваши идеи — все, что я могу сказать. Повинуйтесь любым их капризам.

Из уст любого другого эти слова прозвучали бы банально, но Джеффри Меррик произнес их с искренностью и очень убедительно.

Сьюзен подняла глаза впервые после того, как он вошел в лабораторию.

— Спасибо… Джефф. Это много для меня значит.

— Кто знает, что там впереди. Когда мы запатентовали наш сероочиститель и оказалось, что сера все равно попадает в воздух, я остался не у дел. Может, вам удастся спасти мою репутацию.

Выходя, он улыбнулся.

Когда он ушел, Сьюзен, надев перчатки, взялась за своё детище. Достав пробирку, она снова наклонила ее. С момента реакции прошло где-то около десяти минут, и теперь вода на донышке мензурки словно приклеилась к стеклу. И только опрокинув пробирку, Сьюзен добилась того, что жидкость начала медленно стекать к краям, будто охлажденная патока.

Перед глазами у Сьюзен вставали мертвые выдры и чайки, и она с еще большим усердием принялась за работу.

Глава 3

Река Конго.
Южный Матади.

Когда-нибудь джунгли все-таки проглотят покинутую плантацию и пирс, что на триста футов пролегает вдоль берега реки. Главная станина этой пристани, в миле от берега, уже уступила разрушительному воздействию природы, стены и основание прогнили, а растительность стала ее полноправной обитательницей. Это было лишь делом времени. Пристань размыло, а огромных размеров склад, находившийся на берегу, практически разрушился: уже давно его крыша прогнулась, и теперь всю металлическую конструкцию сплошь испещрила ржавчина. Это покинутое всеми место, взятое под опеку призраками, не могло оживить даже мягкое серебристое сияние убывающей луны.

Массивное грузовое судно, рядом с которым даже склад казался карликом, медленно приставало к пирсу. Корабль сносило сильным в этих местах течением, и река пенилась от мощной работы двигателей, старавшихся не позволить кораблю уйти вниз. Требовалось немалое мастерство, чтобы под напором этих пользующихся дурной славой потоков и коварных водоворотов Конго удержать судно на месте.

Прижимая рацию ко рту и размахивая свободной рукой, капитан приблизился к правому борту корабля, чтобы корректировать действия рулевого и машиниста. Дроссели были сдвинуты так, чтобы сохранить данную позицию судна длиной не менее пятисот шестидесяти футов.

Группа солдат в рабочем обмундировании с палубы наблюдала за этой трудоемкой операцией. Все они, кроме солдата с внушительной кобурой у бедра, были вооружены автоматами «АК-47». Он похлопывал по бедру кожаным хлыстом для верховой езды и, несмотря на темень, что окружала их, развлекал себя тем, что рябил им отражавшиеся в воде тени моряков.

Капитан был крупный чернокожий мужчина в кепке, скрывавшей бритую голову. Мышцы груди и рук проступали сквозь белую униформу. С ним на мостике стоял еще один человек: несколько ниже и не такой мускулистый, но казалось, что командовал на корабле именно он. Власть и могущество исходили от его внимательных глаз и от свободной манеры держаться. Поскольку оба они стояли на мостике, что примерно на три этажа возвышался над остальными, услышать их разговор не было никакой возможности. Капитан подтолкнул своего помощника, который, казалось, был более увлечен созерцанием группы вооруженных

солдат, нежели опасным маневром корабля.

— Сдается мне, наш мятежного духа капитан принципиально передал командование?

— И занялся более насущными делами: хлыстом и тенями, — согласился тот.

— Несомненно, мы не должны вести себя так, как ожидают от нас другие. Я имею в виду нашего капитана Линкольна. Какое шоу он здесь учудил со всей этой беготней и переговорами по рации.

Линкольн бросил взгляд на рацию, зажатую в его огромной ладони. В этом небольшом устройстве даже не было батареек. Он тихонько усмехнулся. Будучи самым старшим по званию афроамериканцем в команде, он был выбран настоящим капитаном корабля Хуаном Кабрильо исполнить его роль в данной операции. Кабрильо знал, что Самуэль Макамбо, лидер конголезской Армии Революции, будет, естественно, более расположен к человеку с таким же цветом кожи, как и у него.

Линк, вновь бросив взгляд за палубное ограждение и убедившись, что корабль стойко удерживает свои позиции, удовлетворенно промычал в ночь:

— Теперь все в порядке.

— Отдать концы на носу и на корме.

Палубные матросы в передней и задней части корабля опустили тяжелые канаты через шлюзы. По кивку капитана двое повстанцев, сняв ружья, привязали их к покрытым ржавчиной швартовым тумбам. Лебедка медленно поднялась и мягко ударилась о старые шины от грузовиков, исполняющие роль ограждения. А река все так же продолжала пениться под работающими на реверсе, чтобы дать судну удержаться на месте, двигателями. Иначе корабль с корнем бы выдрал эти швартовые тумбы и унес их по течению.

Кабрильо потребовалась всего лишь секунда, чтобы оценить состояние корабля, силу течения, сопротивление воздуха и мощь работающего двигателя, лишь окинув все это взглядом. Удовлетворившись увиденным, он кивнул Линку:

— Теперь за дело.

Двое поднялись по корабельному мосту. Кабина освещалась парой красных ночных ламп, что придавало ей некий дьявольский вид, а ее обветшалость и еще более бросалась в глаза. Грязный линолеум на полу потрескался и отслаивался по углам. Иллюминаторы, снаружи покрытые соляной коркой, внутри покрывались щедрым слоем пыли. Кольца иллюминаторов служили могилой тысячам убитых насекомых. Одна из магнитных стрелок потускневшего латунного телеграфа вышла из строя много лет назад, а в рулевом колесе отсутствовало несколько спиц. Судно было оснащено всего лишь несколькими навигационными приспособлениями, а радио в рубке едва обеспечивало связь на расстоянии десятка миль. Не особо привлекательная картина. Но так было лишь на первый взгляд.

Кабрильо подал знак рулевому — недюжинной силы китайцу, тридцати с небольшим лет от роду, и тот ему криво улыбнулся. Кабрильо и Франклин Линкольн сошли по нескольким слабо освещенным трапам и вскоре появились на центральной палубе, где их уже ждал один из членов экипажа.

— Готов поиграть в джунглях, Макс? — приветствовал его Хуан.

Шестидесятидвухлетний Макс Хенли был вторым по возрасту членом команды, но выглядел не старше пятидесяти. Мужчина заметно полысел, теперь голову его окаймляла рыжего цвета поросль, и он немного поправился. Но в боях Макс был по-прежнему хорош и состоял в команде Кабрильо с тех самых пор, как Хуан основал свою Корпорацию, владевшую и распоряжавшуюся этим грузовым судном. Это была настоящая дружба, вскормленная взаимным уважением и постоянной опасностью.

Хенли поднял дипломат, лежавший на изъеденной ветхостью палубе.

— Тебе известна их позиция. Алмазы — лучшие друзья торговцев. Они их так просто не отдадут.

— В жизни ничего подобного не слышал, — произнес Линк.

— Ну, им не составит труда повторить.

Этой сделке предшествовал целый месяц тайных встреч и шпионажа. Однако сделка

была вполне официальной. В обмен на четверть фунта чистых алмазов Корпорация Кабрильо обязалась поставить Конголезской Армии Революции пятьсот автоматов «АК-47», пятьдесят гранатометов и пятьдесят тысяч патронов калибра 7,62. Макамбо не интересовался, откуда у экипажа корабля столько оружия и боеприпасов, а Хуан, в свою очередь, и знать не хотел, где предводитель повстанцев раздобыл алмазы. Но Кабрильо не сомневался, что это алмазы, потом и кровью добытые рабами для финансирования революции.

Имея возможность призвать в армию уже тринадцатилетних подростков, Макамбо более заботился о вооружении, нежели об армии как таковой, поэтому с таким количеством оружия, что доставили нынче, у него появился весьма неплохой шанс свергнуть практически потерявшее авторитет правительство.

Один из матросов опустил трап, и Линк в сопровождении Кабрильо и Хенли сошел на пристань, где с небольшой охраной их ожидал присланный Макамбо офицер. Он приблизился к Франклину Линкольну и поспешно его приветствовал. И Линк, в свою очередь, отдал ему честь, дотронувшись до козырька своей кепки.

— Капитан Линкольн, я полковник конголезской Армии Революции Райф Абала. — Полковник говорил по-английски с гремучей смесью французского и своего местного акцентов. Голос его был ровный, без единого намека на интонацию. Он не снял солнцезащитных очков и продолжал постукивать своим хлыстом по бедру.

— Полковник, — произнес Линк, поднимая руки, пока адъютант с покрытым оспинами лицом обыскивал его.

— Наш верховный командующий, генерал Самуил Макамбо, низко кланяется и приносит вам свои извинения за то, что не может принять вас лично.

Макамбо в данный момент находился на одной из секретных баз где-то глубине джунглей, откуда руководил восстанием уже около года. Он не появлялся с того самого времени, как расстрелял десятерых солдат, посланных правительством ликвидировать его, тем самым лишив центральное командование возможности подсылать к нему своих людей. Подобно Бен Ладену или Абимаэлю Гузману, Макамбо, бывший лидер перуанской революционной группировки, еще более укоренился в своих повстанческих призывах, почувствовав свою непобедимость и переступив через кровь тысяч людей, пытавшихся с ним бороться.

— Оружие у вас? — Это было скорее утверждение, нежели вопрос.

— Вы получите его, как только мой помощник проверит камни. — Линкольн махнул в сторону Макса.

— Как мы и договаривались, — ответил Абала.

На пристани поставили стол, освещаемый лампой от переносного генератора. Абала сел на один из стульев, положив хлыст на столешницу. Перед ним лежала коричневая джутовая сумка с логотипом какой-то французской пищевой компании. Макс сел напротив африканского повстанца и занялся изучением содержимого сумки, предварительно вынув электронные весы, несколько гирек, и пластмассовых мерных цилиндров с прозрачной жидкостью в них. Также в его распоряжении было несколько блокнотов, карандашей и калькулятор. Охрана окружила севших за стол. Вместе с тем, несколько повстанцев встали недалеко от Кабрильо и Линкольна, чтобы схватить их при первом же сигнале, поданным Абалой. Угроза смерти еще никогда не нависала так низко над командой Кабрильо, и от этого в душный ночной воздух исполнился нервного напряжения.

Абала опустил руку на сумку, взглянув на Линкольна.

— Капитан, я думаю, сейчас самое время продемонстрировать вашу добросовестность. Пусть принесут контейнер с моим оружием.

— Мы так не договаривались, — с металлом в голосе ответил Линкольн.

Помощник Абала тихонько прыснул.

— Как я уже сказал, — начал Абала с угрозой в голосе, — этим вы продемонстрируете свою добропорядочность — жест доброй воли с вашей стороны. — Он оторвал руку от сумки. Щелчок. И двадцать солдат неожиданно возникли из темноты. Очередной щелчок

пальцев — и все двадцать вновь скрылись во мраке ночи.

— Они с легкостью убьют вас и возьмут ваше оружие. Я продемонстрировал свою добрую волю.

Не имея иного выхода, Линк повернулся к кораблю и движением руки вокруг головы подал знак матросу, что стоял у борта. Матрос помахал в ответ, и через секунду послышался рев небольшого дизельного двигателя. Один из трех кранов на носу грузового судна со скрипом пришел в движение, натягивая тяжелые ржавые тросы, когда огромной массы контейнер стал подниматься из грузового отсека. Это был стандартный сорокафутовый контейнер, широко распространенный в морской торговле. Кран поднял его над люком и опустил на палубу. Двое членов команды вынесли из него большой ящик и подали сигнал. Контейнер был отправлен назад. Ящик же опустили на высоту не менее восьми футов над пристанью.

Моряки, воспользовавшись сигнальными фонарями, осветили содержимое ящика. Стойки с автоматами располагались по его периметру, маслянисто переливаясь в тусклом свете. Рядом с ними показались темно-зеленые коробки. Одну из них вскрыли, и помощник продемонстрировал незаряженный гранатомет, водрузив его на плечо. Несколько подростков из армии повстанцев бурно на это отреагировали. Даже Райф Абала не смог сдержать улыбки.

— А это демонстрация моей доброй воли, — произнес Линкольн, едва помощники скрылись на корабле.

Ни слова не говоря, Абала высыпал содержимое сумки на стол. Ограненные и отполированные алмазы — совершеннейшие в мире рефракторы, способные разложить световой луч на радужный спектр с таким сиянием и блеском, что с незапамятных времен они остаются самыми желанными на свете.

Но в чистом виде они мало чем отличаются от самоцветов. И эта груда камней не излучала никакого сияния. Они просто лежали на столе, неказистые кусочки кристаллов, большинством напоминавшие четырехугольные пирамиды, тогда как остальные всего лишь представляли собой бесформенную гальку. Они были самых разных оттенков — от чистого белого до грязновато-желтого. Однако Макс и Хуан сразу же подметили, что ни один из них не меньше карата. Однако их ценность, в отличие от той, которой обладали камни в Нью-Йорке, Тель-Авиве или Амстердаме, была значительно ниже. Хотя именно на этих камнях здесь и держалась торговля. Алмазы найти не составляло такого труда, как добыть вооружение.

Макс схватил самый большой из камней. Он весил не менее десяти карат. Ограненный и отшлифованный до бриллианта в четыре-пять карата он мог бы принести около сорока тысяч долларов, в зависимости от цвета и чистоты. Хенли, поджав губы, рассматривал его в специальную лупу, которую использовали ювелиры, медленно вращая его на свету. Молча он отложил его в сторону и принялся за следующий камень, и так далее. Несколько раз покачав головой, словно в разочаровании от увиденного, он вынул из кармана очки для чтения. Поверх очков он бросил несколько укоризненных взглядов на полковника и начал что-то писать карандашом в одном из блокнотов.

— Что вы пишете? — резко спросил Абала, внезапно усомнившись в профессиональных способностях Макса.

— Что эти камни немного, но отличаются от простых самоцветов, — произнес Макс пронзительным голосом с устрашающим деланным датским акцентом.

Абала подскочил было в негодовании, но Макс тут же остудил его пыл.

— Но, в принципе, они годятся для настоящей сделки.

Он вынул из кармана небольшой, плоской формы топаз, что весь был испещрен царапинами и выемками.

— Как вам известно, крепче алмаза на свете ничего нет, — сказал он поучительным тоном. — Все десять баллов по шкале твердости, если быть точным, — добавил он. — У кварца же всего лишь семь. И его часто подсовывают новичкам в этом деле вместо

настоящих бриллиантов.

Из этого же кармана он достал восьмиугольный остроконечный кварц. Со всей силы он ударил кварцем по топазу. Кварц отлетел, не причинив последнему никакого вреда.

— Как вы можете видеть, топаз крепче кварца, поэтому не может быть поврежден. По шкале у него восемь.

Затем, взяв со стола один из алмазов поменьше, Макс провел им по поверхности топаза. С пронзительным скрипом алмаз оставил внушительную царапину на голубоватом полудрагоценном камне.

— Итак, то, что мы имеем, явно тверже восьми баллов по шкале.

— Бриллиант, — самодовольно произнес Абала.

Макс вздохнул, с некоторой долей собственного превосходства. Ему доставляло несказанное удовольствие играть роль ювелира.

— Или корунд, что обладает девятью баллами. Единственный способ убедиться в подлинности камня — проверить его на особую тяжесть.

Несмотря на то, что Абала уже далеко не новичок во всех этих «алмазных» делах, он знал мало об их свойствах. Намного меньше, чем о ценности, разумеется. И сам того не подозревая, Макс своей игрой пробудил в нем интерес, усыпив его бдительность.

— И что же такое особая тяжесть алмаза? — спросил он.

— Отношение его массы к количеству воды, что он вытесняет. Для алмаза это примерно три целых пятьдесят две сотых.

Некоторое время Макс настраивал весы, пользуясь маленькими латунными гирьками, что лежали в маленькой коробочке, отделанной бархатом. Отрегулировав весы, он положил самый большой камень на чашу.

— Ноль целых, двести двадцать пять грамм, одиннадцать с половиной карат.

Затем, открыв один из мерных цилиндров с жидкостью, Макс опустил камень внутрь, помечая в блокноте, сколько воды он вытеснил. И, произведя расчет на калькуляторе, он бросил свирепый взгляд на Райфа Абала.

Глаза Райфа гневно вспыхнули. Его охрана мигом отреагировала: Хуан почувствовал, как к спине приставили пистолет.

Игнорируя внезапный всплеск агрессии, Макс невозмутимо улыбнулся.

— Три целых пятьдесят две сотых, джентльмены. Это самый настоящий бриллиант.

Абала медленно опустился на стул и расслабил руку, пальцы которой еще несколько секунд назад были сжаты для щелчка. Хуан впоследствии едва не убил Хенли: тот действительно перегнул палку.

Макс проверил еще восемь камней, и все они показали одинаковый результат.

— Итак, с моими обязанностями в нашей сделке покончено, — сказал Абала. — Четверть фунта чистых алмазов за вооружение.

Пока Хенли проверял остальные камни, Линк повел полковника к ящику, предварительно просигналив помощнику на корабле спустить его на пристань. Пирс с треском пошатнулся под тяжестью груза. Вслед за ними последовало еще пятеро повстанцев. При свете фонаря Абала и его люди схватили десять автоматов вместе со снаряжением и боеприпасами к ним, пользуясь мачете, чтобы вскрыть вощеные коробы.

Удостоверившись, что он стоит довольно близко к Абале, на случай, если повстанцы попытаются его схватить, Линк наблюдал за тем, как они тщательно заполняют магазины новенькими блестящими патронами. Хуан, в защитном жилете, надетом под объемистым свитером, пристроился рядом с Максом по той же причине. Из каждого автомата было сделано по десять выстрелов точно в цель, которой послужил полуразрушенный склад. Выстрелы эхом пронеслись по широкому берегу, вспугнув десятки птиц в ночное небо. Один из солдат направился к складу взглянуть на ущерб, причиненный выстрелами. Абала довольно проворчал, обращаясь к Линку:

— Неплохо. Весьма неплохо.

А за столом Макс все проводил необходимые вычисления. Он уже взвесил пустую

сумку из-под алмазов и записывал результат. Затем, вооружившись специальной черпалкой, он поместил все камни обратно в сумку. И все это время за каждым его движением неотступно наблюдали солдаты Абала. После этого он снова взвесил сумку, но уже с камнями внутри. Посчитав разницу, он прошептал Кабрильо:

— Недостает восемь карат.

В зависимости от самих камней, восемь карат могли им стоить десятки тысяч долларов.

— И, тем не менее, я буду счастлив убраться отсюда живым и невредимым уже с тем, что у нас есть, — вздрогнул Хуан.

Кабрильо обратился к Линку:

— Капитан Линкольн, мы можем не успеть добраться до Бома, и портовые власти отдадут наше место другому судну. Нам нужно отправляться.

Линк повернулся к нему.

— Вы правы, мистер Кабрильо, благодарю вас.

— Хотелось бы мне предложить вам более широкий выбор оружия, полковник, но, вы сами понимаете, это чистая случайность, что данный груз оказался у нас в руках, — обратился он к Абале.

— Если вам опять когда-нибудь так же повезет, вы знаете, как с нами связаться.

И когда они приблизились к столу, Линк спросил Макса:

— Все готово?

— Так точно, капитан.

На лице Абалы засияла еще более самодовольная улыбка. Он намеренно утаил те восемь карат, которые полагались по условиям сделки, зная, что численное превосходство его вооруженной армии не заставит их сопротивляться. Недостающие алмазы покоились в кармане его униформы и должны были значительно обогатить его и без того внушительный счет в швейцарском банке.

— Тогда в путь, джентльмены, — произнес Линк, взяв сумку с камнями из рук Макса, и зашагал к корабельному трапу. Кабрильо и Хенли едва поспевали вслед его широким шагам. Но не успели они вступить на трап, как из джунглей высыпали десятки повстанцев, громко крича и стреляя в воздух. Несколько членов команды корабля столпились у контейнера, стараясь как можно быстрее отцепить его от крюков крана, а двое начали отстреливаться.

Неизвестно, какими оказались бы последствия этой коварной уловки для команды Кабрильо, не просчитай он все действия на два хода вперед. За секунду до того, как Абала подал команду об атаке, Кабрильо и Линк бросились бежать. Прежде чем они успели выхватить собственное оружие, им пришлось обезвредить двух повстанцев, стоявших у трапа. Линкольн своим весом сшиб одного из них с пирса, Хуан же крепко сжал второму горло и, пока тот задыхался, выхватил из его рук винтовку и выстрелил в живот.

Кабрильо круто развернулся, чтобы встречным огнем прикрыть взбиравшихся по трапу Линка и Макса. Когда всем троим удалось взойти на него, Кабрильо нажал на кнопку подъемника, и обшитый железом трап стал подниматься, скрыв мужчин от обстрела. Пули со стоном рикошетили от корабельной обшивки.

— Хм, наивные дикари, будто мы не знали, что так будет.

Машинист отрегулировал спусковой механизм трапа так, чтобы мужчины могли перебежать в рубку. Время игры прошло, и сам Кабрильо взял командование кораблем. Он в спешке ударил по кнопке внутренней связи.

— Доложите обстановку, мистер Мерфи.

В одном из самых дальних отсеков Марк Мерфи, глава оружейно-компьютерного отсека, по монитору, подсоединенному к пяти камерам, установленным на корабельных кранах, наблюдал за тем, что происходило на пристани.

— Трап поднят, поэтому обстрел почти прекратился. Думаю, что они готовят нападение. Абала собрал всех вместе и отдает приказания.

— Что с ящиком?

— Их люди практически отсоединили крюки. Минуту. Да! Мы свободны.

— Передай мистеру Стоуну, чтобы готовился вытащить нас отсюда.

— Капитан, а как же швартовы? Мы все еще привязаны к пристани, — нерешительно проговорил Мерфи.

— Черт с ними. Полный вперед, — приказал Кабрильо, вытирая струйку крови, сочившуюся из порезанного куском обшивки корабля уха.

Корабль даже не пришлось разворачивать: носом он смотрел как раз в нужную им сторону. Судно вообще таило в себе немало секретов, о которых знали лишь посвященные. Его корпус сплошь испещрила ржавчина, краска во многих местах облупилась, на палубе красовались многочисленные выщерблины, а корабельные краны практически вышли из строя, но весь этот мрачный наряд был не более чем маскарадом, скрывавшим его истинные способности. Это был настоящий шпионский корабль, находившийся на попечении Хуана Кабрильо. И он, называющийся «Орегон», являлся воплощением оригинального замысла самого Кабрильо и единственной любовью всей его жизни.

Потрепанный снаружи, внутри он изобиловал одними из самых современных боевых систем на планете — морскими ракетными и торпедными установками, вырученными у какого-то русского адмирала. Вдобавок к ним, на борту были установлены тридцатимиллиметровые пушки «гатлинг» и стодвадцатимиллиметровые ядрометатели с такой же системой наведения, как у танков «M1A2». Более того, судно было оборудовано автоматами для отражения нападений. Все это снаряжение располагалось либо под палубой вдоль всего судна, либо было замаскировано под мусор и всякий хлам, валявшийся на ее поверхности. Автоматы дистанционного управления, например, разместили в бочках, стратегически размещенных вдоль бортов корабля. По команде крышки этих резервуаров открывались, и из них поднимались автоматы, снаряженные инфракрасными камерами.

Несколькими этажами ниже, под мостиком, на котором и находились Кабрильо и Линкольн во время швартовки «Орегона», располагался командный центр, мозг всего судна. Именно оттуда ушедшие в отставку или на пенсию сотрудники военных сил и ЦРУ управляли всей жизнью корабля — начиная с двигателей и механизмов динамического позиционирования плавучего основания и заканчивая всем его вооружением. Также судно было оснащено новейшими ультразвуковыми локационными установками, которых не так много в мире и стоят они солидную кучу денег.

Именно благодаря возможностям командного центра один из самых опытных рулевых «Орегона» Эрик Стоун сумел пришвартовать корабль в сложившихся форс-мажорных обстоятельствах, используя силу поперечного магнита и поворотного движителя вкупе со спутниковой системой навигации. И все эти системы вместе были подключены к центральному компьютеру, что принимал и обрабатывал всевозможные данные — скорость ветра, течений и волн. И именно этот компьютер поставил двигатели на реверс, чтобы не пустить корабль по коварному течению реки Конго.

Макс и Кабрильо удалились в уборную, которая насквозь пропахла скипидаром, в то время как Линк пошел встретиться с Эдди Сенгом и остальными корабельными специалистами, которым, возможно, понадобится помощь, если повстанцы проберутся на корабль. Хуан повернул ручки смыва как диски сейфа, и задняя стена уборной открылась, пропуская их в проход.

Совсем не похоже на остальные помещения корабля, полы которых устилал дешевый линолеум, а стены покрывали островки краски, выглядел этот секретный проход. Он был хорошо освещен, стены украшала богатая обшивка красного дерева, а пол устилали шикарные ковры. На стене висела картина с изображением огромного корабля, а в конце коридора в стеклянной витрине стояли доспехи шестнадцатого века, экипированные мечом и булавой.

Они минули многочисленные каюты и добрались до оперативного центра, спрятанного в самом сердце грузового судна. Он был оснащен не менее высокотехнично, чем центр управления полетом НАСА с целыми автоматизированными компьютерными станциями, а

всю стену занимал огромный плоский монитор, показывавший на тот момент суматоху на пирсе. Марк Мерфи и Эрик Стоун сидели за компьютерами прямо напротив монитора, а Хали Касим, специалист по связи, занимал место справа от них. На задней стене этого центра висели два больших монитора, отражавших коэффициент повреждения по разным параметрам, а также корабельную систему безопасности. Рядом с ними располагались мониторы-показатели магнитогидродинамических двигателей.

Командный центр на самом деле производит впечатление мостика главного управления на каком-нибудь космическом корабле «Энтерпрайз», тем более что в самой его середине располагалось огромное капитанское кресло. Хуан уселся в него, подвесив на ухо микрофон и загрузив компьютер.

— У нас пара гостей, — сказал Хали, черты его темного лица казались зеленоватыми на фоне радаров, что были в его ведении. — Это, должно быть, патрульные вертолеты.

— Нет никаких данных о том, что у Макамбо есть вертолеты, — произнес Мерфи, поворачиваясь к капитану. — Но у Хали появились сведения, что пара вертолетов одной нефтедобывающей компании были украдены, а пилоты, возможно, взяты в плен.

Хуан кивнул, не зная точно, какие выводы можно из этого сделать.

— Я засек какое-то движение перед нами, — крикнул Эрик Стоун.

Он развернул свой монитор, чтобы показать всем съемку камеры, установленной на корме.

Пара патрульных судов встала в изгибе реки. Свет от прожекторов на крышах их рубок не давал рассмотреть их вооружение. Но Марк Мерфи в базе данных нашел информацию относительно экипировки военных и патрульных кораблей в Конго.

— Это американские быстроходные судна.

— Не может быть, — ответил Макс. Он два года прослужил на быстроходных суднах во время войны во Вьетнаме.

Мерфи продолжил, пропустив мимо ушей комментарий Хенли.

— Способны перевозить до двухсот тон груза, экипаж состоит из двенадцати человек, оснащены автоматами шестьдесят второго калибра и развивают скорость до двадцати пяти узлов. Также здесь имеется уточнение, что на них можно устанавливать гранатометы.

Терять время было нельзя, и Кабрильо принял решение.

— Хали, соедини меня с Бенджамином Исакой.

Исака был их человеком в правительстве.

— Скажи ему, что некоторые из его людей могут воспрепятствовать нашей миссии, не подразумевая, что мы по одну сторону баррикад. Также предупреди, что пара его патрульных кораблей может быть захвачена людьми Макамбо. Эрик, черт возьми. Вытащи нас отсюда. Мерфи, держи ухо востро со всем, что здесь происходит, но не пали без моего приказа. Иначе мы выдадим себя, и Абала, поняв, что его пасут, оставит ящик с оружием нетронутым. Кстати, Хали…

Касим ввел данные в компьютер.

— Чипы активированы, сэр. Они хорошо просматриваются.

— Прекрасно. — Кабрильо повернулся к Максу. — Что ты на это скажешь?

— Ты же знаешь, что «Орегон» питается только от батареи, и я не смогу выжать более двадцати узлов.

«Орегон» обладал самой совершенной системой силовых установок, когда-либо созданных в мире. Его магнитогидродинамические двигатели работали на сверхпроводимых катушках, охлаждаемых жидким гелием, чтобы извлекать свободные электроны из морской воды. Далее это электричество шло на приведение в движение четырех массивных реакторов под кормой. Двигатели могли развивать большую скорость, что приближало «Орегон» к быстроходным судам, плавающим в открытом море, а так как он фактически питался энергией, выделяемой из морских вод, то теперь его возможности не ограничивались количеством топлива. Однако два года назад на одном из судов, плававших на магнитогидродинамических двигателях, произошел пожар, и, в связи с этим, большинство

советов морской безопасности всего мира наложили запрет на использование такого рода двигателей, пока не появятся более широкие возможности их проверки. Вот почему на «Орегоне» развивается иранский флаг на гюйс-штоке, ведь именно в этой стране весьма непринужденное отношение к законам морского плавания.

Стоя у пристани, в восьмидесяти милях вверх по течению Конго, «Орегон» омывался проточной речной водой, поэтому не мог генерировать электричество. Оставалось только рассчитывать на энергию, накопленную в серебро-цинковых батареях, чтобы закачивать воду в насос.

После долгой работы с корабельными архитекторами и инженерами, пока Орегон переоборудовали из обычного грузового корабля в высокотехничную машину, Кабрильо прекрасно знал, что даже при движении по течению батареи на максимальной скорости не продержатся более шести миль, а до устья реки останется еще миль двадцать.

— Мистер Стоун, что у нас с приливами и отливами на момент где-то, скажем, часа через три? — спросил он у рулевого.

— Прилив ожидается через два часа тридцать минут, — ответил Эрик Стоун, не нуждаясь в помощи базы данных. Вот уже сколько лет он, с прилежностью счетовода, составлял таблицы приливов и отливов на пять суток вперед. Это было частью его работы.

— Да… ждать уже не долго, — произнес Хуан. — Значит так, Эрик, давай убираться отсюда, пока люди полковника нас не настигли.

— Будет сделано, капитан.

Эрик Стоун принялся проворно наращивать скорость. Грохот воды, пропускаемой по трубам, на этот раз не заглушался ревом криогенных насосов и дополнительного оборудования, как обычно, и поэтому разносился по всему судну. Он включил носовые и кормовые двигатели, и грузный корабль отошел от пристани, натягивая швартовы.

Видя, что жертва вот-вот уйдет, повстанцы, выстроившись вдоль пристани, открыли непрерывный огонь из автоматов, поражая корабль от основания до кормы. Под напором свинца стекла бортовых иллюминаторов сверкающим каскадом спадали вниз. Выпущенные в корабль бесчисленные пули с искрами отлетали от его бронированной обшивки. Хоть со стороны все это действо и казалось эффектным, на деле же не приносило кораблю никакого ущерба: стекла можно было легко вставить, а сам корпус заново покрасить.

Приближающиеся патрульные судна тоже решили не отставать и одарили корму «Орегона» очередями своих пулеметов. Для того чтобы попасть в приливные воды, балласт, располагавшийся по краям корабля, был до отказа накачан воздухом. Таким образом, рулевая рубка оказалось поднятой выше и стала более открытой и уязвимой для преследовавших судно повстанцев. Именно на рубке теперь сосредоточился непрерывный огонь винтовок африканских солдат. Они надеялись вывести из строя рулевое управление и лишить этот огромный корабль способности маневрировать в обманчивых водах реки. Но с «Орегоном» все было не так-то просто. Для любого другого грузового судна исправная рулевая система являлась основным залогом его успешного плавания. Рулевая система же «Орегона» могла направить его по абсолютно любой траектории, но все-таки основная работа при любом маневрировании лежала на векторных турбинах двигателя, что находились под ватерлинией и, тем самым, были надежно защищены.

Не обращая внимания на непрерывный обстрел, Эрик Стоун неотрывно следил за железными швартовыми тумбами, с которыми их еще связывали тросы, по круглому дисплею своего компьютера. А поскольку они все наращивали скорость и отдалялись от пристани, тросы до предела натянулись. Два предприимчивых повстанца бросились к корме, закинув винтовки за спину, и начали, словно крысы, карабкаться на корабль. Стоун дал полный газ. Одна швартовая тумба, формой напоминавшая гриб, словно гнилой зуб, с треском ломающегося трухлявого дерева была выдернута из пристани. Под собственной тяжестью она начала грохотать по корпусу корабля, повиснув, будто огромный колокол.

Один из повстанцев не удержался и тут же свалился в воду, где его затянуло под лопасти двигателей, когда Стоун с целью откорректировать курс корабля поставил их на

реверс. Возле борта всплыло огромное кровавое пятно, немедленно окрасившее воду в красновато-грязный цвет перед тем, как его навсегда смыло течением. Другому повстанцу удалось зацепиться за трос, автоматически смотанный подъемными воротами. Но, достигнув клюза, он был встречен Эдди Сенгом и Франклином Линкольном, что наблюдали за ним по небольшим экранам тактического наблюдения, прикрепленным к их боевому обмундированию.

Эдди присоединился к Корпорации после преждевременной отставки из ЦРУ и, хотя он не имел достаточного опыта в боевых операциях, как, например, «Морские Котики», в которых служил Линк, он прекрасно подходил команде благодаря своей недюжинной решимости и молниеносной реакции. Вот почему Хуан назначил его главнокомандующим береговых операций, главой так называемых гончих.

Зрачки солдата расширились от напряжения, пока он пытался добраться до палубы. Линк приветствовал его своим дробовиком, а Эдди приставил пистолет к виску.

— Выбор за тобой, мой друг, — мягко прошептал Эдди.

Повстанец отпустил руки и полетел вниз в пенящиеся речные воды.

Тем временем в оперативном центре Эрик следил за второй швартовой тумбой. Несмотря на огромную мощь корабля, она оказывалась срываться с места. Вместо этого сама пристань, смещенная с опор, начала рушиться. Пятнадцатифутовый кусок причала был снят с места, унося с собой троих повстанцев, а оставшаяся часть пристани в любую минуту могла быть снесена течением.

— Мы свободны, — объявил он.

— Очень хорошо, — ответил Хуан, взглянув на свой дисплей тактического наблюдения.

Патруль, находившийся в двух минутах от них, стремительно настигал их со скоростью более сотни миль в час. Ему казалось, что украденные у нефтяников вертолеты будут внушительных размеров и с дорогостоящим корпусным оснащением. Но с «Орегоном», вооруженным до зубов, они могли сразить любого повстанца, проникнувшего на палубу, сбить оба вертолета в небе и превратить патруль в щепки, но нужно ли им это было? Как же тогда их миссия, ради которой они, собственно, и пошли на все эти испытания?

— Давай все двадцать узлов, — обратился он к Стоуну.

— Есть двадцать узлов.

Огромный грузовой корабль плавно ускорялся, и под напором воды кусок пристани, все еще буксируемый тумбой, наконец, оторвался. Обстрел с берега прекратился, но патруль все еще продолжал угощать корабль очередями своего пятидесятого калибра.

— Гранатомет! — резко крикнул Марк Мерфи.

Абала, видимо, приказал спрятать в джунглях шлюпки, поскольку его люди уже нагоняли «Орегон», стремительно несущийся вниз по течению Конго. Небольшая ракета, пущенная из-под укрытия, пронеслась по поверхности воды и ударила в передний борт корабля. Бронированное покрытие защитило внутреннее оборудование корабля, но взрыв был оглушительным, поскольку снаряд отскочил на палубу. Практически одновременно другой снаряд, пущенный под небольшим углом к водной поверхности с патрульного корабля, пролетел очень близко к корме, содрав краску, и попал в дымоход. Взрыв был такой мощи, что радиолокационная система, находившаяся уровнем ниже, была выведена из строя.

— Он вырубил меня, — крикнул Хали, как только на его экран прекратилась подача изображения. Он бросился к главному компьютеру, располагавшемуся в рубке на палубе, поскольку контроль над системами, находившимися в его ведении, автоматически перебрасывался именно туда.

Линда Росс, невысокого роста женщина с веснушчатым лицом и по-девичьи высоким голоском, возникла в командном центре.

— Вертолеты в минуте от нас, капитан. Да, и перед тем, как отключиться, радар засек затор вверх по течению реки.

Хуан вывел изображение, подаваемое камерами передней части корабля на свой экран.

Реку, что едва можно было отличить от маслянистой нефти, по берегам окружали посеребренные лунным светом холмы. Чуть показавшись из-за поворота, там, вверх по реке, стоял трехпалубный паром. Однако внимание Кабрильо и его экипажа привлекло отнюдь не это. Инфракрасные камеры засекли огромное количество людей на верхней палубе корабля. Эти люди направлялись в порт Матали.

— Господи, там должно быть не менее пятисот человек, — произнес Эрик.

— И, могу поклясться, она рассчитана-то всего лишь на двести, — ответил Кабрильо. — Держи «Орегон» так, чтобы загородить их от патрульных.

Стоун снял данные с эхолота. Русло реки довольно круто поднималось вверх.

— Капитан, у нас менее двадцати футов под килем. Восемнадцать. Пятнадцать. Десять футов, сэр.

— Держи ровнее, — приказал Хуан, в то время как джунгли извергли град новых очередей, и гранатомет патрульных не заставил себя ждать. «Орегон» раскачивался под натиском обстрела, следуя к тяжело движущемуся парому, а небо ярко вспыхивало от взрывов многочисленных снарядов и ракет. Одна из них, внезапно сменив направление, на леденящую кровь долю секунды полетела прямиком в борт пассажирского парома, но затем внезапно детонировала на полпути, заставив пассажиров в панике метаться по палубе.

— Макс, выжимай, сколько можешь! Мы должны спасти этих людей, — прокричал Кабрильо, раздраженный упорством и жестокостью людей Абалы.

Макс Хенли спустил защитные механизмы со вспомогательных батарей и снабдил двигатели очередной порцией топлива. «Орегон» набрал еще добрых три узла. Но впоследствии это будет стоить им изрядного количества миль, что они не смогут пройти до морской воды, а этого никак нельзя было допускать. Паром слегка изменил курс, чтобы «Орегон» не задел его своим бортом. Секунду спустя патрульные корабли окружили приближающийся корабль, препятствуя «Орегону» приблизиться к нему. Вдруг из-за парома вывернула моторная лодка с двумя пассажирами в ней, и один из быстроходных патрульных кораблей сшиб ее, превратив в жалкую груду досок.

Хуан взглянул на Стоуна. Маневрировать на огромном судне в таких жестких условиях было еще полбеды, но продвигаться по устью реки в заторе и под обстрелом абсолютно не входило в планы этого молодого и недостаточно опытного рулевого. И хотя Хуан не сомневался в способностях своего кормчего, в глубине души он знал, что мог бы оставить командный пост и взять управление кораблем на себя.

Он услышал голос Эдди:

— Капитан, я засек два приближающихся вертолета. Не могу сказать точно, но, возможно, на каждом из них не менее десяти человек. Думаю, сейчас самое время, чтобы поиграть с ними.

— Отбой. Мы не можем сбить их. Во-первых, на борту захваченных повстанцами Макамбо вертолетов гражданские пилоты. А во-вторых, мы не должны раскрывать свои возможности. Значит, так: держать курс до самого верха реки. Не отвечать на обстрелы повстанцев. Быть готовым к возможности их проникновения на корабль. Наш «Орегон» вытащит нас отсюда.

— Будет сделано.

— Да поможет нам Господь.

Они шли уже около часа, преследуемые патрульными кораблями и редкими очередями, доносившимися с берега. Вертолеты парили над «Орегоном», не предпринимая попыток зайти на посадку или спустить отряды своих людей. Хуан понял, что они намереваются попасть на корабль, загнав его на мель снарядами и боеголовками. «Орегон» проплыл мимо дамбы «Инга», массивной бетонной конструкции, что сдерживала полноводный приток реки Конго. «Инга» была первой из двух дамб, что служили основными источниками электричества в этой части Африки. Затем корабль вступил в зону впадения реки в море, где действовали противоборствующие течения, и Эрику пришлось переключить двигатели на реверс, чтобы не дать им развернуть судно поперек.

— Капитан, Бенджамин Исака на связи, — предупредила Линда Росс. — Перевожу его на вас.

— Заместитель министра Бенджамин Исака, вас беспокоит капитан Кабрильо. Я полагаю, вы осведомлены о нашем положении.

— Да, капитан. Полковник Абала хочет получить бриллианты обратно. Также он угнал два судна, принадлежавшие нашей патрульной инспекции. И у меня есть сведения, что десять наших людей были убиты на пристани в Матади, где судна и были пришвартованы.

Специфический акцент заместителя министра обороны затруднял понимание его слов.

— В его распоряжении также имеются два вертолета одной нефтяной компании.

— Ясно, — односложно ответил Исака.

— Мы бы не отказались от помощи.

— Наш общий друг в Лэнгли, что и порекомендовал мне вас, заверил, что вы прекрасно со всем справитесь сами.

Хуан едва сдерживал себя, чтобы не повысить на чиновника голос.

— Мистер Исака, если сейчас попытаться обезвредить Абала, он начнет сомневаться в чистоте той сделки, что мы сегодня совершили. Микрочипы надежно спрятаны в автоматах, но при желании их несложно обнаружить. Наш план заключался в том, чтобы Абала доставил вооружение в секретную базу Макамбо, где он уже долгое время скрывается, чтобы ваши военные смогли его вычислить. Так бы вы покончили с мятежом в два счета, но это вам не удастся, если оружие останется на причале. — Уже в третий или четвертый раз Кабрильо объяснял это Исаке, с тех самых пор, как Лэнгстон Оверхольт утвердил его на это задание.

Прогрохотавшие с патрульных судов минометные очереди заглушили первую часть ответа Итака.

— … они отходят от Бама и доберутся до вас через час.

— Министр, не могли бы вы повторить.

Внезапно киль корабля с силой уперся в речное дно, толчок был настолько мощным, что все находившиеся в командном центре были отброшены вперед. Техника разбилась вдребезги, а переносной рентгеновский аппарат, что доктор Джулия Хаксли, сотрудник медпункта, не успела спасти, превратился в груду бесполезного металла.

Первым на ноги вскочил Хуан.

— Эрик, какого черта?

— Корабль внезапно наткнулся на мель, но по моим данным здесь ее быть не должно.

— Макс, что с двигателями?

В целях безопасности защитная система корабля отключила двигатели, как только «Орегон» сел на мель. Макс изучал показания своих датчиков, и с каждой секундой выражение его лица мрачнело. Он проделал некоторые вычисления.

— Макс, — окликнул старого друга Кабрильо.

— Труба по левому борту корабля забита грязью. Я могу выжать где-то около двадцати процентов из насосов правого борта, но и то только на реверсе. Пройди мы еще вперед — полетит и эта труба.

— Эрик, я встаю за руль, — произнес Хуан.

— Есть, капитан.

Насосные трубы были отшлифованы и обработаны специальным раствором, чтобы исключить появление малейших кавитационных каверн и микроскопических пузырьков, что затруднит продвижение воды под напором. Но грязь и сор уже пристали к стенкам труб, и, если попробовать пропустить через них воду с целью их очистки, они могут совсем выйти из строя. Ну что ж, попытка не пытка, да и корабль-то его, и ответственность нести ему.

Левый насос он поставил в режим ожидания, медленно пустив правый на реверс, все это время он неотрывно следил за двумя экранами: один показывал положение корабля в бурлящем речном течении, а второй — состояние насосов и двигателей. Затем он поднял рычаги управления вверх на двадцать пять процентов. Теперь Хуан мог сказать наверняка, что процесс идет, и грязь вымывается из трубы левобортного двигателя, будто он лично

присутствовал там и мог видеть собственными глазами.

Однако мель никуда не делась. «Орегон» отказывался двигаться, всем своим огромным весом утопая в мертвой хватке грязи.

— Хуан, — предостерег его Макс.

Хуан выключил насосы. В его распоряжении имелось всевозможное суперсовременное оборудование. Но чем оно могло быть полезно в противостоянии законам природы? Мель есть мель. У него было не более пятнадцати секунд, прежде чем отряды повстанцев начнут высаживаться с вертолетов на корабль. Пара выстрелов двадцатимиллиметрового «гатлинга» мигом собьют вертолеты в небе, но тогда оба гражданских пилота обречены, и «Орегон» раскроет свой оружейно-технический потенциал. Более того, им придется противостоять огню патрульных кораблей и неизвестно какому количеству повстанцев, ведь он не забывал, что они сели на мель. Идея отказаться от камней или рискнуть операцией никогда не приходила ему в голову.

— Макс, у нас попутный ветер, поставь дымовую завесу, достаточную, чтобы скрыть корабль, и подготовь пушки.

Под палубой располагались четыре водяные пушки, вместимостью более тысячи галлонов и оборудованные собственными дизельными двигателями. Они могли стрелять водой на расстояние более двухсот футов, что послужит препятствием для посадки вертолетов.

— Эдди, внимание, я активирую пушки. Если они не смогут задержать вертолеты, тогда вам, ребята, разрешается немного пострелять из дробовиков и револьверов. Не более. Это достаточно распространенный арсенал вооружения для данной местности, я считаю. Эдди, я хочу, чтобы вы вместе с Линком встретили меня у отсека с лодками. У меня для вас задание.

Кабрильо был уже на полпути к лифту, чтобы спуститься двумя этажами ниже, в отсек с лодками, что находился на ватерлинии «Орегона», когда Хенли жестом остановил его.

— Я могу понять этот мастерский трюк дымом и пушками, но что ты задумал с Линком и Эдди?

— Через полчаса наш малый вновь будет на плаву.

Многие годы бок о бок с Хуаном научили Макса ни на долю секунды не сомневаться в его словах. Он ведь и не представлял, каким образом Хуан собирается сотворить это чудо.

— В твои планы входит облегчить нас на пару тысяч тонн?

— Я сделаю лучше. Подниму уровень реки на десять футов.

Глава 4

Южная часть Уолвиш-Бей.
Намибия.

Песок вихрями вздымался вдоль шоссейной дороги всякий раз, когда прохладный воздух пустыни охлаждал еще горячий асфальт. Выглядело это так, словно дым клубами вздымался в воздух. Солнце давно уже село, и бледные песчаные дюны озарялись струящимся лунным светом.

Одинокий автомобиль был едва ли не единственным движущимся объектом во всей округе, не считая вихрастого ветра и мягкого прибоя, что нежно окутывал берег. Полноприводный пикап был всего в нескольких милях к югу от Свакопмунда и прилегающего к нему города с заливом Уолвиш, но складывалось ощущение, что, кроме этого механического зверя, все на земле давно вымерло.

Сидевшая за рулем пикапа Слоун Макинтайр невольно вздрогнула.

— Не сменишь меня? — обратилась она к спутнику.

Он сел за руль, а она нырнула в теплый свободный свитер, обеими руками выправляя длинные волосы из его горловины. Он был медно-красного цвета, совсем как дюны,

озаренные закатом, и выгодно оттенял ее серые глаза.

— Я все еще настаиваю, что нам следовало бы подождать до утра, когда бы нам дали разрешение на проезд к заливу Сэндвич, — все не унимался Тони Ридон, уже в третий раз с тех пор, как они выехали из отеля. — Ты же знаешь, как раздражительны местные власти, особенно когда туристы проникают в запретную зону.

— Но мы же едем в птичий заповедник, а не на алмазное месторождение какой-нибудь компании, Тони, — парировала Стоун.

— Это противоречит закону.

— К тому же мне не понравилось, как Лука пытался нас отговорить искать Папу Генрика. Будто он от нас что-то скрывает.

— Кто? Папа Генрик?

— Нет же, наш хваленый гид, Туамангулука.

— На что ты намекаешь? Лука был нам очень полезен, раз уж мы сюда добрались.

Стоун покосилась на него. В прерывистом свете фонарей этот англичанин выглядел словно чопорный, раздражительный и упертый мальчишка.

— А тебе не показалось, что он чересчур услужлив? Мы случайно наткнулись на него в отеле, когда нам так нужен был проводник. И он совершенно случайно знает всех и каждого в Уолвиш-Бей. И по счастливому стечению обстоятельств имеет связи в одной из компаний, устраивающей вертолетные экскурсии, и мог бы даже организовать нам одну?

— Фортуна улыбается нам.

— Я не верю в удачу, — Стоун вновь обратилась к дороге. — Когда мы заговорили с Лукой о старом рыбаке Папе Генрике, он старался сделать все возможное, чтобы отговорить нас от встречи с ним. Сначала он сказал, что Генрик был всего лишь простой рыбак, и знать ничего не знал о водах, далее мили от берега. Затем он сказал, что немного ошибся, и ничего не знает о Генрике. Когда же и это не сработало, следующий отзыв о Генрике был как о человекоубийце.

— Разве не то же самое сказал нам тот первый из встреченных нами рыбаков?

— Нет, он сказал, что Папа Генрик забыл намного больше из того, что кто-либо когда-либо знал о водах, омывающих Остров Скелетов. Вот, примерно слово в слово. Именно этот человек — богатейшая кладезь полезнейшей для нас информации и наш прославленный проводник так неубедительно лжет нам, пытаясь, отговорить от этой затеи. Тони, все это неспроста, и ты это знаешь.

— Мы могли бы дождаться утра.

Слоун немного помедлила, игнорируя его нудную песнь.

— Ты же знаешь, каждая минута на счету. Кто-то рано или поздно догадается, что нас интересует на самом деле. А когда это случится, побережье будет кишеть государственными людьми. Правительство закроет пляж, даже для рыбаков, и объявит военное положение. Ты же никогда не был в подобных экспедициях. В отличие от меня.

— И разве ты нашла что-нибудь ценное? — раздражительно парировал Тони, прекрасно зная ответ.

— Нет, — признала Слоун. — Но я сейчас говорю об опыте.

Как больше нигде в Африке, в Намибии дороги поддерживают в отличном состоянии: они идеально гладкие, на них не найдешь ни ям, ни рытвин. Полноприводная «тойота» плавно скользила в ночи, пока они не достигли поворота, где дорога была сплошь покрыта внушительными песчаными наносами, достававшими до автомобильного бампера. Слоун включила первую передачу и начала пробираться по песчаным завалам, в которых бы заглохла любая неполноприводная машина. Через двадцать минут они доехали до парковки с ограничительными знаками, запрещавшими выезжать далее определенного расстояния от моря.

Они добрались до Сэндвич-Бей, огромной лагуны, питающейся водами грунтовых слоев земли, что была райским обиталищем тысяч мигрирующих птиц. Слоун припарковалась, но двигатель оставила работать на холостом ходу. Не дожидаясь Тони, она

выпрыгнула из машины и, утопая в мягком песке, направилась к багажнику. В нем находились надувная лодка и электрический насос, работавший от автомобиля.

Слоун в считанные секунды надула лодку и, погрузив в нее рюкзаки и весла, они спустили ее на воду. Скрытая от моря, бухта была тихой и спокойной, словно пруд.

— Рыбак сказал, что Генрик на самой южной оконечности этой лагуны, — сказала Слоун, когда они веслами оттолкнулись от берега. Она вынула компас и опустила весла в водную гладь.

Несмотря на то, что она наговорила Тони, Слоун прекрасно знала: эта операция завершится либо полным провалом, либо настоящим кушем. К первому она склонялась больше. Естественно, идя на поводу слухов, намеков, полуправды — на что они надеялись? Но уж такова была ее работа. Ужасно скучно и монотонно было просто ждать того самого поворотного момента, что должен изменить ее жизнь. Но дорога к этому успеху, этому важному открытию, сопрягалась продолжительным одиночеством, утомлением, стрессом и такими придурками и пессимистами, как Тони Ридон.

Несколько рыб показались у поверхности воды, пока они гребли на юг, и где-то недалеко, в камышах, какая-то птица вычищала свои перья. Им понадобилось около полутора часов, чтобы добраться до самой южной оконечности залива, что выглядела так же непримечательно, как и весь залив в целом: камышовые заросли в солоноватой воде. Слоун фонарем осветила береговую линию. Двадцать минут спустя, когда ее тревога троекратно увеличилась, она заметила небольшой сруб высоких тростниковых зарослей, где небольшой проток выходил в лагуну.

Она молча указала Тони на это место, и они проплыли в эту брешь.

Тростник сцеплялся над их головами, препятствуя проникновению лунного света. Течение в этом небольшом протоке было незначительным, и они с легкостью пробирались по тростниковой роще, пока не приплыли на пруд с небольшим островком в его центре, что едва высовывался из-под воды во время прилива. Лунное сияние осветило небольшую хижину, сооруженную из прибитого течением дерева и деревянных ящиков. Дверью служила прибитая гвоздями простыня, и почти прямо у входа располагалась печная яма, угольки в которой еще тлели под слоем золы. По правую сторону находилась стойка для сушки рыбы, поржавевшие резервуары для хранения свежей воды и деревянная лодка, привязанная к пню. Паруса ее были уложены вокруг мачты, а рулевое колесо и внутренний корпус обтянуты кожей. Эта лодка едва подходила для плавания в открытом море, и Лука, возможно, был прав, говоря, что Папа Генрик и знать не знал морские воды далее мили от берега.

В таком жилище долгое время прожить мог только бывалый рыбак.

— Каков наш план? — спросил Тони, когда их лодка пристала к островку.

Слоун приблизилась ко входу и убедилась, что из лачуги доносился храп одного человека, и это не был вой ветра или морской прибой. Усевшись на песок, она вынула свой лэптоп из рюкзака и начала что-то печатать, мягко нажимая на клавиши и слегка закусив губу.

— Слоун, — прошептал Тони немного пронзительно.

— Будем ждать, пока он не проснется, — ответила она.

— Вдруг это не Папа Генрик? А какой-нибудь пират или бандит, что живет здесь.

— Я уже сказала тебе, что не верю в удачу. Аналогично и с совпадениями. То, что мы нашли хижину именно там, где нам объяснили, означает, что здесь живет Папа Генрик. И думаю, что с ним стоит поговорить утром, чем спугнуть старого чудака посреди ночи.

Храп все так же доносился изнутри, не меняя ни громкости, ни тембра, однако внезапно старый африканец распахнул простыню. Он стоял на полусогнутых ногах, настолько тощий, что не составляло труда пересчитать все его ребра, и ключицы у него сильно выпирали. Нос его был широкий и плоский, а в больших ушах красовались серьги из рогов каких-то животных. Старика отличали белоснежная седина и желтоватый цвет глазных яблок.

Он продолжал издавать звуки, похожие на храп, и Тони на минуту показалось, что тот

просто ходит во сне, но вдруг старик яростно почесался и сплюнул в печную яму.

Слоун тут же поднялась на ноги. Она была почти на голову выше старика и подумала, что, возможно, он каких-то местных кровей, раз у него такая миниатюрная фигура.

— Папа Генрик, мы проделали долгий путь, чтобы встретиться с вами. Старые рыбаки в Уолвиш-Бей говорят, что вы самый мудрый человек во всей округе.

Их заверили, что Папа Генрик знает английский. Однако этот гномоподобный старик не подавал никаких признаков понимания обращенных к нему слов. Он на секунду перестал имитировать храп, что обнадежило Слоун, но ничего не произнес.

— У нас есть к вам несколько вопросов о том, где вы рыбачите, какие самые опасные для этого дела места, где вы, например, теряете сети или удочки. Вы согласны поговорить с нами?

Генрик ушел в хижину, расправив за собой входную простыню. Немного погодя он вышел вновь, облачившись: в плотное стеганое пуховое покрывало, сшитое из нескольких лоскутов так, что перья выбивались из швов при каждом его движении. Он недалеко отошел и помочился прямо в воду, почесывая свой живот.

Затем он присел на корточки, спиной к Тони и Слоун. Позвонки его тощей спины выделялись, словно нить черного жемчуга. Папа Генрик развел огонь, вдохнув в охапку щепок и деревянных брусков жизнь, и они медленно превратились в тлеющие угольки.

— Здесь много опасных мест для рыбалки, — прервал он молчание на удивление глубоким густым басом, немного не сочетавшимся с его, можно сказать, хрупким телом. Повернуться он так и не соизволил. — Я рыбачил во всех и врагу не пожелаю заплывать туда, где бывает Папа Генрик. В неравной схватке со стихией я потерял уже столько удочек, что их хватило бы протянуть отсюда и до мыса Кросс-Бей, — с гордостью, даже вызывающе, поведал он.

Кросс-Бей находился более чем в восьмидесяти милях к северу.

— Я потерял столько сетей, что они легко покрыли бы всю пустыню Намиб. Я вышел победителем из стольких схваток с морем, что любой бы сбежал, бросив свою лодку. Я поймал рыбину больше, чем самый огромный корабль, и я был свидетелем такого, что свело бы с ума любого.

Наконец, он обернулся. В трепещущем свете небольшого костра его газа заиграли дьявольским светом. Он улыбнулся, обнажая три зуба, одиноко белевшие в полутьме. Затем его смех перешел в сдавленный самодовольный хохот, и уже мгновение спустя он заливался лающим смехом, неожиданно прерванным в приступе кашля. Успокоившись, он вновь сплюнул в огонь.

— Папа Генрик никому не открывает своих секретов. Я знаю, чего вы от меня хотите, но вам никогда не получить этого, потому что я так хочу.

— Но почему? — Проговорила Стоун, отдавая себе отчет, что вполне понимает все сказанное этим старым чудаком. Она пододвинулась к нему.

— Папа Генрик — самый великий рыбак на земле. Зачем мне открываться вам и наживать себе соперников?

— Я не собираюсь рыбачить в этих водах. Я ищу корабль, потерпевший здесь крушение много лет назад. Мы с моим другом — она махнула рукой в сторону Тони — хотим найти его, потому что… — выдержала Слоун недолгую паузу, соображая историю, что собиралась скормить этому хвастуну, — потому что один богач нанял нас найти одну вещь, что сейчас покоится на дне моря. И вы можете нам помочь.

— И этот богач платит? — лукаво поинтересовался старик.

— Да, немного.

Папа Генрик потянулся, расправив руки под покрывалом, словно летучая мышь.

— Папе Генрику не нужны деньги.

— Что вы хотите за свою помощь? — внезапно вставил Тони.

Слоун предчувствовала некое коварство в голосе Генрика и уничтожающе взглянула на своего коллегу.

— Я не буду тебе помогать, — тот ответил Тони и бросил взгляд на Слоун.

— Я помогу тебе. Ты — женщина и не станешь мне конкурентом.

Слоун, конечно, не стала вдаваться в подробности своего детства, когда она все лето проводила на шхуне отца, помогая ему в рыбной ловле, а затем и вовсе взяла дело в свои руки, когда отца в пятьдесят лет сразила болезнь Альцгеймера.

— Спасибо, Папа Генрик.

Слоун вынула из рюкзака огромную карту побережья Намибии и расправила ее на свету от костра. Тони схватился за противоположные концы и посветил на нее фонариком. Звездочками было отмечено около десятка мест практически неподалеку от береговой линии. Почти все они концентрировались вокруг Уолвиш-Бей.

— Мы уже поговорили со многими рыболовами, интересуясь у них, где самые опасные места, что они встречали в округе. Нам кажется, что в одном из них вполне может оказаться затонувший корабль. Не взглянете ли вы на карту, вдруг они что-то упустили.

Некоторое время Генрик тщательно изучал карту, его глаза быстро перемещались от одной звездочки к другой, а пальцы следили по береговой линии. Затем он поднял взгляд на Слоун. Она вдруг почувствовала, будто оба они находятся и параллельных мирах и им никогда не суждено пересечься, поскольку старик словно смотрел сквозь нее, и глаза его были подернуты пеленой сумасшествия.

— Я не знаю этого места.

В недоумении Слоун, приложив палец к небольшой звездочке, нарисованной неподалеку от южной оконечности побережья, произнесла ее название:

— Уолвиш-Бей.

Затем, проведя пальцем до самого юга:

— А здесь находимся мы, это Сэндвич-Бей. А в самом верху карты нанесен Кейп-Кросс.

— Нет, неправильно. Кейп-Кросс там, — произнес он, указывая к северу от Сэндвич-Бей.

Слоун поняла, что хоть Генрик и провел всю жизнь на море, карты он никогда в руках не держал. Она подавила тяжелый вздох.

Следующие два часа Слоун упорно расспрашивала старика о местах, где он лишился пары лучших сетей или удочек, поскольку все, что зацепляло и рвало сети или ломало удочки, могло оказаться либо разломами плит вулканического происхождения, либо затонувшим кораблем. И Папа Генрик рассказывал ей, что в двух днях плавания отсюда находилось одно из таких мест, а в пяти днях к северу — другое. Его данные о каждом из этих мест совпадали с картой, которую за последние несколько дней скорректировала Слоун, расспросив рыбака одного торгового судна и нескольких капитанов экскурсионных катеров в Уолвише.

И только одно из них не было упомянуто никем, кроме этого спятившего старика. По расчетам Слоун, оно находилось где-то в милях семидесяти практически от всех звездочками помеченных местоположений. Сказать по правде, во всех этих обозначенных территориях не водилось никакой рыбы. Папа Генрик побывал там только единожды в своей жизни, когда его лодку случайно отнесло туда ветром.

Слоун обвела это место на карте, мимоходом подметив, что максимальная глубина заходила там за сто пятьдесят фунтов — предел того, что она могла осилить, погрузившись в воду. Однако ничего не могло остановить ее. И все-таки это было слишком глубоко, на такой глубине даже в прозрачной воде не разглядишь очертания корабля на песчаном дне, что уж говорить об исследовании этого участка с вертолета, на борт которого должны были подняться якобы чисто с туристическими целями.

— Вам лучше держаться оттуда подальше, — предостерег Слоун Папа Генрик, заметив, как затуманился в раздумьях ее взгляд.

Это вывело ее из забытья.

— Почему бы и нет?

— В морях обитают железные змеи. Это самое настоящее волшебство, я думаю.

— Железные змеи? — усмехнулся Тони.

Старик мгновенно выпрямился перед Тони, свирепо уставившись ему в глаза.

— Да как ты смеешь сомневаться в том, что говорит Папа Генрик? — прогремел он, брызжа слюной. — Их целые полчища, длиной они не меньше сотни футов; извиваясь, они бороздят морские просторы, временами выныривая на поверхность. Одна из них чуть не утащила мою лодку на дно, в надежде поживиться мной. Но мне удалось скрыться от ее прожорливой пасти. Уже только за это меня следует почитать как самого великого моряка на земле. Тогда как душа твоя мгновенно ушла бы в пятки, и ты бы в мгновение ока отдал концы от страха, оказавшись на моем месте.

Он бросил взгляд на Слоун. Казалось, рассудок его окончательно помутился. А в глазах отражался неудержимый ужас.

— Папа Генрик вас предупредил. Сунетесь туда — живыми не выберетесь. Теперь уходите.

Он отвернулся к костру, и, раскачиваясь взад и вперед, стал что-то бормотать на незнакомом Слоун языке.

Она поблагодарила его за помощь, но старик никак не отреагировал. Казалось, сознание его унеслось за много миль от этого проклятого места и его непрошеных гостей. А Слоун и Тони сев обратно в лодку, начали медленно отплывать от скромного жилища Папы Генрика. Когда они выбрались из скрытого камышами протока, Тони облегченно вздохнул.

— Старик окончательно свихнулся. Железные змеи! Нет, ну надо же!

— «Есть многое на свете, друг мой Горацио… Что и не снилось нашим мудрецам».

— Что это?

— Это из «Гамлета». И значит оно, что мир не таков, каким мы привыкли его видеть. Он намного шире, неизведаннее, удивительнее, чем ты можешь себе представить.

— Но ты же не веришь ему?

— Его железным змеям? Нет. Бесспорно одно: там он увидел то, что до смерти его напугало.

— Могу поспорить, что это были подводные лодки. Военно-морские силы Африки, должно быть, патрулируют здешние воды.

— Да, возможно, — согласилась Слоун. — Но нам предстоит еще многое проверить. Завтра мы встретимся с Лукой и обговорим наши дальнейшие действия.

Когда они вернулись в свои шикарные номера в отеле «Свакопмунд», только-только забрезжил рассвет. Слоун долго нежилась под душем, вымывая песок и морскую соль с кожи и волос.

Насухо вытершись, обнаженная, она залезла в постель. Во сне ее посещали уродливые железные змеи, борющиеся друг с другом в толще морских вод.

Глава 5

По пути в лодочный отсек Хуан Кабрильо прослушивал отчет о повреждениях, полученных кораблем. В трюмах было сухо, да это и не удивительно. «Орегон» сел на мель, а не наткнулся на риф. Мягкая грязь не смогла бы пробить корабельное днище. Что по-настоящему беспокоило Хуана, так это килевые люки. Днище «Орегона» было оснащено двумя открывающимися наружу люками, из которых пару подводных боеголовок можно было выпустить прямо в толщу морской воды. Здесь же находилась пара маленьких подводных лодок. Одна из них могла погружаться на глубину до тысячи футов, другая предназначалась для плавания на небольших глубинах.

К его величайшему облегчению, оба люка повреждены не были, и субмарины, целые и невредимые, по-прежнему висели на креплениях.

Лодочный отсек освещался приглушенным светом красных ламп. Все помещение насквозь пропахло морской солью и бензином. Подготовив резиновую лодку «Зодиак»,

моряки лодочного отсека наглухо задраили за собой огромную входную дверь. «Зодиак», оснащенный забортным мотором, мог развивать скорость более сорока узлов, но стоит отметить и то, что он также обладал небольшим встроенным двигателем, что существенно отличало его от лодок этого типа. Благодаря ему, лодка могла передвигаться практически бесшумно. Помимо этих лодок в отсеке также имелась бронированная штурмовая лодка, способная выжимать гораздо большую скорость и вместимостью в десять вооруженных человек.

Немного погодя, Линк и Эдди представили полный отчет о состоянии корабля. Тогда, перед людьми Абалы, именно они разыграли то блестящее шоу, в котором Линк был капитаном, а Эдди — рулевым. Хотя, наверное, в мире нигде больше не встретишь двоих внешне настолько не подходящих друг другу людей. Тело Линка словно сплошь состояло из мышц, накачанных за многие часы занятий тяжелой атлетикой, тогда как Эдди был тощим как трость, с телом, вымуштрованным за долгие годы преподавания боевых искусств.

Они облачились в черную боевую экипировку, оснащенную запасом патронов, ножей и всякими прочими приспособлениями. У каждого имелся карабин «М4А1» и специально разработанная для вооруженных сил версия «М-16».

— Каков наш план, босс? — спросил Эдди.

— Сели мы на мель крепко, и времени ждать приливов или дождей у нас нет. Заметили вы ту дамбу, что мы оставили позади?

— Вы хотите ее взорвать? — с недоверием поинтересовался Линк.

— Конечно, нет. Нужно подобраться к ней и открыть шлюзы. Сомневаюсь, что там выставлена охрана, но если что, постарайтесь без лишних смертей.

Линк и Эдди кивнули.

— И еще. Думаю, как только вы откроете шлюзы, корабль начнет сносить, и вы вряд ли успеете догнать нас. Поэтому встретимся в Бома, где мы пришвартуемся.

— Да, самый что ни на есть план, — выдохнул Линк с полной уверенностью того, что миссия пройдет успешно. Нажал кнопку связи на стене:

— Эрик, мне нужно знать, когда спускать «Зодиак». Где сейчас патрульные судна?

— Одно из них стоит неподалеку. Думаю угостить его из миномета. А другое только что прошло мимо носа и движется по левому борту.

— Что на берегу?

— Инфракрасные камеры показывают, что он чист. Но нам обоим прекрасно известно, что люди Абалы не будут терять время впустую.

— Понял. Спасибо, Эрик.

Хуан кивком головы дал понять о начале операции. Линк и Эдди открыли люки.

Жар и зловоние джунглей мигом наполнило лодочный отсек. Этот неимоверно влажный воздух джунглей практически можно было пить. Также в нем витал запах дыма, который Макс напустил на корабль, дабы скрыть его. По краям берегов над кромкой воды щедро свешивалась бурная зеленая поросль. И несмотря на показания инфракрасных камер, Хуан чувствовал на себе неотступный взгляд чьих-то глаз.

Потому как «Орегон» носом уперся в мель, он стоял под уклон, так что килевые люки оказались где-то метров на пять выше поверхности реки. И Линку с Эдди пришлось вперед себя вытолкнуть лодку, а затем нырнуть самим. Перевалившись через ее мягкие борта, они, наконец, оказались на боевых позициях: Эдди занялся оружием, а Линк заводил электромотор. Под покровом ночи «Зодиак», медленно скользящий по водной глади, казался невидимым.

Отдаляясь от «Орегона», Линк повел лодку зигзагообразно, чтобы уйти от пересеченного обстрела из водяных пушек корабля, отражавших вражеские вертолеты. Вертолеты увиливали от столпов воды, ныряли под обстрелы пушек, но только им удавалось подлететь к «Орегону» ближе сотни футов, как уже приходилось брать резко влево, вниз или вверх от летящих зарядов, чтобы те их не задели.

Эдди мог только представить себе, что в эти минуты творилось на борту самих

вертолетов. Пилоты нефтяной компании были словно зажаты меж двух огней: с одной стороны жизни их угрожают свирепые туземцы, тогда как с другой — они должны вести свои машины навстречу обстрелу «Орегона» и стремительно маневрировать почти у самой кромки поды.

Выйдя из дымовой завесы, Эдди и Линк увидели, что находятся ещё на приличном расстоянии от патрульных кораблей, чтобы включать забортный мотор, так как, хотя он и был оснащен новейшим глушителем, все равно издавал уловимые рокочущие звуки. Развив скорость около сорока узлов, они молча летели обратно к дамбе, погруженные в свои мысли, но по-прежнему готовые к любому повороту ситуации. Тем не менее, они не услышали рев приближающегося катера, пока тот не врезался в ближайший остров, поскольку и ему, и «Зодиаку» пришлось резко сманеврировать, чтобы уйти от столкновения.

Линк узнал первого помощника полковника. Линк крепко схватился за штурвал, тогда как адъютант-повстанец, круто развернув лодку, уже преследовал их. Корпус лодки был отлакирован, сама она оснащалась двумя забортными моторами, что практически позволяло летать по водной поверхности, а на борту ее находилось четверо повстанцев, державших наготове автоматы.

— Ты знаешь его? — прокричал Эдди.

— Да, это правая рука Абалы.

Лодка повстанцев уже нагоняла «Зодиак», носом разрезая холодную темную воду.

— Линк, если он на связи с полковником, мы попали.

— Черт, я уже думал об этом. Какие-нибудь соображения?

— Дай им подойти, — ответил Эдди, передавая ему карабин.

— И не стрелять, пока не увижу белки его глаз?

— Выдержи время. Прикончи их секундой ранее, чем они тебя.

— Ясно. Тогда держись.

Линк резко заглушил двигатель и заставил лодку на полном ходу несколько раз подпрыгнуть и удариться о воду. Вскоре она замерла и теперь устойчиво покоилась на поверхности, что им и было надо.

Линк и Эдди вскинули винтовки, поскольку лодка повстанцев надвигалась на них со скоростью пятидесяти миль в час. На расстоянии двухсот ярдов, отделявших их друг от друга, открыли огонь. Повстанцы не заставили себя ждать, и их «АК» тут же угостили беглецов россыпью встречного огня, но мимо, поскольку двигались они со слишком большой скоростью, чтобы попасть по цели. А каскады пущенных пуль взбивали вокруг «Зодиака» воду в многочисленные фонтаны. С каждой секундой, что лодка повстанцев приближалась к «Зодиаку», преимущество Линка и Эдди все более и более возрастало.

Линк выпалил три очереди, чем содрал изрядное количество покрытия и прошивки с носовой части лодки противников. А Эдди направил все свои усилия на их рулевого, сосредоточенно пуская четкие единичные выстрелы, пока тот вдруг резко не завалился на бок. Лодку круто повело в сторону. Один из повстанцев взял управление на себя, а трое остальных продолжали беспорядочную пальбу. Один из выстрелов просвистел в миллиметре от места, где стояли Линк и Эдди, но ни один из них даже не моргнул глазом, не то что попробовал пригнуться. Они методично продолжали обстреливать противника, пока в живых не остался всего один африканский солдат, насколько возможно пригнувшийся за рулевым колесом в надежде найти убежище за низким корабельным носом.

Линк и Эдди действовали четко и слаженно: Эдди удерживал линию непрерывного огня, а Линк перебрался на нос «Зодиака» завести мотор. От лодки, несущейся на них с неумолимым рвением акулы, цель которой — убить, никого не оставить в живых, их отделяло менее пятидесяти ярдов. Было ясно, что повстанец ведет лодку на лобовой удар. Линк позволил ему приблизиться.

Когда между ними оставалось уже менее двадцати футов, Линк вдавил рычаги двигателя, и «Зодиак», вздыбившись носом, рванул вперед. Эдди уже сжимал в руке гранату, предварительно сорвав с нее кольцо. Затем он швырнул ее в лодку противника, прямо в

рубку рулевого, где и прятался повстанец, и, растопырив пальцы руки, начал опускать их, отсчитывая секунды до взрыва. На последнем отсчете лодка врага стремительно взмыла вверх от захватывающего дух взрыва, когда граната поразила баки с горючим. Корпус лодки колесом закрутился на поверхности воды, всюду разбрасывая куски стекловаты и останки африканских солдат вместе с пылающим дождем горящего бензина.

— Наша взяла, — удовлетворенно произнес Линк.

Через пять минут «Зодиак» пристал к деревянному молу у дамбы «Инга». Массивная конструкция дамбы угрожающе нависала над ними — гигантская железобетонная стена, огромный резервуар с водой на реке Конго. Поскольку все электричество, что вырабатывала дамба, шло на рудники в Шаба, бывшая провинция Катанга, на водослив уходила лишь небольшая струя воды. Они подтянули лодку как можно ближе к берегу и привязали ее к одному из деревьев, что нависало над кромкой воды, чтобы ее не снесло течением. Затем, держа оружие наготове, начали взбираться по ступеням с наружной стороны дамбы.

На середине пути они услышали, как чуть ниже них глухую ночную тишину прорезали огнестрельные очереди. И тут же пули зарядили по ним, оказавшимся без какого-либо укрытия посреди стены дамбы, выдирая куски цемента и покрывая их многочисленными осколками. Линк и Эдди моментально среагировали, бросившись плашмя на ступени и открыв ответный огонь. Пара лодок пристала к деревянному молу. Повстанцы уже начали взбираться на дамбу.

— Люди Абалы все-таки связались с ним, — произнес Эдди, меняя магазин, пока Линк держал под обстрелом своей штурмовой винтовки мол.

Под выстрелами ружья Эдди трое повстанцев, бросившихся вслед за ними, полетели вниз, окрашивая ступени багровыми пятнами. Тут же Линк одним точным выстрелом ликвидировал одиноко оборонявшегося из своего «АК-47» повстанца на пристани. Секунду спустя его тело уже уносило стремительным речным течением.

Где-то над ними завыла сирена.

— Бежим, — произнес Линк, и оба они бросились вверх по ступеням, перескакивая через две или три за раз.

Когда они добрались до вершины, перед ними развернулась вся ширь водных масс, что сдерживала дамба, а вдалеке, на противоположной ее стороне, вырисовывалось небольшое приземистое здание с зажженным в окнах светом.

— Диспетчерская? — прошептал Линк.

— Должно быть. — Эдди отрегулировал свой беспроводной наушник. — Капитан, это Эдди. Мы наверху и собираемся добраться до машинного отделения.

Не было необходимости передавать свое местонахождение, поскольку в командном центре «Орегона» уже засекли, где они находятся.

— Сообщите, когда будете готовы открыть шлюзы.

Пригибаясь, чтобы не быть замеченными на фоне звездного неба, они осторожно пробежали по вершине дамбы. По левую стороны от них яркий лунный свет делил толщу речной воды пополам. А справа — вертикальный обрыв белел галькой у самого основания дамбы.

Приблизившись к диспетчерской, приземистому одноэтажному бетонному сооружению с единственной дверью и парой окон, перед ним они увидели шлюзные ворота и затвор, что отводил воду к очистным турбинам, которые располагались на дне дамбы.

Под прикрытием Линка Эдди осторожно протянул руку и попробовал открыть дверь. Она была надежно заперта. Пошарив у замочной скважины, он бросил вопросительный взгляд на Линка. О Франклине Линкольне в Корпорации ходила слава эксперта по вскрытию любых замков, Линда Росс даже поклялась, что именно он однажды влез в оружейный сейф самого Хуана, но в этот раз ему ничего не оставалось, как пожать плечами, поскольку необходимого набора отмычек у него с собой не оказалось. Эдди бросил на него неодобрительный взгляд, затем, достав из одного из своих карманов немного пластиковой взрывчатки, прилепил ее к замку. Когда он вставил в нее небольшой электродетонатор, они с

Линком на пару шагов отступили назад.

Только Эдди собирался активировать детонатор, как вдруг из-за угла появился один из охранников дамбы в темной униформе с пистолетом и фонарем в руках. Линк, не растерявшись, прицелился и точным выстрелом винтовки выбил из его рук пистолет. Охранник упал на землю, с криками и стонами прижимая к груди раненую руку. Линк бросился к нему, на ходу вынимая из кармана пару эластичных наручников. Он быстро проверил рану и, убедившись, что она несерьезная, связал охранника по рукам и ногам.

— Прости, парень, — произнес он и вернулся к Эдди.

Тот взорвал детонатор. Взрывчаткой вырвало ручку двери вместе с замком, Линк вышиб ее и прошел внутрь под прикрытием Эдди. Машинное отделение освещалось ярко, это было просторное помещение со спецустройствами, циферблатами и рычагами на стенах и устаревшей компьютерной техникой. Трое ночных дежурных моментально вскинули руки, как только Линк и Эдди ворвались в помещение с криками: «Не двигаться!» Под дулами винтовок те с ужасом сползали на бетонный пол.

— Будете делать, что мы говорим, останетесь живы, — сказал Эдди, представляя, как банально это, должно быть, звучит для испуганных работников плотины.

Линк быстро проверил помещение, обнаружив пустой конференц-зал сразу же за диспетчерской и довольно просторную уборную, что тоже была пуста, если не считать огромного, размером с его средний палец, таракана.

— Кто-нибудь из вас говорит по-английски? — обратился он к африканцам, связывая их.

— Я говорю, — ответил один из них, на голубой рабочей куртке которого висел бейдж с именем — Кофи Баако.

— Хорошо, Кофи. Как я уже сказал, мы не причиним вам вреда. Мне нужно знать, как открываются запасные шлюзные ворота.

— Но вся вода вытечет!

Эдди указал на многоканальный телефон, на котором мигало четыре из пяти сигнальных лампочек, и Линк произнес:

— Вы уже связались со своим начальством, и я уверен, что они уже послали своих людей. Ворота будут открыты всего час. Теперь покажите мне, как это сделать.

Кофи Баако усомнился в словах Линка, тогда Эдди, вынув пистолет из кобуры, стал, словно невзначай, наводить его то на одного пленника, то на другого. И африканец свирепо произнес:

— У вас не более пяти секунд.

Он кивнул на панель у самой дальней стены.

— Пять верхних рычагов разблокируют защитные системы. Следующие пять сомкнут платы двигателей, что управляют воротами, а нижние пять уже непосредственно откроют ворота.

— Их можно закрыть вручную?

— Да. Внутри дамбы находится специальное помещение с большими коленчатыми рычагами, которые можно закрыть только в четыре руки.

Пока Линк поджидал у входа подкрепление, высланное начальством дамбы, Эдди переключал рычаги, наблюдая, как постепенно блестящие сигнальные лампочки меняют цвет с красного на зеленый. Принимаясь за нижний ряд рычагов, он передал по наушнику:

— Капитан, это Эдди. Будьте готовы. Я открываю ворота.

— Поторапливайтесь. Абала установил минометы и на берегу. Еще немного, и мы попадем в засаду.

— Тогда готовьтесь выбираться отсюда! — сказал Эдди, включая пять последних рычагов.

С последним рычагом глухой гул пронесся по дамбе; все нарастая и нарастая, он превратился в резкий грохочущий шум, что сотрясал все монолитное сооружение. Шлюзы поползли вверх, и вода с ревом хлынула вниз по бетонной стене дамбы. Ударившись о

землю, она влетела в реку мощной восемнадцатифутовой волной, все набирая скорость и затопляя берега, вырывая с корнем деревья и кустарники.

— Это должно сработать, — сказал Эдди, выпуская всю обойму своего пистолета в пульт управления. Старая техника тут же разлетелась в мелкие кусочки с искрами и клубами дыма.

— Да, это должно помочь нам выиграть время, — добавил Линк.

Они покинули диспетчерскую, пристегнув дежурных к столам, и принялись спускаться вниз. Рев и ярость мощного потока воды казались физически ощутимыми, а их и без того наполовину промокшие костюмы подвергались атаке водяных брызг.

Когда они добрались до основания дамбы и спустили «Зодиак» на воду, уровень ее уже поднялся, что позволило им без труда добраться до Бома — места их встречи с остальной частью команды.

Тем временем на борту «Орегона» Хуан все с большим беспокойством обдумывал сложившуюся ситуацию. Абала понял, что быстроходные лодки слишком неустойчивы для минометов, и оперативно приказал перенести их на берега. Последний снаряд разорвался всего в двадцати футах от правого борта.

Еще больше удручало Хуана, что к «Орегону» подплывало все больше и больше лодок, до отказа забитых вооруженными повстанцами. Водяные пушки пока прекрасно с ними справлялись, но их было всего четыре, причем две из них все еще сдерживали нападение вражеских вертолетов. Хуан приказал Хали Касиму оставить управление радиолокационными системами и занять его место в командном центре, а Линду Росс он назначил в качестве координатора береговых операций вместо Эдди. Они бросились к правому борту корабля, откуда, как сообщил Макс, приближалась угроза нападения, и, целясь в повстанцев из револьверов и дробовиков, старались не дать им проникнуть на борт. При этом им беспрестанно приходилось уворачиваться от встречного огня, изрыгаемого с берега и подплывающих пирог.

— Все в порядке, — воскликнул Хали, — мои радары пришли в норму.

— Ты сможешь засечь приливную волну?

— К сожалению нет, капитан. Строение дна этой реки таково, что я смогу засечь ее только тогда, когда она уже вот-вот подхватит нас.

— Ну, хоть радары теперь в норме.

Прогремел очередной взрыв, на этот раз снаряд взорвался в нескольких дюймах от борта «Орегона». Повстанцы сжимали кольцо вокруг них. Следующий снаряд мог попасть прямо на палубу, а она была не так надежно защищена, как боковые части корабля.

— Приготовиться ремонтно-восстановительной бригаде! Возможно, нам понадобится ваша помощь, — приказал Хуан по внутренней связи.

— Господь с нами! — прокричал Хали.

— Что?

— Соберитесь!

Хуан включил аварийные сигналы, как только увидел приближавшуюся волну на мониторе радара и переднебортовых камерах. Огромная, от берега до берега, волна, вздыбившаяся более чем на десять футов, на скорости двадцати узлов неумолимо обрушилась на них всей своей силой. Одна из быстроходных лодок попыталась было спастись от ее неудержимой атаки, но волна подмяла ее под себя. Патрульное судно перевернулось, и его экипаж завертелся в речном водовороте, попадая под удары вращающейся лодки.

Пироги же попросту бесследно исчезли под напором воды, а повстанцы на берегу прощальными очередями провожали уносимый течением «Орегон».

За считанные секунды до того, как волна подхватила «Орегон», Хуан, находясь в рулевой рубке, спокойно разминал пальцы рук, словно пианист, что намеревается сыграть невероятной сложности увертюру, и затем, осторожно обхватив ими рычаги управления, приготовился к маневрированию кораблем.

Когда волна вытолкнула нос корабля из грязи, Хуан активировал боковые насосы. Словно попав в сильное цунами, корабль сильно накренился, постепенно развивая скорость до двадцати узлов, когда совсем, рядом с «Орегоном» взорвались две боеголовки и, должно быть, повредили грузовые отсеки и небольшой вертолет «Робинзон-Р44», что был укрыт на ватерлинии.

Хуан без конца проверял состояние двигателей, температуру в насосах, собственную скорость корабля и скорость течения, местонахождение и путь следования «Орегона» по многочисленным экранам. Корабль развил скорость всего до трех узлов, но благодаря подхватившей его волне почти в двадцать пять узлов несся вниз по реке.

— Макс, скажи мне, сколько максимум может выжать второй насос. Я не могу развить большую скорость рулевым управлением.

Хуан поддал газу, уводя «Орегон» от внезапно возникшего посередине реки острова, к которому его неумолимо несло течением. Его руки с неимоверной скоростью сновали по приборной панели, приводя в действие то носовые, то кормовые двигатели, стараясь держать «Орегон» как можно ровнее, пока мимо, расплываясь, проносились джунгли.

На изгибе реки «Орегон» сильно накренился и ушел в занос, течение теперь несло его на противоположный берег, где пришвартованное небольшое грузовое судно мощной волной было практически выброшено на берег. Хуан налег на двигатели, стараясь держать корабль как можно правее, чтобы избежать столкновения. «Орегон» и этот грузовой корабль разошлись, с душераздирающим скрипом пройдя друг друга борт о борт.

— Должно быть, царапина немаленькая, — с колкостью заметил Эрик, хотя на самом деле он пребывал в восторге от этого блестяще исполненного Хуаном маневра, прекрасно понимая, что сам бы не смог увести корабль и избежать столкновения.

Их уносило все дальше и дальше по течению реки, словно листок, упавший в водосточный слив, и едва они могли управлять кораблем, пока, наконец, двигатели не заработали в полную мощь. Время от времени Хуану приходилось вновь и вновь выводить корабль из заносов, чтобы не дать ему пропахать берег, и каждый раз, казалось, до столкновения оставались считанные секунды. Один раз они даже напоролись на мелководье, и корабль стал резко сбрасывать скорость, пробороздив мягкую грязь. На мгновение Хуан испугался, что «Орегон» вновь сядет на мель, так как сработали защитные системы и двигатель замер, но течение было настолько сильным, что корабль легко вынесло из мелководья, и он свободно понесся по реке, вновь набирая обороты.

Несмотря на постоянную опасность, а может быть, и по причине ее, Кабрильо пребывал в состоянии некой эйфории. Это было испытание его мастерства и возможностей корабля в схватке с неумолимым потоком, вечная борьба человека и природной стихии. Он никогда не сдавался и не отступал, поскольку не раз жизнь кидала его в такие ситуации, из которых он никогда бы не подумал, что выберется. Человек никогда не знает до конца, на что он способен. В других эта черта переросла бы в самонадеянность, но в Хуане Кабрильо она остановилась на высшей степени уверенности.

— Вторая насосная труба прошла очистку и готова к действию, — сообщил Макс. — Только будь с ней поаккуратней, пока я не вышлю ребят для осмотра повреждений.

Хуан завел второй двигатель, и тот тут же откликнулся. Оба мотора теперь исправно работали. Он проверил скорость — двадцать восемь узлов. С такой скоростью Хуан мог нормально управлять судном, и его неспокойный ход начал постепенно выравниваться. Люди Абалы либо все погибли в перестрелке, либо остались далеко позади, а два вертолета, что он угнал у нефтяников, отстали сразу же, как только хлынула вода.

— Эрик, думаю, теперь до самого Бома ты можешь взять управление на себя.

— Слушаюсь, капитан. Есть встать у руля, — отозвался Эрик.

Хуан же занял свое место в командном центре. Макс Хенли тронул друга за плечо.

— Ты чертов морской волк, должен я тебе сказать!

— Благодарю. Но сомневаюсь, что захочу взяться за это еще раз.

— Хотел бы я порадовать нас, сказав, что джунгли позади. Но, к сожалению, это далеко

от истины. Заряд батареи упал до тридцати процентов. И даже при попутном течении наше топливо будет полностью израсходовано, когда до живительного моря останется еще добрых десять миль.

— Ты утратил веру в своего капитана? — поинтересовался Хуан, насупившись. — Разве ты не слышал собственными ушами, как Эрик сказал, что прилив ожидается, — он глянул на часы, — через полтора часа? Океан ведь на пятнадцать-двадцать миль зайдет в глубь континента и наполнит Конго морской водой! Процент соли, что содержится в ней, достаточен для приведения в действие магнитогидродинамиков.

Макс выругался.

— Почему мне раньше не пришло это в голову?

— Поэтому мне платят больше, чем тебе! Я умнее, дальновиднее и выгляжу лучше тебя!

— И скромность твоя просто хлещет через край.

Затем он вновь посерьезнел.

— Как только мы пришвартуемся, я пошлю своих ребят в машинный отсек. Хотя по показаниям датчиков, двигатели работают исправно. Может, и не на все сто процентов. Но чутье подсказывает мне, что подкладки менять не придется.

Хоть Макс и занимал в Корпорации должность президента и ежедневно занимался многочисленными делами, шедшими на благо процветающей компании, большее удовольствие ему доставляла работа главным инженером на «Орегоне». А суперсовременные двигатели, словно подлинные произведения искусства, были его настоящей гордостью.

— И слава Богу!

Ведь поменять подкладки двигателя было не просто долгим и хлопотным процессом, так это еще и зашкаливало за миллион долларов расходов.

— Я не хочу стоять в Бома дольше, чем нужно. Как только мы подберем Линка и Эдди, надо сразу же направляться в международные воды, на случай, если министр Исака не сможет увести нас из-под удара африканских властей за вскрытие их дамбы, — заявил Хуан.

— Хорошо придумано. Мы сможем проверить насосы и двигатели в открытом океане с той же легкостью, как и будучи пришвартованными.

— Что еще по повреждениям?

— Только рентгеновский аппарат в медкабинете, да и Морис все жалуется, что в осколках почти вся посуда на кухне, но я думаю, это-то мы переживем.

Морис служил на «Орегоне» главным завхозом, самый пожилой член команды, старше даже Макса. Он более подходил для Викторианской эпохи, нежели для современной действительности. И к тому же, был единственным из всего экипажа неамериканского происхождения. Он служил в Британских военно-морских силах, отвечая за питание на флагманских судах, пока его не отправили на пенсию. В первый же год его прихода в Корпорацию он стал всеобщим любимцем. Было за что: Морис закатывал грандиозные вечеринки в дни рождения членов экипажа, а, кроме того, назубок знал любимые блюда всех членов команды.

— Да, только передай ему, чтобы он попридержал коней, когда будет заказывать новые тарелки. В прошлый раз, когда побилась вся посуда, мы тогда бежали на помощь Эдди, он заказал «Ройал Далтон» — по шесть сотен баксов за набор.

Макс хитро глянул на него:

— Жалко несколько пенни?

— Да мы спустили сорок пять тысяч баксов на чаши для омовения пальцев и подставки под мороженое.

— Ну, пару центов, не больше. Не забывай, я уже просмотрел наш балансовый отчет, и мы можем себе позволить эти расходы.

На самом деле, так оно и было. Еще никогда Корпорация так не процветала. Рискованное предприятие Хуана по обеспечению безопасности и секретному надзору

превзошло даже все его самые смелые ожидания, тем не менее, и у этого успеха имелась темная сторона. Необходимость в подобной организации, особенно в период после Холодной войны, была неотъемлемой частью жизни в двадцать первом столетии. Он понимал, что без выхода на передний план негласного противостояния двух супердержав, что будут перетягивать мировую политическую ситуацию на себя, мелкие вспышки недовольства, восстания и терроризм захлестнут всю планету. Корпорация Хуана жила и процветала за счет разведок и операций по решению разного рода конфликтов, но подобная работа всегда сопрягалась с выбором: принять одно-единственное решение, встав на чью-либо одну сторону, ответив отказом другим. И это было одной из причин бессонных ночей Хуана Кабрильо.

— За это благодари мою бабушку, — парировал Хуан. — Она могла чуть ли не вечность прожить на доллар, да еще и кое-что отложить. Я чертовски не любил ее навещать, потому что она всегда покупала черствый хлеб, дабы сэкономить пару центов. Она его поджаривала, но, Богом клянусь, вкус все равно был отвратительный.

— Хорошо, только в честь твоей бабушки я передам ему, чтобы он остановился на посуде «Лимоудж», — ответил Макс, возвращаясь на свое место.

Появился Хали Касим, просматривая какие-то данные на экране компьютера перед собой. Он чему-то хмурился, а его усы комично опустились вниз.

— Капитан, Сниффер кое-что обнаружил.

Сниффер — так они окрестили небольшой комплекс радиолокационных установок, что посылал элетроколебания на несколько миль вокруг корабля, которые могли проникнуть как в обычные радиопередачи, так и в линии засекреченной сотовой связи. Все это передавалось на главный компьютер, который просеивал массу полученных данных с целью выделить в этом хаосе сигналов ценную информацию.

— Откуда исходит сигнал? — спросил Хуан, принимая из рук Хали экран.

— Спутниковая телефонная связь на высоте сорока тысяч футов.

— Это может быть только военное судно или самолет верхних эшелонов власти.

— Да, так я и подумал. К сожалению, Сниффер отключился, как только потухли радары, и мы успели засечь только начало разговора. А потом сигнал уже был вне зоны досягаемости.

Хуан озвучил расшифрованный главным компьютером разговор.

— …еще не скоро. В четыре утра Меррик будет в Дьявольском Оазисе.

Он прочел это еще раз про себя, затем взглянул на Хали.

— Мне это пока ни о чем не говорит. А тебе?

— Я не знаю, где находится Дьявольский Оазис, но пока вы выгружали оружие для сделки, по «Скай ньюс» передали, что некий Джеффри Меррик и один из его сотрудников были похищены из генерального штаба его компании в Женеве. Наши источники сообщили нам, что в момент получения этого сигнала самолет с Мерриком и его похитителями пролетал как раз над «Орегоном».

— Я полагаю, речь идет о том самом Джеффри Меррике, главе компании «Меррик и Сингер»? — сказал Кабрильо.

— Миллиардер, что своими открытиями в области обогащенного угля произвел революцию в промышленности, обратив против себя гнев всех экологических организаций, которые по ныне считают уголь самым главным загрязнителем окружающей среды.

— Есть информация о выкупе?

— В новостях ничего не сообщали.

План действий тут же возник в голове Хуана.

— Пусть Мерфи и Линда Росс этим займутся. С ее опытом в военно-морской разведке она прекрасно подходит, чтобы возглавить эту операцию. А у Мерфи просто собачий нюх для расследований такого рода. Передайте им, что я ожидаю полный отчет об этом деле. Кто схватил Меррика? Кто за ними стоит? Что есть Дьявольский Оазис и где он находится?

Открытия Меррика и досье его компании.

— Зачем нам это все?

— Чистый альтруизм, — ухмыльнулся Кабрильо.

— А может, все дело в его миллиардах?

— Как вы могли такое обо мне подумать? — произнес он с убедительным негодованием. — Его миллиарды никогда не покидали моих мыслей… то есть, мне и в голову не приходило его огромное состояние.

Глава 6

Опершись о стол, Хуан Кабрильо просматривал отчеты Линка и Эдди о проделанной на плотине операции по своему карманному компьютеру. Несмотря на леденящие кровь препятствия, что встретились им на пути, они умудрились превратить их на словах в наискучнейшую рядовую операцию, заведомо принижая свои заслуги и постоянную угрозы их жизней, так что теперь отчет походил на шаблонное описание действий. Он оставил в каждом из отчетов пару комментариев и отправил их в электронный архив. Затем он связался с метеослужбой. Уже девятый за этот год мощный атлантический шторм зарождался несколько севернее от них, и пока все они ничем не угрожали «Орегону», хотя два из прошедших все же переросли в ураганы, и опасный сезон только-только начинался. Метеорологи предсказывают, что ураганы этого года по мощи превзойдут даже те, что в 2005 году обрушились на Новый Орлеан и Техас. Эксперты заявляют, что ураганы — даже такой силы и мощи — всего лишь обычное явление в данной климатической зоне; экологи же трубят, что подобные ураганы — результат глобального потепления. Хуан отложил в сторону данные погодных служб, но проблема эта отнюдь не исчезла.

Следующие пять дней на юго-западном побережье Африки стояла ясная безоблачная погода.

Это утро Хуан встретил свежевыбритым, облаченным в чистые голубые бриджи, синюю рубашку с открытым воротом и палубные туфли на босу ногу — совсем не как предыдущие сутки, когда он походил на какого-нибудь жалкого служаку на борту грузовой баржи. Так как бриджи открывали лодыжки, он надел на протез правой ноги повязку. Волосы он всегда стриг коротко, чуть длиннее ежика, и несмотря на южное латиноамериканское происхождение, волосы выгорели почти добела под жарким калифорнийским солнцем, где и прошло его детство за любимым занятием серфингом.

Бронированные ставни, что защищали иллюминаторы, были теперь опущены, так что каюта Хуана словно купалась в солнечном свете. Деревянная обшивка, пол, кессонный потолок — все блестело от недавней покраски и полировки. Из-за стола ему была видна практически вся каюта с огромной кроватью ручной отделки, у ее изголовья находилась отделанная мексиканской плиткой душевая, медного цвета джакузи и раковина. Каюта насквозь пропахла пеной после бритья и запахом кубинских сигар «Ля Тройа», которые Хуан так обожал.

Простой и элегантный декор каюты отражал эклектику во вкусах Хуана. На одной из стен размещалась картина с изображением «Орегона», пробирающегося по водам бушующего моря, на другой же — висели стеклянные полки для редких вещиц, что он привозил из своих путешествий. Среди них были глиняная статуэтка из Египта, каменная чаша, принадлежавшая империи ацтеков, молитвенник из Тибета, небольшая раковина, ножик племени гурка, гренландская куколка из тюленевой шкуры, кусочек чистого изумруда из Колумбии и еще с десяток прочих диковинных вещиц. Мебель была преимущественно темных тонов, а освещение рассеянным и приглушенным, тогда как шелковые персидские коврики на полу — сплошь в ярких, даже кричащих цветах.

Одной из особенностей этой каюты, что достаточно много могла рассказать о ее хозяине, являлось отсутствие фотографий. Тогда как большинство моряков держало повсюду фотографии своих детей и жен, в каюте Хуана им не нашлось места. Он был женат однажды.

Но после той ужасной аварии одиннадцать лет назад, когда его жена в пьяном виде села за руль, он поклялся себе никогда не вспоминать об этом периоде своей жизни.

Он отхлебнул глоток ароматного горячего кофе и улыбнулся, заметив, что завтрак ему уже сервировали.

Возможность хорошо платить приводила к нему на службу самых блестящих офицеров американских вооруженных сил и разведки, к тому же он не платил из своего кармана ни за поддержание «Орегона» на плаву, ни за дорогой китайский фарфор в его столовой, ни за первоклассных поваров на его кухне. Более того, каждому новому члену команды он позволял сменить интерьер в каюте на свой вкус.

Марк Мерфи спустил почти весь заработок на стереосистему, часто сотрясавшую «Орегон». Линда Росс прибегла к помощи дизайнера из Нью-Йорка, а Линк, чуждый всем этим переделкам, просто купил «Харлей-Дэвидсон», которые сейчас стоял в трюме.

«Орегон» располагал прекрасным фитнес-центром с саунами. Более того, когда он был не на задании, один из его балластов можно было до половины наполнить водой, и тогда к их услугам — огромной величины плавательный бассейн. Сотрудникам Корпорации жилось очень даже хорошо, если не считать той огромной опасности, что нависала над их жизнью при каждой новой операции. Недавняя перестрелка с повстанцами и схватка с природной стихией — лишь малая толика того, что им уже довелось или еще придется пережить. Каждый член команды был одновременно и акционером. А пока они наслаждались огромными процентами от всеобщей прибыли, Хуану доставляло огромное удовольствие в конце каждой из этих миссий подписывать премиальные чеки особо отличившимся офицерам, что в совокупности составляли до пятисот тысяч долларов.

Он только собирался приступить к отчету, предназначенному его другу в ЦРУ Лэнгстону Оверхольту, который в свое время многое сделал для Корпорации, как в дверь постучали.

— Войдите.

В каюте появились Линда Росс и Марк Мерфи. Линда — миниатюрная и бойкая, в то время как Мерфи — долговязый и неуклюжий с косматыми темными волосами, козлиной бородкой и привычкой всегда облачаться в черный цвет. Марк — один из немногих на корабле не имел специальной военной подготовки. Но он был гений-профессионал, что заработал докторскую степень, когда ему едва перевалило за двадцать. Он устроился подрядчиком на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, где и познакомился с Эриком Стоуном, который тогда служил в военно-морских силах и подписал контракт по работе в Корпорации Хуана. Эрик и убедил Кабрильо, что этот малый — настоящий гений в области вооружения, и никто другой так не подходит для службы на «Орегоне». И он оказался прав. Несмотря на любовь к панк-року и частые трансформации корабельной палубы в настоящую скейтбордную площадку, Хуан не мог желать и лучшего сотрудника.

Кабрильо бросил взгляд на антикварный хронограф на краю стола.

— Либо я вам очень нравлюсь и вы не можете и минуты прожить без меня, либо вы поспорили, кто из всей команды побеспокоит меня первым.

— Ни то, ни другое, — ответил Мерфи, поправляя бумаги в руках.

— Может, все-таки первое? — усмехнулся Хуан.

— Как вам угодно.

Они сели на напротив Хуана, а тот убрал кипу бумаг со стола.

— Итак, что мы имеем?

— С чего вы хотите начать? С похищения или с досье компании? — поинтересовалась Линда.

— Пожалуй, начнем с вводной информации, чтобы мне знать, с кем мы имеем дело, — ответил Хуан, устраиваясь поудобнее. Он закинул руки за голову и уставился в потолок. Линда приступила к отчету. Возможно, это было оскорбительно — не смотреть ей в глаза, пока она исполняла свои обязанности, но такова уж была одна из причуд Хуана — это

помогало ему сконцентрироваться.

— Джеффри Меррик, пятьдесят один год. Разведен. Имеет двух взрослых детей, которые только и делают, что спускают отцовские деньги. За ними всегда охотятся папарацци. И они часто светятся в таблоидах. Бывшая жена — актриса, в настоящее время проживающая в Нью-Мексико, в базе данных о ней информации больше нет. Меррик окончил Массачусетский Технологический Институт с докторской степенью, прямо на один день моложе, чем был Марк, когда получал свою степень. Далее он совместно с другим умным малым основал «Меррик и Сингер» — компанию по испытанию материалов. За последние двадцать с половиной лет они зарегистрировали свыше восьмидесяти патентов на произведенные ими открытия, а компания разрослась от двух небольших взятых в аренду помещений на окраине Бостона до научного городка в Женеве, Швейцария, с персоналом в сто шестьдесят человек. Как вы уже знаете, самое значимое из сделанных ими открытий — это органическая система фильтрации дымовых выбросов тех заводов, что работают на угле, которая призвана на девяносто процентов снизить концентрацию серы в окружающей среде. Через год после этого оба ученых проснулись миллиардерами, получив широкую известность во всем мире. Но уже тогда шло немало пересудов по поводу эффективности созданной ими системы, и это продолжается и по сей день. Экологи бьют тревогу об опасности, что таят в себе работающие на угле заводы, и требуют немедленно их свернуть, так как система Меррика и Сингера не зарекомендовала себя с положительной стороны. Против них завели немало судебных дел, которые пока находятся на стадии рассмотрения. И это еще не конец.

— Могли ли экологи похитить Меррика? — перебил ее Хуан.

— Швейцарская полиция уже проверяет эту версию, — ответила Линда. — Но, скорее всего, они здесь не при чем. Да и какая им от этого польза? Теперь вернемся к досье: десять лет спустя, когда они уже выставили акции своей компании на финансовый рынок, отношения между Мерриком и его партнером начали ухудшаться. До того времени они были просто не разлей вода. На пресс-конференциях появлялись только вместе. Но через пару месяцев Сингер, казалось, превратился в совершенно другого человека. Его часто стали видеть с защитниками окружающей среды, что и возбуждали дела против их же компании, и, в конце концов, он вынудил Меррика выкупить его часть акций, что на тот момент составляли два с половиной миллиарда долларов, и Меррику пришлось поднатужиться, чтобы раздобыть такую кучу денег. Он едва не обанкротился.

— Совсем как Каин и Авель, — вставил Марк.

— Между тем, ссора между двумя самыми близкими друзьями заняла первые полосы всех финансовых газет.

— А чем занимался Сингер?

— Когда от него ушла жена, он перебрался в Мэн, недалеко от места, где прошло его детство. Там он провел около пяти лет, оказывая поддержку экологам в их многочисленных процессах против промышленников. На это и ушла большая часть его состояния. Но затем вдруг обвинил ученых в жульничестве, заявив, что все они стараются только лишь для собственного кармана, не принося никакой реальной пользы планете. Это дело еще проходит проверку, только вот Сингер залег на дно.

— То есть он ударился в отшельничество?

— Нет, просто не показывается на публике. Когда я собирала информацию по компании, у меня сложилось впечатление, что Меррик и Сингер были не совсем равноправными партнерами, по крайней мере, внутри компании. Фактически управлял Меррик, тогда как Сингер был мозгами. Меррик лично знал практически всех из администрации на Капитолийском Холме, равно как и в Берне, когда форма переехала в Швейцарию. Одевался он в дорогие, в тысячу долларов каждый, костюмы, пока Сингер носил джинсы в сочетании с неумело завязанным галстуком. Меррик любил привлекать внимание к своей персоне, а Сингер держался в тени. Думаю, уйдя из компании, Сингер окончательно забрался в свою скорлупу.

— Да, не скажешь, что он способен организовать похищение.

— Я такого же мнения. Он просто ученый с толстым кошельком.

— Значит, мы имеем дело с похищением с целью получения выкупа — или есть какая-то другая причина организованной охоты на Меррика?

— После ухода Сингера дела в компании шли хорошо.

— Чем они все-таки занимаются в настоящее время?

— Сейчас они не работают с правительством, занимаясь, в основном, исследованиями, спонсируемыми Мерриком. И хоть они продолжают получать по несколько патентов в год — ничего выдающегося. Какой-нибудь новый клей с улучшенной формулой для некоторой секретной организации или пена, жароустойчивость которой на десятки градусов выше той, что уже имеется на рынке.

— Может, что-то могло заинтересовать промышленных шпионов?

— Мы ничего не раскопали, но, возможно, они и ведут какие-то секретные разработки.

— Хорошо, будем иметь это в виду. Теперь, что у нас насчет похищения как такового?

Марк выпрямился на своем стуле.

— Охрана сообщила, что видела, как Меррик и одна из его сотрудниц по имени Сьюзен Донливи беседовали друг с другом, направляясь к выходу. Было это в главном здании в семь часов вечера. У Меррика на восемь был заказан столик в одном из ресторанов, где должна была состояться одна встреча. Донливи проживает одна, и, видимо, никаких планов у нее не было. От «Меррик и Сингер» они отъехали на разных машинах: Меррик — на «мерседесе», Донливи — на «фольксвагене». Их машины были найдены в полумиле от научного городка. Полиция, изучив следы от шин автомобиля похитителей, сделали вывод, что, скорее всего, это был микроавтобус, и, по всей видимости, он заставил обе машины съехать к обочине на большой скорости. В «мерседесе» сработали подушки безопасности, в «фольксвагене» — нет. Предположительно, микроавтобус ударил первым «мерседес» и лишь затем «фольксваген». Окно со стороны Меррика было заблокировано, чтобы не дать открыть его снаружи, а в машине Донливи автоматическая блокировка отсутствовала, поэтому ее попросту вытянули из окна.

— Но как полиция узнала, что это похитители, а не какие-нибудь добрые самаритяне, что просто отвезли их в больницу? — перебил его Кабрильо.

— По той простой причине, что ни в одной больнице их нет. Это и навело полицию на мысль, что они заперты в подвале какого-нибудь доброго самаритянина.

— Это верно.

— До настоящего времени никаких требований выкупа не последовало, а все предпринятые попытки отследить микроавтобус оказались безуспешны. По всей видимости, они должны найти его у какого-нибудь аэропорта, ведь перевозят-то Меррика и Донливи самолетом.

— Вы уже проверили чартерные рейсы, вылетевшие из Женевы прошлой ночью?

— Эрик как раз этим и занимается. Их более двадцати, поскольку только что завершился экономический форум, и большие шишки возвращаются домой.

— Да, они все хорошо продумали, — вставила Линда.

— Это точно.

— Пока полиция не знает, что предпринять в сложившейся ситуации. Поэтому они заняли позицию наблюдения и ожидания, пока похитители не предъявят свои требования.

— А не может ли быть все дело в Донливи, а не в Джеффри Меррике? — предложил Хуан.

Марк покачал головой.

— Это вряд ли. Я проверил ее по базе данных компании. Она работает у Меррика второй год исследователем в области органической химии и все еще корпит над своей докторской степенью. И, как я уже сказал, живет она одна. Не замужем, детей нет. База данных не дает никаких сведений об интересах или хобби сотрудников компании, кроме информации о профессиональных достижениях. Как всегда, ничего личного.

— Да, ради нее ни один из похитителей не нанял бы личный самолет администрации.

— Откуда и следует, что целью был Меррик, а Донливи просто оказалось не в то время не в том месте.

— А что по Дьявольскому Оазису, что упомянут в разговоре? — спросил Хуан.

— В Интернете про него мы ничего не нашли, — ответила Линда. — Должно быть, это кодовое название, а если так, то под ним может скрываться что угодно. Раз они достигнут Дьявольского Оазиса в четыре утра, то раскрывается широкая область направлений по Южной Америке, куда бы они могли направляться. Или же они могли повернуть назад и полететь обратно в Европу.

— Ну, это вряд ли. Предположим, что они следовали своему курсу прямо из Швейцарии, пролетели над нами и направились далее. Где бы они могли приземлиться?

— Где-нибудь в Намибии, Ботсване, Замбии или Южной Африке.

— Возможно, даже и в Зимбабве, — пробормотал Марк.

За годы плохо спланированной экономики и процветающей коррупции, некогда богатая страна превратилась в наибеднейшую нацию на континенте с угрозой взрыва национальных движений против жадного правительства. В некоторых отдаленных деревнях, где уровень голода и эпидемий растет ежеминутно, уже поднялось несколько восстаний. Некоторые даже поговаривают о возможности настоящей гражданской войны уже через каких-нибудь несколько месяцев или даже недель.

— Я думаю, это может привлечь наших похитителей, поскольку, доставив миллиардера, они смогут повлиять на местные власти, — вставила Линда.

— Тогда сосредоточьтесь на поисках Дьявольского Оазиса в Зимбабве, но не исключайте и других возможностей. А пока мы будем держаться курса на юг. Надеюсь, вы откопаете хоть что-нибудь до тех пор, как «Орегон» пересечет тропик Козерога. Я собираюсь связаться с Лэнгстоном, может, ЦРУ удалось напасть на след похитителей, или попрошу его бросить пару разведчиков в правительство Швейцарии и в компанию «Меррик и Сингер». Возможно, они предприняли уже какие-либо действия.

— По правде сказать, не помню, чтобы «Орегон» занимался подобными делами.

— Знаю, Линда. Но, раз уж мы засекли тот странный разговор, все это неспроста: а вдруг именно мы призваны разрешить данное происшествие?

— Или же скоро похитители выдвинут свои требования, «Меррик и Сингер» заплатят выкуп, а этот богатенький малый, Джеффри Меррик, благополучно вернется домой уже к ужину.

— Вы упускаете из виду одну очень важную деталь, — резкий тон Хуана никак не сочетался с иронично-оптимистичным настроем Линды. — Если бы все дело было в деньгах или в каком-либо другом выкупе, ни один из похитителей не пошел бы на такие жертвы, как заказать частный самолет и войти в международное воздушное пространство. Они бы заперли его в каком-нибудь притоне в пределах Швейцарии, обнародовали сумму выкупа и уже давно разделались бы со всем этим делом. А если оно вам показалось таким уж мелким и обыденным, значит, мы что-то упустили из виду. Причем что-то очень важное.

Линда Росс закивала, осознавая всю серьезность данной ситуации.

— Как, например, что?

— Выясните, что есть Дьявольский Оазис — и, может, тогда правда всплывет на поверхность.

Глава 7

Наушники и микрофоны, коими Слоун была увешана, душили ее в этом и без того жарком климате так, что волосы на голове слиплись, словно измазанные в клею, да еще и этот вертолет без какого-либо намека на кондиционер. Но попроси они на секунду приземлиться, чтобы хоть глотнуть свежего воздуха, им бы пришлось сопротивляться реву вертолетного двигателя и порывам ветра от лопастей его винта. Так, балансируя между

неудобствами, провела Слоун эти два дня, что были абсолютно безрезультатны.

Слоун уже насквозь взмокла от пота, ощущая это каждый раз, как виниловое сиденье прилипало к ее коже, пока она ерзала на своем месте. Лука, что сидел рядом с ней и одарял ее своей широкой улыбкой, заранее предупредил ее отлеплять рубашку от тела всякий раз, как она будет менять положение, поскольку мокрая ткань грозила туго скрутиться вокруг нее и сдавить грудную клетку. Она бы предпочла сидеть впереди, рядом с пилотом, но тот заявил, что ему необходим вес Тони, чтобы балансировать вертолет.

В последний раз они возвращались в Свакопмунд, чему Слоун несказанно радовалась, ведь пребывание в этой местности с таким нестерпимо жарким климатом, наконец, завершилось. Только вот результатов оно не принесло никаких, и сказать, что это угнетало ее — значит не сказать ничего. Семь раз они пролетали над океаном в поисках мест, отмеченных рыбаками на карте, и семь раз летели на дозаправку, не найдя ничего, кроме естественных скалистых образований, неглубоко скрытых под водой. Портативный металлоискатель, что они опускали в воду на длинном тросе, не засек ничего достаточно крупного, что походило бы на якорь, не говоря уже о целом корабле.

Тело Слоун изнывало от многих часов перелетов на этом тесном вертолете, и она уж и не надеялась когда-нибудь избавиться от этого невыносимого запаха Луки. Она была так уверена в успехе своего плана, ведь они опросили почти всех местных рыбаков, которые знали прибрежные воды как облупленные, что даже мысли о провале у нее не возникало. Но сейчас, на пути к небольшой вертолетной станции, где-то в дюнах за пределами Свакопмунда, боль и обида поражения скатались в ком в ее горле, пока нестерпимо яркий солнечный свет, отражаясь от океанской глади, ослеплял ее сквозь очки, усиливая и без того пульсирующую головную боль.

Тони обернулся проверить, как она, и жестом показал натянуть наушники внутренней связи, что она сняла от жары и безысходности.

— Пилот говорит, что у нас недостаточно топлива, чтобы проверить последнюю точку на карте, которую указал Папа Генрик.

— Вы говорили с Папой Генриком? Что он сказал? — повернулся Лука, одаряя Слоун дурным запахом изо рта.

Слоун не стала рассказывать ему о ночной вылазке в Сэндвич-Бей, где они навестили полоумного старика. Лука с самого начала был прав: старик спятил и не может ничего знать о водах дальше от берега.

Почему бы Тони не держать язык за зубами? Она пожала плечами:

— Да так, ничего важного. Он чокнутый, каких только свет видывал. Мы уже спустили две тысячи баксов на топливо, проверяя информацию из надежных источников, не думаю, что Папа Генрик и его гигантские змеи стоят дополнительных расходов.

— Гигантские что? — не сдержался пилот. Он был южноафриканец и говорил с сильным акцентом своего родного языка.

— Гигантские змеи, — пояснила Слоун, вдруг почувствовав себя глупо. — Он заявил, будто однажды попал под атаку гигантских железных змей.

— Значит, Папа Генрик, как обычно, был пьян. В округе он известен всем как самый большой пьяница на свете. Недавно видел, как он кутил с двумя какими-то бугаями с рюкзаками, игроками в регби, что ли, так оба они уже валялись под столом, а Папе Генрику хоть бы что. Думаю, когда вы его видели, он вернулся с очередной такой попойки, — ответил пилот.

— Гигантские змеи! — захихикал Лука. — Разве я не говорил вам, что Генрик уже давно съехал с катушек, и вы потеряете время в разговорах с ним. Верьте мне. Я найду то, что вы ищете. Вот увидите. Здесь еще много мест, где может быть то, что вам нужно.

— Я пас, — ответил Тони. — Мне нужно быть дома послезавтра, и я жду не дождусь, когда смогу понежиться у своего бассейна.

— Ну ничего, — заверил его Лука, бросив взгляд на ноги Слоун, там, где заканчивались её шорты. — Я доставлю туда мисс Слоун на катере с превеликим

удовольствием.

— Не думаю, что это возможно, — отрезала Слоун, стараясь привлечь внимание Тони. Она бросила на него укоризненный взгляд, но тот не сразу понял, к чему клонит гид.

— Ну, я еще посмотрю. Может, утром и передумаю. А что бы и не прокатиться на катере с ветерком? — отреагировал Тони.

— Вы только потратите свое время, — пробурчал пилот.

И Слоун не сомневалась в его правоте.

Двадцать минут спустя вертолет сел на небольшой площадке, подняв облако пыли, которое заполонило видимость вокруг и заставило флюгер бешено вертеться. Пилот заглушил двигатель. Рев мотора и визг лопастей моментально стихли. Открыв дверь, он впустил горячий песчаный воздух в кабину, но уже от этого экипаж облегченно вздохнул.

Слоун выбралась из вертолета, инстинктивно пригибаясь, так как лопасти винта все еще крутились. Она схватила вещмешок и обошла вертолет спереди, чтобы помочь Тони отстегнуть металлоискатель и катушку с тросом от левого шасси этой маленькой летающей птицы. Вдвоем они погрузили тяжелое снаряжение, весом практически в сто фунтов, в кузов взятого напрокат пикапа. Лука даже и не думал помогать им, жадно затягиваясь первой за два часа сигаретой.

Тони рассчитался с пилотом за день предоставленных услуг, отдавая ему все чеки, кроме двух. Некоторую сумму из своих сбережений он уже умудрился проиграть в казино отеля. Пилот пожал руки обоим и поблагодарил за использование его услуг со словами:

— Уверен, вы считаете Луку жуликом и негодяем, но он прав по части Папы Генрика. Старик на самом деле не в своем уме. Вы двое уже через многое прошли, разыскивая свой затонувший корабль. Теперь же насладитесь последним днем отдыха, съездите в дюны или поваляйтесь у бассейна, как сказал Тони.

Лука не мог их услышать, и Слоун ответила:

— Пит, мы пролетели почти через весь земной шар, так что нам теперь еще один день поисков?

Пилот усмехнулся.

— За это я и люблю вас, янки. Вы никогда не сдаетесь!

Они снова пожали руки, пока Лука забирался на заднее сиденье пикапа. Они высадили его у одного из баров в Уолвиш-Бей, заплатив его дневную ставку. Несмотря на все их протесты и заверения, что его услуги им больше не понадобятся, он пообещал быть в отеле в девять утра.

— Он просто невыносим! — не сдержалась Слоун.

— Не пойму, чем он тебя не устраивает. Да, он мог бы принимать душ почаще, пользоваться освежителем рта, но он на самом деле нам очень помог.

— Будь ты на моем месте, ты бы меня прекрасно понял.

Свакопмунд не походил ни на какой из городов Африки, поскольку Намибия являлась немецкой колонией. Архитектура здесь напоминала баварскую. Повсюду изобиловали дома с золоченой резьбой и массивные лютеранские церкви. Главные улицы города постоянно поддерживали в хорошем состоянии, хотя совсем избавиться от сдуваемого с дюн песка было невозможно. К городу прилегал глубоководный залив Уолвиш-Бей, что автоматически превращало город в порт для всех приезжавших сюда на поиски приключений.

Слоун отклонила предложение Тони поужинать в ресторане отеля и провести ночь в казино.

— Думаю, я лучше поужинаю на свежем воздухе, скажем, на маяке, на фоне солнечного заката.

— Ну, как знаешь, — ответил Тони и направился к своему номеру.

После душа Слоун надела легкое цветастое платье и сандалии, на всякий случай набросив на плечи свитер. Распустив рыжие волосы, она немного припудрила лицо там, где солнце оставило следы своего прикосновения.

Хоть все путешествие Тони держался молодцом, у Слоун возникло некое предчувствие,

что двух часов в роли Джеймса Бонда в казино с него будет достаточно, и наверняка усталость этих дней приведет его обратно в номер.

Она прогуливалась по улице Бахн Хов, заглядывая в витрины сувенирных магазинчиков, что были битком набиты местными поделками и разукрашенными страусиными яйцами. Ветер, дувший с океана, приятно освежал, развеивая облака пыли. Дойдя до конца улицы, Слоун остановилась. Справа от нее находился пляж Палм-Бич, а если пройти прямо, то можно было выйти прямо на пристань. Она представляла собой естественную песчаную насыпь, что укрывала собою весь пляж, а невдалеке высился маяк. Через несколько минут она уже сидела в ресторане на его вершине, возвышавшемся над тихим океанским прибоем. Несколько туристов уже наслаждались открывавшимся с маяка обзором. Слоун заказала в баре немецкое пиво и села за свободный столик, обращенный к океану.

Слоун Макинтайр не привыкла проигрывать, поэтому на этот раз она была слишком раздосадована и раздражена итогами проделанного путешествия. Казалось бы, она уже давно занималась этим делом, но с каждым новым провалом в ней крепло ощущение, что заветный Его Величество «Бродяга» ускользал от нее все дальше и дальше.

Но ведь она сама виновата. В сотый раз уже Слоун задавалась вопросом, насколько верны были слухи? Пятьдесят к одному? Или на все сто? А что ожидало бы ее, найди она корабль? Ну, похлопали бы ее по плечу, дали бы премию. А дальше что? Она сомневалась, что все это стоит того, чтобы мириться с нетерпеливостью Тони или сумасбродством Папы Генрика. Она ожесточенно прикончила в несколько глотков пиво и заказала еще кружку вместе с одним из рыбных блюд.

А пока она медленно ела, наблюдая за заходом солнца, в голове ясно вставали картины прошлого. У нее была сестра и муж, карьера и дети, пока она не бросила свою лондонскую жизнь ради каких-то воздушных замков, не дававших ей спокойно жить. Затем вспомнились недавние отношения, что закончились, едва начавшись, поскольку ее никогда не было рядом. Но более всего, в голове у нее не укладывалось, как женщина с дипломом Колумбийского университета могла докатиться до того, чтобы оказаться в стране третьего мира, опрашивая местных рыбаков, где они теряют свои сети и удочки.

Она решила, что, вернувшись домой, трезво взглянет на свою жизнь и произведет переоценку. Через три года ей уже сорок, она вспомнила, насколько далеким и пугающим казался ей этот возраст тогда, когда она была еще двадцатилетней девчонкой. Она ни на йоту не стала ближе к тем целям, что ставила в начале своего восхождения по этому пути, и чувствовала, что без каких-либо коренных изменений ей совершенно нечего ждать от этой невыносимо крутой карьерной лестницы.

Она надеялась, что одним из таких рывков окажется путешествие в Намибию, и еще больше злилась на себя за такую глупость.

В воздухе немного похолодало от дуновения ветерка с холодного океана. Она натянула свитер и расплатилась по счету, оставив довольно большие чаевые, хотя в гостевой книге говорилось, что они были совсем необязательны.

Она решила вернуться к отелю другим путем, чтобы еще немного прогуляться по старинной части колонии. Тротуары опустели, и только несколько туристов спешили в рестораны, что располагались по обеим сторонам улицы. Ни о какой пробке, конечно, не могло быть и речи. Хоть Намибия и была довольно процветающей по африканским стандартам, страна все же оставалась на невысоком уровне развития, и местное население жило по собственному, много столетий назад принятому распорядку, в это время суток практически не появляясь на улицах. Большинство из них уже засыпало к восьми часам, и только в нескольких домах еще мерцали огоньки.

Слоун заметила, что ветер внезапно стих, так что где-то позади даже стали слышны звуки шагов. Она обернулась и увидела, как тень быстро метнулась за угол. Продолжи этот человек свой путь вдоль улицы, Слоун бы посчитала это за приступ паранойи. Но этот некто явно не хотел быть замеченным, а с этим районом города она почти совсем не была знакома.

Но она знала наверняка: отель находился по левую сторону от нее, улиц через четыре-пять, на улице Бахн Хов, Так что ей оставалось лишь выйти на нее, и все было бы в порядке. Слоун принялась бежать, и уже через пару секунд с ее ноги слетела одна сандалия. Она не задумываясь скинула другую, поскольку ее преследователь, что-то проворчав, кинулся ей вдогонку.

Слоун выкладывалась, как могла, шлепая босыми ногами по тротуару. Забегая за угол, она быстро оглянулась назад.

За ней гнались уже двое! Они вполне могли сойти за рыбаков, которых они с Тони опрашивали, но она успела заметить, что оба явно европейского происхождения, а один, похоже, и с пистолетом.

Она побежала еще быстрее. Конечно же, рано или поздно, они догнали бы ее. Единственный выход — как можно быстрее выйти на главную улицу, где и находился отель, тогда они наверняка отступят. Размахивая руками и горько сожалея о надетом платье, Слоун пронеслась по боковой улице. Преследовавшие ее тут же отстали, а она, увидев какую-то аллею, инстинктивно свернула в нее.

Выбегая на следующую улицу, она не заметила пустую консервную банку и с размаху пнула ее ногой. Боль раненого пальца была ни с чем не сравнима. Но страшно было другое — банка с громким стуком пролетела по асфальту, что, конечно, не могло не выдать ее. Она вновь свернула налево, где увидела приближающийся автомобиль. Слоун отчаянно замахала руками. Машина сбавила ход. Внутри сидели мужчина, женщина и их дети. Женщина что-то сказала своему мужу, и тот надавил на газ, виновато проезжая мимо. Слоун выругалась. Драгоценные секунды унеслись прочь, пока она надеялась на их помощь. И она вновь бросилась бежать, чувствуя, что в этот раз ее надолго не хватит.

Раздался выстрел, и пуля едва не задела ее голову, срикошетив от соседнего здания. Слоун подавила желание пригнуться, так как это заставило бы ее снизить скорость, поэтому она побежала, словно газель, резко бросаясь из стороны в сторону, чтобы не дать им прицелиться.

Она заметила указатель «Уассерфол». До отеля оставалось всего полквартала. Никогда в жизни она так еще не бежала, как в ту минуту отчаяния под бешеный стук сердца. Наконец, она оказалась на улице Бахн Хов. Отель был прямо через дорогу, по которой в обоих направлениях курсировали автомобили. Слоун без раздумий бросилась на проезжую часть под гудки клаксонов и вскоре остановилась у входа в отель. Обернувшись, она увидела, как двое мчались через дорогу, спрятав, конечно же, пистолет. Один из них, приложив ладони ко рту, прокричал:

— Предупреждение вы получили! Убирайтесь из Намибии, или в следующий раз я не промахнусь!

Негодование бушевало в груди Слоун, она уже хотела было с вызовом ответить им, но только и могла, что обессилено опуститься на землю, пряча набухшие от слез глаза.

Швейцар незамедлительно приблизился к ней.

— Мисс, с вами все в порядке?

— Да, все хорошо, — ответила Слоун, поднимаясь на ноги.

Она смахнула с глаз слезы. И, несмотря на то, что губы ее дрожали, а ноги подкашивались, расправила плечи.

Глава 8

Толстые каменные стены не могли заглушить ее криков. Они поглощали солнечный жар, пока не накалились до такой степени, что к ним невозможно было прикоснуться, но с гулом разносили крики пытаемой Сьюзен Донливи, будто она находилась в соседней камере. Сначала Джеффри Меррик принуждал себя слушать их, словно это как-то могло помочь молодой девушке. Он стойко выдержал ее пронзительные завывания целый час, вздрагивая каждый раз, как только в них появлялась еще более невыносимая нота агонии. Но теперь он с

силой зажимал уши, стараясь выкинуть из головы ее отчаянные крики.

Они увели ее на рассвете, когда жара только начинала подниматься, и свет забрезжил в единственное окошко высоко на стене. Тюрьма, площадью в пятьдесят квадратных футов и в тридцать футов высотой, состояла из большого количества камер с тремя каменными стенами и потолками, и железными решетками вместо четвертой стены. Доступ ко второму и третьему ряду камер осуществлялся посредством круговых стальных лестниц. Хоть стены уже и были обшарпаны, решетка не уступала таковой, как в тюрьмах строгого режима.

Меррик не видел лица похитителей. Все это время они носили маски. Но он знал, что, как минимум, их было трое. Этот вывод позволила сделать разница в их телосложении. Один был большой и неповоротливый и все время носил футболки. Другой был постройнее с яркими голубыми глазами, ну а третьего он узнавал, так как тот не был ни первым, ни вторым.

За все эти три дня похитители не проронили ни слова. Сначала их связали и бросили в микроавтобус, которые и врезался в их машины, а затем выдали костюмы для прыжков с парашютом. Украшения и обувь забрали, дав взамен по паре резиновых вьетнамок. Кормили дважды в день.

В камере Меррика была дыра в каменном полу вместо писсуара, и каждый раз, как за пределами тюрьмы поднимался ветер, из нее обжигало горячим воздухом вперемешку с песком. И захватчики появлялись только тогда, когда приходило время завтрака или ужина.

Этим утром они забрали Сьюзен. Поскольку ее камера находилась на втором ряду, Меррик тогда не мог быть до конца уверен в этом, но по тому, как она кричала, ему показалось, что тащили они ее, причем за волосы. Затем они быстро протащили ее мимо его клетки.

Сьюзен выглядела очень бледно, в глазах ее горело отчаяние безысходности. Меррик позвал ее по имени и бросился к решетке в надежде коснуться ее, оказать ей какую-то человеческую заботу, но самый худой из похитителей тут же ударил дубинкой по решетке. В беспомощности Меррик отполз обратно к стене. Судя по тому, как камера превратилась почти в настоящую печь, он сделал вывод, что прошло где-то около четырех часов. Криков слышно не было. Но затем они возобновились с еще большим остервенением и болью. Пошел второй час пыток Сьюзен.

В первые минуты похищения Меррик был уверен, что все дело в деньгах, и захватчики скоро потребуют выкуп за освобождение. Он прекрасно знал, что швейцарские власти были слишком нетерпеливы, имея дело с захватчиками и заложниками, но ему также было известно, что в стране имеется немало групп, специализирующихся именно на подобных делах. Вследствие недавних многочисленных похищений в Италии, он проинструктировал свой совет директоров связаться с этими организациями, случись такое с ним, не принимая во внимание стоимость услуг.

Но после шестичасового перелета, когда их держали связанными с повязками на глазах, Меррик уже и не знал, что думать. Они со Сьюзен долго перешептывались в ночи, размышляя о мотивации похитителей. И хоть Сьюзен настаивала, что все дело в деньгах, а ее взяли как свидетеля, Меррик уже не был в этом уверен. Его не просили связаться с компанией, чтобы сообщить об условиях выкупа и, тем самым, дать знать, что они со Сьюзен все еще живы — ничего из того, что бы походило на обычное похищение. Курс по самообороне и защите он прошел уже много лет назад, но знания его все еще оставались при нем.

И теперь еще и это. Они пытали Сьюзен Донливи, преданного рядового сотрудника, которая мало что знала о деятельности компании за своими трубками и пробирками. Он вспомнил их трехнедельной давности разговор по поводу эксперимента по предотвращению разливов нефти с помощью выведенного ею планктона. Он так и не сказал ей тогда, что хоть цели она преследовала благие и достаточно серьезные, задумка выглядела по-детски наивной, диковинной. А его блестящая речь о мести как мотивации, что толкает людей на определенные поступки, была лишь речью, одной из многих, что он применял за годы в этой

сфере деятельности, лишь немного видоизменив ее. Ей бы следовало записаться к психиатру, чтобы справиться с последствиями детской травмы, нежели «закапывать» их, просиживая в лаборатории.

Так он мысленно просматривал проекты других сотрудников «Меррик и Сингер», надеясь понять, что могло привлечь внимание промышленных шпионов, если это, конечно, они держали их здесь взаперти. Но безуспешно. Компания ничем секретным не занималась. Они даже не собирались в ближайшее время получать новый патент. Если быть честным, они-то и не производили ничего стоящего с того самого времени, как выпустили вместе с Сингером систему фильтрации серы. Компания для него была лишь средством удержаться на плаву, не сдать свои позиции в области экспериментальных химических исследований и иметь возможность выступать на симпозиумах.

Крики вновь прекратились.

Джеффри Меррик вскочил на ноги, лицом прижавшись к решетке, так чтобы он мог видеть массивную серебристую дверь карцера. Через считанные секунды она распахнулась.

Двое тащили Сьюзен за руки, а третий нес связку ключей. Когда они подошли ближе, Меррик увидел спекшееся кровавое пятно на голове у Сьюзен Донливи. Ее костюм был разорван, а видневшиеся из него плечо и ключица были сплошь багрово-синие. Она попыталась взглянуть на Меррика, пока те проносили ее мимо его камеры. Тот невольно вскрикнул. Все ее лицо превратилось в настоящее месиво. Один глаз настолько распух, что его невозможно было открыть, тогда как веко другого еле-еле поднималось под тяжестью грузного синяка. Кровь вперемешку со слюной беспрестанно стекала с ее недвижимых губ.

В ней теплился лишь крохотный огонек жизни.

— Господи Боже, Сьюзен! Мне очень жаль, — он ничего не мог поделать — слезы градом полились из его глаз. Увидев любого другого человека в подобном состоянии, Меррик отреагировал бы так же. Но то, что она была одной из его сотрудниц, и он был причастен ко всему, что с ней произошло и произойдет, разрывало его сердце.

Она сплюнула кровь на пол и пробормотала:

— Они даже не задали мне ни единого вопроса.

— Ублюдки! — прокричал он захватчикам вслед. — Я заплачу вам сколько угодно! Она ни причем. Она ни в чем не виновата!

Похитители вполне могли сойти за глухих, потому как абсолютно не отреагировали на выкрики Меррика. Они продолжали тащить ее по коридору. Он слышал, как открылась решетка камеры, и ее грубо втянули внутрь. Затем решетка с грохотом захлопнулась.

Меррик решил, что когда придут за ним, он будет драться. Если они собираются избить его, то он начнет первым. Он ждал их в своей камере, готовился ко встрече с ними, сжимая руки в кулаки, собирая всю свою волю.

Появился один из похитителей, тот, что с голубыми глазами. В руке он держал какой-то предмет, и прежде чем Меррик мог как-то среагировать, тот выстрелил. Это было электрошоковый пистолет, что ударил его зарядом в пятьдесят тысяч вольт, поразив нервную систему шокирующим приступом боли. Меррик на секунду замер, а затем грохнулся на пол. Когда он пришел в себя, они уже тащили его через главную дверь. Сильнейшая боль, что пронизывала его тело, начисто лишила его мысли о сопротивлении.

Глава 9

Слоун Макинтайр надела бейсболку, чтобы хоть как-то укротить свои волосы на скорости двадцати узлов, которую умудрился развить рыболовецкий катер. Глаза ее защищали широкие очки, на лицо и тело она нанесла специальный крем. На ней были шорты цвета хаки и свободная рубашка с карманами. А на ноги она обула парусины на резиновой подошве. На правой лодыжке поблескивал тоненький золотой браслет.

Она любила взбираться на борт какого-нибудь судна, это сразу напоминало ей о детстве, когда она вместе с отцом и его командой отправлялась от Флориды. Это было самое

замечательное, самое счастливое время в ее жизни, за исключением нескольких эпизодов, уже после отставки отца, когда пьяные рыбаки пытались поймать ее. Этот солоноватый запах морской воды, казалось, успокаивал самую ее душу, а уединение на безбрежных морских просторах шло на пользу ее утомленному разуму. Она впервые за долго время испытывала удовольствие.

Капитан судна, общительный намибиец, словно ощутив ее родственный настрой, понимающе улыбнулся, когда она взглянула на него. Слоун улыбнулась в ответ. При рёве двух работающих двигателей говорить было практически невозможно, поэтому он поднялся со своего места и жестом предложил Слоун повести. Она радостно усмехнулась. Капитан тронул компас, показывая ей, куда они направлялись, и пропустил ее вперед. Слоун мягко прошла мимо и опустила руки на потертое рулевое колесо.

Несколько минут он стоял прямо за ней, проверяя, не отклоняются ли они от курса. Удовлетворившись тем, что не ошибся в выборе своего помощника для управления сорокашестифутовым катером, он уселся на узенькую ступень и, кивнув Тони Ридону, что сидел на рыболовном табурете, взялся за удила.

Слоун поставила бы точку в этом деле, если бы вчера не объявились те двое. Их действия убедили ее, что она была на верном пути. Зачем им еще угрожать ей, если только она не напала на след «Бродяги». Она не рассказала ничего Тони о нападении, но утром же позвонила боссу и выложила все в подробностях. Беспокоясь за ее безопасность, он все-таки позволил им остаться в Намибии еще на день, чтобы проверить то место, где Папа Генрик якобы видел своих железных змей.

Слоун осознавала, что поступала безрассудно. Нормальный человек давно бы уже внял предупреждению и покинул бы страну первым же самолетом, но только не она. Она привыкла все доводить до конца. Даже плохие книги всегда дочитывала до последнего слова. Разгадывая кроссворды, она не обращала внимания на их сложность, никогда не оставляя пустых клеток. Какой бы непосильной ни была работа, она всегда добивалась какого-нибудь результата, пусть даже и самого наихудшего. Может, некое ослиное упрямство заставляло ее продолжать отношения, когда им давно следовало бы уже завершиться, но именно это же упрямство придавало ей силы и уверенности в схватке против любого, кто встанет между ею и потерянным кораблем.

Слоун прибегла ко всем мерам предосторожности, нанимая судно, которое доставило бы их до места назначения, чтобы не наткнуться на одного из рыбаков, которых они с Тони опрашивали, поскольку те прекрасно могли знать весь их маршрут, что был отмечен на карте. Выходя из отеля, они смешались с толпой туристов, направлявшихся к пристани. Многие из них также решили прокатиться на рыболовном судне с экскурсией по изобилующим рыбой местам. Пока они ехали в автобусе, Слоун убедилась, что слежки за ними нет. Заметь она что-то подозрительное, тут же свернула бы операцию, но, казалось, никто и внимания не обращал на их автобус.

Только когда они уже отплыли несколько миль, Слоун открыла капитану истинную цель их плавания. На что тот ответил, что там нет не только рыбы, но и водорослей и даже планктона, но раз уж она платит, он готов плыть куда угодно. И вот уже свыше шести часов он плыли на судне без каких-либо приключений, что позволило Слоун немного расслабиться. Возможно, вчерашние бандиты решили, что Слоун приняла их слова к действию и уже находится на полпути к дому.

Море было спокойным. Дул легкий южный ветерок. Массивное судно легко скользило по воде. Капитан поднялся на палубу и снова остановился позади Слоун, следя за тем, как она правит катером. Затем, достав из-под скамьи бинокль, он посмотрел на горизонт. Передав бинокль Слоун, он указал прямо запад.

Там показался большой грузовой корабль с единственной дымовой трубой, что, видимо, направлялся им навстречу, в Уолвиш-Бей. На таком расстоянии невозможно было подробно разглядеть судно, разве что темную обшивку его внушительного корпуса да лес каких-то кранов и бревен на носу и корме.

— Я никогда не видел подобных кораблей в этих местах, — произнес капитан крейсера. — Единственные суда, что заходят в Уолвиш-Бей, — это каботажные. Рыбаки держатся поближе к берегу, а танкеры, коим по пути приходится огибать Мыс, — за четыреста-пятьсот миль отсюда.

Мировые океаны делятся на морские пути, что походят на межштатные автострады, с четко обозначенными границами и определенной стоимостью пребывания в тех или иных водах, здесь, например, от сотен тысяч долларов в сутки для каких-нибудь супертанкеров. Так что корабли четко следуют курсу, редко отклоняясь даже на милю или две.

Поэтому, если где-то можно наблюдать целые заторы разномастных кораблей, у нас вряд ли увидишь какое-нибудь неизвестное судно. Наш катер как раз и находится в такой мертвой зоне, где не должны появляться грузовые суда, кроме местных танкеров, что обслуживают маршруты через Мыс Доброй Надежды.

— В этом корабле меня настораживает еще кое-что. Из трубы не идет дым. Может, он покинут? Вдруг судно попало в шторм, и экипажу пришлось эвакуироваться? — предположила Слоун.

Слоун так глубоко погрузилась в раздумья об этом таинственном корабле и судьбе его команды, что даже не слышала, как подошел Тони. Поэтому вздрогнула, когда он тронул ее за плечо.

— Прости, — извинился он. — Обернись назад, кто-то идет за нами.

Она так стремительно повернулась, что резко крутанула колесо влево, заставляя катер последовать ее примеру. Сколько бы ни было трудно оценить расстояние между ними и той лодкой, Слоун все же заметила, что движется она со значительно большей скоростью, и не успеют они и глазом моргнуть, как их уже нагонят. Слоун сунула капитану в руки бинокль, а он, проникшись ее страхом, стал вглядываться в экипаж лодки.

— Что происходит? — не вытерпел Тони, нагибаясь вперед, так как катер ушел в занос.

— Вы узнаете кого-нибудь? — спросила Слоун капитана.

— Да, они прибывают в Уолвиш каждый месяц или что-то вроде того. Это яхта. Примерно около пятидесяти футов длиной. Я не знаю ни ее владельца, ни как она зовется.

— Кого-то видите?

— Да, на верхнем ярусе три человека. Белые мужчины.

— Я требую, чтобы вы объяснили мне, что происходит, — крикнул Тони, багровея.

Слоун вновь проигнорировала его взгляд, погрузившись в осознание того, что знала наверняка, кто преследовал их в той яхте. Она пустила катер по направлению к грузовому судну, горячо надеясь, что наличие свидетелей обернет преследователей вспять. Иначе в открытом океане их всех попросту прикончат, а рыболовецкое судно затопят. С этими мыслями Слоун дала еще газу, но корабельные двигатели уже и так работали на пределе. Ее губы двигались в беззвучной молитве, уповая на то, что экипаж не покинул грузовое судно.

Неожиданно Тони схватил ее за руку, глаза его пылали гневом.

— Черт возьми, Слоун! Кто эти люди? Что вообще происходит?

— Думаю, это те же самые люди, что гнались за мной до самого отеля прошлой ночью.

— Гнались за тобой? О чем ты?

— О том, что уже сказала, — бросила она. — Двое мужчин преследовали меня до самого отеля. У одного из них был пистолет. Они угрожали мне, приказали убраться из страны.

Тони был вне себя от гнева на Слоун и от угрожавшей теперь им всем опасности. Даже капитан бросил на нее недвусмысленный взгляд.

— И ты даже не соизволила сказать об этом мне? Ты вообще в своем уме? Вчера за тобой с пистолетом гонятся двое, а сегодня ты вытаскиваешь всех нас в открытый океан, где мы так же уязвимы, как мыши в клетке! О чем ты только думала?

— Я не заметила за нами никакой слежки! — прокричала Слоун. — Да, я во всем виновата! Но если мы доберемся до того грузового корабля, они ничего не смогут нам сделать.

— А что б мы делали, если бы этого чертового судна здесь не оказалось? — кричал Тони, разбрызгивая слюну.

— Но он же здесь!

— У вас есть ружьё? — обратился Тони к капитану.

Он нехотя кивнул.

— Я пользуюсь им, только когда акулы подплывают слишком близко.

— Тогда давайте его сюда. Оно нам может ох как пригодиться!

Яхта, что плавно скользила по волнам, теперь, после изменения Слоун курса, просто летела, едва касаясь поверхности, подпрыгивая, носом разрезая волны и вспенивая воду. Капитан, поднявшись из трюма, молча вложил Слоун в руку двенадцатимиллиметровый ствол и горсть патронов, интуитивно ощущая, что она увереннее и сильнее, нежели Тони Ридон. Затем он взял управление судном на себя, изредка корректируя курс и уводя катер от высоких накатывающих волн, чтобы не потерять скорость. Тем временем яхта уже отставала от них всего на милю, тогда как корабль их цели был по-прежнему далеко.

Слоун уставилась на корабль в бинокль, сердце ее ушло в пятки, поскольку тот находился в бедственном состоянии. Создавалось впечатление, будто обшивка его состояла из десятков листов стали разных размеров, произвольно наложенных друг на друга по всему его корпусу. Матросов на палубе не было, на мостике тоже никто не стоял, пенящаяся у основания корабля вода создавала иллюзию его движения, что было невозможно, поскольку дымовая труба не пускала долгожданных клубов дыма.

— У вас есть радиосвязь? — обратилась Слоун к капитану.

— Да. Там внизу, в каюте. Но мы слишком далеко от Уолвиша.

Слоун указала на грузовое судно.

— Я хочу связаться с ними, чтобы они спустили трап.

Капитан бросил взгляд на приближающуюся яхту.

Слоун спустилась в трюм по крутой лестнице.

Радиоприемник с рацией свешивались с невысокого потолка. Она включила его и стала настраивать на частоту шестнадцать, международную волну бедствий и чрезвычайных происшествий, чтобы подать «мэйдэй» — общепринятый сигнал бедствия.

— «Мэйдэй», «мэйдэй», «мэйдэй», это рыболовецкое судно «Пингвин». Грузовой корабль, следующий по маршруту в Уолвиш-Бей, ответьте. Нас преследуют пираты. Ждем вашего ответа.

Рация разразилась помехами. Слоун проверила микрофон.

— Это «Пингвин». Грузовой корабль, следующий в Уолвиш-Бей, ответьте. Нам нужна ваша помощь.

На этот раз в шуме помех Слоун будто послышались обрывки чьего-то сигнала.

Внезапно резкий голос заполнил каюту:

— Лучше бы вы послушались меня и покинули Намибию прошлой ночью.

Кровь застыла в жилах Слоун. Она мгновенно узнала вчерашнего преследователя.

— Оставьте нас в покое, и я обещаю, первым же самолетом вылечу отсюда, — взмолилась Слоун.

Яхта теперь находилась от них на расстоянии каких-нибудь двухсот ярдов, и Слоун уже могла рассмотреть двух мужчин на мостике с зажатыми в руках винтовками. До грузового судна оставалось еще больше мили.

Нет, они не сделают этого.

— Что вы на это скажете, капитан? — поинтересовался со своего места Хали Касим.

Кабрильо сидел, опершись локтем на спинку кресла, водрузив на ладонь свой щетинистый подбородок. На большом экране отражалась картинка, передаваемая верхними камерами. К «Орегону» стремительно приближались два судна. Рыболовецкий катер выжимал всего около двадцати узлов, тогда как яхта с легкостью нагоняла его при своих тридцати пяти.

Они наблюдали за погоней уже добрых полчаса, не вмешиваясь, поскольку воды Намибии были объявлены рыболовецкой зоной. Хуан только собирался принять душ после часа тренировок в фитнес-зале, когда катер «Пингвин» внезапно сменил курс и пошел прямо на них. Кабрильо, конечно же, вызвали в командный центр.

— Что-то здесь не вяжется, — проговорил он наконец. — Зачем пиратам на яхте в миллион долларов преследовать старый рыболовецкий катер в ста пятидесяти милях от берега? Стоп. Ну-ка увеличьте мне эту яхту. Давайте посмотрим, кто там на борту.

Поскольку Марк Мерфи был задействован на другом задании, один из членов команды, сев за шаровой манипулятор и джойстики по управлению камерами, вывел на экран приближенное изображение яхты. Благодаря мощным компьютеризованным гироскопам, картинка получилась четкой, хотя на это и ушло некоторое время. Хоть солнце и отсвечивало, Хуану все-таки удалось разглядеть четырех мужчин на хорошо отделанном мостике современной яхты, двое из которых держали винтовки. Прямо на их глазах один из них вскинул винтовку на плечо и выстрелил.

Не дожидаясь приказа, помощник тут же перевел камеру на «Пингвин». По-видимому, пуля никого не задела, но они увидели, как рыжеволосая женщина, пригибаясь, заряжает дробовик.

— Приготовить пушки, но не опускать стальные корпусные люки. Привести их в боевую готовность, взять яхту в цель. И иметь в виду тридцатикалиберные по правому борту, так, на всякий случай.

— Четверо вооруженных автоматами мужчин против женщины с ружьем, — задумчиво произнес Хали.

— Соедините меня с ней, — приказал Кабрильо.

Касим нажал одну из клавиш на приборной панели.

— Давайте, капитан.

Кабрильо схватил микрофон.

— «Пингвин», «Пингвин», «Пингвин», это грузовое судно «Орегон».

На экране они могли видеть, как женщина резко обернулась, услышав по рации голос Хуана. Она пробралась обратно в каюту, и через секунду ее запыхавшийся голос заполнил командный центр.

— «Орегон»… Господи, спасибо! Я уже подумала, что вы покинутый корабль.

— Что недалеко от истины, — вставила Линда Росс. Хуан попросил зайти ее на минуту в центр на тот случай, если ему понадобятся ее профессиональные навыки.

— Пожалуйста, опишите вашу ситуацию, — притворился Хуан, будто уже с час не наблюдал ее собственными глазами. — Вы что-то говорили о пиратах.

— Да, и они только что открыли по нам огонь из своих автоматов. Меня зовут Слоун Макинтайр. Мы всего лишь рыболовецкое судно. Они нагрянули внезапно.

— Насчет этого я сомневаюсь, — прокомментировала Линда, покусывая нижнюю губу. — Тот парень с яхты сказал, что уже предупреждал ее о чем-то.

— То есть она лжет, — согласился Хуан. — Нет, в нее только что стреляли, а она лжет. На что это похоже?

— Ей есть что скрывать.

— «Орегон», вы слышите меня?

— Да, мы вас слышим, — ответил Хуан, оценивая ситуацию по двум большим экранам. Катер практически вплотную преследовал «Пингвин», почти целиком за ним скрываясь, что усложняло тактические возможности маневрирования и обезвреживания преследователей. Но более всего Хуана удручало то, что действовать ему приходилось фактически вслепую: Слоун Макинтайр могла вполне оказаться одним из самых крупных наркодельцов в Южной Африке, а эта погоня — всего лишь очередной разборкой конкурентов, и, возможно, вполне заслуженной. Хотя, с другой стороны, Макинтайр и ее друзья могли быть действительно ни в чем не повинны.

— Тогда какой смысл лгать? — прошептал про себя Хуан.

Но на какие крайности пошел бы он в стремлении сохранить секрет «Орегона»? Этот вопрос в тысячах различных сценариев мучил его всякий раз, как ему нужно было принять какое-либо важное решение.

— Рулевой! Строго право руля! Нам нужно вплотную подобраться к «Пингвину». Увеличить скорость до двадцати узлов. Механикам убедиться, что дымовой аппарат готов к действию. — Находясь в океанских просторах, вдали от чьих-либо глаз, «Орегону» не приходилось скрывать своих заметных особенностей, как например, отсутствие дыма при работающих двигателях, ведь шел он на энергии, генерируемой прямо из морской воды. Здесь же, на виду у посторонних, необходимо было поддерживать иллюзию обычного, ничем не примечательного судна с дизельными двигателями. Для этого они прибегали к небольшим хитростям.

— Я только что запустил его пару секунд назад, — тут же отрапортовал второй механик. — Надо было сделать это раньше, как только мы появились в зоне видимости «Пингвина». Но это напрочь вылетело у меня из головы.

— Это сейчас не так важно. Сомневаюсь, что они вообще что-либо заметили, — ответил Хуан, придвигая ко рту микрофон. — Слоун, это говорит капитан «Орегона».

— Я вас слушаю, «Орегон».

Хуан подивился, как спокойно и даже несколько холодно держалась эта женщина. В его памяти мгновенно вспыхнул образ Тори Баллингер, англичанки, которую он спас несколькими месяцами назад в Японском море. Они были одного темперамента.

— Мы поворачиваем, чтобы перехватить вас. Передайте капитану «Пингвина», чтобы он подпустил нас по левому борту. Мы собираемся пройти между вами и яхтой так, чтобы та оказалась по нашу правую сторону. Как поняли?

— Но мы сойдемся бортами только на минуту.

— Все верно. Только постарайтесь не вести судно на столкновение. На такой скорости катер не сможет резко маневрировать, так что постарайтесь сразу же взять в сторону, чтобы уйти от возможного удара. Мы спустим трап, но не приближайтесь к нему, пока я не дам вам команду. Как поняли?

— Мы не приблизимся к вам, пока вы не подадите сигнал.

— Все будет в порядке, Слоун, — подбодрил Хуан сквозь стену радиопомех. — Это не первые и не последние пираты, с которыми мы сталкиваемся в нашем морском деле.

На экране было видно, как вооруженные до зубов преследователи вновь открыли стрельбу, но попасть по цели на такой скорости им все же не удалось. Пули едва взбивали столпы воды около бортов катера, но это только больше убедило Хуана в правильности принятого им решения. Слоун и ее команда действительно нуждалась в помощи.

— Хали, пусть кто-нибудь спустит трап на воду. И еще приготовь тридцатикалиберный на носу «Орегона».

— Я уже взял цель.

«Пингвин» храбро приближался к массивному «Орегону». Их разделяло еще около трехсот ярдов, тогда как яхта отставала от рыболовецкого крейсера всего на какую-нибудь сотню ярдов. Хуан не хотел бы прибегать к пулемету, но явно другого выхода не оставалось. Яхта практически коснется крейсера и тот самый момент, как «Орегон» должен будет встать между ними. Он уже собрался было скомандовать открыть точечный огонь по бандитам, как увидел, что Слоун перебирается на корму судна. Спрятавшись за фрамугой, она выставила вперед руки с крепко сжатым ружьем и выстрелила.

У нее даже не было шанса попасть по цели, но раздавшийся с катера выстрел заставил яхту снизить ход и идти более осторожно. Это позволило Кабрильо осуществить намеченный план.

— Что происходит? — возник за спиной Кабрильо Макс Хенли, попахивая табаком только что выкуренной трубки. — Я пытаюсь насладиться своим заслуженным выходным, а вы тут устроили петушиные бои между старой рыболовецкой развалюхой и плавучим борделем.

Хуан давно уже оставил попытки отгадать, какое шестое чувство заставляло Хенли появляться всякий раз, когда команде нужна помощь.

— Ребята на яхте хотят прикончить тех, что бегут на рыболовецком судне. И, видимо, им и дела нет до свидетелей.

— Вижу, ты решил испортить им праздник.

Хуан криво усмехнулся.

— Ты помнишь, чтобы я хоть раз не сунул нос в чье-то чужое дело?

— Ну, если только ненамеренно.

Макс бросил взгляд на монитор и выругался.

Яхта набрала скорость и открыла огонь по «Пингвину», срывая тонкую деревянную обшивку с его кормы и превратив в осколки стеклянную дверь, что вела вниз, к каютам. Слоун укрывалась за фрамугой, тогда как капитан и стоящий с ним мужчина оказались абсолютно беззащитны.

Сохраняя скорость, намибийский капитан заставил судно резко поворачивать из стороны в сторону, чтобы не попадать под обстрел. Слоун прикрывала их сзади. Ее беспорядочные выстрелы даже не касались воды.

Мощный обстрел с яхты заставил ее пригнуться. Со своей выгодной позиции в укрытии задней части судна Слоун не могла видеть приближающийся грузовой корабль, но их собственный катер вдруг начал безудержно прыгать по волнам, пускаемым массивным «Орегоном». Потирая ноющие от ружья руки, она только уповала на намибийца и капитана загадочного «Орегона». Вся эта ситуация пугала ее и одновременно пробуждала в ней некий вызов, возможно, тот же самый, что и втянул ее во всю эту передрягу.

На борту «Орегона» Хуан и Макс наблюдали за приближением этих двух разномастных суден. Капитан «Пингвина» держал курс под правый борт «Орегона», тогда как яхта, что неслась на огромной скорости, действительно не смогла быстро среагировать и свернуть за катером и шла под левый борт корабля, где ее уже поджидали наготове пулеметы.

— Нет, не сейчас, — произнес Макс, в частности ни к кому не обращаясь. Если бы он руководил этой операцией, он бы непременно приказал Слоун быть на связи и ничего не предпринимать. Он сам бы развернул «Орегон» и подогнал его к крейсеру в нужный момент. Но тут же до него дошло: Хуан не промахнулся, позволив рыболовецкому судну подойти самому, ведь его капитан лучше знал возможности своего корабля и в какой момент лучше пойти на сближение.

«Пингвин» находился уже в тридцати ярдах от «Орегона», настолько близко, что мачтовые камеры его уже не фиксировали. Один из помощников переключил изображение на камеру при тридцатикалиберном пулемете.

С яхты вновь открыли обстрел, и будь они все не на таком близком расстоянии друг от друга, Хуан не раздумывая подорвал бы яхту из тридцатикалиберного «гатлинга», что хоть и был надежно укрыт бортовой обшивкой, уже взял противника в цель.

— Давай сейчас, — прошептал Хуан.

Хоть капитан катера никак не мог его слышать, он, будто оба они настроились на одну волну, понял, что наступил тот самый момент. Он резко крутанул рулевое колесо влево и, словно опытный серфер, что собирается покорить очередную волну, бросился навстречу громадным волнам, вызываемым тяжелым движением «Орегона», проведя судно всего в каких-то пятнадцати ярдах от его острого носа.

Рулевой яхты свернул было вслед за «Пингвином», но тут же осознав, что скорость была слишком высока для такого маневра, вернулся на прежний курс. Яхта с бешеной скоростью понеслась к другому борту «Орегона», вскоре оказавшись под прицелом.

— Рулевой, — спокойно начал Хуан, — по моему сигналу резко положить право руля и передать мне полное управление правым бортом. Увеличить скорость до сорока узлов.

Тем временем он просматривал корабельные камеры, что располагались на самых отдаленных точках «Орегона», пока, наконец, по одной из них не увидел, как мелькнул «Пингвин». Необходимо было убедиться, что «Орегон», вошедший в разворот, не задел

рыболовецкое судно. Хуан хладнокровным взглядом оценил их скорости и углы, под которыми корабли находились друг к другу, понимая, что, предприняв этот план, который максимально скроет реальные возможности «Орегона», он рисковал жизнью команды «Пингвина». Крейсер был уже в безопасности, яхта практически в нужной им точке, и время почти уже вышло.

— Марк.

Нажатие нескольких клавиш, легкое смещение рычагов — и неуклюжий с виду корабль совершил маневр, который ни одному другому судну и не снился. «Орегон» резко забрал вправо, сопротивляясь силе инерции собственной скорости, все нарастающей и нарастающей, поскольку магнитогидродинамические двигатели были пущены в полную силу.

«Орегон» и яхта неслись навстречу друг другу. Секунда, другая — и они поравнялись, и вот уже «Орегон» стал резко разворачиваться почти на сорок пять градусов, и вместо того, чтобы пройти по его протяженному борту, яхта на скорости едва ли не шестидесяти узлов понеслась к носу грузового корабля. Словно кит, закрывающий собой своего детеныша, встал «Орегон» между крейсером и яхтой. Хуан бросил взгляд на «Пингвин» на одном из экранов. Еще немного, и они задели бы «Пингвин». «Орегон» подрезал его сзади, волнами от своего движения заставив судно бешено раскачиваться.

Словно пересекая путь железнодорожному локомотиву, рулевой яхты, положив лево руля, повел лодку на столкновение с носовой частью «Орегона», стараясь опередить, как казалось, этот сравнительно медленно идущий корабль. Однако заметь рулевой пенящуюся от лопастей корабельных двигателей воду, он мигом заглушил бы яхту и стал бы молиться, чтобы вообще выжить от столкновения с «Орегоном».

Теперь действовала чистая математика. «Орегон» продолжал свой курс, направляясь прямо на яхту, в то время как та, казалось, отчаянно силилась повторить поворот «Орегона» под еще меньшим углом. Что практически было невозможно. В последний момент один из бандитов на яхте даже метнулся к дросселям, но слишком поздно.

Блестящий нос навороченной яхты врезался в неравномерно обшитый листовым железом борт «Орегона» в сотне футов от его носа. Лодка из алюминия и стекловолокна не могла устоять против массивного бронированного корабля и смялась в гармошку, словно пивная банка от удара кувалдой. Оба ее дизельных двигателя вырвало из креплений, и теперь они торчали из покореженного корпуса лодки. Ее надводная часть, будто от взрыва, разлетелась вдребезги. А четверо преследователей, еще минуту назад пребывавшие в полной уверенности, что выйдут из этой гонки победителями, погибли мгновенно от несокрушимой силы удара. Один из бензобаков яхты тут же взорвался, оранжево-черными языками пламени облизывая борт «Орегона», который все продолжал поворачивать, словно и не почувствовав произошедшей аварии, совсем как акула, потревоженная золотой рыбкой.

Огромное бензиновое пятно растекалось по поверхности океана, пуская клубы маслянистого дыма, которые окутывали обломки лодки в ее последние мгновения перед тем, как океанские воды поглотили ее навсегда.

— Полная остановка! — скомандовал Кабрильо, и тут же почувствовал замедление хода корабля — это прекратили работу насосы двигателей.

— Отлично сработано, — похлопал Макс Хуана по плечу.

— Остается только надеяться, что мы выбрали правильную сторону. — Он включил микрофон.

— «Орегон» вызывает «Пингвин», вы на связи?

— «Орегон», это «Пингвин», — все уловили улыбку облегчения в голосе Слоун. — Не представляю, как вам это удалось, но вы спасли жизни троих ни в чем не повинных людей, за что мы вам очень благодарны.

— Я буду рад видеть вас на борту «Орегона», где за поздним ланчем мы сможем обсудить все, что сейчас произошло.

— Одну минуту, «Орегон», — ответила Слоун.

Но Хуану необходимо было знать, что заставило банду четверых хорошо вооруженных мужчин расстаться с жизнью в погоне за рыболовецким катером, и он пошел на хитрость.

— Если вы не примете мое предложение, я буду вынужден подать на вас официальный рапорт властям Уолвиш-Бей, — хотя на самом деле делать он этого и не собирался.

— В таком случае, мы с удовольствием принимаем ваше приглашение.

— Очень рад. Трап уже спущен. Он по левому борту корабля. Один из помощников проводит вас на мостик, — Хуан взглянул на Макса. — Посмотрим, во что я втянул нас всех на этот раз.

Глава 10

Не желая выходить из безмятежности забытья, Джеффри Меррик громко простонал, ощущая последствия удара электрошоком. Все тело его нестерпимо горело — от кончиков пальцев на руках и ногах до тех мест на груди, куда были присоединены электроды, словно его облили кислотой.

— Он приходит в себя, — сказал чей-то голос, казалось, очень далеко отсюда. Но Джеффри Меррик ощутил, что это именно его сознание куда-то унеслось, а человек этот стоял совсем рядом.

Он почувствовал, что неудобно лежит, и попробовал пошевелиться. Это ему не удалось. Запястья сковывали наручники, которые, впиваясь холодным металлом в его горевшую плоть, практически обездвижили их. Что касается ног, он их не чувствовал вообще, не говоря уж о том, были ли они связаны.

Он осторожно приоткрыл глаза и тут же их зажмурил: настолько невыносимо ярким было освещение в этой комнате. Будто находишься на поверхности солнца.

Он подождал еще немного, собрался и открыл глаза, стараясь пересилить этот агрессивно яркий свет. Через несколько секунд очертания обрели реальную форму. Комната представляла собой примерно пятнадцатифутовую коробку из того же тесаного камня, что и камеры, и это дало Меррику понять — его не увезли за пределы тюрьмы. Единственное окно этой комнаты, широкое, с большой створкой посередине, было надежно забрано решеткой, а стекло, казалось, только недавно вставили. А картина, что открылась перед ним за окном, поразила и испугала его одновременно: море прекрасного белого песка под беспощадно палящим солнцем. Ни души, ни следов какой-либо жизни вообще.

Он переключился на людей, что находились в этой комнате. Восемь мужчин и женщин сидели за деревянным столом, на них не было масок, в отличие от их непосредственных похитителей. Меррик никого из них не узнавал, хотя подумал, что самый крупный мужчина и этот самый молодой с голубыми глазами вполне могли оказаться людьми в масках. Все они были европейцами, и большинство из них — не старше тридцати пяти. Благодаря долгим годам жизни в Швейцарии он сразу же узнал европейский покрой их костюмов. Перед самой старшей по возрасту, ей было около сорока, и волосы ее уже тронула седина, находился компьютер. Камера, вмонтированная в него, неотрывно следила за малейшим движением Меррика, лежавшего у подножия стола.

— Джеффри Майкл Меррик, — прозвучал сквозь динамики искаженный компьютером голос. — Вас пытали, пока вы были без сознания, и пришли к выводу, что вы виновны в преступлениях против планеты.

Несколько голов угрюмо закивали.

— Изобретение, что запатентовала ваша компания — так называемые фильтры серных выбросов, убедили человечество в том, что использование ископаемого топлива, в частности обогащенного угля — приемлемый и безопасный выход для промышленности. Откуда вы это взяли? На земле не существует ничего, что было бы безвредно для окружающей среды, особенно если речь идет о горении. Оснащенные вашими установками фабрики и заводы лишь на десятую долю сократили выбросы серы, что ни в какое сравнение не идет с миллиардами тон ядовитых отходов и газов, попавших в атмосферу за все это время. Ваша

спланированная коммерческая победа обернулась настоящей катастрофой для нас, тех, кто действительно борется за сохранение планеты для будущих поколений. Экологические движения не должны попадать под власть псевдоученых, как вы, и ваши сомнительные открытия. Под прикрытием ваших изобретений у энергетических компаний появилась неплохая возможность открыто объявить себя экологически чистой промышленностью, на деле продолжая наносить непоправимый ущерб планете. Одно таких необратимых последствий — глобальное потепление — самая страшная угроза человечеству, с которой оно когда-либо сталкивалось, а такие, как вы, придумывая свои якобы эффективные приспособления, каждый раз убеждаете людей, что ученые взяли ситуацию под контроль, когда на самом деле состояние планеты ухудшается из года в год. Это аналогично автомобилям нового поколения. Они действительно сжигают меньше топлива, но процесс их конструирования наносит в сотни тысяч раз больше вреда планете, чем приносит пользы от экономного расхода топливных ресурсов и снижения, тем самым, выброса выхлопных газов в воздух. Это всего лишь хитрость, на которую идут производители, чтобы заставить людей верить, будто они, покупая подобные автомобили, вносят свою лепту в защиту окружающей среды. Хотя на самом деле, ситуация здесь прямо противоположная. Человечество введено в заблуждение. Оно всерьез считает, что новейшие технологии, разного рода открытия, совершаемые в мире практически каждый день, помогают экологам в борьбе за здоровье планеты, когда, в действительности, именно они в первую очередь и обрекают ее на гибель.

Меррик все прекрасно слышал, но никак не мог взять в толк, что все это значило. Он хотел открыть рот и парировать обвинение, но голосовые связки еще его не слушались, и он лишь издал какой-то хриплый каркающий звук. Джефф прочистил горло и, наконец, проговорил:

— Кто вы?

— Мы те, кто выведет вас на чистую воду.

— Что вы имеете в виду? — Он силился собраться с мыслями, осознавая, что в следующие несколько минут решится его судьба: выберется ли он отсюда на своих двоих либо же его ожидает участь Сьюзен. Ему стоит тщательно продумать все, что он собирается сказать. — Моя технология уже оправдала себя, и не раз. Благодаря моему изобретению серные выбросы в атмосферу значительно сократились по сравнению тем, что наблюдалось с самой промышленной революции.

— И опять же, благодаря вашему изобретению, — сарказм был четко уловим даже в измененном компьютером голосе, — еще никогда за всю историю человечества уровни углекислого, угарного газов, пепла, ртути и прочих тяжелых металлов в атмосфере не достигали таких небывалых показателей. То же самое наблюдается и в водной среде. Энергозаводы используют ваши фильтры как лейблы, отличительные знаки того, что их производство экологически чистое, не является источником серных загрязнений окружающей среды. Но ведь сера — это лишь малая толика всех загрязнений, как тогда быть с тяжелыми металлами, газами и прочими веществами, что ведут планету на верную гибель? Вы должны открыть глаза человечеству, показав им оборотную сторону вашей красивой медали успеха.

— Это вы так решили открыть человечеству всю правду? Похитив нас и избив до полусмерти невинную девушку? — выпалил Меррик, даже не задумываясь о последствиях. Он всю сознательную жизнь боролся с подобными обвинениями в свой адрес. Да, его изобретение сработало, уровень серы снизился, и это привело к буму фабрик и заводов, которые в свою очередь обрушили на окружающую среду неимоверную экологическую нагрузку. Классический парадокс. Но Меррик уже, по крайней мере, знал, какие обвинения ему приписаны, и что-то подсказывало ему, что он сможет договориться с похитителями.

— Девушка работает на вас, значит, она тоже в этом замешана.

— Откуда вы знаете? Вы даже не спросили ни ее имени, ни кто она такая.

— Детали ее биографии нам не интересны. Тот факт, что она работает на вас — уже прямое доказательство ее соучастия и виновности.

Меррик вздохнул. Ему необходимо было убедить, что они по одну сторону баррикад, иначе живым ему отсюда не выбраться.

— Вы не можете меня обвинять во все возрастающих потребностях человечества в электроэнергии. Хотите защитить окружающую среду — заставьте людей иметь меньше детей. Китай скоро опередит Соединенные Штаты по мировому загрязнению окружающей среды, поскольку население там уже практически перевалило за одну целую две десятых миллиарда человек. Не отстает и Индия со своим миллиардным населением. Это настоящая угроза для планеты. И даже несмотря на все усилия по защите экологии в Европе и Америке — а мы хоть сейчас могли бы пересесть на телеги с лошадьми и плужным лемехом, — все это не сможет противостоять загрязнению, исходящему из азиатской части земного шара. Вот это — проблема мирового масштаба, которая требует международного вмешательства.

Мужчины и женщины за столом сидели неподвижно, казалось, совершенно не тронутые словами Меррика, и по комнате разливалась зловещая тишина. Меррик отчаянно пытался собрать все свои силы в кулак, чтобы не соскользнуть в пучину нагнетающего страха, словно беспомощная капелька воды на стекле, что вот-вот будет смыта мощным дождевым потоком. Но страх оказался сильнее. Сдавленным, всхлипывающим голосом и слезами на глазах он взмолился:

— Пожалуйста, не трогайте меня. Зачем я вам нужен? Может, вы хотите денег? Я обеспечу вашу организацию деньгами так, что вы никогда не будете в них нуждаться. Только отпустите нас.

— Уже слишком поздно, — ответил голос. Затем компьютер выключили, и на противоположном конце стола поднялась одна из фигур, уже своим голосом заключая:

— Суд завершен, решение принято. Ты виновен, Джефф.

Меррик очень хорошо знал, кому принадлежит этот голос, хоть он и не слышал его уже много лет. И именно этот голос подписал его смертный приговор.

Глава 11

У Кабрильо не было времени принять душ, он едва успел сменить свой рабочий костюм и прибыть на мостик «Орегона», прежде чем Франклин Линкольн доставил туда Слоун и ее команду. Заслышав, как они поднимаются по внешней лестнице, он тут же обернулся. Центральный мостик «Орегона» пребывал в своем обычном состоянии потрепанности и запущенности — ни единого намека на высокооснащенный суперсовременный корабль. Эдди Сенг вновь изображал рулевого в своей обветшавшей рабочей форме и бейсболке, небрежно положив руки на видавшее виды рулевое колесо. Сенг, возможно, был самым мелочным, расчетливым членом Корпорации, от которого не ускользала ни единая деталь. Не сколоти он свое состояние здесь, в постоянной опасности и угрозе для жизни, он бы сделал себе прекрасную карьеру бухгалтера или экономиста. Хуан заметил, что он включил давно уже не работающую здесь телеграфную связь и разместил никому не нужную карту юго-западного побережья Африки, чтобы все выглядело максимально правдоподобно.

Хуан коснулся побледневшей и усеянной пятнами карты: — Отлично придумано.

— Знал, что вы оцените.

За все это время в голове Хуана ни разу не промелькнула мысль, как же выглядит Слоун Макинтайр, пока та, наконец, не возникла в дверях. Медно-рыжие волосы, спутавшиеся от ветра и солнца, придавали ей всклокоченный и немного воинственный вид. Рот был немного больше, чем нужно, а нос немного длинным для такого узенького лица, но открытый взгляд красивых глаз практически сводил на нет эти маленькие недостатки. Солнцезащитные очки она сняла, и теперь они свободно болтались на пуговицах рубашки, так что Хуан мог рассмотреть цвет ее глаз. Она не являла собой рыжеволосую зеленоглазую красавицу, коих часто встречаешь на страницах современных романов. Нет. Глаза ее, большие, широко распахнутые, серые, казалось, в один миг охватывали всю комнату разом.

Слоун была слегка полновата, что делало ее более женственной, хотя руки ее были довольно худыми и подкачанными, и Хуан почти не сомневался, что она занималась плаванием.

С ней были двое мужчин — намибиец, видимо, владелец «Пингвина», и типичный европеец с выступающим адамовым яблоком и перекошенным лицом. Хуан никак не мог взять в толк, что привело такую привлекательную женщину, как Слоун, в эту компанию. По тому, как они вели себя друг с другом, Кабрильо сделал вывод, что этот малый находился у Слоун в подчинении и был на нее за что-то очень зол.

Хуан протянул им руку приветствия.

— Хуан Кабрильо, капитан «Орегона». Добро пожаловать на борт.

— Слоун Макинтайр, — рукопожатие ее было уверенным, а пристальный взгляд ровным и спокойным. Ни одного намека на пережитые ужас и страх недавней перестрелки. — Разрешите представить вам: Тони Ридон и Юстус Уленга, капитан Пингвина.

— Очень рад, — удивил Тони Ридон Хуана свои явным британским акцентом.

— Насколько я могу судить, никто из вас не нуждается в неотложной медицинской помощи?

— Нет, с нами все в порядке, — ответила Слоун, — но спасибо за беспокойство.

— Этим вы меня успокоили, — произнес Хуан, действительно, с чувством некого облегчения. — Я бы пригласил вас к себе в рубку, но только там немного не убрано. Так что прошу вас за мной в камбуз. Думаю, наш повар приготовит нам что-нибудь на скорую руку.

Хуан попросил Линка найти завхоза.

По правде говоря, Хуан пользовался капитанской рубкой для встреч с инспекторами и местными властями. Она словно побывала в зоне бедствия и только своим видом уже устрашала всех незваных гостей, поторапливая их обратно на берег. Чего, в принципе, Хуан и добивался. Стены и ковер на полу были искусственно пропитаны отвратительным запахом дешевых сигарет, который непременно заставил бы закашляться самого заядлого курильщика. А мрачные, даже немного жутковатые, картины с изображением клоунов любого заставляли беспрестанно ежиться. Это было не далеко не самое подходящее место для разговоров. Хотя камбуз и прилегающая к нему столовая тоже не отличались высоким уровнем, там, по крайней мере, было чисто.

Хуан повел их вниз по внутренней лестнице, ступени которой были покрыты дешевым линолеумом, предварительно предупредив о шатающихся перилах. С самого начала на «Орегоне» их и не думали закреплять как следует. Хуан щелкнул одним из двух выключателей, чтобы зажечь свет. Второй включал лишь половину лампочек, две из которых неприятно мигали и надоедливо гудели. Да, большинство налоговых инспекторов предпочитали решать все дела на мостике, нежели в столовой. В просторной, но захламленной столовой было составлено четыре абсолютно не подходящих друг к другу стола. А из шестнадцати стульев, имевшихся здесь, вряд ли кто нашел бы два хотя бы отдаленно похожих. Стены столовой нарочно покрасили в цвет, что Хуан окрестил советским зеленым — унылый оттенок цвета мяты, который надолго погружал всех бывающих здесь в безрадостное подавленное состояние.

Двумя палубами ниже, прямо под залом столовой, располагалась настоящая обеденная «Орегона», едва ли уступающая в роскоши пятизвездному ресторану.

Он указал им на места, нарочно сажая лицом к маленькой камере, спрятанной в одной из картин на противоположной стене. В командном центре за ними наблюдали Линда Росс и Макс Хенли. Любые возникающие у них вопросы они договорились передавать Хуану через Мориса.

Положив руки на стол, Хуан оглядел своих гостей, но задержался на глазах Слоун Макинтайр. Она, даже не моргнув, ответила ему взглядом, и Хуан мог поклясться, что в этот момент заметил легкую улыбку в уголках ее губ. Кабрильо ожидал от нее всего — и страха, и злобы от случившегося, только не этого спокойствия и легкой тени удивления, отражавшегося в ее глазах. Чего нельзя было сказать о до смерти напуганном Тони Ридоне и

печальном намибийском капитане, который, вероятно, более всего боялся обещанной Хуаном встречи с властями.

— Итак, почему бы вам не рассказать мне, кто же были эти люди, что так упорно хотели вас всех прикончить, — начал Хуан. Слоун Макинтайр подалась вперед. — И не забывайте, я прекрасно слышал, как один из них сказал, будто предупреждал уже вас прошлой ночью, — добавил Хуан.

Слоун откинулась обратно на спинку стула, словно заново продумывая свой ответ.

— Расскажи ему все! — прошипел Тони, не выдержав долгой паузы. — Какая теперь разница.

Она уничтожающе на него посмотрела, и тут же ей стало ясно: Тони расскажет всю правду, если это не сделает она. Глубоко вздохнув, Слоун начала:

— Мы занимаемся поисками корабля, что затонул в этих водах в конце девятнадцатого века.

— Дайте-ка подумать, вероятно, на его борту было огромное состояние? — снисходительно улыбнулся Хуан.

Слоун не пропустила его сарказма мимо ушей.

— Я настолько уверена в том, что он находится где-то здесь, что могу подвергнуть такому риску даже наши жизни. Заметьте, и не только я.

— Впечатляет, — глянул Хуан на Ридона. Ни он, ни Слоун не походили на охотников за сокровищами, однако подобная лихорадка вполне могла заразить и этих двух. — Как вы нашли друг друга?

— В Интернете. На форуме, посвященном утерянным сокровищам, — ответила Слоун. — Начиная с прошлого года мы планировали это путешествие.

— И что же произошло прошлой ночью?

— Я решила поужинать на свежем воздухе, а когда возвращалась в отель, заметила двоих людей, преследовавших меня. Я пустилась бежать, и они тоже. Один даже выстрелил из револьвера. Но когда я добежала до отеля, вокруг которого, как всегда, было много народу, они остановились, и один из них прокричал, что выстрел был всего лишь предупреждением, и нам немедленно нужно убираться из Намибии.

— И вы узнали этих двоих на яхте?

— Да, они стояли с автоматами.

— И кто знал, что вы в Намибии?

— Что вы имеете в виду? Друзья, родные там, дома?

— Нет, конечно же, кому из местных известен ваш план? Вы кому-нибудь о нем рассказывали?

— Мы опросили почти всех местных моряков, — вставил Тони. Но Слоун перебила его:

— Наш план заключался в том, чтобы обследовать те места, в которых рыбаки потеряли свои сети или удочки. Пустыня ведь простирается здесь и по морскому дну, и я считаю, все, что может зацепить сети, должно быть сделано руками человека, а следовательно, это может быть и затонувший корабль.

— Ну, это не обязательно, — возразил Хуан.

— Да, теперь нам это известно, — в голосе Слоун прозвучали нотки разочарования. — Мы с вертолета обследовали практически все места, о которых упоминали рыбаки, но наш металлоискатель так ничего и не обнаружил.

— Ну, это неудивительно. За многие миллионы лет, что пустыня уходила под океанские воды, придонные течения могли обнажить коренные породы, вполне способные зацепить сети или удочки, — объяснил Хуан, и Слоун согласно закивала. — Итак, значит, вы опросили рыбаков. Никого не упустили?

Слоун неожиданно вспомнила про Луку:

— Лука. Он был нашим гидом. Но я никогда не беспокоилась по поводу него. Также еще пилот вертолета. Де Уит, кажется, его имя. Но мы не посвящали их в наши планы.

— Не забывай про Папу Генрика и его гигантских металлических змей, — вставил Тони.

— Что еще за гигантские змеи? — поднял одну бровь Хуан.

— Ничего особенного. Это просто выдумка одно полоумного рыбака.

В двери столовой осторожно постучали. Через минуту в дверном проеме появился Морис с пластмассовым подносом в руках. Хуан едва подавил улыбку при виде отвращения, которое испытывал завхоз, неся этот поднос.

Морис был чрезвычайно скрупулезен. Он брился дважды в день, каждое утро до блеска начищал свои туфли и отказывался надевать рубашку, если замечал на ней малейшую складочку. Он чувствовал себя как рыба в воде в богатых убранствах внутренней части «Орегона», но стоило ему подняться наверх, так он словно превращался в мусульманина, входящего в хлев.

Строго следуя сценарию встречи гостей, он снял свой пиджак и галстук и практически до упора закатал рукава своей белой рубашки. Хотя у Хуана имелось полное досье на каждого из членов корпорации, единственное, что оставалось тайной для него, так это возраст Мориса. Можно было только гадать, шестьдесят пять ему или восемьдесят. Но как бы то ни было, поднос он держал профессионально ровно и уверенно. Составляя блюда и стаканы на стол, он не пролил ни единой капли.

— Зеленый чай, — комментировал он с явным английским акцентом, обращая на себя внимание Тони. — Китайское дим-сум, овощное рагу и, наконец, основное блюдо — лапша с курицей. И мистер Хенли попросил меня передать вам это.

Хуан быстро развернул записку: «Она бесстыдно лжет».

— Да, это очевидно, — пробормотал он, глядя прямо в камеру.

— Что очевидно? — спросила Слоун после первого глотка чая.

— Мой первый помощник напомнил мне, что, чем дольше мы простоим здесь, тем позже мы прибудем в порт нашей следующей остановки.

— И почему же вы так торопитесь, если, конечно, вы не против, что я так интересуюсь?

— Спасибо, Морис. Ты можешь идти. — Тот откланялся, и Кабрильо вернулся к вопросу Слоун. — Мы направляемся в Кейптаун. Мы занимаемся поставками леса из Бразилии в Японию, но нам нужно захватить пару контейнеров в Кейптауне для Мумбаи.

— Вы же грузовой корабль, если я не ошибаюсь, — с интересом спросила она, — вот уж не думала, что такие все еще ходят.

— Нас немного осталось. Контейнерная перевозка уже практически нигде не используется, только мы вот курсируем и подбираем небольшие грузы, — он жестом указал на заставленную столовую. — К сожалению, это дело приносит все меньше прибыли, нам едва хватает на зарплату экипажу, не говоря уж о ремонте «Орегона». Чувствую, наш малый уже потихоньку разваливается на части.

— И все же плавание — это так романтично, — стояла Слоун на своем.

Откровенность и чувство, с которыми Слоун это произнесла, приятно удивили Хуана. Он всегда считал этот бродяжнический образ жизни на старом грузовом корабле от порта до порта намного более романтичным, нежели плавание на современном крейсере или пароме, коих много сейчас ходит под флагом продажной, погрязшей в поисках личной выгоды морской торговли. Хуан ценил этот безмятежный, размеренный ритм жизни. И он не мог не согласиться в этом с Слоун.

— Да, в этом вы правы.

Теплота улыбки, которой она его одарила, заставила его почувствовать, что у них обоих есть нечто близкое, сокровенное, интимное.

Хуан нехотя вернулся к интервью.

— Капитан Уленга, вы слышали что-нибудь о гигантских змеях?

— Нет, капитан, — ответил намибиец и нервно тронул свой висок. — Папа Генрик и так не в своем уме, а если он примет лишнего, так с ним лучше вообще не знаться.

— Как называется корабль, который вы ищете? — он вновь обратился к Слоун.

Было очевидно, что она не хотела его называть, поэтому Хуан решил не давить на нее.

— Впрочем, неважно. Я все равно нисколько не интересуюсь затонувшими сокровищами, — усмехнулся он. — Как и гигантскими змеями. Это вы туда сегодня направлялись? В то место, что указал вам этот Папа Генрик?

Слоун немного покраснела, вдруг осознав, как, должно быть, смешно она выглядела в глазах Кабрильо со всеми этими разговорами.

— Это была наша последняя надежда. Я думала, если подплыть поближе к этому месту, может, мы и увидим что-то вроде корабля. Да, сейчас я понимаю, что это звучит глупо.

— Звучит? — усмехнулся Хуан.

Двери столовой распахнулись, появился Линк.

— Все чисто.

— Спасибо вам, мистер Линкольн.

Кабрильо послал его проверить «Пингвин» на предмет наркотиков или оружия. Но все оказалось в порядке.

— Капитан Уленга, расскажите мне, пожалуйста, о яхте, что напала на вас сегодня.

— Пару раз я видел ее в Уолвиш-Бей. Она приходила сюда несколько раз в год. Полагаю, что приезжали они из Южной Африки, поскольку только живущие там могут позволить себе такую яхту.

— Не знаете никого из ее экипажа или кого-нибудь, кто может знать их?

— Нет, сэр. Они приезжали, заправлялись и уходили вновь.

Хуан откинулся назад, положив локоть на спинку стула. Он пытался сопоставить фрагменты полученных данных, однако ничего вразумительного не получалось. Будучи уверен в том, что Слоун утаила самые важные элементы этой истории, и ему никогда не разгадать эту загадку без ее помощи, он раздумывал теперь, как поступить дальше. Ведь их первостепенной задачей сейчас были поиски Джеффри Меррика, да и без того у них хватало проблем. Но все-таки что-то цепляло его в этом деле.

— Мы рассказали вам все, капитан Кабрильо, — внезапно заговорил Тони Ридон. — И я буду рад убраться с вашего корабля. Нам еще предстоит долгий путь назад.

— Да, конечно, — в раздумиях пробормотал Хуан. — Конечно, мистер Ридон. Только я все не могу понять, зачем же им понадобилось нападать на вас. Возможно, что разыскиваемый вами корабль и затонул где-то здесь неподалеку, но если бы они работали на правительство, вряд ли бы прибегли к такому насилию, — уставился Хуан на Слоун и Тони. — В этом случае я советую вам немедленно покинуть Намибию. Кто-то устроил охоту на ваши головы.

Тони согласно кивнул. Только Слоун, казалось, нарочно проигнорировала его совет. Но Хуана это дело теперь никак не касалось.

— Мистер Линкольн, будьте добры проводить наших гостей. И убедитесь, что у них достаточно топлива в баках.

— Есть, капитан.

Хуан перегнулся через стол пожать им руки. Когда очередь дошла до Слоун, она оттолкнула руку Хуана:

— Могу я поговорить с вами наедине?

— Конечно. Мистер Линк, проводите остальных на «Пингвин». О мисс Макинтайр я позабочусь лично.

Они уселись друг напротив друга, как только остальные скрылись в дверях. Слоун внимательно изучала его лицо, словно ювелир драгоценный камень на предмет малейших трещин перед тем, как приступить к его огранке. Она, наконец, приняла какое-то решение, потому как подалась вперед, положив локти на стол.

— Вы обманщик.

Хуан едва не захохотал.

— Простите?

— Вы, ваш корабль, ваша команда — совсем не те, за кого себя выдаете.

Кабрильо всеми силами пытался сохранять спокойствие и не залиться краской.

С тех самых пор, как он основал Корпорацию, за долгие годы плавания на кораблях, носивших название «Орегон», никто никогда даже и не подозревал, что они не те, за кого себя выдают. У себя на борту они уже повидали разного рода инспекторов, представителей портовых властей и даже местного пилота во время своих многочисленных плаваний через Панаму, только ни один из них не выказал ни тени сомнения в этом мастерски продуманном прикрытии.

«Она не могла нас вычислить, — подумал он. — Это блеф». Но вдруг он осознал, что они забыли выставить все необходимое, без чего корабль такого ранга попросту не мог бы плыть, к приходу экипажа «Пингвина». Хуан успокоил себя: вряд ли не знакомая с морским делом женщина, как Слоун, за полчаса, проведенных на борту, сумела что-нибудь заметить, а Ридон и капитан были вовсе заняты своими заботами. Но сердце его ушло в пятки, пока он размышлял над странным поведением Макинтайр.

— Почему вы так решили? — небрежно поинтересовался Хуан.

— Я просто собрала мелочи в единое целое. Это было не сложно. «Ролекс» на руке вашего рулевого, точь-в-точь такой же, как был у моего отца. А эти часы стоят не менее двух тысяч долларов. Не слишком ли роскошно для таких бедняков-матросов, за которых вы себя выдаете?

— Ну, это подделка, — ответил Хуан.

— Подделка, как вы говорите, и пяти минут не продержалась бы в соленом морском воздухе. Я знаю, потому что у меня были одни, когда я подростком плавала на рыболовецком крейсере своего отца после того, как он ушел на пенсию.

«Все ясно. Значит, она как раз подкована в морском деле», — подумал Хуан.

— Ладно, может, они и настоящие. Но он наверняка купил их где-нибудь на черном рынке, по дешевке, там ведь все краденное. Вам бы лучше спросить у него.

— Конечно, нельзя исключать эту возможность, — согласилась Слоун. — Тогда перейдем к вашему завхозу, что одновременно служит и официантом на вашем корабле. Последние пять лет я работала в Лондоне и теперь могу легко распознать британский покрой его одежды. По выходным туфлям, брюкам, сшитым на заказ и ручной отделке рубашке, я сделала вывод, что, должно быть, он одет не менее чем на тысячи четыре баксов. Он у вас одевается тоже на черном рынке?

Хуан ухмыльнулся, представив, как Морис надевает что-нибудь из секонд-хэнда.

— По правде сказать, Морис даже будет побогаче самого Креза. Как бы назвали его англичане — помешанный на богатстве. Он ушел из дома, как только ему стукнуло восемнадцать, получив свою долю наследства, и отправившись колесить по всему свету в поисках богатства. Он нашел меня в прошлом году около Момбаса, сказал, что хочет служить на «Орегоне» и мне не придется ему платить. А что мне от такого отказываться?

— Верно, — выдавила Слоун.

— Да, в самом деле.

— Ну ладно, бог с ним, с этим Морисом. Теперь поговорим о вас и мистере Линкольне. Не так уж часто встретишь американцев на борту здешних кораблей. В основном только выходцы из Азии соглашаются работать за гроши на судах, если уж вы убеждаете меня в своем более чем скромном достатке. На деле я ожидала встретить здесь пакистанцев или индонезийцев, но никак не вас.

Хуан хотел было вставить слово, но она опередила его:

— Дайте-ка угадаю. Вы тоже работаете за гроши?

— Ну, я не могу сказать, что все мои сундуки полны золота, мисс Макинтайр.

— А вот с этим готова поспорить, — она стремительно зачесала рукой упавшие на лицо волосы. — Есть еще парочка мелочей, которые не дают мне покоя. Как вы объясните, что из дымовой трубы вашего «Орегона» не видно даже и намека на дым?

«Да, дела…» — подумал Хуан, вспоминая, как механик забыл включить генератор дыма, как только они попали в зону видимости «Пингвина». Тогда он не придал этому

большого значения, но теперь эта оплошность потребовала свое.

— Сначала я подумала, что корабль брошен, но потом увидела, что вы стремительно идете нам навстречу. А несколько минут спустя из трубы повалил дым, такой густой, что его нельзя было не заметить. И еще этот явно не работающий телеграф на мостике, который зачем-то был включен. Более того, вам бы ни за что не удалось развернуться так быстро и под таким углом, если только «Орегон» не оснащен особыми двигателями, что располагаются по всему правому и левому борту. А это, согласитесь, отнюдь не уровень обычных грузовых кораблей. Что вы на это скажете?

— А почему, собственно, вас это так интересует? — попытался Хуан уйти от вопроса.

— Потому что кто-то сегодня хотел меня прикончить, а вы, я думаю, в силах помочь мне узнать, кто это был.

— Мне очень жаль, Слоун, но я всего лишь капитан этого ржавого корыта, и совсем не вхож в логово бандитов. Вряд ли я чем-то могу помочь.

— Значит, вы не отрицаете того, что я сказала про вас и ваш корабль?

— Не знаю, что вы там увидели, но скажу только одно: ни в «Орегоне», ни в его экипаже ничего такого, что бы вы хотели увидеть, нет.

Тогда Слоун невозмутимо поднялась и безошибочно направилась прямо к крошечной камере, что была спрятана в картине — портрете одной актрисы-индианки, которая пользовалась популярностью лет пятнадцать назад. Она сняла картину со стены, а камера осталась болтаться на шнуре.

— Да что вы говорите?

На этот раз краска залила лица Кабрильо.

— Я заметила ее, когда вы произнесли «это очевидно», как только получили от Мориса записку. Думаю, и сейчас за нами кто-то наблюдает.

Слоун не стала дожидаться его ответа.

— Предлагаю вам сделку, капитан Кабрильо. Вы открываете мне всю правду, и я перестаю вам лгать. И даже могу начать первой, — сказала она, вновь усаживаясь напротив него. — Мы с Тони познакомились отнюдь не в Интернете. Мы работаем вместе в секретном подразделении корпорации «Биэрс» по разведыванию и добыче алмазов и ищем затонувший корабль, который может быть набит бриллиантами на несколько миллиардов долларов. Вы знаете хоть что-нибудь об этих камнях?

— Только то, что они редкие и дорогие, и если подарить один такой женщине, то считай, что подписал себе смертный приговор.

Это заставило Слоун улыбнуться.

— Да, они редкие и дорогие, и благодаря им вы, наверное, очень любите свою работу. Бьюсь об заклад, каждый раз какой-нибудь ваш коллега преподносит вам диковинной формы камень. Да это и не удивительно, вы довольно привлекательны.

Слоун расхохоталась.

— Ну что вы. Да, алмазы очень дорогие, но отнюдь не редкие. Они, конечно, встречаются значительно реже, нежели полудрагоценные камни, однако намного чаще, чем принято считать. Цены постоянно искусственно завышаются, поскольку почти девяносто пять процентов алмазного рынка сосредоточены в руках одной компании. Располагая практически всеми алмазными рудниками мира, она свободна устанавливать любую цену, какая ей только вздумается. Как только где-то на планете обнаруживают новое месторождение, эта компания сразу же выкупает его, дабы перекрыть на корню любую попытку конкуренции. По сравнению с этой корпорацией даже ОПЕК выглядит несмышленым ребенком. В организации действует одно незыблемое правило: если некоторые лица из ее руководства когда-либо пересекут границы США, им грозит арест, так как в этом случае они нарушат принципы антитрестовского законодательства. Они бросают людям по одному камешку в год, чтобы удержать цены. Когда же камней на мировых рынках становится совсем мало, они пускаются в их усиленное производство, или же

наоборот, если камней в избытке — они заполняют ими свои хранилища в Лондоне. Зная теперь все то, что я вам рассказала, что, вы думаете, произойдет, если кто-то отыщет корабль с миллиардным потенциалом алмазов?

— Произойдет обвал цен.

— И мы потеряем монополию на мировых алмазных рынках. Более того: выстроенная за долгие годы экономическая система пойдет коту под хвост, обесценится золото и валюта.

Во всей этой ситуации Хуан разбирался мало, но отлично помнил одну операцию двухмесячной давности, когда команде «Орегона» пришлось бороться с попыткой бандитов наводнить мировой рынок золота.

— Я понимаю, о чем вы, — ответил он.

— Если корабль с несметным богатством реально существует, у нас есть две возможности противостоять бандитам. Один из них — ждать, пока в мире не заявят об очередном найденном месторождении или захоронении алмазов, а затем попросту выкупить у них камни. Но, сами понимаете, что это выйдет весьма дорого. Поэтому мы выбрали вторую возможность.

— Проверить, правдой ли являются слухи, и опередить бандитов.

— Точно, — Слоун нервно дотронулась до кончика своего носа. — Я первая озвучила этот план, и поэтому осуществлять его поручили мне. А Тони якобы должен исполнять обязанности моего помощника, но от него никакого толку. Этот корабль очень много значит для меня и моей карьеры. И если мне удастся найти камни, тогда, возможно, сейчас вы разговариваете с будущим вице-президентом алмазной организации.

— А откуда вообще взялись на том корабле алмазы? — спросил Хуан, против собственной воли все больше увлекаясь рассказом Слоун.

— Это очень интересная история. В самом начале их раздобыли племена эреро на рудниках в Кимберли. Вождь эреро знал, что в скором времени им придется вступить в сражение с немецкими захватчиками, и он надеялся, что алмазы помогут им заручиться поддержкой Англии в этой войне. Поэтому на протяжении десятилетий он и посылал своих людей на раскопки, чтобы они тайком приносили алмазы во владения эреро. Это месторождение тоже некогда принадлежало вождю. Насколько мне известно, за несколько месяцев до ухода на раскопки эреро делали себе небольшие разрезы на ногах и руках, которые в скором времени практически заживали и не были заметны. Затем, уже непосредственно на раскопках, найдя более-менее стоящие камни, они вновь вскрывали свои ранки и прятали в них алмазы. Когда спустя год им приходило время возвращаться обратно, охрана месторождения их тщательно обыскивала, были даже случаи, когда они скальпелем вскрывали свежие ранки, зная об этом популярном способе контрабанды, но старые, затянувшиеся, с алмазами внутри раны оставались незамеченными.

— Чертовски хитро, — отметил Хуан.

— Это точно. Только когда у них набралось уже достаточно мешков с камнями, самыми отборными со всего месторождения, их неожиданно ограбили.

— Ограбили?

— Пятеро англичан, один из которых был еще совсем подросток — сын миссионеров, приехавших сюда на службу. Обо всем этом я узнала из дневника отца мальчика, который отправился на поиски сына, узнав о сотворенном им преступлении. Если честно, человек этот, судя по записям, настоящий палач: дневник сплошь состоял из наказаний, одно суровее другого, каким он подвергнет сына, когда отыщет его. Но не буду обременять вас деталями. Итак, этот подросток, Питер Смайт, случайно встретился с искателем приключений старой закалки Эйч Эй Райдером, с которым уже были трое мужчин. Им-то он все и рассказал. Согласно их плану ограбления эреро они заранее телеграфировали в Кейптаун, чтобы за ними выслали «Бродягу», который встретил бы их на побережье, как тогда ее называли, Немецкой Юго-Западной Африки. Они собирались пересечь пустыни Калахари и Намиб на лошадях и встретиться там с кораблем.

— И именно об этом «Бродяге» и идет речь?

— Он ушел в плавание, как только была получена телеграмма Райдера, а спустя некоторое время его объявили пропавшим без вести.

— Допустим, что он реально существует, и это не очередной миф про богатства царя Соломона. Но почему вы думаете, что «Бродяга» именно здесь?

— На карте я провела прямую линию от места, где были украдены алмазы, строго на запад. Они же пересекали наиболее опасный и коварный участок пустыни, поэтому, наверняка, выбрали кратчайший маршрут — по прямой. И тогда место встречи Райдера и «Бродяги», должно быть, где-то в милях семидесяти севернее Уолвиш-Бей.

Хуан заметил очевидные прорехи в рассуждениях Слоун. Откуда она знала, затонул ли «Бродяга» или удался ли вообще путникам их отчаянный план. А вдруг алмазы все еще где-то в пустыне?

— Да, именно так отреагировал мой босс, впервые услышав мой план. На что я ответила: если мне в голову пришли подобные мысли об алмазах, «Бродяге» и Райдере, они могли уже посетить какого угодно человека, и наверняка кто-то уже обследовал прибрежные воды с аквалангом или пустыню на новейшей технике.

— И что же он ответил?

— «Даю вам неделю и Тони Ридона в помощники. И, как бы там ни было, постарайтесь проверить все возможные ходы».

— Неделя — смехотворный срок для нахождения затонувшего корабля, так как необходимо обследовать, как минимум, пару сотен квадратных миль вокруг. Более того, нужен корабль, который был бы оснащен гидролокатором бокового обзора, равно как и мощным металлоискателем. Но даже тогда нет никакой гарантии, что вы найдете «Бродягу».

Слоун пожала плечами.

— Никто особо и не поверил в эту операцию. Слишком мало времени, недостаточное финансирование и Тони. Я решила обратиться к помощи местных рыбаков.

— Мне не дает покоя одна мысль: зачем надо было ставить в известность начальство? Ведь можно было приехать сюда самой, найти алмазы и оставить их себе?

На лице Слоун отразилось недовольство сказанными им словами, будто ей нанесли оскорбление.

— Капитан, подобное никогда в жизни не могло прийти мне в голову. Те алмазы были найдены на месторождении корпорации «Биэрс», значит, она их полноправная владелица. И я ни за что бы не присвоила их себе, будь у меня возможность набить чистыми алмазами полные карманы.

— Простите, что позволил себе усомниться в вас, — на Хуана произвело впечатление ее отчаянное благородство.

— Ничего, извинения приняты. Теперь, когда я вам открыла всю правду, вы поможете мне? Я ничего не могу вам обещать, но, думаю, корпорация вознаградит вас, если нам удастся отыскать «Бродягу». Это займет не более двух часов. Нам осталось только проверить координаты, данные Папой Генриком.

Хуан ответил не сразу, он уставился в потолок, просчитывая последующие действия. Затем он неожиданно вскочил и направился к дверям.

— Простите, я на минуту, — сказал он Слоун. И тут же обратился к Максу по спрятанному наушнику:

— Макс, встречаемся у меня.

Он имел в виду подставную рубку, что они использовали для встреч с налоговыми инспекторами. Она располагалась недалеко от столовой.

Хенли уже стоял у двери рубки, когда из-за угла появился Хуан.

Хенли облокотился о стену и постукивал черенком своей трубки по зубам — верный знак, что он что-то замышлял. Он выпрямился, завидев приближающегося капитана. Даже при закрытой двери Хуан почувствовал явный запах затхлости, доносившийся из рубки.

— Твое слово, — перешел сразу к делу Хуан.

— Думаю, нам нужно кончать со всем этим и рвать когти в Кейптаун за

оборудованием, если мы еще хотим спасти Меррика, пока он, надеюсь, еще жив.

— Ну, а по поводу этой истории?

— Да ничего особенного, обычная история охотников за сокровищами.

— Да, вот только «Пингвин»-то атаковали, и, скажу тебе, не слабо.

— Тебе кажется, мы наступили кому-нибудь на хвост? — с сомнением в голосе произнес Хенли.

— Парни на яхте в миллион долларов с автоматами в руках обычно не палят в кого попало без хорошей на то причины. Очевидно, они что-то или кого-то защищают. Раз Слоун никому не говорила, какой именно корабль она ищет, думаю, это совсем не затонувший с бриллиантами на борту «Бродяга».

— Тебя на самом деле не привлекли гигантские змеи Папы Генрика?

— Макс, я серьезно. Здесь что-то нечисто. Руку даю на отсечение, — Хуан посмотрел в глаза другу. — Помнишь, что я тебе сказал прямо перед тем, как мы, направляясь в Гонконг, взяли на борт двух парней из подводной разведки?

— Эта та миссия, когда ты потерял ногу. Да, это оказалось подставой, они дезертировали с корабля «Юнайтед Стейтс», — ответил Макс, вторя серьезному тону друга.

Кабрильо вдруг невольно поежился, перемещая вес тела на протез из углеродного волокна и титана.

— Миссия, которая стоила мне ноги, — отозвался он.

Макс вставил трубку в зубы.

— Хоть это и было несколько лет назад, но я как сейчас помню твои слова: Макс, не хочу показаться занудой, но у меня плохое предчувствие по поводу всего этого.

Хуан, не моргая, выдержал пристальный взгляд Хенли.

— Макс, черт возьми, то же самое я чувствую и сейчас.

Наконец Макс кивнул. Долгие годы бок о бок с капитаном научили его прислушиваться пусть даже к самым нелепым и нелогичным доводам и доверять ему в чем бы то ни было.

— Каков твой план?

— Нам больше нельзя откладывать миссию по нахождению Меррика, и пока меня не будет, направляйтесь в Кейптаун и возьмите все необходимое оборудование. В то же время пошли Джорджа проверить координаты того места, что дала Слоун, где были замечены эти железные змеи.

Джордж Адамс служил пилотом скоростного вертолета, скрытого в одном из отсеков «Орегона».

— Ты отправляешься в Уолвиш-Бей?

— Да, я хочу лично побеседовать с Папой Генриком, а Слоун покажет мне, как до него добраться. Я возьму одну из спасательных шлюпок со шлюпбалки, так что Слоун ничего не узнает о лодочном отсеке.

На самом деле, хоть шлюпки эти и выглядели старыми и потрепанными, их техническое оснащение ничуть не уступало снаряжению самого «Орегона». Хуан был уверен, случись ему пересекать Атлантический океан в сезон ураганов в одной из подобных шлюпок, он выберется целым и невредимым.

— Это не должно занять более одного, максимум двух дней. Вы подхватите меня на обратном пути в Намибию. Ну а теперь расскажи мне, что вы раскопали за все это время.

— Малыш Хендерсон нанял для нас подходящий по всем параметрам самолет, значит, с этим делом все улажено. Как тебе известно, в Кейптауне, нас уже ожидают вездеходы, а Мерфи связался с библиотекой в Берлине, и сейчас оттуда нам присылают все, что только имеется о Дьявольском Оазисе, или по-немецки — Оазе дес Тойфельс, — скрестив руки, начал Макс.

Поворотным моментом в их поисках Джеффри Меррика послужила догадка Линды Росс. Она предположила, что Дьявольский Оазис может находиться в Намибии, поэтому она просмотрела справочник местных названий в поисках немецкого эквивалента этого места. Но данные, что были получены ими, оказались весьма неутешительны.

В конце двадцатого века верховное немецкое правление решило построить брата близнеца печально известной исправительной колонии Дьявольский Остров в Гвиане. Она славилась тем, что совершить побег из нее было практически невозможно, так как она находилась в отдалении. Таким образом, были приняты меры по защите немецкого населения от особо опасных преступников. Немцы построили настоящую тюрьму особого режима прямо посреди пустыни, на самой крайней заставе принадлежащей им колонии. Тюрьму, возведенную из природного камня, на многие сотни миль вокруг окружали песчаные дюны. И даже если преступнику удалось бы совершить побег, в пустыне его ожидала смерть. За всю ее историю, до самого закрытия в 1916 году, когда, вследствие войны, экономика Германии не могла уже позволить себя огромные траты на содержание тюрьмы, не было даже и тени намека на то, что кто-то когда либо решался совершить побег. Она не идет ни в какое сравнение ни с Дьявольским Островом, ни с пресловутым Алькатрасом.

Железная дорога, что обслуживала тюрьму во время ее функционирования, была снята, как только ее закрыли, и единственно возможные способы добраться до тюрьмы теперь — либо лететь, либо пробираться на вездеходах. Но оба эти способа довольно рискованны, поскольку похитители Меррика сразу же засекут приближение самолета или вездехода, не успеют они даже занять удобной позиции для атаки и защиты.

Анализируя полученные данные и спутниковые снимки, команда Кабрильо все больше убеждалась в дерзости принятого плана спасения миллиардера и излишней собственной самонадеянности при этом.

— Что насчет похитителей и компании Меррика?

— Похитители на связь не выходят, а «Меррик и Сингер» ведут переговоры с несколькими спасательными отрядами.

Помимо военных и полиции, похищениями занимались также и частные компании. Максу Хенли и их собственная Корпорация теперь представлялась некой организацией по спасению заложников, и хотя подобные дела не входили в их профессиональную деятельность, но они, конечно, сделают все возможное для нахождения главы «Меррик и Сингер». Макс был бы совсем не прочь получить хоть какое-нибудь вознаграждение за проведенную работу.

— Что слышно от Оверхольта?

— Он за то, чтобы мы участвовали в этой операции, если только это не помешает нашим предстоящим миссиям. Также он дал понять, что Меррик в свое время вложил много средств в кампанию президента, и они даже несколько раз вместе катались на лыжах. Наше дело правое, а наши акции в Вашингтоне растут, как грибы после дождя.

Кабрильо усмехнулся.

— Тут уровень наших акций не имеет значения. Они там, в Вашингтоне, а мы, будучи на заданиях, колесим по всему белому свету. У нас просто нет другого выхода. Ты думаешь, если мы бросим это дело, наше правительство тут же свяжется с властями в Намибии и вскоре объявят об успешном освобождении заложников?

— Не могу поверить, что ты такого невысокого мнения о нашем ЦРУ, — произнес Макс с искусной миной, оскорбления.

— А если мы провалимся, нам несложно будет выкрутиться из этого дела. А теперь проводи Слоун на «Пингвин» предупредить остальных, что она остается на борту. И пусть кто-нибудь подготовит для меня лодку. А я пока приму душ и соберу все необходимое.

— Я не перестаю удивляться твоей смелости, — бросил Хенли, удаляясь по коридору.

Хуан сбросил форменную рубашку, надетую специально для прихода Слоун и ее команды, и вошел в душевую кабину. Открыв позолоченные винты, он позволил прохладной воде намочить всю его остальную одежду, затем разделся полностью. Опершись о стеклянную стену, он снял с ноги протез.

Мощные струи воды приятно охлаждали его тело, пока он раздумывал над решением, принятым в пользу Слоун Макинтайр. В этот раз он вновь доверился интуиции, зная, что она

его никогда не подводила. Он сомневался, что в этих водах можно найти затонувший корабль с сокровищами, как не верил и в гигантских железных змей. Знал он только одно: кто-то явно хотел остановить Слоун в ее поисках. Кто это был и что вообще за всем этим скрывается?

Одевшись и поставив на место ногу, Хуан бросил несколько туалетных принадлежностей в кожаную сумку. Из шкафа он достал пару сменных вещей и прочных ботинок и тоже положил их в сумку. Сев за стол, он повернулся к старому антикварному сейфу, что некогда стоял в железнодорожном хранилище Нью-Мексико. Пальцы его, за много лет привыкшие к комбинации цифр, мгновенно разблокировали мощную железную дверцу. Помимо пачек стодолларовых купюр, двадцатифунтовиков и еще десятка какой-то валюты, в сейфе хранилось его личное вооружение. Скорее всего, его хватило бы, чтобы развязать маленькую войну. Три автоматических пистолета, пара штурмовых винтовок, боевой дробовик, снайперская винтовка, огромное количество гранат, дымовых и световых шашек и дюжина маленьких пистолетов. Он прикинул, в какой ситуации он окажется там, в Уолвиш-Бей, и решил взять небольшой девятимиллиметровый автомат и револьвер.

Оружие в сейфе хранилось незаряженным, чтобы избежать самопроизвольных выстрелов, поэтому несколько минут он заполнял пустые магазины. Все это плюс дополнительные боеприпасы он уложил на дно сумки под одежду. На нем были легкие парусиновые брюки и рубашка с открытым горлом.

Он взглянул на свое отражение в стеклянной поверхности картины. Лицо выражало твердую решимость, а в глазах еще тлели угольки непоколебимого мужества: он не обязан ничем ни Слоун, ни Джеффри Меррику, но, раз уж их пути пересеклись, он не бросит их на произвол судьбы.

Кабрильо схватил с кровати сумку и бросился к палубе, в возбуждении и готовности.

Глава 12

Песчаные блохи почувствовали, что долгое время пустовавшая тюрьма посредине пустыни вновь обрела пленников. Привлеченные теплом и запахом человеческих тел, они вернулись вновь, чтобы вершить свой собственный суд над заключенными. Способные откладывать до шестидесяти яиц в день, те из них, что проникли в стены тюрьмы первыми, уже значительно расплодились. Похитители были к этому готовы и пользовались специальными спреями, заключенным же повезло меньше.

Меррик сидел, опершись на каменную стену, и бешено отмахивался от этих вызывающих отвращение насекомых. Казалось, что укусами уже покрылось все тело. Хотя, если задуматься, он был даже рад их появлению, поскольку все новые болезненные укусы отвлекали его от мучительных мыслей о том, что произошло и какие беды их еще ожидают.

Он громко выругался: одна из блох больно укусила его в заднюю стенку уха. Он поймал ее и раздавил пальцами, с диким удовлетворением услышав, как лопнул ее панцирь. Маленькая победа в проигранной войне.

Стояла ночь. Лунное сияние не проникало в камеру, и темнота здесь была почти осязаема. Призрачное нечто заполняло его сущность, с каждым вздохом скатываясь вниз по горлу, давило на уши, так, что, казалось, он почти ничего не слышал, даже слабого завывания ветра, который наверняка дул. Тюрьма мало-помалу высасывала из него все его чувства и ощущения. Вездесущая песчаная пыль забила ноздри, теперь он не чувствовал запахов и вкуса, а без этого та еда, что недавно ему принесли, едва ли отличалась от того же песка. Единственное, что еще полностью принадлежало ему, это чувство осязания, но за много дней, проведенных в каменной тюрьме, оно приносило ему мало пользы.

— Сьюзен? — позвал он. Так он звал ее каждые несколько минут, как только вернулся в свою камеру. Женщина не отвечала, и он подумал, не мертва ли она. Но выкрикивать ее имя было легче, чем попросту сдаться на милость всепоглощающего страха и кричать от безысходности.

К своему величайшему изумлению, он вдруг услышал, как кто-то будто задвигался, шурша одеждой по каменному полу, тихонько, словно новорожденный котенок.

— Сьюзен, — крикнул он резко. — Вы слышите меня?

Он услышал ее далекий тяжелый вздох.

— Сьюзен, это Джефф Меррик! — «Кто еще, собственно, мог бы это быть», — подумал он. — Вы можете говорить?

— Доктор Меррик?

Ее слабый голос ежесекундно прерывался, но все же это был самый прекрасный звук, который он когда-либо слышал.

— Слава Богу! Сьюзен, я думал, вы уже мертвы!

— Так и есть, — тихо пробормотала она и закашлялась, что заставило ее громко и долго стонать. — Что произошло? Я не чувствую лица, и, кажется, у меня сломаны ребра.

— Вы не помните? Вас пытали, избивали. Вы сказали, что они вам даже не задали ни единого вопроса.

— Они пытали вас тоже?

Сердце Меррика сжалось. Несмотря на собственное тяжелое состояние, она проявляла заботу и о нем. Многие не сделали бы этого, поглощенные собственной болью. В эту минуту он горько пожалел, что втянул ее во весь этот кошмар.

— Нет, Сьюзен, они меня не трогали, — ответил он. — Но теперь я знаю, кто похитил нас.

— Кто же это? — В ее голосе прозвучал слабый огонек надежды, будто осознание того, кто виновен во всем этом ужасе, могло принести какое-то облегчение.

— Это человек, с которым мы когда-то основали «Меррик и Сингер».

— Доктор Сингер?

— Да, Дэн Сингер.

— Но почему? Зачем он это с вами делает?

— С нами, вы имеете в виду? Он просто больной, Сьюзен, выживший из ума человек, который решил, что вправе вершить суд в деле природы и человека, в котором последний никогда не выходит победителем.

— Я не понимаю.

Не понимал и Меррик. Он никак не мог взять в толк, чего он этим добивается, что он хочет показать? Он зашел слишком далеко. Дэн Сингер уже отправил на тот свет тысячи людей, и с каждым разом его аппетиты все растут и растут. А что за всем этим стоит? Преподать урок Соединенным Штатам в том, как можно вести себя с окружающей средой, а как нельзя? Объявив нас всех ответственными и за глобальное потепление и сотни других серьезных катастроф? Может, отчасти это и было правдой, но Джеффри Меррик слишком хорошо знал своего бывшего лучшего друга.

Дэн Сингер пошел на все это, чтобы доказать Меррику, что именно ему огромная, процветающая компания обязана успехом. Именно он был ее мозгами, открытиями, новыми идеями и технологиями. В начале пути они были словно братья, и все шло прекрасно. Но ведь оба они слишком разные по характеру и темпераменту, и этого-то Дэн Сингер понять не смог. Джеффри Меррик мог своим обаянием, даже неким шармом, завести выгодные им обоим знакомства, повернуть ход переговоров в свою пользу, интересно и непринужденно общаться с прессой, потому-то она, да и весь мир, знали Джеффри Меррика как главу и лицо компании «Меррик и Сингер». А Дэну Сингеру ничего не оставалось, как уйти в тень. Меррику и в голову никогда не приходило, что все это настолько сильно волновало его друга. Казалось бы, какое ему — робкому, застенчивому, даже замкнутому студенту из Массачусетского университета, было дело до остального мира? Как оказалось, огромное. Все эти годы он растил и воспитывал свою ненависть к нему, которая теперь граничила с патологией и сумасшествием. Осознание этого заставило Меррика изумиться, насколько слеп он был по отношению к своему другу.

Все это попросту уничтожило настоящего Дэна Сингера, ученого, с помощью которого

«Меррик и Сингер» пошла в гору, добилась неимоверного успеха, заставив его уйти из компании и примкнуть к отбросам экологического движения. Он спустил весь свой капитал на то, чтобы всеми возможными и невозможными способами разрушить «Меррик и Сингер» и уничтожить ее главу. Но когда новая череда судебных процессов так ни к чему и не привела, он вместе с новообретенными друзьями отправился в Мэн зализывать раны. Там, скорее всего, он и выносил свой чудовищный план.

Да, теперь это похоже на правду. Все сходится. Ненависть Сингера все эти годы все раздувалась и свирепела. А сейчас он вышел, наконец, из тени, чтобы претворить в жизнь свой ужасающий, зверский, кровавый план мести. И месть его зашла уже настолько далеко, что никак ее уже не остановишь. Он направил экологов в крестовый поход, который полностью противоречил их сути, лишь косвенно и очень отдаленно сопрягаясь с их целями.

— Сьюзен, нам нужно отсюда выбираться.

— О чем вы?

— Мы должны остановить его. Он невменяем, а это сборище защитников окружающей среды — группа фанатиков, окончательно поправших все моральные и нравственные устои. Им уже никогда не смыть человеческую кровь с собственных рук. Более того, в услужении Сингера находится целая банда головорезов, — отозвался Меррик, тяжело опустив лицо в ладони.

В этом была и его вина. Он должен был спасти друга, уже в самом начале заметив в нем такие перемены. Он должен был поделиться с ним теплом славы и внимания, а не разбивать вдребезги его хрупкое эго, видя, как больно ранит Дэна его популярность. Не будь он таким бесчувственным и глухим по отношению к Сингеру тогда, еще в той далекой, прекрасной молодости, ничего этого могло бы и не произойти. Горькие, горячие слезы потекли из его глаз вместе с громкими отчаянными всхлипами, он более не стеснялся ни слез, ни Сьюзен, все, что с ним произошло и то, что он осознал мгновение назад, нахлынуло и полностью поглотило его. Он только повторял: «Мне очень жаль. Мне очень жаль», — бессмысленно, безостановочно, моля о прощении не то Сингера, не то всех убитых людей, не то Сьюзен.

— Доктор Меррик! Доктор Меррик! Почему Сингер похитил нас?

Меррик слышал отчаяние в ее голосе, но ответить не мог. Он рыдал громко, безутешно, будто душа его разрывалась на части. Так продолжалось около двадцати минут, пока слезы его не иссякли.

— Простите меня, Сьюзен, — выдохнул он, наконец. — Дэн Сингер похитил нас, потому что… — он не знал, как донести это до Сьюзен, — потому, что я все эти годы был лицом компании «Меррик и Сингер». Его поглотила ревность. Можете вы в это поверить? Он убил уже тысячи людей только из-за того, что я пользовался большей популярностью, чем он.

Сьюзен Донливи ничего не ответила.

— Сьюзен, — окликнул он ее, — Сьюзен! Сьюзен!

Эхо несколько раз повторило ее имя и стихло. Мертвая тишина охватила почти пустую каменную тюрьму. Еще одна жертва пала к ногам Дэниела Сингера.

Глава 13

— Если хотите, можете прилечь, — предложил Хуан, увидев, как Слоун зевнула.

— Спасибо, не стоит. Я не устала, — ответила Слоун, зевнув еще раз. — Но, думаю, от еще одной чашечки кофе я не откажусь.

Кабрильо отстегнул от держателя около своего колена небольшой серебристый термос и передал его Слоун, глаза его в это время по привычке оценивали положение лодки по ее незамысловатым, на первый взгляд, приборам. Двигатель работал исправно, бак с горючим был почти полон, а до Уолвиш-Бей оставался всего какой-нибудь час.

Когда Макс связался с ним спустя час, как они покинули «Орегон», и передал, что

вертолетная разведка Джорджа Адамса не принесла результатов, поскольку никаких гигантских змей обнаружено не было, Хуан в тот момент решил доставить Слоун к ее отелю, а затем самолетом лететь в Кейптаун, чтобы встретиться со своей командой. Его решение тогда диктовалось логикой. Сейчас же, познакомившись поближе с Слоун за эти несколько часов, Хуан понял, что не зря взялся ей помогать.

Она была так же повернута на своей работе, как и он. Слоун никогда не бросала дел на полпути и не отступала. Их обоих заинтриговали эти темные, мистические воды, определенно таящие в себе какие-то секреты. Они не успокоятся, пока не раскроют их, пусть даже это не имеет никакого отношения к серьезным и ответственным заданиям, которые у них были. Он восхищался ее любопытством и упорством — теми чертами характера, которые он ценил и уважал и в самом себе.

Слоун осторожно налила кофе в крышку термоса, вторя плавным движением волн, на которых покачивалась лодка, чтобы не пролить ни единой капли. По-прежнему в шортах, Слоун не отказалась от ветровки — оранжевой нейлоновой куртки, что Хуан предложил ей, заранее закутавшись в свою.

На лодке имелся огромный запас провизии, которой хватило бы, чтобы прокормить чуть ли не сорок человек в течение недели, также она оснащалась небольшим прибором для опреснения воды, хотя некий солоноватый привкус в ней все-таки чувствовался.

Сидения в закрытой кабине были обшиты мягкой, искусственно потертой кожей, чтобы выглядела она более правдоподобно. На потолке располагалась панель управления. Более того, она опускалась, открывая тридцатидюймовый плазменный телевизор с полифоническим звуком вместе с внушительной видеотекой. По некой извращенной прихоти Макса, следующим на очереди к просмотру стоял фильм «Титаник», на тот случай, их команде когда-либо придется воспользоваться шлюпками.

Каждый уголок и укромное местечко кабины были настолько тщательно продуманы и обустроены, что каждый чувствовал себя как дома. Лодка больше походила на роскошную комфортабельную прогулочную яхту, нежели на спасательную шлюпку. Должное внимание в ее конструкции уделялось и безопасности. Если все люки задраены, лодка становится полностью непроницаемой, и даже если она перевернется, то не затонет и не подвергнет экипаж никакой опасности. Ну и, конечно же, так как она принадлежала Корпорации, ее оборудование отнюдь не ограничивалось оснащением обычной спасательной шлюпки, но этот секрет, естественно, Хуан намеревался держать в тайне.

Лодкой можно было управлять с двух позиций: одна из них находилась в кабине, рядом с кормой, где она надежно защищалась корпусом лодки, сделанным из стекловолокна, и бронированной кабиной, таким образом, человек мог стоять в полный рост, ничего не опасаясь. Вторая же, на ней-то сейчас и стояли Хуан и Слоун, представляла собой небольшую платформу на носу лодки. Они уже насладились восхитительным ранним закатом и теперь любовались тихим, мерцавшим щедрой россыпью звезд, ночным небом. От живительного, соленого воздуха бескрайнего океана их закрывала небольшая стеклянная ширма, но окружающая температура вдруг резко упала — по всей видимости, их подхватили воды течения Бенгела, направляющиеся к ним с севера Антарктики.

Слоун, обхватив руками крышку от термоса с еще горячим кофе, внимательно изучала лицо Хуана при тусклом свете датчиков на приборной панели. Он был хорош собой, с правильными мужественными чертами лица и ясными голубыми глазами. Но совсем не это привлекало в нем Слоун, а то, что скрывалось в его сердце. Он был капитан от природы, то, как ему подчинялась команда, как легко и непринужденно держал он себя с ней, одним словом, его некая внутренняя сила. К тому же, она сразу поняла, что он холостяк. Но не такой, что выбирается из дома только для того, чтобы сходить на почту или в магазин, не псих и не компьютерный маньяк, а такой, который четко знает, чего хочет в этой жизни, знает свои возможности, свои недостатки, самодостаточен и уверен.

Он производил впечатление человека, мгновенно принимающего решения. Эту способность, что в других граничила с самоуверенностью, он мог воспитать в себе, только

будучи правым в девяносто девяти случаях из ста, что практически исключало возможность ошибки. «Скорее всего, это военная академия», — подумала она. Слоун представила, что, возможно он служил в военно-морских силах, но вынужден был подать в отставку вследствие полной несостоятельности руководства. Он променял многообещающую службу в вооруженных силах на жизнь свободного моряка, дрейфующего в открытых морях, и сделал это, поскольку был старой закалки: эта простота, задушевность и романтика такого расклада морской жизни манили его, словно говоря, что Хуану следовало бы родиться двумя веками раньше. Она ясно представляла себе, как он пересекает Тихий океан на каком-нибудь торговом судне со специями и шелками на борту.

— Можно узнать, чему вы так улыбаетесь? — поинтересовался Хуан.

— Просто думаю, что наше время вам совсем не подходит.

— Что вы имеете в виду?

— Вы не только приходите на помощь попавшим в беду, но и взваливаете на себя их заботы.

Кабрильо расправил плечи и принял торжественный вид.

— Я теперь, почтенная сеньора, готов сразиться с железными змеями!

Слоун захохотала.

— Могу ли я задать вам один вопрос?

— Валяйте!

— Не будь вы капитаном «Орегона», кем бы вы стали?

Вопрос не перекликался ни с одной из секретных тем, и Хуан позволил себе ответить честно.

— Фельдшером.

— Да ладно! Вы серьезно? И даже не доктором?

— Большинство врачей ведут себя с пациентами как торговцы с покупателями на рынках. Тем нужно сбыть плохой товар, и этим спихнуть абы какое лечение лишь бы только получить с них деньги, чтобы хватило на членство в гольфклубе. Фельдшеры же дело другое. Они разъезжают по вызовам обычно парами, да и снаряжение у них не особо богатое, так что в спасении человеческих жизней им приходится полагаться только на себя. Они первые оценивают общее состояние человека и принимают одно из самых ответственных решений — об оказании первой помощи. Они приезжают, чтобы ежесекундно заверять вас, что все будет в порядке и ваша жизнь вне опасности, четко зная, что должны сделать, порой самое невозможное — спасти человеческую жизнь. И только доставив человека в больницу, вовремя передав его в руки врачам, могут они считать свою миссию выполненной. Ни славы, ни благодарности, ни слов «Док, я вам обязан жизнью»… Просто делаешь свою работу с тем, чтобы ночью сорваться на очередной вызов.

— Впечатляет, — проговорила Слоун после недолгой паузы. — И вы абсолютно правы. Однажды мой отец сильно поранил ногу во время одного из плаваний, и нам пришлось даже вызывать скорую по радио. Тогда мне и доверили впервые пригнать баржу обратно в порт. Я до сих пор помню, как звали доктора, что в больнице зашил отцу ногу, это был доктор Янковский. Но даже не знаю имени фельдшера, еще на судне сделавшего первую перевязку. Если бы не он, мой отец сильно бы истек кровью.

— Неизвестные герои, — тихонько заключил Хуан. — Именно пред ними я и преклоняюсь.

На минуту его сознание унеслось в штаб-квартиру ЦРУ в Лэнгли, где на доске почета с больших глянцевых фотографий в форме звезд широко улыбались все те, кто погиб при исполнении обязанностей. Из всех восьмидесяти трех погибших тридцать пять висели без имен, и после смерти продолжая хранить служебные секреты. Невоспетые герои, каждый из них.

— А что насчет вас? Какой путь избрали бы, не стань вы секретным агентом алмазодобывающей компании?

На лице Слоун заиграла озорная улыбка.

— Ну, я бы стала капитаном «Орегона».

— Максу бы это пришлось по душе.

— Максу?

— Макс — главный инженер и моя правая рука, — любовно ответил Хуан. — Скажу лишь, что без него наша Корпорация давно бы уже развалилась.

— Должно быть, вы его любите и цените.

— Он золото, мой мистер Хенли. Никогда не встречал я более преданного человека. Или друга лучше, чем он.

Слоун допила последние глотки кофе и протянула крышку Хуану. Он закрыл термос и сверился с часами. Была почти полночь.

— Я подумал вот что: может, нам отправиться сразу к югу, к тому месту, где живет Папа Генрик, чем рисковать, пришвартовавшись в Свакопмунде, ведь нас могут засечь. Так мы сможем перехватить Генрика утром, перед тем как он отправится на рыбалку. Что скажете, вы сможете отыскать его хижину еще раз?

— Запросто. Уолвиш-Бей всего лишь в тридцати пяти милях южнее Свакопмунда.

Хуан вычислил с помощью спутниковой связи новые координаты и ввел их в навигационную систему лодки. Серводвигатель слегка сместил рулевое колесо влево. Спустя минут сорок перед ними внезапно всплыла из темноты Африка с отвесными берегами, мерцающими в лунном свете белым песком, и пенящимися волнами, набегающими на побережье. Вытянутый полуостров, что огибал Уолвиш-Бей, находился четвертью мили южнее.

— Какая умная система навигации, — произнесла Слоун.

Хуан постучал костяшками пальцев по приемнику спутниковой связи.

— Да, эта установка нас всех здорово обленила. Не думаю, что смог бы вручную вычислить наши координаты и спокойно наблюдать, как лодка, возможно, уносит нас совершенно в другом направлении.

— Вот это почему-то вызывает у меня сомнение.

Хуан потянул на себя рычаги управления, чтобы слегка сбавить ход, ведь они вошли в прибрежные воды. Они плыли еще где-то минут двадцать, пока, наконец, не достигли самой южной оконечности Уолвиш-Бей. Слоун направила свет фонарика на густую камышовую поросль, чтобы разглядеть небольшой проход в личную заводь Папы Генрика.

— Вон там, — прошептала она, указывая на место.

Хуан пустил лодку еще медленней и направил ее в проход в зарослях тростника. Он не сводил глаз с датчиков глубины и непрестанно следил, чтобы водоросли не застревали в лопастях двигателя. Шлюпка продвигалась в густых зарослях с глухим шипением скребущегося о корпус камыша.

Они проделали путь почти в семьдесят ярдов, и тут Хуан почувствовал запах дыма. Он еще раз принюхался к воздуху, словно ищейка, но запах будто испарился. Уж не привиделось ли это ему? Но нет. Запах вскоре стал сильнее, этот копченый запах горящего дерева. Хуан схватил Слоун за руку, закрывая ладонью свет фонаря.

Впереди уже различались языки оранжевого пламени. Но это явно была не печная яма, о которой упоминала Слоун. А нечто, совершенно на нее не похожее.

— Черт возьми, — выругался Хуан. Он дернул за рычаги, взмолившись, чтобы вода здесь сохраняла свою глубину. Лодку резко толкнуло вперед, отбросив Слоун прямо на него. Ему удалось сохранить равновесие, и, удерживая Слоун, он пытался разглядеть хоть что-то сквозь эту сплошную камышовую стену. Внезапно они выплыли в заводь, где, как предполагалось, и должно было находиться жилище Папы Генрика. Хуан тут же бросил взгляд на датчики. Под килем оказалось не более фута глубины. Он поставил двигатель на полный реверс и опустил якорь. Они еще не успели развить большую скорость, и Хуану удалось затормозить лодку прежде, чем она наскочила на мель.

Он выключил двигатели и только затем вгляделся в окружающую обстановку. Лачуга, располагавшаяся в центре заводи на островке, была охвачена огнем; языки пламени и

красные угольки скакали по горящей крыше, смастеренной из соломы и дерева. Лодка, на которой Папа Генрик ловил рыбу, покоилась на воде вверх дном, также пылала огнем. Но поскольку она наполовину затонула, сгореть дотла не могла. Клубы белого дыма просачивались сквозь ее швы и вздымались в воздух.

Сквозь рев охваченного пожаром жилища отчетливо послышались крики человека в предсмертной агонии.

— Боже мой, — в ужасе воскликнула Слоун.

Кабрильо среагировал мгновенно. Он взобрался на крышу рубки и бросился по ней по направлению к островку. Крыша на пять футов возвышалась над кормой. Тщательно отмеряя шаги, Хуан рассчитал так, чтобы спрыгнуть левой ногой на ограждение лодки, что шло по всему ее периметру, ведь правая нога его, будучи наполовину в протезе, не позволила бы выполнить этот трюк. А уже оттуда он грациозно нырнул в воду. Движения его были плавными, но сильными. Хуан быстро поплыл.

Когда ноги его уперлись в дно, он, словно разъяренный зверь, бросился к берегу. В этот момент до него донесся рев лодочных двигателей.

Это был белый катер, что возник с противоположной стороны острова. На борту его в открытой рубке стояли двое с пулеметами в руках. Песок вокруг Хуана тут же пустился в пляс. Хуан пригнулся, укрываясь от шквала пуль, его рука инстинктивно потянулась к кобуре. В следующую минуту он бросился на песок, дважды перекувыркнулся и встал на колени, крепко сжав руками пистолет, который он предусмотрительно пристегнул к поясу, пока они с Слоун еще любовались ночным небом. Хуан стрелял вслепую, тогда как налетчики четко видели его, освещенного пламенем горящей хижины.

Не успел Кабрильо сделать и пары ответных выстрелов, как на него уже обрушился новый шквал пулеметных очередей, заставляя пятиться обратно к шлюпке. Он набрал побольше воздуха и чуть ли не нырнул в песок, спасаясь от свинца.

Окунувшись с головой в воду, Хуан проплыл около тридцати ярдов, изо всех сил удерживаясь, чтобы не всплыть и не закашляться, раскрыв себя: ведь горло его раздирал попавший туда песок. Он чувствовал, что лодка проносится туда-сюда в поисках его прямо над той траекторией, которую он взял, чтобы вернуться на шлюпку. Превозмогая физическую боль и практически задыхаясь от нехватки кислорода, Хуан проплыл еще немного. Наконец, решив, что он вне зоны видимости преследователей, Хуан резко встал, твердо упершись ногами в дно, и еще секундой более продолжал задерживать дыхание. Действительно, те двое на катере находились в ярдах десяти от него и смотрели совсем в противоположном направлении. Вода доставала ему почти до подбородка, и это затрудняло дыхание, но он все же вскинул руки над головой с зажатым в них пистолетом и выстрелил. И только после этого он смог расслабиться и откашляться, мучительно, конвульсивно и продолжительно. Он не знал, задел ли он кого-нибудь, но, видимо, пуля пролетела совсем близко к ним, так как двигатели катера тут же взревели, и он понесся обратно по направлению в Уолвиш-Бей.

Хуан согнулся, оперев руки о колени, и кашлял до тех пор, пока его не вырвало. Утерев лицо, он взглянул на тихую заводь и на мирно покачивающуюся шлюпку.

— Слоун! — рявкнул он. — С вами все в порядке?

Она выглянула из рубки. Тусклый красноватый свет от огня не мог скрыть ее широко раскрытые в ужасе глаза и мертвенную бледность ее лица.

— Да, — проговорила она, а затем твердым голосом добавила: — Со мной все в порядке. А с вами?

— Со мной тоже, — ответил Хуан и переключил внимание на полыхающие руины.

Крики Папы Генрика уже прекратились. Хуан подошел ближе. Через минуту крыша хижины готова была развалиться на части, извергая вокруг себя нестерпимый жар и запах гари, так что Хуан даже прикрыл лицо рукой. Валящий густой дым разъедал глаза и заставил Хуана еще раз мучительно закашляться. Ощущал он себя так, будто несколько дней дышал осколками стекла.

Кабрильо схватил первую попавшуюся деревянную палку и откинул горящий кусок материи, что служил дверью. Что там внутри, из-за дыма разобрать он не мог и уже собирался было войти в охваченную огнем хижину, как вдруг налетевший порыв ветра поднял новые клубы сажи и пепла. Но Хуану все же на долю секунды удалось разглядеть сгоревшую дотла кровать — образ, который, он знал, до конца жизни будет его преследовать.

То, что осталось от рук Папы Генрика, до сих пор было приковано наручниками к спинке кровати, и, несмотря на то, что огонь изрядно повредил тело, сомнений не оставалось: старика пытали, прежде чем поджечь лачугу. Последнее дыхание жизни запечатлелось на лице в виде раскрытого в агонии рта. Лужица крови под кроватью яростно зашипела от попавшей в нее головешки.

В то же мгновение крыша хижины развалилась на части, полыхая огнем и обдавая все вокруг искрами ненасытного пламени. Хуан еле успел отскочить. Нет, его мокрая одежда не могла воспламениться, это внезапный прилив адреналина, смешанного с ужасом от недавно увиденного, заставил его отскочить.

Он бросился к морю и резво пустился вплавь по направлению к шлюпке. Зацепившись за якорную цепь, он взобрался по ней на борт. Слоун уже протягивала ему руки, чтобы помочь проскользнуть под перилами ограждения. Она лишь молча взглянула на его пистолет, заткнутый за пояс штанов.

— Идем. — Хуан взял ее за руку, и они вместе прошли через всю палубу и спрыгнули в рубку.

Хуан включил двигатели на полную мощность и начал яростно выкручивать рулевое колесо.

— Что вы собираетесь делать? — спросила Слоун, стараясь перекричать поднявшийся рев. — Те двое были на быстроходной лодке с лыжными шасси. У них пятиминутное преимущество, их скорость, должно быть, не менее двадцати узлов. Мы не можем догнать их.

— В два счета, если не быстрее, — буркнул он, не глядя на Слоун, едва контролируя свой гнев. Он выровнял курс, когда нос лодки почти уткнулся в тростник рядом с узким проходом, что вел обратно в открытый океан.

— Хуан, нам их не догнать, тем более, у них пулеметы, когда у нас — всего лишь пистолет.

Тростниковые заросли яростно хлестали корпус рубки, пока лодка со свистом проносилась по узкому каналу. Непрестанно поглядывая на датчик глубины, Хуан вывел лодку из узкого прохода в открытый океан и лишь тогда вздохнул с облегчением.

— Держитесь! — крикнул он и сдвинул рычаг под приборной панелью. Передняя часть лодки начала медленно подниматься — это гидравлическая система активировала подводные плавники и крылья, скрытые в дне лодки. Слоун не успела среагировать. Она потеряла равновесие, завалилась назад и, наверное, упала бы за борт, не успей Хуан крепко схватить ее за переднюю полу куртки. Подводные крылья тем временем продолжали подниматься до тех пор, пока только крылья и выдвижной пропеллер не остались торчать над поверхностью, под углом запрокинув лодку. В считанные секунды они развили скорость до сорока узлов.

Слоун недоверчиво покосилась на Хуана, недоумевая, как отреагировать на это превращение обычной спасательной шлюпки в супероснащенное нечто. Наконец она выпалила:

— Черт возьми, да кто вы такой?

Хуан взглянул на нее. В любой другой ситуации он бы сел и подробно ей все объяснил, но гнев и ужас от произошедшего с Папой Генриком заставили его ограничиться лишь одной фразой:

— Я тот, с кем бы вам никогда не посоветовал связываться, — глаза его метали искры. — Скоро вы увидите, что бывает с теми, кто переходит мне дорогу.

Затем он указал вперед.

— Видите там, в воде, свечение?

Слоун кивнула.

— Движение их лодки заставило светиться особые морские организмы, что обитают здесь. Днем мы бы никогда не выследили их курс, ночью же сама мать природа помогает нам. А теперь вставайте за руль и старайтесь держаться их следа.

— Но я никогда не управляла подобными лодками.

— Верю, не многим в этой жизни приходится делать это. То же самое, что и паром вашего отца, только быстрее. Просто держите рулевое колесо как можно прямее, а если надо повернуть, обращайтесь с ним нежно. Я вернусь через секунду.

Несколько минут он стоял позади нее удостовериться, что она справляется с управлением, а затем нырнул в рубку. Проходя по узкому коридору, он вынул из углубления свою кожаную сумку, что предусмотрительно спрятал там, когда они только зашли на борт. Порывшись в сумке, Хуан быстро вытащил несколько полных магазинов и зарядил пистолет, заткнув его обратно за пояс и положив остальные боеприпасы в верхний карман куртки. Затем, уже в самой рубке, он подошел к одному из кресел, нагнулся и нажал маленькую кнопку, что была спрятана под сиденьем. Кресло сдвинулось. Большинство донных полостей лодки, находившихся под креслами, было организовано под хранение провизии и прочих мелочей, однако здесь хранилось нечто совершенно другое. Хуан ловкими движениями стал отбрасывать рулоны туалетной бумаги и прочие принадлежности, пока руки его не уткнулись в дно полости, что скрывала под собой еще один тайник.

Хуан поднял крышку. Стало слышно, как оглушительно ревут двигатели и свистят лопасти пропеллера. Хуан нащупал гладкую трубу, прикрепленную металлическими зажимами к одной из стенок, и вытащил ее. Эта труба, что на самом деле представляла собой защитный водонепроницаемый футляр из прочного пластика, доходила почти до четырех футов в длину, с диаметром где-то около десяти дюймов. Открутив крышку, Хуан извлек из нее штурмовую винтовку. Изящное маститое оружие родом из Бельгии корнями уходит еще в самую Вторую Мировую войну, однако по-прежнему считается одной из самых лучших винтовок в мире.

Хуан быстро зарядил винтовку прилагавшимися к ней патронами и дважды проверил, что она стоит на предохранителе. Ему вспомнилось, как однажды он спросил Макса, на самом ли деле необходимо подобное оружие на борту спасательной шлюпки, на что его друг ответил: «Научи человека рыбачить, он прокормит себя на день, дай человеку винтовку и еще пару обойм в придачу, он прокормит себя и свою команду на всю оставшуюся жизнь».

Спустя несколько минут Хуан вновь возник на палубе. Слоун держала лодку строго прямо на слабое мерцание в воде, однако никаких признаков катера, мчащегося впереди, не было.

Хуан положил винтовку на приборную панель, а пистолет сунул в кобуру.

— Вы всегда готовы к Третьей Мировой войне или я вас застала в самый неподходящий момент?

Пошутив, Слоун попыталась помочь ему расслабиться, снять напряжение, и за это Хуан был ей очень благодарен. Кабрильо прекрасно знал, что начинать любую операцию, не обуздав эмоции, — смертельная ошибка номер один. Он широко улыбнулся, сменяя женщину у руля.

— Только никому не говорите. Я частенько страдаю паранойей по поводу собственной безопасности.

Несколько минут спустя они уже могли различить катер, стрелой несущийся к Уолвиш-Бей. Те двое на борту тоже заметили их. Катер проворно повернул и стал приближаться к болотистому берегу.

Хуан выровнял курс прямо по их следу, отчаянно балансируя на ногах, так как крылья лодки еще выше поднялись из воды. В считанные минуты они сократили расстояние до катера до тридцати ярдов. Пока первый из бандитов сосредоточился на управлении лодкой, второй уже устанавливал пулемет на задних сидениях.

— Ложись! — скомандовал Кабрильо.

Пули со свистом отлетали от бронированного корпуса шлюпки, едва задевая рубку, которая была надежно спрятана поднятой, благодаря крыльям и винту, передней частью лодки. Тогда стрелок переключился на распорки, поддерживающие крылья и винт. Он выпустил в них несколько длинных очередей, однако распоркам, выплавленным из высокотехнологичной стали, это не принесло никакого вреда.

Вынув винтовку, Хуан перебрался на нос лодки и примостил ее между крыльями и лопастями винта, откуда ему открывался довольно хороший обзор. Отжав предохранитель, он сделал несколько пробных выстрелов. Винтовка резко дернулась, и Хуан увидел, как несколько латунных гильз, взрезав воду у носа, проворно понеслись по течению. Хуан не мог рисковать и убить обоих бандитов, поэтому он нацелился немного левее катера и выпустил две очереди.

Хуан надеялся, что это спугнет их и заставит отказаться от задуманного плана, ведь их бывшая жертва оказалась намного сильнее, быстрее и лучше вооруженной, чем они сами. Но тщетно. Катер, казалось, только еще больше увеличил скорость и вот-вот должен был подойти к берегу.

Хуану ничего не оставалось, как продолжить погоню за почти уже скрывшейся в густых зарослях тростника бандитской лодкой. Вскоре уже и их собственная шлюпка с трудом балансировала между тростниковыми островками, коими была усыпана вся прибрежная зона. Хоть максимальная скорость катера доходила всего до двадцати узлов — вдвое меньше скорости шлюпки, он выигрывал в маневрировании, будучи меньше и легче, и ему не составило труда быстро преодолеть эти многочисленные зигзагообразно расположенные препятствия. Тогда как шлюпка Хуана и Слоун все отставала от него уже на пятьдесят, шестьдесят ярдов.

Кабрильо запросто мог обогнуть эту трудную для их прохождения зону по открытой воде, однако боялся, что выпустив из зоны видимости свою жертву, отыскать ее уже не сможет в этих высоких зарослях камыша, где преимущество небольшого катера было абсолютным. Тем более, бандиты спокойно могли устроить засаду, и тогда возобновление поисков катера в зарослях обернулось бы верной смертью. Интуиция подсказывала ему, что наилучший выход — это идти по их следу.

Они прорывались сквозь высокие заросли кустов, вспугивая птиц, что с криками пускались к небу, и взрыхляя целые островки травы, так что создавалось впечатление, будто бухта дышала, вздымая свою огромную грудь.

Постоянно помня о том, что крылья и винты могли завязнуть в такой бурной растительности, что продолжалась глубоко под водой, Хуан осторожно поворачивал лодку, огибая препятствия, и так они еще больше отставали от жертвы. Он вовремя заметил впереди торчащее из воды толстое бревно, и у него в запасе была целая секунда на выбор подходящего маневра. Наскочить на бревно значило распрощаться с крыльями и лопастями винта. Ловко повернув рулевое колесо, он плавно обогнул препятствие. Но это заставило его свернуть в промежуток между двумя плоскими, покрытыми грязью островками.

Хуан бросил взгляд на показатель глубины, стрелка которого замерла на нуле. Крылья почти касались дна, их разделяло всего каких-нибудь шесть дюймов. Если они наскочат на островки на такой скорости, то он и Слоун вылетят из лодки, словно тряпичные куклы, и эффект от их удара о воду будет практически равен тому, как при падении на асфальт с пятидесятифутовой высоты.

Между тем, канал, разделявший эти два острова, все сужался. Хуан оглянулся назад. Вместо привычных клубов белой пены теперь из-под лопастей двигателей с хлюпаньем вздымались громадные комья илистой грязи, что лопасти вырывали прямо со дна. На мгновение лодка резко накренилась, — это крыло глубоко пробороздило дно. Хуан не мог снизить скорость, иначе винт и крылья оторвало бы в этой болотистой местности, и

двигатели погрязли бы в грязи.

Канал продолжал сужаться.

— Поднажмем! — прокричал Хуан, зная, что слишком многое поставил на карту.

Наконец, лодка с величайшим трудом пройдя самое узкое место канала, причем лопасти винта едва не погрязли в грязи, выбралась в глубокую просторную заводь. Они почти до минимума сбросили скорость, казалось, окончательно потеряв шанс настигнуть бандитов.

Тем не менее, Хуан вздохнул с облегчением.

— Нам повезло, — проговорила Слоун.

— Не то слово, — ответил Хуан.

Однако им удалось сократить расстояние до бандитского катера почти в половину, тем более что тем тоже пришлось сбросить скорость, поскольку они напоролись на островок с зарослями мангровых деревьев. Увидев их, бандит с пулеметом тут же бросился к корме. Хуан в очередной раз направил лодку по их следу, воспользовавшись ее превосходством в размерах в качестве прикрытия от новых и новых залпов вражеского пулемета. Пули усеивали пространство вокруг шлюпки, пару раз попав по обшивке рубки и сорвав несколько ее верхних листов.

По-прежнему болотистая, но уже более глубоководная и просторная прибрежная зона позволила Хуану дать полный газ, и через несколько секунд их винт и крылья уже угрожающе нависали над маленьким катером. От завихрений, испускаемых двигателем катера, винт шлюпки начал усиленно вращаться, заставляя ее резко подниматься и опускаться в воду. Хуан так и предполагал. Рулевой катера пытался уйти от нагоняющих крыльев лодки, однако Хуан шел за ним след в след. Ему удалось даже пару раз поддеть катер сзади, однако удар не оказался достаточно сильным, чтобы тот замедлил ход. Хуану пришлось немного сдать назад, чтобы дать возможность винту и крыльям набрать высоту.

Едва он бросил взгляд на показатели тормозной системы двигателей, как Слоун вскрикнула. Хуан поднял голову. Оказалось, что второй бандит вспрыгнул на борт шлюпки, когда та в очередной раз стукнула катер. Он стоял на носу, одной рукой ухватившись за перила, а другой сжимал винтовку и целился Хуану прямо меж глаз. У него не было и секунды на раздумья, пистолет лежал слишком далеко, поэтому он прибег к единственно тогда возможному выходу.

Он схватился за рычаг управления и что было силы потянул на себя. Лодка резко затормозила за секунду до того, как раздались выстрелы. Слоун и Кабрильо прижало к панели управления. Пули избороздили обшивку рубки. От резкого торможения лодка сильно качнулась, отбрасывая теперь Слоун и Хуана к корме, а испуганный стрелок был прижат к подпоркам ее крыльев огромной стеной воды, что поднялась от этого колебательного движения. Когда лодка встала на место, тот не удержался и свалился вниз, под лопасти ревущего винта. Вода тут же обагрилась. Хуан дал полный газ.

— С вами все в порядке? — бросил Хуан Слоун.

Слоун массировала ключицу, что невыносимо болела от удара о приборную панель.

— Надеюсь, что да, — ответила она, откинув мокрый локон со лба. Она указала на его руку. — У вас кровь идёт.

Вместо того чтобы позаботиться о руке, Кабрильо еще раз удостоверился, что лодка идет за катером. Кусок стекловолокна, который оторвало пулеметной очередью, благополучно засел у него в плече.

— Черт, — воскликнул он, впервые осознав, как нестерпимо болит его рука.

— Ну что вы! А я-то думала, такие крепкие и крутые парни даже внимания не должны обращать на подобные мелочи.

— Знали бы вы, как это больно, ещё бы и не так заголосили, — протянул Хуан, осторожно вынимая глубоко засевший кусок стекла. Крови почти не было. Хуан ловким движением руки вытянул небольшую аптечку из бокового отсека под панелью управления, и протянул ее Слоун. Та, немного порывшись в ее содержимом, вынула сверток со стерильным

бинтом. Хуан стоял смирно, пока она туго забинтовывала ему руку.

— Это защитит руку, но только на время, — произнесла она, — как давно вы делали прививку от столбняка?

— Два года назад, двадцатого февраля.

— Как педантично.

— А все благодаря пятнадцатидюймовому шраму у меня на спине. Всякий раз, как вы получаете какою-нибудь серьезную рану, это событие навсегда остается в вашей памяти, и все прилегающие к нему моменты тоже.

Минуту спустя они уже вновь нагоняли ушедший вперед катер. Хуан подметил, что берег справа от них сплошь усеян мелкой галькой, а значит, негде несчастному беглецу будет найти укрытие. И Хуан твердо решил покончить со всем этим делом раз и навсегда. Наступало самое подходящее время.

— Возьмете управление на себя? — спросил он, на время опуская крылья и винт под воду.

— Да, о чем речь.

— Когда я подам сигнал, дайте полный газ. Затем будьте готовы повернуть. Направление я покажу. Только внимательно следите.

Теперь он даже и не сомневался, что Слоун прекрасно справится с управлением. Закинув винтовку за спину, он взобрался на нос лодки. Впереди, ярдах в пяти от него, несся катер. Хуан на секунду замер, выбирая более устойчивую позу, а затем прицелился меж подпорок крыльев и пустил три пробных очереди. Когда пули со свистом обрушились на капот двигательного отсека, бандит резко дернул лодку вправо в надежде найти спасение в прибрежном илистом мелководье. Хуан поднял руку, указывая влево. Слоун незамедлительно последовала указанию. Повернула она не совсем плавно, однако, как ни крути, управление морским судном было у нее в крови.

Как только Хуан смог вновь взять катер в цель, он тут же пальнул еще три очереди, а затем и еще. Бандит попытался увернуться от выстрелов, однако Хуан предвидел каждое его движение, пуская новые и новые очереди катеру вслед.

Клубы белого дыма, что начали вырываться из-под капота двигательного отсека, тут же обратились в черное облако. Катер мог в любую минуту взорваться, и Хуан уже готовил предупредительный сигнал для подачи его Слоун, чтобы она увела лодку на безопасное расстояние.

Хуан и бандит встретились глазами, когда тот неожиданно обернулся. В слабом свечении от приборной панели катера Хуан рассмотрел его черты и смог разобрать дерзость в его взгляде. Даже не страх, не отчаяние, а некий вызов, которым горели его глаза. Лишь одна секунда, но Хуан даже на расстоянии ясно почувствовал ту ненависть и ярость, что исходили от противника, словно жар от полыхающего костра.

Тот резко крутанул рулевое колесо. А Хуан поднял руку, приказывая Слоун замедлить ход. Продолжать погоню дальше не было смысла. Катер направлялся прямиком к берегу. С самого начала Хуан хотел взять в плен хотя бы одного из бандитов, но в ходе погони шансы Хуана утекали, словно песок сквозь пальцы. Кабрильо пальнул еще несколько раз, уже не целясь, поскольку из-за облаков дыма все равно видно ничего не было. Это была отчаянная попытка не позволить беглецу попасть на берег.

На последнем издыхании двигатель катера выдал полную мощь. До берега оставалось еще около двадцати футов. Вдруг двигатель резко взвизгнул, бандит не успел отреагировать, катер повело в сторону, и он, столкнувшись с берегом на скорости более тридцати узлов, взлетел, словно стрела, высоко паря в ночном воздухе, и с грохотом упал на берег, воткнувшись носом в холодный песок. Вокруг разлетелись внутренности катера, мотор вырвало из двигательного отсека еще при первом столкновении, осколки стекловолокна щедрой россыпью поблескивали в тусклом свете луны. Мгновение спустя взорвался бак с горючим. Огонь быстро понесся по бензинному следу, что тянулся от самой кромки воды прямо до того места, где упала лодка. Охватив собою двигатель, огонь превратился в

настоящий, все раздувающийся огненный шар, поглощая останки катера и его многострадального рулевого.

Слоун хватило присутствия духа, чтобы вовремя снизить скорость и пустить лодку ровнее, пока Хуан перебирался обратно на палубу. Он еще раз удостоверился, что винтовка его на предохранителе, и положил ее на приборную панель. Вновь взяв управление на себя, он поднял крылья и винт и, подогнав лодку как можно ближе к берегу, бросил якорь.

— Он же сам убил себя, не так ли?

Кабрильо не мог отвести глаз от пылающего огнем катера.

— Да.

— Но почему он так поступил?

Хуан взглянул на Слоун, обдумывая возможные ответы на ее вопрос. Все сводилось к одному.

— Он догадался, что мы не от местных властей, поэтому предпочел умереть, нежели попасть в плен и подвергнуться допросу. То есть мы имеем дело с какими-то фанатиками.

— Как камикадзе?

— Вряд ли. Здесь что-то совсем другое.

— Но что?

Хуан молчал, ответ на этот вопрос ему, как и Слоун, не был известен. Переступив через перила, он тихонько опустился в воду и поплыл к берегу. Хуан практически уже доплыл до него, как услышал, что позади Слоун тоже спрыгнула в воду. Он подождал ее около буйков, и затем вместе они вышли на берег, остановившись у тела мертвого бандита. Не было смысла обыскивать ни его, ни катер, поскольку тот превратился в груду покореженного, расплавленного металла.

Тело же было ужасающе изуродовано вследствие сильного удара о берег, где оно под собственной силой инерции прокатилось по песку еще несколько миль. Его конечности распластались на песке под такими невообразимыми углами, что не под силу изобразить даже самому искусному циркачу. Кабрильо на всякий случай проверил его пульс, прежде чем сунуть пистолет в кобуру. Ничего не найдя в задних карманах, Хуан перевернул тело человека, ужасаясь, насколько мягким, медузообразным оно стало, словно в полете лишилось всех своих костей. Лицо превратилось в сплошное месиво, и что-либо разобрать на нем было невозможно.

Слоун затаила дыхание.

— Простите, — проговорил Хуан, — думаю, вам лучше отойти на пару шагов.

— Нет, нет. Дело не в этом. Я знаю этого человека. Это южноафриканский пилот, которого мы с Тони нанимали. Его имя Петер де Уит. Черт, о чем я только думала? Он знал, что мы собирались проверить координаты, полученные нами от Папы Генрика. И про гигантских змей ему тоже было известно, я же ему проговорилась. Это именно он послал вчера за нами тот катер, а сегодня сделал все возможное, чтобы Папа Генрик замолчал навеки.

Неожиданное неприятное прозрение сломило Слоун. Она походила на душевнобольную и непрестанно говорила сама с собой.

— Если бы я не сунулась сюда со своими поисками «Бродяги», Папа Генрик был бы сейчас жив, — она подняла полные слез глаза на Хуана. — А Лука? Наш проводник. Могу поклясться, они уже прикончили его. О Господи, а Тони?

Интуитивно Хуан почувствовал, что ей не нужны ни его объятия, ни утешения. Они так и стояли, объятые мраком ночи, пока догорали останки катера. Слоун плакала.

— Они ведь были совсем невинны, — всхлипывала она. — А сейчас все они мертвы. Я во всем виновата.

Сколько раз Хуан чувствовал себя так же, как сейчас она. Сколько раз брал на себя ответственность за поступки других людей только потому, что был в них вовлечен. Как Слоун могла винить себя в смерти Папы Генрика? Ведь это все равно, что обвинять жену, пославшую мужа в магазин с каким-либо поручением, а того неожиданно убили в

перестрелке местные бандиты. Как можно обвинять себя в этом? Конечно, нельзя, говорят нам логика, разум, здравый смысл. Но здесь ведь совсем другое: это сердце, разрывающееся на части, и это жизни — самое ценное в этом мире.

Слоун плакала. Прошло около пяти минут. Хуан стоял в нескольких шагах от нее, тихонько склонив голову и поглядывая на нее исподлобья. Наконец она выпрямилась, еще раз шмыгнула носом, и мягко проговорила:

— Спасибо вам большое.

— Мне? За что?

— Большинство мужчин ненавидят, когда женщины плачут. Они сразу же пытаются что-то предпринять или сказать, только бы мы перестали плакать.

Он одарил ее теплой улыбкой. Странно, такую он давно уже никому не посылал.

— Ну, я ничем не отличаюсь от остальных мужчин. Просто я знал, если вы не выплачете все сейчас, этот потоп разразится когда-нибудь потом, не дай Бог, на лодке, что оказалось бы еще хуже.

— Вот за это я и благодарю вас. За понимание.

— Не поверите, но несколько раз мне довелось побывать на вашем месте. Хотите поговорить об этом?

— Нет, спасибо. С меня, пожалуй, хватит.

— Но вы понимаете, что не виноваты ни в чьей смерти?

— Да. Конечно. Если бы я не приехала сюда, они были бы живы. Но я их не убивала.

— Вот это правильно. Вы всего лишь одно маленькое звено в цепи событий, что привели этих людей к смерти. Думаю, вы правы по части Луки. Но вот за Тони можете не беспокоиться. Теперь на берегу никому не известно, что операция по вашей ликвидации провалилась. Они считают, что вы с Тони мертвы. Но чем черт не шутит, давайте-ка сначала в Уолвиш, вдруг «Пингвину» не хватило топлива, чтобы добраться до берега. Если поторопимся, еще сможем их нагнать. Тогда предупредим, чтобы они не совались на берег.

— Вы действительно пойдете на это? — спросила Слоун, вытирая лицо рукавом куртки.

— Почему бы и нет? Ну что, поехали?

Тридцать секунд спустя Хуан уже на всех парах гнал лодку к заливу, а Слоун переодевалась в сухую одежду, что они нашли в одном из отсеков шлюпки. Затем она взяла управление на себя, пока Хуан запрыгнул в рубку сменить одежду и позаботиться об ужине.

— Не обессудьте, но все, что у нас есть, это пара пакетов с готовым холодным ужином, — проговорил он, демонстрируя пару свертков плотной коричневой бумаги. — Думаю, это, должно быть, спагетти с котлетами или курицей и пирожные. Я возьму спагетти, но отдам все мясо вам. Я вегетарианец.

— Вы серьезно?

— И почему это вас так удивляет?

— Не знаю. Просто я не так представляла себе вегетарианцев. Мне всегда казалось, что они носят нейлоновые носки и живут где-нибудь на фруктово-овощных плантациях.

— Так это строгие вегетарианцы. Нет, я к таким не принадлежу, они настоящие фанатики.

Этот разговор подтолкнул Хуана к размышлениям о фанатизме и о возможных причинах, что толкают людей на этот путь. Конечно же, первой в голову пришла религия, религиозные верования, что, нередко, еще с молоком матери впитываются людьми, а годы спустя превращаются в опасные, извращенные представления о мире. Но что же помимо религии сводит людей с ума, заставляя круто менять свои жизни? Организации по защите экологии, окружающей среды и живой природы были его следующей догадкой. Сколько раз их активисты пытались проникнуть в лаборатории исследовательских учреждений и, например, выпустить на свободу подопытных животных. Но осмелился бы кто-либо из них на убийство ради своего дела?

Неужели мир так круто поменялся за последние несколько лет, что теперь считается в

порядке вещей попрание общественных норм? Восток, запад, христианин, мусульманин. Богатый, бедный. Грани резко очерчены. Шаг назад или в сторону — конфликт. Мир очень сильно поляризован.

Это и составляло суть его работы. Теперь больше нет того жесткого противостояния Советского Союза и Соединенных Штатов. Теперь ежедневно в мире существует угроза вспышек локальных восстаний, главная цель которых — продемонстрировать, что былые нормы и конвенции, увы, в этом мире потеряли силу. Все изменилось. И эти, казалось бы, локальные вспышки могут перерасти в межнациональные конфликты, подвергая весь мир опасности. Ситуация походит на пороховую бочку: еще мгновение — и взрыва не миновать.

Хуан предвидел эту ситуацию, создав в результате свою Корпорацию, чтобы противостоять распаду этого хрупкого мира. Хуану больно было это признавать, но все же что могла жалкая группа людей против подпольно организованных группировок?

В связи с отсутствием требований выкупа от похитителей Меррика становилось все более очевидно, что похищение его политически мотивировано. Причем, исходя из характера работы Джеффри Меррика, можно было предположить, что тут замешаны и крайние экологи-экстремисты.

Затем ему вдруг неожиданно пришло в голову: а если произошедшее с Слоун как-то связано с похищением Меррика? Шансов, конечно, было мало, но ведь совпадение налицо — и то и другое связано с Намибией. А почему бы и нет? Остров Скелетов — самое подходящее для похищения место. Мало кто знает о его существовании. Его и на карте-то нет. К тому же там уже несколько веков покоится корабль с несметными сокровищами на борту. Конечно же, алмазы!

Тут его мысль последовала другому сценарию.

Основной статьей промышленности Намибии являлся алмазный промысел. Мировой алмазный рынок, по словам Слоун, был четко организован и не допускал никаких лазеек в своей структуре. А тут появился такой удобный случай, корабль набит бриллиантами, почему бы им не воспользоваться? Давно доказано: люди готовы на все ради несметного богатства. Ради него же люди готовы убивать. И не только друг друга. Действительно ли это объясняет наглядное самоубийство пилота?

Похоже, что он заранее прикинул последствия, если, оставшись в живых, попал бы в плен. Видимо, они показались ему страшнее самой смерти.

— Что бы сделали с человеком, как, например, де Уит, если бы его взяли на незаконном алмазном промысле? — спросил Слоун Кабрильо.

— Зависит от страны и ее правительства. В Сьерра-Леоне его бы застрелили на месте. А здесь, в Намибии, ему пришлось бы выплатить двадцать тысяч долларов штрафа и лет пять отсидеть в тюрьме.

Хуан подозрительно на нее покосился. Откуда она могла все это знать?

— Вы ведь помните, что я спецагент по безопасности. В мои обязанности входит знание всех законов, имеющих отношение к алмазной индустрии всех стран мира. Совсем так же, как и вам приходится держать в голове портовые таможенные сборы всех стран, через которые пролегает ваш путь.

— И тем не менее, я вами потрясен, — проговорил Хуан, а затем продолжил: — Согласитесь, пять лет — не повод, чтобы покончить жизнь самоубийством.

— Вероятно, у вас ошибочное представление об африканской тюрьме.

— Да, пятизвездочными они, очевидно, не являются.

— Дело не только в условиях. Туберкулез и ВИЧ в здешних тюрьмах — на самом высоком уровне по количеству зараженных в сравнении с тюрьмами остального мира. Многие активисты из организации по защите прав человека признаются, что пребывание в здешних тюрьмах равносильно смертному приговору. Но, постойте, почему вы этим так интересуетесь?

— Просто я пытаюсь найти разумное объяснение тому, что де Уит предпочел умереть, чем быть схваченным, но остаться жить.

— И вам теперь кажется, что он мог быть и не фанатиком вовсе?

— На самом деле, я даже и не знаю, что думать, — признался Хуан. — На секунду я подумал, что это происшествие может быть неким образом связанно с другим, о котором я не имею права вам сообщить. Я лишь пытаюсь разобраться, есть ли между ними действительно нечто общее. Или это попросту две разные, пока трудноразрешимые головоломки. Но факт остается фактом, здесь замешано одно явно убедительное совпадение…

— И вы, конечно же, терпеть не можете совпадения, — закончила за него Слоун.

— Точно.

— Если вы поделитесь со мной той информацией, что вам известна, возможно, я смогу помочь.

— Простите, Слоун. Боюсь, это невозможно.

Слоун спросила просто так, без какой-либо задней мысли, конечно, он не поделился бы с ней той секретной информацией, которой располагал. Но все же какими пророческими иногда могут быть слова человека.

Глава 14

«Хэвиленд Твин Оттер» зашла на бугристую взлётно-посадочную полосу так легко и незаметно, что казалось, будто она парила. Хоть это и была старенькая модель двухмоторного самолета, корнями уходившего в шестидесятые годы двадцатого столетия, она все также оставалась любимой моделью воздушных суден среди пилотов в здешней, щедро покрытой растительностью, зоне. Она без проблем могла взлететь и приземлиться на любой поверхности, так как ее взлетно-посадочный путь сравнительно короток.

Посадочная полоса, прилегающая к Дьявольскому Оазису, была отмечена флажками оранжевого цвета. Пилот направил самолет строго по центру обозначенной площадки, прямо в облако песчаной пыли. Лопасти турбовинтовых двигателей подняли еще больше пыли вперемешку с грязью, так что самолет моментально заволокло темным, непроглядным облаком. Самолет после нескольких секунд вибрации замер. Джип с открытым верхом тут же приблизился к отъехавшей задней двери.

Дэниел Сингер спустился на землю, давая своей долговязой фигуре — целых шесть футов и семь дюймов — возможность размяться после долгого перелета в столицу Зимбабве Хараре. Прилетел он сюда из Соединенных Штатов. Толстый кошелек и многомиллионные счета в швейцарских банках предоставили ему возможность приземлиться в Африке совершенно незамеченным. Тогда как для всех остальных он по-прежнему оставался дома, в штате Мэн.

На водительском месте сидела Нина Виссер. Она прошла с Сингером весь путь с самого начала возникновения этой самой организации, главной идеей которой являлось убеждение, будто человечество нуждается в мощной встряске, чтобы образумиться и прекратить издеваться над окружающей средой. Также она содействовала набору новых членов в организацию и, стоит признаться, работала весьма эффективно.

— Вы как всегда появились в нужное время в нужном месте, чтобы разделить с нами все тяготы нашего непосильного труда, — улыбнулась она. Ее черные глаза ее загорелись неподдельной любовью и уважением к своему шефу. Голландка, как и большинство здешних жителей, она говорила с легким акцентом. Сингер наклонился и поцеловал ее в щеку, отпустив саркастическое замечание:

— Нина, вам ли не знать, что мы, злобные гении, нуждаемся время от времени в укрытии от остального мира, чтобы творить свои темные дела.

— И у вас, конечно же, не оставалось иного выхода, чем приехать сюда, в это Богом забытое место, где до ближайшего туалета километров сто, а по всей округе вас без зазрения совести пожирают песчаные блохи.

— Скажем так, все горы и вулканы уже заняты, поэтому я арендовал это место у

правительства Намибии через одну подставную компанию под тем предлогом, что буду снимать здесь какой-нибудь блокбастер. — Он повернулся, чтобы принять из рук показавшегося в проеме пилота свою сумку.

— Заправьте самолет. Мы здесь ненадолго.

Лицо Нины исказилось от удивления.

— Вы не останетесь с нами?

— К сожалению, нет. Мне нужно оказаться в Кабинде раньше, чем я предполагал.

— Какие-то проблемы?

— Небольшое недоразумение с поставками оборудования. К тому же я лично хочу удостовериться, что лодки, на которых мы собираемся совершить нападение, готовы. Более того, сама мать природа благоволит нам. Очередной тропический шторм наступает на пятки прошедшей по этой местности пару дней назад буре. Так что, думаю, нам не придется ждать больше недели до начала операции.

Нина резко замерла, лицо ее засияло от радости.

— Так скоро? Даже не могу этому поверить!

— Пять лет мучительной работы скоро принесут свои плоды. После этого на планете не останется ни одного человека, кто, будучи в здравом уме, вздумает отрицать опасность глобального потепления, — проговорил Сингер, усаживаясь на переднее пассажирское сиденье. Машина отправлялась к старой тюрьме.

Тюрьма представляла собой устрашающую трехэтажную конструкцию из камня, ничуть не уступающую по размерам огромному складскому помещению с укрепленным валом на крыше, организованным для дозора. В каждую из стен было вделано лишь по одному окну, что еще больше утяжеляло конструкцию и вселяло предчувствие беды. Так и стояла тюрьма в одиночестве среди необъятной пустыни, отбрасывая мрачную тень на белоснежный песок.

Высокие деревянные ворота на железных петлях и подпорках, глубоко посаженных в камень, вели в центральный двор исправительного заведения. Первый этаж отводился для администрации, здесь также располагались комнаты для охраны, в то время как остальные два этажа предназначались для заключенных. В каждой камере по одному.

Солнце нещадно жгло прогулочный плац, отражаясь от белого песка, так что воздух здесь походил на расплавленный свинец.

— Как поживают наши гости? — спросил Сингер, когда Нина припарковалась перед входом в зону администрации.

— Вчера прибыли люди из Зимбабве и привезли своего заключенного, — ответила она, повернувшись к своему наставнику. — Но я до сих пор не понимаю, зачем они здесь?

— Не хочу вас расстраивать, но это всего лишь тактическая необходимость, которая позволит мне находиться на территории этой страны без оформления визы и прочей ерунды: мы ведь позволяем им воспользоваться услугами нашей тюрьмы. Этот заключенный — глава партии оппозиции, и скоро он предстанет перед судом за измену родине. Правительство правильно считает, что его соратники не предпримут попыток его освобождения, покинув страну в неизвестном направлении. Властям лишь только нужно попридержать его в каком-нибудь далеком от общественности месте, пока его последователи не уберутся из страны. А затем он будет благополучно возвращен в Хараре, где продолжит отвечать по заслугам.

— А не перейдет ли оппозиция в наступление, когда глава вернется в столицу?

— Суд продлится не более часа, затем вынесут приговор, а после этого ему уже мало что поможет.

— Не нравится мне это все, Дэнни. Власти Зимбабве — самые коррумпированные во всей Африке. Так что, думаю, оппозиция не так уж и не права, и вряд ли их можно считать изменниками.

— Я полностью с вами согласен. Но это всего лишь сделка, одной из сторон которой являюсь я, — тон его ясно давал понять, что он не ждет больше никаких вопросов. — Как

поживает мой пресловутый бывший партнер по бизнесу?

Нина ухмыльнулась.

— Кажется, он уже начал постигать оборотную сторону медали своего успеха.

— Отлично. Жду не дождусь, когда смогу заглянуть в глаза этого ублюдка, чтобы он признал свою вину. За все, что произошло.

Они вошли в помещение тюрьмы, и Сингер лично поприветствовал всех по именам. Хоть он никогда не был таким же харизматичным, как Меррик, соратники почитали его не хуже мирового героя. Передав помощникам три бутылки вина, заранее купленных им еще в США, он собрал всех вокруг, и следующие полчаса они невинно выпивали, словно старые добрые друзья, собравшиеся по какому-то веселому поводу. Одну из подчиненных Сингер выделил особо, подняв тост в ее честь.

Затем, сев в кресло смотрителя, что руководил тюрьмой в его отсутствие приказал привести Меррика. Несколько минут он нервно ерзал в кресле, стараясь принять более подобающую позу. Так и не удовлетворившись, он в сердцах поднялся и встал у окна, тяжело склонив голову, словно атлант под тяжестью поддерживаемого плечами мира.

Несколько минут спустя двое людей Сингера ввели Меррика со связанными за спиной руками. Оба они лично не видели друг друга после самого разрыва, однако Меррик слишком часто появлялся на экранах телевизора, и Сингер сразу же подметил, как сильно истощили его бывшего партнера и друга эти несколько дней пребывания в здешней тюрьме. Он удовлетворенно отметил, что некогда лучезарные голубые глаза сейчас поникли и смотрели на него измотано и загнанно. Но, тем не менее, теперь эти глаза каким-то невероятным образом вновь начали обретать лучезарную яркость, и он, как и все эти годы подряд, вновь почувствовал некую гипнотизирующую силу, какой владел Меррик и которой так жаждал Сингер. Он едва преодолел желание опуститься в кресло.

— Дэнни, — начал Меррик задушевным тоном, — объясни мне, почему ты столько всего натворил, вместо того чтобы просто прийти ко мне и поговорить? Признаю, ты победил. Все, что у меня есть, теперь твое. Только прекрати все эти зверства. Хочешь получить компанию? Хорошо, я сразу подпишу все бумаги. Хочешь денег? Нет проблем, дай мне номер счета, и я их тут же перечислю. Я отвечу за все, что ты мне вменишь в вину. Отвечу за все.

«Господи, он ангел, — подумал Дэниел Сингер. — Не удивительно, что он всегда был сильнее меня». На минуту он хотел было послать к чертям все это дело, однако самообладание его не подвело. Он тут же выпалил:

— Это тебе не стол переговоров, Джефф. Теперь ты — мой гость. Заметь, ты — гость на моем шоу, где тебе отведена жалкая второстепенная роль.

— Не надо, Дэнни.

— Конечно, надо! — проревел Сингер. — Для чего, ты думаешь, я устроил мировую премьеру моего шоу? — продолжил он уже спокойнее, но с плохо скрываемыми чувствами. — Если мы и дальше будем продолжать в том же духе, что останется от природы? От нашей планеты Земля? А ничего. Мы должны измениться. Только идиоты и придурки, что стоят у власти, отказываются замечать катастрофу, что поглотила мир. Черт возьми, Джефф. Ты же ученый, неужели ты не понимаешь этого? В течение следующего столетия глобальное потепление приведет мир к апокалипсису. Наступит конец человеческого существования. Увеличение температур наносит непоправимый ущерб окружающей среде. Планета, конечно, еще не настолько горяча, чтобы растаяли все ледники, но в Гренландии этот процесс ускоряется с каждой минутой, поскольку талая вода работает в качестве смазки, что способствует быстрому проникновению ледников в открытое море, где они благополучно тают. И это началось, мой друг, отнюдь не сегодня.

— Я понимаю, о чем ты говоришь…

— Тут понимай, не понимай, — перебил его Сингер, — факт в том, что никто еще палец о палец не ударил, чтобы хоть как-то помочь планете. Все вы, понимающие, тут. Людям просто необходимо воочию убедиться, что последствия их деятельности

действительно ужасны — что там до ледников в Гренландии. Они должны почувствовать все это на собственной шкуре. И только тогда это подействует. Они должны страдать.

— Дэн, но всё эти смерти…

— Слабое подобие того, что еще грядет. Некоторым придется принести себя в жертву на благо следующих поколений. Совсем как в медицине: когда одна из конечностей поражена гангреной — ее ампутируют на благо всего организма.

— Но речь идет о жизнях невинных людей, а не пораженных болезнью органах!

— Допустим, это был неудачный пример, но все же факт остается фактом: человечество ничему не научилось. Тем более, человеческие потери будут не так уж велики, как ты думаешь. Метеорологические прогнозы ушли далеко вперед. Многие будут предупреждены. Но внемлют ли они?

— Да, как же. Спроси жителей Нового Орлеана, предупредили ли их о приближении урагана «Катрина»? — сплюнул Меррик.

— Я об этом и говорю. Местные власти располагают достаточным количеством времени, чтобы предупредить жителей об опасности. Тем не менее, это не всегда удается, что приводит к гибели тысяч невинных. Сколько десятилетий назад мы, ученые, выявили многочисленные последствия воздействия человечества на окружающую среду? А какие ничтожно малые действия были нами предприняты? Я должен это сделать. Я должен спасти человечество.

Джеффри Меррик понял, что его бывший партнер и лучший друг окончательно помешался. Он знал, что Сингер немного странноват, они оба были такими, иначе не процветать им в Массачусетском Технологическом институте. Но то, что некогда максимум вызывало лишь улыбку, теперь приводило в ужас. К тому же он знал, насколько упрям был Сингер, теперь его не заставить отказаться от этого ужасающего плана. Как можно вообще убедить фанатика?

Но все же кто не рискует, тот не пьет шампанское.

— Если ты так печешься о человечестве, так зачем убил Сьюзен Донливи? Уж она-то вообще ни в чем не повинна.

Сингер опустил глаза.

— А… я просто вынужден был нанять людей со стороны. А они иногда страдают недостатком тактичности. В общем.

— Это обычные торговцы?

— Ну да. И Сьюзен Донливи не мертва. Хотя ее состояние близко к критическому.

Меррик молчал. Двое охранников развязали ему руки, и он зашагал по комнате. Вдруг он внезапно вспрыгнул на стол и умудрился ударить коленом в челюсть Сингера. Охрана не успела вовремя отреагировать. Но все же им удалось схватить его за рукава и завести ему руки за спину. От этого Меррик завалился и, так как был связан, смягчить падение не сумел и приземлился на пол лицом вниз. Однако боли он не почувствовал, поскольку потерял сознание еще до столкновения с полом.

— Прости, Дэн, — проговорил один из охранников, подбегая к нему и помогая подняться на ноги. Сингер потирал разбитую губу. Он взглянул на собственную кровь так, словно удивляясь, что это была его кровь.

— Он жив? — спросил он.

Второй охранник проверил пульс Меррика на запястье и шее.

— Пульс ровный. Вероятно, получил сотрясение при падении.

— Ну что ж, неплохо, — Сингер переступил через распластавшегося на полу Меррика.

— Джефф, на этот раз я окажу тебе акт доброй воли, но очередная подобная выходка со мной не пройдет. Запереть его!

Двадцать минут спустя «Твин Оттер» взмыла в небо, направившись в провинцию Анголы Кабинда.

Глава 15

Как только пилот местной гавани спустился с корабля на прибрежную плавучую базу, Макс Хенли и Линда Росс, воспользовавшись потайным лифтом, вернулись обратно в командный центр. При этом всякий раз ощущение было такое, будто попадаешь со свалки прямо центр управление НАСА. Им вновь пришлось разыгрывать при постороннем пилоте роль капитана и рулевого, хотя в этот день был официальный выходной Хенли.

— Обратно в каюту? — справила она, устраиваясь в своем кресле и нацепляя наушники и микрофон.

— Да нет, — кисло ответил Макс. — Доктор Хаксли все еще обеспокоена моим давлением, поэтому сейчас меня ждут упражнения в тренажерном зале. Сегодня мы начинаем силовую йогу. Понятия не имею, что это собой представляет.

— О, я бы с удовольствием за вами понаблюдала, — ухмыльнулась Линда.

— Если она меня заставит сгибаться в крендель, я немедленно обращусь к Хуану с просьбой найти другого главного медика.

— Да будет тебе. Это же тебе на благо. Иди и очисть свою ауру.

— Моя аура не нуждается в чистке, — парировал он учтиво-грубоватым тоном и покинул командный центр.

«Орегон» набирал скорость. К северу от них назревал сильный шторм, который, по оценкам метеорологов, должен был настигнуть их вечером следующего дня западнее, уже почти у самого Свакопмунда. Оставив корабль на холостом ходу, Линда, Эдди и Линк сели за круглый стол обговаривать детали грядущей миссии Дьявольском Оазисе.

— Линда, — вызвал ее Хали Касим из центра связи, — мы засекли кое-что на одной из волн. Ты не поверишь. Передаю это на твой компьютер.

Росс щелкнула клавишей и изменилась в лице. После этого она мгновенно вызвала Макса Хенли.

Тот прибежал из машинного отсека, где проводил внеплановую проверку. Йога его сильно утомила. Каждая мышца теперь ныла, что не замедлило сказаться на походке.

— Ты хотела меня видеть?

Линда, не говоря ни слова, развернула экран своего компьютера, чтобы Макс мог собственнолично прочитать всю информацию. Напряжение в комнате возросло настолько, что казалось, будто еще секунда — и произойдет взрыв.

— Кто-нибудь объяснит нам, что здесь происходит? — не выдержал Эрик Стоун, стоявший у руля.

— Бенджамина Исаку обвиняют в причастности к одному крупному преступлению, — отозвалась Линда, — его арестовали несколько часов назад.

— Исака? Где-то я уже слышал эту фамилию, — ответил Эрик.

— Это был наш человек в правительстве, он помог нам с поставками оружия в операции в Конго, — прокомментировал Макс.

— О, черт, тогда это очень плохо, очень, — произнес Марк Мерфи.

— Хали, ты можешь отследить оружие, которое мы доставили? — спросила Линда. Она не столько беспокоилась о политической ситуации в Конго, сколько о том, что Корпорация все-таки несла ответственность за поставку вооружения.

— Прости, Линда, еще не проверил. Эта информация поступила к нам минуту назад, по секретным каналам «Ассошиэйтед пресс».

— Как тебе эта ситуация? — Линда взглянула на Макса.

— Думаю, я соглашусь с мистером Мерфи. Да, это действительно очень плохо, и, сдается мне, тут попахивает катастрофой. Если Исака доложил африканским повстанцам о микрочипах, то, дорогие мои, мы просто снабдили огромным запасом вооружения одну из самых опасных подпольных группировок Африки.

— Хотя по информационным каналам пока ничего об этом захвате оружия не говорится, — произнес Хали, — может, еще не все потеряно?

— Даже и не рассчитывай, — постукивал Макс черенком своей трубки по зубам. —

Как же, конечно, Исака рассказал им о маячках, что мы прикрепили к автоматам. Есть ли какой-нибудь способ отследить их?

— Не думаю, — нахмурился ливано-американец, — у них не такая протяженная зона подачи сигнала, чтобы нам отследить их отсюда. Ведь суть этой операции состояла в том, что вооружённые силы Конго, вооружившись детекторами, пойдут по следу повстанцев и выследят их тайное логово.

— Короче, мы облажались, — заключила Линда, гнев исказил ее тонкий, девчачий голосок. — Значит, оружие уже у главаря банды, а мы так и не узнаем, где он скрывается.

— Не спешите драматизировать, — отозвался Марк Мерфи, хитро улыбнувшись.

— Что ты нашел? — повернулась Линда к нему.

— Господа, когда вы, наконец, оцените по достоинству хитрость и остроту ума нашего многоуважаемого капитана? Перед тем как сгрузить оружие в контейнер, он попросил меня заменить пару чипов, что дали нам в ЦРУ, чипами моего собственного изобретения. Зона их действия охватывает около сотни миль.

— Но дело ведь не в зоне охвата! — возразил Хали. — Если Исака предупредил их о маячках, значит, они сняли их все — и от ЦРУ, и наши.

— Да, но чипы ЦРУ вставлены в стволах автоматов и пулеметов, тогда как наши я запрятал в ручку автомата и в шарнирное соединение пулеметной установки.

— Здорово придумано, — отреагировала Линда, восхищенно поглядев на Марка. — Обнаружив и сняв маячки ЦРУ, они же не станут искать другие. Значит, наши останутся на месте.

— Забыл добавить, наши чипы подают сигналы на разных частотах, — сказал Марк, с важным видом скрестив руки на груди и облокотившись на спинку своего кресла.

— Но почему Хуан не сказал нам об этом? — недоумевал Макс.

— Он просто опасался, что эта его идея граничит с паранойей. Но, как мы можем видеть, это не так, — объяснил Марк. — Поэтому и не сказал никому, будучи уверенным, что наши маячки не пригодятся.

— Какова, ты говоришь, зона охвата этих чипов? — спросила Линда.

— Около сотни миль.

— Да но, тем не менее, нам опять же придется искать иголку в стоге сена без каких-либо координат, куда могли отправиться повстанцы.

Марк посерьезнел и выпрямился.

— Да, и есть кое-что еще, — сказал он. — Чтобы засечь эти маячки, мне понадобится энергия аккумуляторной батареи, иначе их сигнал начнет пропадать где-то, скажем, часов через сорок восемь или семьдесят два. И если они пропадут, обнаружить их мы уже вряд ли сможем.

— Это решение должно исходить только от Хуана, — обернулась Линда на Макса.

— Согласен, — ответил тот. — Но мы оба знаем, что Хуан непременно захочет отследить повстанцев и предупредить вооруженные силы Конго, чтобы те их взяли.

— То есть, у нас всего два выхода, — сказала Линда.

— Секунду. Хали, вызови капитана по спутниковой связи. Так, значит два выхода, — произнес Макс. — Первый: мы возвращаемся в Кейптаун и посылаем оттуда команду со всеми приборами и датчиками отслеживания сигналов. Марк, их же можно переносить вручную?

— Радиоприемники не больше магнитол или диджейской установки, — ответил ей гений электроники.

Не будь ситуация настолько серьезной, кто-нибудь бы обязательно прокомментировал, какой величины музыкальный центр включал обычно Марк, превращая грузовой отсек «Орегона» в импровизированную площадку для скейтборда со скатами, трамплинами и даже халфпайпом — он нашел достойное применение старой дымоходной трубе корабля.

— Возвращение в Кейптаун будет стоить нам пяти часов туда, двух часов простоя у берега и пяти часов обратно на это же самое место. Или же мы продолжаем наш путь и

высылаем команду прямо из Намибии. В аэропорту Свакопмунда Малыш уже подготовил для нас небольшой самолет. Туда же завтра днем прилетит еще один наш самолет, выделенный на поиски Джеффри Меррика. Так что Малыш спокойно может сделать круг над Конго и вернуться до начала нашей операции.

— Я не могу выйти на капитана, — отозвался Хали.

— Ты пробовал связаться с ним по радиосвязи?

— Не выходит.

— Черт. — Макс не обладал способностью Хуана прокручивать в голове десяток возможных сценариев произошедшего и интуитивно принимать правильное решение, поэтому он прибег к помощи всей группы.

— Сколько времени мы выиграем, исходя из возможностей микрочипов, если прямо сейчас повернем обратно и пошлем команду из Кейптауна?

— Часов двенадцать.

— Меньше, — поправил Марк, внимательно изучая информацию на своем экране, — я как раз просматриваю вылеты из Кейптауна в Киншасу. Негусто, хочу вам сказать.

— То есть, нам нужно нанять частный самолет.

— Я уже проверяю эту возможность, — отозвался Эрик Стоун. — Здесь всего одна компания, что владеет реактивными самолетами. Но тут сказано, что оба борта застряли. «Приносим вам извинения за причиненные неудобства», — оглядел Эрик своих коллег.

— Таким образом, нам удастся сохранить всего часов восемь, — подытожил Марк.

— И это влетит нам в двенадцать часов пути туда-обратно, плюс еще время на снаряжение поисковой команды. Ответ очевиден: мы продолжаем курс на север, — сказал Макс и обратился к Хали:

— Постарайся дозвониться Хуану. Попробуй на мобильный. Звони каждые пять минут. И дай мне знать сразу же, как только выйдешь с ним на связь.

— Будет сделано, мистер Хенли.

Максу не нравилось, что Кабрильо так долго не выходит на связь. Не может быть, чтобы он не взял с собой спутниковую рацию, ведь он прекрасно знал, что операция с Дьявольским Оазисом вот-вот должна начаться. Это на него не похоже. Что же там происходит? Сколько бы он ни старался, разумного объяснения этому найти не мог.

Глава 16

Кабрильо вгляделся в темную даль. Там, на востоке, облака сгущались все мрачнее и мрачнее. Луна почти скрылась. Но он не придал этому особого значения. Когда они со Слоун отправлялись из Уолвиш-Бей, никаких погодных предписаний от метеорологов не поступило. Хотя здесь прогноз погоды мало что значил. Мощный песчаный шторм мог возникнуть в считанные секунды, заполонив все вокруг по самые небеса. И, по всей видимости, то, что недавно ему показалось темными облаками, на самом деле, являлось клубами песка.

Хуан бросил взгляд на часы. До рассвета оставалось еще несколько часов. Самолет Тони Ридона несколько минут назад поднялся в воздух, следуя своему маршруту, сначала в Найроби, а затем в Лондон.

Предыдущей ночью они перехватили «Пингвин» в миле от входа в бухту. После рассказа о том, что произошло с Папой Генриком, Юстус Уленга решил взять курс севернее, в другой город, где рассчитывал остановиться на недельку-другую. Кабрильо взял Тони Ридона на борт.

Англичанин долго и упорно сопротивлялся этому, отчаянно протестуя против него, Слоун, Намибии и всего, что с ними было связано. Хуан позволил ему проветриться и немного подумать, оставив его в покое на палубе шлюпки. Так прошло около двадцати минут. Но Ридон и не думал соглашаться. Тогда Кабрильо подошел к нему. Они опять начали спорить, и Хуан поставил ультиматум: либо тот заткнется сам, либо он ему поможет.

— Вы не посмеете, — крикнул Тони.

— Мистер Ридон, я не спал уже более суток, — тихо произнес Хуан, приблизив глаза вплотную к глазам англичанина. — Только что я стал свидетелем ужасного происшествия, и даже сейчас у меня перед глазами стоит труп изуродованного старика. В меня стреляли более полусотни раз. И, что еще хуже, у меня поднимается ужасная головная боль. Так что заткнитесь и молча пройдите в лодку!

— Да как вы смеете мне приказыв…

Кабрильо хорошенько ему врезал. Нос он не сломал, но удара хватило, чтобы Ридон потерял равновесие и рухнул на палубу.

— Я же предупреждал, — сказал Кабрильо, переключив внимание на управление лодкой. Они остановились в нескольких милях от берега, наблюдая, как рыбаки Уолвиша отправляются на ежедневную рыбную ловлю. Хуан, наконец, настроил спутниковую связь. Ридон уселся на скамью, потирая распухающую челюсть и налитыми кровью глазами оглядываясь по сторонам.

Подплыла команда таможенного досмотра, и Хуан, удостоверившись, что Слоун и Тони стоят позади, протянул инспектору их паспорта. Предварительно он спрятал винтовку и все, что могло вызвать подозрение. Визы здесь не требовались, и инспектор, бегло окинув взглядом лодку, поставил в паспортах англичан штамп. Теперь они свободно могли войти порт.

Здесь же, на месте, у инспекторов, Хуан заправил лодку горючим, дав помощнику весьма неплохие чаевые, чтобы тот сделать все, как положено. Когда все приготовления и формальности были улажены, Хуан, приказав пассажирам занять места, направил лодку в порт, откуда далее они направились вдоль реки Свакоп через Свакопмунд к местному аэропорту. Иного пути отправить Ридона домой не было. Хуан по опыту прошлой ночи знал, что пилоты частных компаний запросто могут оказаться подставными лицами. Поэтому лучше не рисковать и воспользоваться услугами государственных авиалиний. Им повезло, сегодня был именно тот день, когда самолет «Эйр Намибия» следовал из прибрежного аэропорта в Виндхук, откуда далее можно было вылететь в Лондон. Хуан так рассчитал время, что Тони не придется ждать вылета, и он сразу же отправится на посадку.

Подплывая к аэропорту, Хуан заметил на площадке небольшой двухмоторный самолет. Его и арендовал для операции Малыш Хендерсон, главный пилот Корпорации. Если все шло по плану, то их второй самолет со всем необходимым на борту уже должен быть на полпути сюда. Хуан подумывал также и о том, чтобы воспользоваться самолетом Корпорации, чтобы доставить Тони в столицу, однако сомневался, что выдержит такое длительное путешествие в его компании.

Все трое молча вошли в небольшой терминал. Кабрильо чутко прислушивался к любым малейшим звукам, готовый в любую минуту отразить нападение. Хотя он и не сомневался, что бандиты все еще считают Тони и Слоун мертвыми, но чем черт не шутит? Пока Ридон проходил регистрацию, Слоун обещала ему, что соберет все его вещи, оставшиеся в отеле, и привезет с собой в Лондон, как только они с Кабрильо разберутся с этим делом.

Тони что-то пробурчал себе под нос. Слоун не могла винить его в таком поведении, ведь за последнюю пару суток им всем пришлось многое пережить. Тони прошел контроль и скрылся за поворотом, так ни разу и не оглянувшись.

— Счастливого путешествия, мистер Ридон, — съязвил Хуан, и они со Слоун покинули аэропорт.

Они пошли прямо, пока не оказались в окрестностях района, где жил гид Тони и Слоун Туамангалука. Почти рассвело, но Хуан не терял бдительности. Время от времени проверял, надежно ли скрыт пистолет под полами форменной рубашки. Дома здесь были сплошь двухэтажные, и в здешней архитектуре не так чувствовалось немецкое влияние, как, например, в центральной части города. Уже в эти ранние часы обитатели многих домов без толку торчали в дверных проемах, словно ожидая чего-то. Несколько детей пристально следили за ними взглядом. В воздухе пахло рыбой и вездесущей пылью, надуваемой с

пустыни Намиб.

— Не знаю точно, где он живет, — призналась Слоун. — Обычно мы высаживали его напротив бара.

— Кого вы ищете? — неожиданно спросил таксист, проезжая мимо них.

— Здесь все зовут его Лука. Он подрабатывает гидом.

Таксист остановился возле обшарпанного здания, на первом этаже которого размещались ресторан и секонд-хэнд, а на втором, судя по горам постельного белья и прочих тряпок, жили люди. Через минуту из ресторана вышел намибиец, и таксист перекинулся с ним парой слов. После чего мужчина показал рукой вверх по улице.

— Он говорит, что Лука живет в двух кварталах отсюда.

Слоун и Кабрильо сели в машину.

Несколько минут спустя они остановились у еще более ветхого здания. Деревянные стены его во многих местах прогнили, а единственная дверь сошла с петель. Паршивый пес, внезапно выскочив из-за угла, стремглав метнулся за крысой в дыру в подвале дома. Где-то непрестанно плакал ребенок.

Хуан вышел из машины, и Слоун незамедлительно последовала за ним.

— Жди здесь, — сказал он таксисту, протягивая ему стодолларовую купюру и убедившись, что тот успел заметить еще пару банкнот в другой его руке.

— Без проблем.

— Но как мы узнаем, где именно он живет? — спросила Слоун.

— Не волнуйтесь, если мы приехали по верному адресу, нам и искать не придется.

Кабрильо вошел в здание первым. В помещении было темно и жарко, и на них тошнотворно пахнуло бедностью — она во всем мире пахла одинаково. На первом этаже располагались четыре квартиры. В одной из них безутешно плакал ребенок. На секунду Хуан остановился у одной из дверей, изучая старые дешевые замки, а затем без раздумий зашагал к лестнице, ведущей на второй этаж.

На лестничной площадке Хуан услышал бешеное жужжание мух — значит, то, чего он так опасался, все-таки произошло. Затем в нос ударило резкое зловоние. Этот запах невозможно было спутать ни с чем другим, даже если ты никогда не ощущал его. Запах разлагающегося трупа.

Он тянулся от квартиры в конце коридора. Дверь была заперта, а на замке отсутствовали следы взлома.

— Он сам впустил убийцу, значит, знал его.

— Это был пилот.

— Да, очень может быть.

Хуан выбил дверь. От ветхости та едва не разлетелась в щепки. Побеспокоенные мухи агрессивно заметались по комнате. Запах сводил с ума. Слоун в ужасе зажала рот, но решительно шагнула вслед за Хуаном.

В комнате едва ли можно было что-то различить, поскольку сажа застилала единственное окно. Здесь было мало мебели: всего лишь стол, стул и одна кровать, да еще и деревянный ящик, использовавшийся как ночной столик. На столе валялась опрокинутая пепельница. Стены покрывала сажа.

Тело Луки, в грязных выцветших шортах и полуснятых ботинках, лежало на кровати. Умер Лука от выстрела в грудь.

Подавляя приступы тошноты, Хуан приблизился к нему исследовать рану.

— Небольшой калибр. Двадцать два или двадцать пять. Стреляли в упор, причем с близкого расстояния. Даже можно различить следы пороха.

Кабрильо проследил глазами за тропинкой крови на полу. Картину убийства нетрудно было восстановить.

— Убийца выстрелил сразу же, как только Лука открыл дверь. А затем толкнул его прямо на кровать, чтобы тот с грохотом не свалился на пол.

— Думаете, здесь вообще кто-нибудь обеспокоился, даже если бы услышал?

— Скорее всего, нет. Но наш малый действовал предусмотрительно. Думаю, если бы мы успели обыскать катер, пока он еще не сгорел там, на берегу, то непременно нашли бы пистолет с глушителем.

Хуан осторожно осмотрел каждый сантиметр комнаты в поисках того, что хоть как-то могло пролить свет на все это дело. Он нашел пару косяков марихуаны и несколько старых журналов под кухонной раковиной. Больше в комнате ничего особого не оказалось: коробки из-под еды, пустые пластиковые стаканы от кофе, сигарные окурки. Кабрильо поддел ногой вещи, валявшиеся на полу, и под ними оказалась пара местных монет, пустой кошель, карманный нож. Затем он попробовал открыть окно, но оно было намертво закрашено. Перед уходом он даже поднял крышку унитаза, чтобы ничего не упустить.

— Значит, они все-таки добрались до него, — заключил он, когда они выходили в коридор.

Хуан предусмотрительно захлопнул дверь.

— И что теперь?

— Думаю, теперь нам придется проверить личность этого пилота, а также все, что с ним связано, — без энтузиазма произнес Хуан. Шансов найти хоть какие-то зацепки были ничтожно малы, ведь дело они имели с профессионалом.

— А я больше всего на свете хочу вернуться в отель и, приняв ванну, проспать целые сутки напролет.

Спускаясь, Хуан заметил, как внизу кто-то вошел в помещение. Он оттолкнул Слоун назад и выхватил пистолет.

«Как я мог так сглупить, — подумал он. — Они ведь могли догадаться, что что-то пошло не так, как с „Пингвином“, так и с убийством Папы Генрика». Конечно же, сначала они пришли бы сюда, удостовериться, что Лука мертв. Показались двое мужчин с автоматами в руках — «скорпионами» чешского производства. За ними в помещение вошел и третий, с таким же автоматом. Хуан прекрасно знал, что одним выстрелом сможет поразить лишь одного бандита, тогда как остальные два откроют по ним стрельбу.

Он начал тихонько подниматься назад, крепко сжимая запястье Слоун. Она, видимо, все поняла и молча старалась ступать бесшумно.

Во второго этажа вниз вела лишь одна лестница, поэтому они оказались в западне. Через несколько секунд убийцы прикончат их. Хуан опять свернул к квартире Луки. В очередной раз выбив дверь, он прошептал:

— Ни о чем не думай, просто следуй за мной.

Он разбежался и прыгнул в окно головой вперед. Стекло разлетелось вдребезги, впиваясь в его кожу, разрывая в клочья рубашку. Внизу, как он заметил, когда пробовал открыть окно, находилась обшитая листовым железом покатая крыша. Он упал прямо на нее, едва не выпустив из рук пистолет. Под палящим солнцем крыша накалилась до невозможности, обжигая кожу. Соскальзывая, он перевернулся на спину, чтобы не скатиться вовсе. В эту минуту он услышал, как Слоун приземлилась неподалеку от него и едва не слетела вниз. Но Хуан, обретя равновесие, успел ее схватить.

В ту же секунду послышались оглушительные выстрелы, и крышу избороздили многочисленные отверстия размером в десятицентовик. Рыбак, стоявший с рыболовной сетью на крыше, вовремя спрыгнул, так что Хуану не пришлось за него беспокоиться. Поэтому, схватив Слоун за руку, он понесся к левому краю крыши, на ту сторону улицы, что казалась более оживленной.

Когда они спрыгнули, автоматные пули, запрыгавшие по асфальту, заставили их бежать, не оставляя времени на раздумья. «Скорпионы» не рассчитаны на стрельбу на дальние расстояния, поэтому разъяренные бандиты тщетно пытались попасть в двух быстро удаляющихся людей, паля по всему без разбора.

— Вы в порядке? — спросил Хуан, тяжело дыша.

— Да, в полном, — ответила она, держась за бок.

Хуан украдкой взглянул на стоявший рядом с ними огромный грузовик. Один из

бандитов пытался спрыгнуть на крышу под прикрытием двух своих товарищей. Заметив Хуана, он тут же вскинул пистолет и пустил несколько очередей по грузовику. Хуан и Слоун спрятались за его внушительным кузовом. Хуан, воспользовавшись моментом, взобрался по колесу и небольшой лестнице на крышу водительской кабины и успел выстрелить в бандита на крыше прежде, чем тот его мог заметить. Разница в высоте компенсировала Хуану небольшую зону охвата его пистолета, своим выстрелом он выбил «скорпион» из рук бандита, стоявшего на крыше, и тот, не удержавшись, с грохотом свалился на землю. Хуан пригнулся, чтобы двое других не успели его заметить.

— Что будем делать? — спросила Слоун.

— Их осталось двое. Один будет следить за нами из окна, а другой спустится вниз, чтобы мы не сбежали, — Хуан оглянулся вокруг.

Город был маленьким и тихим, и оживленное движение на его улицах редко можно было наблюдать. Но сейчас он совсем уж казался заброшенным. Хуан даже ожидал увидеть перекати-поле, путешествующее по его безлюдным дорогам.

Он открыл дверь в кабину грузовика, однако ключей в замке зажигания не оказалось. Франклин Линкольн в считанные секунды справился бы с этой неприятностью, но Хуан ни за что не смог бы завести двигатель без ключей. Между тем времени на раздумья почти не оставалось, бандит в любую секунду мог открыть по ним огонь.

— Думай, я тебе говорю, думай, — прошептал он сам себе.

Грузовик был припаркован к зданию бывшей бакалейной лавки, ее окна были забиты фанерой. Вверх по улице находилась парковка, а на противоположной ее стороне ютились поближе друг другу маленькие домишки.

Хуан в ярости стукнул кулаком по крышке бензобака, и та вдруг отскочила. Он был почти пуст, однако пары еще топлива поднимались в горячий воздух.

Хуан всегда носил с собой несколько вещей: маленький компас, карманный ножик, небольшой фонарик с ксеноновой лампочкой, и зажигалку «Зиппо», которая не гасла, если только ее не погасить самому. Он оттолкнул Слоун подальше и бросил кусок горящей тряпки в бензобак.

— Встаньте рядом с бампером, только пригнитесь, откройте рот и зажмите уши! — скомандовал Хуан.

Будь бензобак полон горючего, грузовик разнесло бы на части. Но так как топлива оставалось совсем немного, взрыв не должен был быть сильным. Однако Хуан ошибался. Хоть они с Слоун стояли поодаль, оба они почувствовали нестерпимый, опаляющий жар. Грузовик подпрыгнул на месте, оглушив Хуана так, словно его ударили молотком по голове.

Он отскочил на траву, посмотреть, что получилось. Как он и ожидал, взрывом расколотило листы фанеры, коими были забиты окна.

— Скорее, Слоун.

Под прикрытием охваченного огнем грузовика они пробрались в темное помещение магазина. В дальнем его конце находилась дверь, что вела на склад. Хуан зажег фонарик и обследовал дверь. Бандиты рано или поздно поняли бы, что они в помещении магазина, поэтому меры предосторожности здесь были ни к чему. Хуан выстрелом сорвал замок с двери и выбил ее.

Прямо за магазином находилась пристань, где они пришвартовались. Они побежали напрямик к пристани через кусты и горы мусора, когда услышали, как за ними несется один из бандитов. Стоявшие на причале дети и старый рыбак неотрывно следили за клубами дыма, поднимающегося высоко в небо, пока Хуан и Слоун пробегали мимо. Пристань была мокрой и скользкой, но это не заставило их сбавить скорость.

Мимо ушей их проносились пули, и они, не сговариваясь, одновременно пригнулись, поскользнувшись на покрытых илом досках. И если бы у края пристани не стояла небольшая лодка, они бы точно упали в воду.

— Заводите мотор, — бросил он Слоун, вглядываясь в начало пристани. Бандит находился ярдах в пятнадцати от них и, заметив Хуана, тут же вскинул автомат. Однако

выстрела не последовало. Магазин был пуст.

Слоун резко дернула рычаги на себя, и со второго раза, к их огромнейшему облегчению, лодка пустилась в путь. Хуан вовремя отвязал трос, и они понеслись к своей шлюпке. Бандит, должно быть, осознал, что все кончено и он уже не сможет их догнать, ведь береговую охрану в Намибии пока еще никто не отменял, и если он откроет стрельбу, за ним тут же начнут погоню. Он в ярости швырнул оружие в воду и бросился обратно к магазину.

Между тем маленькая лодка коснулась левого борта шлюпки. Хуан помог Слоун взобраться на ее борт и только потом вскарабкался на борт сам.

Он включил зажигание, и лодка понеслась к буйкам, оставляя город позади. Хуан сразу же активировал крылья и винт, чтобы как можно быстрее выбраться в международные воды, на тот случай, если патрульные службы откроют за ними погоню.

— Как вы себя чувствуете? — поинтересовался он у Слоун, выровняв лодку.

— У меня до сих пор шумит в ушах. Эта ваша выходка была самым безумным поступком, что я когда-либо видела.

— Безумнее, чем спасать женщину с Бог весть сколькими террористами на хвосте? — поддразнил ее Хуан.

— Ну, хорошо. Вторая по шкале безумств, — улыбнулась она. — Теперь-то вы скажете мне, кто вы есть на самом деле?

— Предлагаю сделку: вы даете мне координаты, полученные вами от Папы Генрика, мы обследуем это место, и затем я говорю вам всю правду.

— Идет.

Вскоре они пересекли двенадцатимильную границу Намибии, согласно информации спутника, и так как спешить им пока было некуда, Хуан опустил крылья под воду.

— Эта малышка не щадит топлива, когда летит на крыльях, — любовно объяснил он. — Нам нужно рассчитать бензин так, чтобы хватило и на обратный путь. Значит, пятнадцати узлов будет как раз достаточно. Я первым возьму вахту. Почему бы вам не прилечь? Не могу, к сожалению, предложить вам ванну, но, посмотрите, какая красота вокруг! Я разбужу вас часов через шесть.

Она губами прикоснулась к его щеке.

— Спасибо вам большое за все.

Двенадцать часов спустя они оказались как раз в том месте, где Генрик якобы видел змей. Непогода усиливалась. Буря, пройдя через пустыню, накинулась теперь на океанские просторы. Ветер стал резким, мокрым и неприятным. Но не это беспокоило Хуана, ведь они запросто могли укрыться в рубке, а то, что ухудшалась видимость, а сейчас это было для них очень важно. К тому же зарождающееся в атмосфере статическое электричество плохо сказывалось на работе лодочной электроники. Хуану никак не удавалось настроить рацию, на всех волнах лишь раздавалось упрямое шипение. И когда он в последний раз проверял их координаты по «джи-пи-эс», спутник не смог предоставить всей полноты информации. Стрелка датчика глубины застряла на нуле, что было невозможно, а компас и вовсе отказывался работать, невозмутимо вращаясь, словно их недосягаемый север непрестанно двигался по вокруг них.

— Как думаете, не сладко нам сегодня придется? — спросила она, повернувшись лицом к зарождающемуся шторму.

— Не то слово, Слоун. Однако пока не похоже, что собирается дождь. Хотя, знаете, в этой части земного шара любые прогнозы теряют силу.

Кабрильо поднес бинокль к глазам и стал тщательно всматриваться в горизонт, медленно поворачиваясь вокруг себя, всякий раз, как набегала волна и вздымала лодку, так что он получал наибольшую зону видимости.

— Ничего. Абсолютно. Только бескрайние водные просторы. Не хотелось бы мне этого говорить, но без «джи-пи-эс» я не смогу ввести точный курс, и нам остается лишь блуждать по кругу.

— Мы можем хоть что-нибудь предпринять?

— Если учесть, что ветер устойчиво дует прямо с востока, он будет держать нас по курсу. Думаю, мы все-таки сможем обследовать несколько квадратных миль, пока не стемнеет. Надеюсь, к этому времени шторм утихнет, и спутник даст нам все необходимые данные.

Вводя координаты по грубым подсчетам, Хуан направлял лодку взад и вперед, словно бы собирался стричь газон. Волны колебались все сильнее и сильнее, вздымая их судно на высоту почти семи футов. Ветер все леденел, в воздухе пахло пустыней.

С каждой пройденной милей они еще больше убеждались в правоте всех тех, кто считал Папу Генрика сумасшедшим. Эти гигантские змеи были, скорее всего, не что иное, как обычные металлоискатели.

Увидев вдалеке что-то белое, Хуан даже и не усомнился, что это была всего лишь пена, покачивающаяся на гребне волны. Но все же пятно не давало ему покоя. Оно не двигалось, и Хуан, рывком поднеся к глазам бинокль, впился в него взглядом. Его внезапные стремительные движения не могли не привлечь внимания Слоун.

— Что там?

— Пока не знаю. Так, меры предосторожности.

Время словно замерло. Лишь волны неизменно качали лодку. Несколько минут Хуан стоял неподвижно, стараясь понять, что же видел он впереди. Осознание пришло к нему неожиданно.

— Чтоб мне провалиться!

— Что это? — нетерпеливо выпалила Слоун.

— Взгляните лучше сами! — ответил он, передавая ей бинокль.

Пока она его настраивала по своим глазам, Хуан неотрывно следил за пятном. В голове его проносились тысячи возможных объяснений тому, что он видел, однако каждый из них находился за гранью возможного. Он не мог представить, с чем можно сравнить то, что предстало его глазам. И он не переставал удивляться, как это Джордж Адамс, патрулируя эту местность, мог упустить из виду то, что настолько бросалось в глаза.

Вдруг пятно озарила вспышка. Расстояние между ним и лодкой составляло почти два километра, но в их направлении уже неслась израильская противотанковая ракета, преодолевая тысячу с лишним миль в час. В распоряжении Хуана оставались лишь считанные секунды, чтобы предпринять хоть какие-то действия.

— Ракета! — проревел он.

Глава 17

Пистолет Хуана по-прежнему находился в кобуре на поясе, поэтому, схватив спутниковую рацию в водонепроницаемом чехле, он за руку потащил Слоун к борту лодки, и вместе они спрыгнули в воду. Задыхаясь и изнемогая от усталости, они бешено гребли, стараясь отплыть как можно дальше от лодки, с секунды на секунду ожидая оглушительного взрыва.

Ракета с электронно-оптической и инфракрасной системами навигации целилась прямо в выхлопную трубу шлюпки, непосредственно ведущую к обоим ее двигателям. Пока Хуан и Слоун отчаянно пытались уйти от взрыва, она уже проникла в выхлопную трубу и, добравшись до горючего в двигателях, детонировала. Взрывом разорвало переднюю часть лодки, а затем взрывной волной уничтожило и корму вместе в рубкой, взметнув охваченные огнем обломки в воздух на высоту почти тридцати футов.

Оглушительное шипение, сопровождаемое клубами пара, раздалось, когда куски горящей обшивки, раскаленные обломки двигателей и осколки прочих составных частей лодки рухнули в воду.

На этот раз взрывная волна оказалась в тысячи раз сильнее, чем когда Кабрильо бросил кусок подожженной материи в бензобак грузовика, и не успей они слететь с лодки в воду и отплыть на несколько десятков футов от нее, они были бы уже мертвы.

Хуан и Слоун беспомощно барахтались неподалеку от места катастрофы, отчаянно отплевывая горькую океанскую воду, которой они наглотались, пока плыли.

Не переставая работать ногами, чтобы оставаться на плаву, Кабрильо приблизился к Слоун, убедиться, что она не ранена.

— Только не спрашивайте, все ли со мной в порядке. Это стало вашей любимой фразой, начиная еще со вчерашнего дня, — сумела она проговорить.

— Да, это были самые незабываемые двадцать четыре часа, — согласился Хуан. — Теперь нам нужно как можно дальше убраться от лодки. Они наверняка пошлют кого-нибудь на разведку.

— Неужели мы направляемся туда, куда я думаю? — проговорила Слоун.

— Ага, пришло время прокатиться на пресловутых змеях.

Проплыть милю-другую не составило бы никакого труда для двух здоровых взрослых людей, но не в открытом океане, где им непрестанно приходилось сражаться с огромными, набегающими, готовыми поглотить волнами, что существенно затрудняло движение и варварски съедало их силы. Плыть стало еще труднее, когда они неожиданно наткнулись на белую яхту, один в один как та, что преследовала «Пингвин», мощный луч ее бортового прожектора сновал вправо и влево, прорезая сгущающуюся темноту непогоды. И ладно, если бы это была всего лишь яхта, так она еще стояла на привязи к чему-то огромному, почти неразличимому во тьме.

— Что это у нас тут? Секретная станция зеленых человечков? — прокомментировал Хуан.

— Да, не слабо придумано, — поддержала его Слоун.

Минут пятнадцать они плыли, изо всех сил пытаясь не попасть в мощный луч света прожектора, пока, наконец, яхту не поглотила тьма. Хуан отчаянно старался не сбиться с ориентиров, как вдруг почувствовал, как попутное течение подхватило их и понесло в нужном им направлении.

Хуан вспомнил об одной полезной вещи. Передав Слоун пистолет и рацию, он стянул с себя брюки, пустил их по ветру и быстро затянул ремень, когда брюки наполнились воздухом, он передал самодельный парус Слоун, забрав пистолет и рацию из ее рук.

— Держите их у ремня, чтобы не выходил воздух.

— Хорошо, я много раз о таком слышала, но собственными глазами вижу впервые.

От холода губы Слоун еще не посинели, но в голосе улавливалась дрожь.

— Да, мы сотни раз практиковали эту штуку в бассейне, только там, сами понимаете, все было гораздо проще.

Конечно, было не время, но в другой ситуации Хуан непременно рассказал бы, что эта хитрость уже не раз спасала ему жизнь.

Самодельный парус существенно облегчал плавание, и Слоун теперь поспевала за Хуаном.

— Вы чувствуете? — внезапно спросила Слоун.

— Что именно?

— Вода словно стала теплее.

На секунду Хуан испугался, что Слоун переохладилась и перестала чувствовать свое тело, как вдруг почувствовал это и сам. Температура воды будто поднялась, не на один-два градуса, а на целых десять-пятнадцать. Неужели где-то по дну пролегает обширная геотермальная зона? Могло ли это как-то быть связано с огромной конструкцией, что стояла здесь на плаву? Может, она каким-то образом использует тёплые воды в качестве энергоисточника?

То, что Папа Генрик по простоте своей принял за огромных змей, на деле оказалось всего лишь темно-зеленой железной трубой тридцати футов в диаметре, шестая часть которой выдавалась над поверхностью воды. Однако, присмотревшись, Хуан увидел, что труба, действительно, похожа на змею, поскольку она, будучи сделанной из металла, то и дело извивалась под разными углами и, казалось, покачивалась на волнах. И насколько Хуан

успел заметить, длина ее доходила чуть ли не до тысячи футов, если не более.

Температура воды уже превышала градусов двадцать пять по Цельсию, когда они наконец подплыли к трубе. Хуан дотронулся до нее и почувствовал, что она гладкая и теплая на ощупь. Она слегка вибрировала, словно по ней проходил электрический ток. И где-то рядом слышался шум какого-то работающего механизма.

Они плыли немного поодаль, чтобы на волнах не наскочить на трубу. Гул становился все сильнее и сильнее. Стало ясно, что она предназначалась для закачки воды с целью ее дальнейшего использования в качестве источника энергии. Подплыв еще ближе к установке, оставив привязанную к ней яхту в футах двухстах позади, Хуан и Слоун заметили, что по ступеням, вделанным в одну из сторон трубы, можно было взобраться на саму массивную конструкцию. Кивком головы Кабрильо пропустил Слоун вперед, предварительно забрав у нее из рук брюки. Заметив его протез, что шел от самого колена, она невольно затаила дыхание, но тут же оправившись, выдохнула:

— Простите! Как же это глупо с моей стороны. Вы даже не хромаете, я и представить себе не могла.

— Да я уже привык, за много-то лет, — ответил Хуан, карабкаясь по титановым ступеням. — Несчастный случай во время одной из операций с военно-морскими силами Китая.

— Я просто обязана услышать историю вашей жизни.

Отделавшись от мыслей о Джордже Адамсе и его невнимательности, Хуан теперь обдумывал, какую пользу им может принести это их удивительное приключение. Ведь, как ни крути, они со Слоун рисковали жизнями, пока находились на этой вышке без какого-либо прикрытия, тем более что люди там, на яхте, легко могли их засечь, учитывая их недавнее не очень радушное приветствие противотанковой ракетой. Но был ли иной выход?

Забравшись на платформу, Хуан пригляделся и, отыскав люк, дернул его за ручку. Тот поддался, однако под ним скрывался еще один такой же люк. «К ним мы вернемся позже», — подумал Хуан, бросив туда чехол с рацией и, схватив Слоун за руку, заглянул ей в глаза.

— Вы знаете, что по роду моей деятельности, а она очень секретна, я не имею права ни брать, ни, тем более, оставлять никого в заложниках, для нас проще всех ликвидировать. Вы это понимаете?

— Да.

— Я вас не заставляю, но вы можете остаться здесь, если хотите. Только не знаю, сколько я пробуду там.

— Я пойду с вами и полностью беру на себя ответственность за это решение.

— Ну что ж, разумно. Если в этой ситуации вообще что-нибудь может быть разумным.

Он плотно закрыл люк. Им предстояло пробраться к центру этой конструкции. Первые пятьсот футов они успешно проползли на четвереньках, чтобы не быть замеченными с яхты, однако затем им пришлось практически ползти плашмя, крепко хватаясь за железную конструкцию под собой всякий раз, как набегали волны. Выяснилось, что путь их пролегал в обратном направлении, и они все приближались к этой самой яхте, что стояла на привязи.

Хуан в жизни никогда не испытывал такой тошноты и головокружения: теплая вода, огромные волны, пихающие их из стороны в сторону, гладь металлического сооружения под собой. Выражение лица Слоун отчетливо давало понять, что и ей тоже приходилось несладко.

Ярдах в пятидесяти от яхты им пришлось стремительно проскользнуть вперед мимо нее, дабы не быть замеченными, благо здесь они ненадолго оказались под прикрытием огромных, то и дело вздымающихся темных волн, что дало им возможность успешно преодолеть самый опасный участок пути, пролегавший чуть ли не в нескольких десятках ярдов от лодки. Они уже отчетливо могли разглядеть яхту и выступ трубы, к которому она была привязана. Сомнений не оставалось: труба, качающая воду, тысячи раз извиваясь, огибала всю установку по периметру, поскольку Хуан и Слоун заметили, что она

сопровождала их на всем пути сюда. В каютах яхты горел свет, а на мостике, в полутьме, виднелась чья-то фигура, слабо освещенная зеленым свечением радаров. На палубе же на треножнике размещалась ракетная установка.

Будь это «Орегон», Хуан немедленно отправил бы в отставку весь экипаж за серьезное нарушение правил освещения судна: яхту можно было увидеть за несколько миль отсюда, и это несмотря на то, что шторм уже набирал силу.

Однако Хуан должен был отдать должное радарным установкам этого судна: они явно засекли его и Слоун, конечно, может и не их вовсе, хотя кто тут еще может кроме них оказаться, но они явно что-то обнаружили, то и дело сменяя друг друга на мостике на посту наблюдения. Такой вывод сделал Хуан, пронаблюдав около часа за экипажем яхты, который, к слову, состоял как минимум из четырех человек. Поначалу, заступая на пост, они вскидывали на плечи свои автоматы, но вскоре отсутствие видимой реальной цели вогнало их в тоску, и, потеряв бдительность, они забросили и оружие.

Зная, что эффект неожиданности по-прежнему на его стороне, Хуан настраивался на атаку экипажа яхты, уповая на свою хитрость и сноровку.

— Пожалуй, мне следует отправиться туда одному, — сказал Хуан, двигаясь с места. Неожиданно резкий тон Кабрильо заставил Слоун содрогнуться. Она поняла, что это был приказ, не предусматривавший никаких возражений.

Хуан проворно заскользил по плавучему причалу, не сводя глаз с мостика, где один из постовых развлекался, разглядывая надвигающуюся бурю в окуляры ночного видения. Затем Кабрильо осторожно ступил на фальшборт яхты, а оттуда перебрался на корму. Раздвижная дверь вела вниз, к каютам, а ступени, располагавшиеся вдоль стены рубки, вели наверх, к мостику.

Дверь заперли на замок, дабы налетавший время от времени ураганный ветер не вырвал ее с корнем. Осматриваясь по сторонам, Хуан стал осторожно подниматься по ступеням, остановившись на таком уровне, что с мостика была заметна лишь его макушка. Однако это позволяло ему следить за постовым, который в эти минуты был по-прежнему увлечен состоянием океана. Воспользовавшись ситуацией, Хуан махом преодолев оставшиеся ступени, шагнул на мостик. Автомат постового покоился на приборной панели. Оглядев противника со спины, Кабрильо подметил, что тот превосходил его на три дюйма в росте и фунтов на тридцать в весе, таким образом, попытка беспрепятственно задушить его, не привлекая внимание, отпала сама собой. Только Хуан двинулся было к постовому, как сильным порывом ветра качнуло лодку. Его противник едва не потерял равновесие, однако Кабрильо, воспользовавшись моментом, подскочил и, собрав всю силу в кулак, ловко заехал тому в челюсть. Затем тут же, пока тот не успел опомниться, завел его руки назад и с силой врезал коленом по позвоночнику. Послышался характерный хруст, и тело мужчины, обмякнув, мягко опустилось на палубу, не успел тот даже вскрикнуть.

— Один — ноль в мою пользу, — прошептал Хуан. От этого убийства в нем ничего даже и не шевельнулось: ведь пару часов назад эти люди разнесли в щепки его собственную лодку без какого-либо предупреждения. Затем по узкому переходу, соединявшему мостик с продольным балкончиком, шедшим по периметру каютного отсека, Хуан начал осторожно пробираться мимо иллюминаторов верхних кают.

В первом из них было темно, однако во втором он заметил синеватое мигающее свечение, по всей видимости, в каюте смотрели телевизор. Приглядевшись, Хуан различил в ней двух человек. Один из них, развалившись на кожаном диване, смотрел какой-то боевик, тогда как второй, стоя в слабом свете кухни, зажигал на плите газ, предварительно поставив на конфорку чайник. В кобуре у него под мышкой виднелся пистолет. Но вооружен ли тот, второй, разглядеть было невозможно. Хуану стало ясно, что одним выстрелом отсюда он не сможет сразить ни того, ни другого. И неизвестно, где находился третий страж этой таинственной конструкции. Возможно, он спал, однако, возможно, уже стоял за спиной Хуана, готовый выстрелить тому прямо в сердце. Опершись спиной на перила, чтобы иметь возможность хорошенько прицелиться, Хуан открыл огонь по второму охраннику, что стоял

у плиты. Тот, сместив с плиты чайник, сам повалился на нее, одежда его тут же загорелась.

Зато тот, что сидел на диване, среагировал мгновенно. Пока Хуан перезарядил винтовку и пустил еще пару очередей, тот уже перекатывался по мягкому ворсистому ковру. Пули с визгом срывали кожаную обшивку с дивана и рикошетили от стен каюты.

Тщетно Хуан пытался поймать его на мушку, тот удачно спрятался за барной стойкой в противоположном конце комнаты. Кабрильо сетовал на то, что не удосужился взять с собой побольше боеприпасов, и вся эта ситуация начинала выводить его из себя. Когда второй охранник, наконец, высунулся из укрытия, в руках наготове он уже держал автомат, и тут же на Хуана обрушился град пуль. Кабрильо тут же бросился плашмя на деревянный пол, прикрывая голову от фонтана осколков стекла и обшивки. Пули с визгом отскакивали от железных перил и бесшумно исчезали во тьме. Воспользовавшись передышкой, Хуан спрыгнул на корму, а оттуда обратно на плавучий причал. Прогремел взрыв подведенного к плите пропана.

Однако вместо того, чтобы вернуться к Слоун, он, ухватившись за стойку, что подпирала якорную катушку, и с силой оттолкнувшись, вновь запрыгнул на ступени, ведущие к мостику, а оттуда вскарабкался обратно на балкон и притаился на дощатом полу. В иллюминатор сначала осторожно высунулся ствол вражеского автомата, но поскольку жертвы видно не было, охранник рискнул высунуться в окно сам, вылезши почти наполовину, чтобы разглядеть причал. И тут Хуан не растерялся и выпустил ему в висок несколько патронов, приговаривая:

— Не туда смотришь, приятель.

Поверженный противник слетел в промежуток между яхтой и причалом.

Настал черед разобраться с последним. Он находился в каюте, прямо под мостиком, и, заслышав перестрелку, пулями изрешетил весь мостик, надеясь зацепить врага. Хуан, ускользая от пуль, попытался запрыгнуть на приборную панель, когда одна из пуль надвое расколола его протез. Потеряв равновесие, Хуан по инерции перевалился за край мостика, упав на спину под иллюминаторами нижнего яруса кают. Очнувшись, Хуан поднялся на колени, однако встать на ноги ему не удалось: протез был сильно поврежден, и большая его часть отсутствовала. Хуан отчетливо видел, как в одной из красиво украшенных кают третий охранник тщетно пытается справиться с огнем, уже перекинувшимся на нижний уровень. Огонь распространялся довольно стремительно, поскольку обшивка яхты была преимущественно пластиковая, к тому же почти все каюты оборудовались легковоспламеняющимися приборами. А различные предметы роскоши, будь то ковры с длинным ворсом или тяжелые бархатные шторы, только еще больше способствовали его распространению. Затем, заметив Хуана, тот вновь атаковал его беспорядочным градом пуль, паля без разбору по иллюминаторам и стенам своей каюты. Под осколками стекла и обшивки Хуан начал медленно приподниматься, чтобы открыть ответный огонь. Однако противник опередил его, стремительно налетев и одним ударом положив Хуана обратно на обе лопатки. Пока они катались по палубе, бешено стараясь ударить и сбросить друг друга за борт, Хуану удалось схватить его за ногу. Винтовка отлетела в сторону, и теперь, по крайней мере, выстрелить он не мог. Подготовка у этих охранников была совсем недурна, этот вот точно знал, что делает. Он все пытался разбить Хуану нос, ударив его лбом, только в последний момент Кабрильо втянул голову, так что удар пришелся прямо лоб в лоб, отчего у обоих из глаз посыпались искры.

Охранник попытался лягнуть Хуана в пах, однако тот вовремя увернулся, подставив под удар бедро. Когда тот попытался повторить маневр, Хуан коленом встретил его грудь и, напрягшись, отбросил назад, И перед тем, как тот навалился на него снова, Хуан с силой вонзил в него обрубок протезированной ноги, так что зазубренные останки протеза, сделанного из углеродного волокна, застряли в теле противника в области желудка. Потянув его за плечи, Хуан хорошенько врезал ему в челюсть свободной ногой. Тот никак не ожидал такого поворота событий.

Ощущение хоть и протезированной, но все же его ноги в мягких, хлюпающих, словно

каша, человеческих внутренностях будет потом долго преследовать Хуана в ночных кошмарах.

Отпихнув противника от себя и вынув из него протез, Хуан кое-как поднялся на ноги. Корма яхты уже практически вся была охвачена огнем, ураганный ветер вздымал языки пламени и еще больше раздувал пожар. Возможности справиться с ним не было абсолютно никакой, поэтому Хуан попросту сошел на причал и, сев на краю, осторожно погрузил свою пострадавшую конечность в воду.

— Слоун, — прокричал он во тьму, — Слоун, можете выходить. Все кончено.

Она поднялась на ноги и медленно двинулась к нему, лицо ее — бледный овал в ночи. Он тоже поднялся и заковылял ей навстречу. Между ними оставалось уже менее двух футов, как вдруг лицо ее в ужасе исказилось. Прогремел выстрел, и остаток протеза ноги Хуана покатился по скользкому причалу. Ни секунды не медля, Кабрильо в полуобороте выхватил пистолет, однако внезапно возникший пятый член побежденного экипажа с автоматом и кейсом в руках опередил его. Теряя равновесие, Хуан все же умудрился сделать пару выстрелов по своей цели и повалился на спину. Противник в него не попал, но один из выстрелов Хуана оказался метким: он угодил врагу в грудь, и тот, поскользнувшись, растянулся на пристани. Автомат с грохотом брякнулся о его дощатую поверхность.

Хуан оглянулся на Слоун.

Она сидела на коленях, крепко прижимая правую руку к ребрам, на лице ее отражались муки сильнейшей боли.

Хуан метнулся к ней.

— Держитесь, Слоун, все будет в порядке, — постарался он ее успокоить. — Дайте мне взглянуть.

Он осторожно приподнял ее руку, заставив Слоун со свистом втянуть воздух. Слезы капали из ее глаз. А кровь, горячая и алая, обильно сочилась из раны, пока Хуан исследовал ее, и когда он вдруг нечаянно задел кусок плоти, что оторвало пулей, Слоун отчаянно вскрикнула.

— Простите, я не хотел причинить вам боль, — извинился Хуан.

Ему пришлось разорвать ее рубашку по шву, так как ее передняя пола и спинка непрестанно прилипали к струйке густой крови, и теперь Хуан осторожно осматривал рану в поисках входного отверстия пули. В рассеянном, волнующемся свете пламени, охватившем практически всю лодку целиком, Хуан отчетливо увидел, что пуля, слава Богу, всего лишь задела правое ребро Слоун, оставив под мышкой след глубиной примерно в два дюйма.

— С вами все будет в порядке. Пуля всего лишь поцарапала вас, проникновенного ранения нет, жизненно важные органы не задеты, — взглянув ей в глаза, постарался он ее взбодрить.

— Мне больно, Хуан. О Господи, мне так нестерпимо больно, — еле слышно проговорила она.

Хуан неуклюже поддерживал ее под руку, заботясь о том, чтобы в очередной раз не задеть ее раны.

— Да, я знаю, знаю. Только потерпите немного.

— Конечно, как вам не знать, — проговорила она, стиснув зубы. — Я тут ною, как ребенок, от какой-то царапины, тогда как вам на службе оторвало ногу.

— А вы думаете, я вел себя спокойно? По рассказам Макса, я, оправившись от шока, голосил так, словно орава детворы, страдающей от колик в животе. Это надо было слышать. А теперь не шевелитесь, я вернусь через секунду.

— Да уж, купаться в мои планы сегодня уж точно не входит.

Хуан заковылял обратно к яхте. Спасти что-либо было уже, конечно, невозможно, и он лишь стянул с того пятого бандита спортивную куртку. Тот факт, что куртка этого малого, будучи от самого Армани, стоила по меньшей мере тысячу баксов, натолкнул его на мысль, что он вовсе и не являлся одним из охранников, тут уж надо брать выше: вдруг ему удалось подстрелить главаря всей этой банды? Подозрения его подтвердились, когда, наткнувшись

на валявшийся неподалеку кейс, Хуан обнаружил в нем ноутбук.

— Если этот человек ни на минуту с ним не расставался, — рассуждал Хуан, возвращаясь обратно к Слоун, — значит, в нем хранится что-то важное, и имеет смысл взять его с собой. Слоун, теперь нам нужно убраться как можно дальше от этой яхты. Если детонируют ее двигатели, а мы все еще будем здесь, нам надеяться не на что. Сила этого взрыва в сотни раз превзойдет ту, с которой взорвалась яхта, что гналась за «Пингвином». Только тогда мы с вами находились на «Орегоне».

Ощущение было такое, что в тот момент они со Слоун просто идеально подходили друг другу: он ковылял без своего протеза, опираясь на Слоун, а она крепко сжимала свои ребра. Но как бы там ни было, потихоньку они добрели до люка, в котором оставили рацию. Хуан помог Слоун улечься около очередного изгиба теплой вибрирующей трубы, что проходила по всему периметру установки, и уселся сам так, чтобы она смогла положить голову ему на колено. Он заботливо укрыл ее новенькой спортивной курткой и нежно поглаживал по волосам, пока она, наконец, на время забыв о земной боли, не провалилась в безмятежный сон.

Тем временем Хуан взялся за ноутбук: было необходимо проверить содержавшуюся в нем информацию. За час внимательного ее изучения он получил представление о предназначении этой загадочной установки, растянувшейся чуть ли не на тысячу футов в длину, и еще через час он узнал, что, помимо этой, таких установок здесь еще тридцать девять, и располагаются они в четыре длинных ряда. Также он нашел способ отключить эти установки: нужно всего лишь подсоединить ноутбук к главной сети посредством провода, что находился в каждом из служебных люков. Собственно, это Хуан и сделал. И хотя машины более не генерировали электричество, труба продолжала качать воду.

Между тем, уже близился рассвет.

Хуан решил проверить, ловила ли здесь спутниковая связь. Как ни странно, сигнал он поймал тут же. Хотя удивляться было нечему: пока работали установки, они, генерируя электричество, создавали здесь плотное электрическое поле, выводя из строя любую электронику на расстоянии нескольких миль, и поглощали любые сигналы. А теперь, когда Хуан ее отключил, выйти на связь не составило труда. Но как же тогда функционировал ноутбук? Должно быть, его оборудовали каким-нибудь защитным устройством, оттягивающим на себя электрическое поле.

Хуан набрал номер командного центра «Орегона». Ответ последовал после четырех гудков.

— Мистер Хенли, вас беспокоит сервисная служба отеля. Вы просили разбудить вас ровно в четыре тридцать утра местного времени.

— Хуан? Хуан!!

— Приветствую тебя, дружище!

— Где, черт возьми, тебя носит? Мы столько раз пытались связаться с вами. Что со связью на шлюпке? Или чем вы там занимаетесь, что даже трубку поднять не соизволите? Даже твой собственный датчик молчит.

— Это может показаться тебе полным бредом, однако сейчас мы находимся посреди океана на спине огромной металлической змеи Папы Генрика. И, кажется, мы наткнулись на что-то еще совсем уж из ряда вон выходящее.

— Не тебе нам об этом говорить, дорогой мой Хуан.

Глава 18

Доктор Джулия Хаксли немедленно вылетела на огромную плавучую электростанцию, генерировавшую энергию волн, на служебном вертолете «Орегона». И когда они все вместе наконец-то вернулись на борт корабля, лечение Слоун Макинтайр уже шло полным ходом. Ее подсоединили многочисленными трубками и проводами к специальным устройствам и внутривенно вводили различные болеутоляющие, витамины, антибиотики и соляные

растворы, чтобы избежать обезвоживания организма. Джулия сняла с нее насквозь промокшую и пропитанную морской солью одежду и обернула сохраняющей тепло простыней. Джулия была мастером своего дела, она хорошенько промыла рану и сделала первую перевязку, конечно, насколько это было возможно в таких походных условиях и с небольшим набором препаратов на руках, однако все время заверяла Слоун, что разберется с ее ранением как следует, когда они прибудут на борт корабля.

Двое ординарцев уже поджидали Слоун на палубе, и когда вертолет приземлился, ее тут же увезли на носилках в больничный отсек, который по праву мог соперничать с госпиталем самого высшего уровня.

Что же до самого Хуана, то здесь Хакс ограничилась лишь короткой фразой, что все с ним в порядке: литр самой мерзкой в мире микстуры и пара таблеток аспирина быстро приведут его в форму, а Макс уже расхаживает по кораблю с запасным протезом его ноги.

Хуан уселся на скамью, чтобы отстегнуть покореженные останки протеза.

«Орегон» слегка умерил свой бешеный ход, на котором несся от самого Кейптауна, чтобы дать Джорджу Адамсу посадить вертолет, и теперь Хуан, встав, наконец, на обе ноги, почувствовал, как корабль вновь ускоряется.

Он стремительно расправил брючину и пошел к командному центру, громко бросив на ходу:

— Команда в полном составе в конференц-зале через пятнадцать минут!

Все собрались как раз к тому времени, когда Кабрильо уже принял душ и закончил бриться. Поскольку он неимоверно торопился, щеки и подбородок его были сплошь усеяны мелкими порезами от неосторожного бритья. Морис уже стоял с чашкой ароматного дымящегося кофе у председательского кресла перед массивным длинным столом вишневого дерева. Бронированные ставни иллюминаторов подняли, и теперь конференц-зал был сплошь залит теплым солнечным светом, что резко контрастировало с удрученным настроением членов экипажа, рассевшихся вокруг стола.

Хуан отпил немного кофе и резко бросил:

— Итак, кто мне скажет, какого черта здесь происходит?

Линда Росс, будучи главой отдела разведки, поспешно проглотив кусок своей любимой датской выпечки, взяла слово.

— Вчера утром полиция Киншасы совершила облаву на один из загородных домов, который, по сведениям надежных источников, принадлежал наркодилерам, работавшим с Макамбо и Конголезской Армией Революции. Действительно, там ими были обнаружены несколько пакетиков кокаина и ворох каких-то бумаг, указывающих на их причастность к вооруженному восстанию. К тому же полиция нашла еще и потайной склад, до отказа набитый оружием и боеприпасами.

— То есть, взяли того малого, которому мы передали оружие, — зачем-то прокомментировал Марк Мерфи, не отрываясь от ноутбука, добытого Хуаном на электростанции.

— Таким образом, Макамбо наладил наркоторговлю, чтобы на вырученные деньги закупать вооружение для своих отморозков. Полиции также удалось выяснить, что Макамбо прибег к взяточничеству, дабы заполучить на свою сторону побольше представителей высших эшелонов власти. Так что теперь в его распоряжении практически все госминистерства, включая и министерство обороны, где работал наш старый знакомый Бенджамин Исака. Как выяснилось, старым другом он был не только нам. За полсотни тысяч евро, ежегодно поступающих на его швейцарский счет, Исака «кормил» Макамбо информацией о планах правительства по выяснению местонахождения его секретной базы, позволяя, тем самым, Макамбо всегда быть на шаг впереди.

Макс занял место в противоположном конце массивного гладкого стола, и выражение его одутловатого лица было еще суровей, чем обычно.

— Еще задолго до начала той операции по передаче оружия, когда мы, притворившись обычным грузовым кораблем, вступили в переговоры с Абалой, Макамбо уже знал, что это

подстава и ЦРУ собирается посадить его на крючок, снабдив оружие микрочипами. Поэтому, сразу же после нашего отплытия его люди сняли все маячки с винтовок и гранатометов и сбросили их в реку.

— Исака уже признался в содеянном?

— Да, но не публично, — ответил Макс. — Недавно мне довелось побеседовать по телефону с официальными представителями властей. Когда я представился, они тут же заявили мне, что лодка, посланная африканским правительством по следу повстанцев, так и не вышла в плавание, поскольку, отойдя от причала на несколько миль, военные попросту потеряли сигнал радиомаячков…

— И, разумеется, повстанцев уже и след простыл, — закончил за него Хуан. — То есть, дорогие мои, мы собственными руками вложили оружие в руки террористов. С чем я вас и поздравляю.

Затем он обратился к Мерфи.

— Ну, что, Марк, как там наши с тобой маячки? Ты ведешь их?

— Я смогу отслеживать их сигнал еще где-то двадцать четыре — тридцать шесть часов. И если за это время мы успеем добраться до Конго, то сигнал уже можно будет поймать прямо с борта вертолета или самолета.

— Малыш уже пригнал наш «ситасьон» в Свакопмунд? — поинтересовался Хуан, просчитывая в уме расстояния, скорости и время.

— Он должен приземлиться там около часа.

— Итак, наши дальнейшие действия: когда мы подберемся к Конго, Мерф берет вертолет и летит по сигналам микрочипов. Там, на побережье, его подбирает Малыш и с ним летит до Киншасы. А оттуда уж, не обессудь, Мерф, до «Орегона» тебе придется добираться самому, поскольку Малыш нам нужен здесь для сегодняшней операции.

— Согласен, но мне понадобится помощь, — отозвался Мерфи.

— Можешь взять Эрика. Макс останется за капитана и рулевого, когда мы отправимся на спасательную операцию.

— Капитан, мы не можем быть уверены, что поставленное нами вооружение не распространилось по всему Конго, — впервые заговорил Эдди Сенг.

Кабрильо кивнул.

— Да, но все же попытаться стоит. Если большинство сигналов, исходящих от чипов, что мы установили на автоматах и гранатометах, будут держаться вместе, значит, есть смысл проверить это самое место, возможно, оно окажется именно тем, ради чего вся эта операция и была спланирована.

— Как вы считаете, возможно ли, что Макамбо готовится к нападению? — задала вопрос Линда Росс.

— Этого мы не узнаем, пока Мерфи и Эрик не установят их местонахождение.

— Есть! — победно воскликнул Марк, выглядывая из-за ноутбука.

— Нашел что-то важное?

— На жестком диске было несколько закодированных файлов. Я только что их пробил.

— Мы все во внимании.

— Да, минуту.

Хуан отхлебнул еще немного кофе, а Линда принялась за свое печенье.

Внезапно дверь в конференц-зал распахнулась, и на пороге возникла доктор Хаксли. Ее темные волосы были собраны в привычный хвост, и под белым халатом, как всегда, скрывалась медицинская форма зеленого цвета, которая облегала ее красивые округлые формы.

— Как там наша больная? — поинтересовался у нее Хуан, как только она приблизилась к столу.

— Она скоро поправится. Ее организм был обезвожен, но сейчас все пришло в норму. Я наложила на рану двадцать швов, но у нее еще сломано два ребра. Поэтому некоторое время ей еще придется посидеть на обезболивающих. Сейчас она отдыхает.

— Хорошо сработано, впрочем, как и всегда.

— Опять вы за свои шуточки. Хоть я и проработала здесь пару лет, залечивая всевозможные раны членов вашей сумасбродной компании, вы думаете, я могу спокойно лечь спать, получив очередного пациента в таком состоянии? Этого не будет никогда, — восклицала Джулия, наливая себе кофе.

— Вам нужно возвращаться к мисс Слоун или вы сможете сопровождать нас сегодня? — спросил Хуан.

Хаксли на минуту задумалась.

— Думаю, ей не понадобится мое присутствие, она отдыхает. У нее не наблюдается никаких симптомов лихорадки или какой-либо другой инфекции. Я смогу сказать вам точно непосредственно перед отправлением на задание. Но интуиция мне подсказывает, что с ней все будет в порядке.

— Да, здесь я не смею вам приказывать. Медицина, к сожалению, не мое дело.

— Черт меня подери! — в ужасе воскликнул Марк Мерфи. Эрик оперся на плечо своего лучшего друга, и информация, которую они теперь вместе просматривали на экране ноутбука, отражалась на линзах его новеньких очков.

Все повернулись к молодому гению. Однако ни Мерфи, ни Эрик не замечали пристального внимания со стороны окружающих, увлеченно считывая информацию монитора компьютера. И только когда Хуан, не выдержав, прочистил горло, Марк, наконец, поднял глаза.

— Ох, прошу прощения. Как вы уже знаете, капитан, то, с чем вы столкнулись там, посреди океана — это гигантская электростанция, генерирующая энергию волн. Я уже давно слышал о таких установках, но тогда они были всего лишь на стадии разработки, и только у берегов Португалии и Шотландии шли первые их испытания. Поэтому я очень удивился, узнав, что там, где вы оказались, их построено уже сорок штук. Все бы ничего, только масштабы эти меня пугают. Да. Работа этой установки заключается в следующем: гигантская труба, невероятной длины, качает океанскую воду. Насосы под давлением подталкивают ее к центральным машинным механизмам, а те, в свою очередь, уже непосредственно производят электричество.

Это произвело на Макса, механика по специальности, сильное впечатление.

— Черт, это же так просто и изобретательно. И насколько мощна эта электростанция?

— Согласно написанному, каждый из сорока генераторов способен обеспечить электричеством небольшой город с населением до двух тысяч человек. Да, господа, это вам не шутки шутить.

— И в чем же задача этих установок? Куда идет производимая ими электроэнергия? — поинтересовался Хуан.

— Эта информация и содержится в расшифрованных файлах, — начал Марк. — Каждый генератор оснащен тросом, который крепится к катушке, а та, в свою очередь, надежно прикреплена к морскому дну, поэтому-то Джордж Адамс и не засек всей этой громадины, когда несколько дней назад летал туда на разведку. Дело в том, что как только специальные датчики и радары засекают какое-либо судно, воздушное или морское, входящее в эту территорию, вся система посредством тросов утягивается под воду на глубину до тридцати футов. Как вы понимаете, все генераторы связаны между собой. Также к каждому из них подведен специальный нагреватель, питающийся его же электроэнергией.

— Ты сказал нагреватель? — внезапно переспросил Эдди.

— Так точно, почему-то им показалось, что вода в этой территории слишком холодна, и они решили немного подогреть ее.

Кабрильо отпил еще глоток кофе и потянулся за булочкой, пока Линда окончательно не подчистила тарелку.

— Ты уже можешь сказать, когда вся эта конструкция была введена в эксплуатацию? — спросил председатель.

— Ее дебют состоялся в 2004 году.

— Есть ли там какая-нибудь информация о том, как сказалось использование водонагревательных сооружений на жизнедеятельности океана?

— Здесь ничего об этом не говорится. Я, конечно, не океанограф, но не думаю, чтобы это оказало такое уж серьезное влияние. Знаю только, что отходы с ядерных реакторов способны существенно нагреть воду в реке, однако здесь ведь речь идет об океане и далеко не о массовом его обогреве.

Хуан откинулся в кресле, задумчиво постукивая пальцами по подбородку, пока вокруг его подопечные оживленно обсуждали различные предположения и догадки. Но он никого не видел и не слышал. Перед ним все поплыло. В уме выстраивались всевозможные картины огромной плавучей электростанции, под низом которой располагались ядерные реакторы, что обогревали весь океан, светясь зловещими красными огоньками.

— И если бы не те вооруженные бандиты, что напали на капитана, я бы подумал, что это очередное произведение искусства этого малого, как же его там, Криско? Он еще любит заниматься всякой ерундой, типа обернуть материей небольшие острова или соорудить те замысловатые ворота в Центральном парке, — опомнившись, услышал Хуан, как Мерфи делится своими соображениями.

— Фамилия этого человека Кристо, — поправил его Макс Хенли, на миг отвлекшись от собственных размышлений.

— Марк, ты гений, — внезапно произнес Кабрильо.

— Что? Вы действительно считаете, что здесь как-то замешаны шедевры современно искусства?

— Да нет же. Я о том, что ты сказал про реку, — Хуан окинул взглядом сидевших за столом, — действительно, целью установки не является нагреть весь океан, но только его определенную часть. Установка располагается в самом сердце течения Бенгела, верно? А течение это самое опасное и стремительное в мире, и в этом смысле оно походит на бурную, полноводную реку, только, сами понимаете, лишенную берегов. И примерно в этом самом месте, в котором сейчас находится наш с вами «Орегон», течение разделяется на два потока. Один продолжает свой путь на север, огибая африканское побережье, а второй, меняя курс, держит путь навстречу южно-атлантическому субтропическому кольцу. И этот поток, протекая мимо Южной Америки, немного прогревается, так что температура его на несколько градусов превышает температуру его африканского собрата.

— Недурно, — отозвался Марк.

— И потоки эти вновь сливаются у экватора, и место их соития является своего рода буферной зоной течений, идущих со стороны южного и северного полушарий.

— Но… я, конечно, дико извиняюсь, капитан, только смысла пока уловить не могу, — признался Марк Мерфи.

— Если температура обоих потоков примерно одинакова, это уменьшает завихрения в буферной зоне.

Эдди Сенг замер, поднеся чашку кофе ко рту.

— То есть, вы хотите сказать, что это дает возможность изменить направление потоков, вплоть до того, что даже повернуть их вспять? — просиял он, наконец осознав то, что пытался донести до них Хуан.

— Именно. Вращение земли определяет направление ветров, поэтому-то ураганы на юге движутся по часовой стрелке, а на севере — против. По этой же причине теплый Гольфстрим, огибая восточное побережье Соединенных Штатов, сначала течет на север, а затем на восток — погреть страны Восточной Европы. Иначе бы там были тяжелые условия для жизни.

— А что происходит с теплым южным течением, когда оно пересекает экватор у берегов Африки? — поинтересовалась Линда.

— Он тут же попадает в зону зарождения атлантических ураганов, — незамедлительно ответил Эрик Стоун, как-никак, метеорология была его хобби. — Все достаточно просто: теплые воды — больше испарения, больше испарения — сильнее штормы. Достаточно

высокая температура этих течений, собственно, и является причиной зарождения ураганов, поскольку температура морских вод, в которые они входят, значительно ниже. Атлантический ураган обладает приличной силой: он вбирает в себя почти около двух миллиардов тонн воды.

— Два миллиарда тонн?! — воскликнула Линда.

— А достигнув суши, они обрушивают на побережья от десяти до двенадцати миллиардов тонн морской воды. В зависимости от скорости, с которой они всасывают в себя воду у берегов, все ураганы делят на пять категорий.

Наконец, озарение настигло и Марка Мерфи, обычно самого доходчивого из всех членов команды.

— Исходя из того, что течение Бенгела искусственно подогревают, тем самым еще выше поднимая температуру его вод, напрашивается логический вывод: кому-то зачем-то понадобилось ускорить процесс зарождения урагана в Атлантическом океане.

— А если быть точнее, то ураганов, — заключил Хуан. — Все понимают, о чем я говорю?

— Вы имеете в виду те ураганы, что обрушились на Соединенные Штаты за последние несколько лет? То есть им немного помогли?

— Метеорологи и специалисты по ураганам в один голос заявляют, что в настоящее время мы входим в естественный период активизации ураганов, или попросту в сезон тропических штормов, — парировал Эрик.

— Однако это не снимает причастности генераторов и нагревательных установок, используемых этой огромной электростанцией, к ускорению их формирования, — бросил Марк.

— Джентльмены, — мягко произнес Хуан, — пусть ученые умы разбираются в причинах формирования ураганов и в процессах, ускоряющих их возникновение. Все равно электростанция теперь отключена. После нашего собрания я собираюсь отзвониться Оверхольту и выложить ему всю информацию. Скорее всего, он пошлет на место группу своих людей, так что, думаю, с этим делом у нас покончено. Мерф, подготовь данные на ноутбуке к передаче.

— Будет сделано.

— Теперь, я хочу, чтобы мы сконцентрировали все наши усилия на поисках и спасении Джеффри Меррика. Глядишь, и выйдем на владельца этих самых генераторов.

— Ты уверен, что между этими делами вообще существует связь? — поинтересовался Макс с противоположного конца стола.

— Не то что уверен, но все больше подхожу к этому. Тот парень, которого мы с Слоун преследовали от хижины Папы Генрика, сам наложил на себя руки. Согласно нашим догадкам, он предпочел умереть, нежели отбывать срок в африканской тюрьме. И он нарочно запутал нас, чтобы мы не вышли на электростанцию. И, это уж наверняка, похитили Меррика не из-за выкупа. Здесь замешана политика, видимо, тот сильно рассердил кого-то, так что теперь никто его не может найти.

— Защитники окружающей среды, — сухо произнесла Линда.

— Похоже на то, — согласился Хуан. — Мы с вами напоролись на палку о двух концах. С одной стороны, кто-то похитил Меррика, а с другой — собирается подчинить себе океан, превратив его в мощнейшее оружие, только против кого?

— Капитан, все это, конечно, звучит хорошо, только одна вещь не дает мне покоя: зачем экологам подрывать жизнедеятельность океана? Это же экологи!

— Вот это нам и предстоит сегодня выяснить. Надеюсь, нам удастся вытащить Меррика и взять кого-нибудь из похитителей.

Такелажники подготовили парашюты. Гладкий черный нейлон поблескивал на палубе, словно пятно разлитой нефти. Когда Хуан, окончив разговор с представителем Корпорации в ЦРУ Лэнгстоном Оверхольтом, поднялся на палубу, Майк Троно и Джери Поласки уже аккуратно складывали свои парашюты, чтобы те сработали наверняка, когда они будут

лететь с высоты в двадцать тысяч футов над пустыней Намиб. Майк пришел в Корпорацию из спецотделения военно-воздушных сил по парашютным спасательным операциям, а Ски — после пятнадцати лет службы в морской разведке. Макс болтал с Линком и Эдди, пока те проводили проверку оружия и снаряжения, которое они собирались взять в собой.

Все члены Корпорации прекрасно могли работать друг с другом без каких-либо проблем, однако Кабрильо отлично знал, что некоторые из них более уверенно и слаженно будут работать только совместно с определенным напарником, такими парами, например, были Линк и Эдди, Майк и Ски. Уже не раз он убеждался, что обе эти пары выкладывались по полной и действовали почти телепатически.

Рядом с парашютами на палубе располагались два массивных мотоцикла — именно за ними «Орегон» заходил в порт Кейптауна. Колеса каждого из них оснащались прочными толстыми шинами, специально предназначенными для езды по мягкому песку пустыни, и мощными амортизаторами. За несколько дней до этого команда механиков «Орегона» хорошенько поработала над ними: все ненужное было решительно снято в целях обеспечения наибольшей легкости этих транспортных средств, далее их кричащий яркий цвет замаскировали под цвет песка.

Пока Хуан пересекал палубу, в его рации внезапно раздался голос Эрика:

— Капитан, это Эрик. Минут через двадцать мы войдем в портовую зону города Свакопмунд. Я уже предупредил Джорджа. В данную минуту он заправляет вертолет и через несколько минут будет готов к отбытию. Марк уже подготовил все необходимое. Малыш пригонит «ситасьон» в аэропорт к тому времени, как мы пришвартуемся в Свакопмунде. И еще я даже успел заказать самолет в Киншасу.

— Молодец, что еще тут скажешь!

— Если и дальше все пойдет по плану, то к завтрашнему рассвету мы уже вовсю будем мчаться по пустыне.

— И на сколько хватит заряда батарей, чтобы удерживать сигнал маячков? Часов на восемнадцать?

— Ну, скажем, часом больше, часом меньше. В принципе да, где-то так. Не беспокойтесь, мы обязательно найдем их.

Каждый член экипажа прекрасно знал, насколько лично воспринимал Хуан предательство со стороны Бенджамина Исаки: этот оборотень из ЦРУ и его сообщник-бандит Макамбо попросту использовали его в своих грязных целях. Ведь именно с его помощью огромное количество оружия перешло в руки повстанцев, тем самым срубив на корню все попытки правительства и местного населения прекратить это кровавое месиво. И осознание этого камнем опустилось на сердце Хуана. Теперь единственный способ отомстить преступникам — выследить их базу. И пусть даже он и произнес те напыщенные слова об ответственности и всем прочем тогда, в разговоре с Слоун. Он прекрасно знал: если умирают невинные люди, а он в этом как-то замешан, пусть хоть и косвенно, вина его от этого нисколько не уменьшается.

— Спасибо, Эрик, — произнес он мягко.

— Не стоит благодарности, капитан.

— Ну что, как наши дела? — поинтересовался Хуан, присоединившись к Линку, Максу и Эдди.

Те, склонившись над столом, рассматривали модель тюрьмы, расположенной в Дьявольском Оазисе, сконструированную Кевином Никсоном, специалистом из изобретательского отдела, на основе спутниковых снимков, раздобытых в Интернете.

— Кевин собрал для нас весьма занимательную игрушку, — прокомментировал Эдди, — однако мы будем вынуждены действовать вслепую, поскольку ни внутритюремной планировки, ни точного местонахождения Меррика мы не знаем.

— Итак, с чего мы начинаем? Твои предложения.

Так как Сенг был командиром береговых операций, вся работа по планированию

нападения, захвата и отступления ложилась на него.

— Как я уже сказал: сначала высокий прыжок на парашютах милях в шестидесяти к северу от объекта. Так их радары не смогут нас засечь, и шума наших самолетов они также не услышат. Затем мы мягко приземляемся на крышу здания, а там уже работаем согласно безотказной аксиоме: действовать по обстановке.

Хуан ухмыльнулся.

— Пока Линк спускает на землю мотоциклы, мы будем заниматься поисками Меррика и Сьюзен Донливи, — продолжил Эдди, — а когда мы возьмем их, нам надо будет рвать когти прямо до того места, где Джордж сможет посадить вертолет. Он и доставит нас к самолету Малыша.

— Не забывай, что нам еще надо схватить одного из похитителей, чтобы перекинуться с ним парой словечек по поводу этих электроустановок.

— Я лично позабочусь об этом, капитан, свяжу его, как рождественскую индейку, — вставил Линк.

— Вы уже составили расписание для Джорджа? Кого в какое время он должен забирать на берег?

— Да, безусловно. Джорджу придется изрядно повозиться. Для того чтобы доставить всех участников миссии и все снаряжение в аэропорт, ему понадобится не менее четырех заходов. Мы с Джорджем решили, что в последнем заходе ему необходимо везти как можно меньше груза, топливо ведь будет на исходе. Иначе он застрянет посреди пустыни. Затем на берегу Джордж заправится, и мы отправимся на поиски «ситасьона».

— Не забудь, что я буду прыгать последним, мне нужно поспать хотя бы несколько часов, — напомнил Хуан.

— Да, я уже об этом позаботился.

— Что сказал Лэнгстон? — поинтересовался Макс.

— Расскажу, пока буду укладывать парашют, — ответил Хуан.

Гигантские парашюты, какими они пользовались во время операций, позволяли им спускаться со скоростью семидесяти пяти миль в час, сопротивляясь ветрам, да и еще перевозя с собой фунтов двести снаряжения — самая настоящая всеми любимая игрушка десантно-диверсионных войск. Помимо этого, парашюты такого типа имели дополнительную мягкую прокладку, которая шла вдоль ремней кругового, плечевого и ножного охвата, одеваемых непосредственно на спину, и двухуровневую систему раскрытия, что позволяла смягчить то сопротивление воздуха, которое парашютист испытывал в самом начале прыжка, отталкиваясь от борта самолета. Однако, несмотря на все эти новшества и усовершенствования, каждый парашютист прекрасно знал, что вовремя потянуть за тесьму чрезвычайно сложно: ведь организм человека в свободном падении подвергается сильнейшему стрессу, и здесь требуется не только сноровка, но и крепкие нервы.

— Итак, у меня хорошие новости, — произнес Хуан, исследуя каждый сантиметр нейлонового материала на предмет трещин и потертостей, что служили безошибочными сигналами изношенности парашюта. — Лэнг пообещал, что обратится в Агентство Морских и Подводных Исследований, и те, возможно, вышлют какой-нибудь корабль обследовать эти загадочные электрогенераторы. Теперь насчет ЦРУ: поскольку оно настолько же причастно ко всей этой сделке с Абалой и Исакой, как и мы, они обещают заплатить нам за эту операцию в любом случае. Также они гарантируют, что оплатят нам все расходы, связанные с миссией по обнаружению секретной базы повстанцев и возвращению захваченного оружия.

— И какова же общая сумма?

— Довольно приличная, однако не думаю, чтобы этого хватило покрыть все издержки операции, так что на скорую пенсию можешь и не рассчитывать. Предательство Бенджамина Исаки наделало много шума в отделении ЦРУ в Африке, — теперь Кабрильо принялся складывать парашют, закрепляя его свободные концы резиновыми лентами.

— Неужели они не догадывались об этом?

— По всей видимости, нет. Это произошло как гром среди ясного неба. Теперь штаб

ЦРУ в Африке занят анализом ценных данных — об их складах, хранилищах и прочих стратегических объектах, что расположены на континенте, — которые, разумеется, уже попали в руки Макамбо. Сейчас они ломают голову над местом их возможной эвакуации. Лэнг сообщил, что главе штаба ЦРУ в Африке уже предложили уйти в отставку.

— И что же, он согласился?

— Она, ты хотел сказать? Нет, никакой отставки не будет. Мы возвращаем похищенное оружие, а в ЦРУ закрывают дело, поэтому об этом грандиозном провале ЦРУ никто никогда не узнает.

— Так-то оно так, только сдается мне, такого большого слона припрятать-то будет сложно.

— Думаешь, они и сами этого не понимают? Просто у правительства США иного выхода нет. Какую реакцию общественности вызовет информация о том, что ЦРУ облажалось? Причем так жестоко? — отрезал Хуан. — Все это нанесет серьезный урон репутации Соединенных Штатов. Более того: всему миру продемонстрирует, что он абсолютно бессилен перед лицом терроризма. Поэтому ты сам все прекрасно понимаешь.

— Да, неслабо ЦРУ подставилось. Выходит, доверяешь человеку, ставишь его на один из самых ответственных постов, а он оказывается предателем и сливает всю информацию противнику, на вычисление которого работает весь его отдел. Ни дать, ни взять — прямая измена родине.

— Интересное дело у нас получается: сотрудники ЦРУ служат себе и служат, а в один прекрасный день подставляют свое родное правительство, и что? Остаются безнаказанными. Точнее, от наказания они, конечно, не уходят, однако мы-то с тобой знаем, что настоящая их вина нигде не фигурирует: дела-то как такового уже нет. Вследствие этой корпоративной культуры многие дела сейчас либо засекречены, либо попросту уничтожены: взять хотя бы одиннадцатое сентября или программу по ядерному вооружению Индии и Пакистана. Что мы о них знаем? А сколько подобных дел вообще существовало за все время работы ЦРУ? — не унимался Хуан.

— Ну, уж на этот раз мы возьмем ситуацию под контроль, правда, мой дорогой друг? — ухмыльнулся Макс.

Смена тона в голосе Хенли заставила Кабрильо поднять голову.

— Ты же в самом деле справишься? — спросил Макс, кивнув на парашют.

Почему люди всякий раз пытаются напомнить ему о его главном недостатке? Им некуда деть свою жалость? Он отлично помнил тот день, когда Джулия Хаксли забирала его из госпиталя Сан-Франциско, куда его доставили с раненой ногой. Тогда его брючина на правой ноге была аккуратно пристегнута булавками. Также он отлично помнил безрадостно-жалостливые взгляды пациентов и докторов, встречавшихся на пути. Это попросту привело его в бешенство, и в тот самый он поклялся себе, что никогда больше не допустит, чтобы его жалели. Он прошел через три сложных операции и многие месяцы физиотерапии и тренировок, чтобы ни у кого и мысли не промелькнуло, будто он физически неполноценен. Он плавал и катался на лыжах лучше многих здоровых молодых людей и никогда не хромал.

Да, у него были недостатки, какой же человек без них? Но только не физические.

Хотя он отлично понимал, что все еще оставалась парочка вещей, которые он уже не мог выполнять с таким же успехом, как если бы имел обе ноги, и как раз одной из них был затяжной прыжок с парашютом. Ведь здесь в основном действовали руки и ноги, чтобы удержать тело на потоке воздуха, и на нахождение этого баланса отводились всего считанные минуты. За последние несколько лет Хуан уже сделал более сотни подобных прыжков, однако никак не мог добиться полной балансировки: в какой-то момент его начинало вращать с ускорением, и он стремительно летел вниз, а с этим шутить уже было нельзя.

Правая нога шла в протезе от колена, поэтому, соответственно, он не ощущал ни своей правой лодыжки, ни голени, и, следовательно, не мог скорректировать полет и выйти из

опасного пике, пока кто-нибудь из членов команды, также резко спикировав вниз, к нему, не хватал его обеими руками.

Все же Хуану сложно было признать свое поражение. И Макс прекрасно знал об этом.

— Все пройдет гладко, — заверил Хуан и вернулся к своему парашюту.

— Ты уверен?

Хуан взглянул вверх с хитрой ухмылкой на устах.

— Макс, ты ведешь себя словно моя старая чрезмерно заботливая бабушка! Как только я выпрыгну из самолета, мне нужно будет всего лишь выгнуть спину, чтобы не полететь вниз. Нам не придется провести в свободном полете так уж много времени, чтобы я в итоге начал крутиться, как эти дервиши. Ну, не кисни, Макс. Здесь многого ума не надо, будь это какой-нибудь другой прыжок, я бы уже давно сидел с тобой перед мониторами в командном центре.

— Я понял, Хуан, — произнес Макс, — только будь осторожен.

Где-то полчаса спустя Хуан передал свой парашют одному из такелажников, чтобы тот отнес его и остальное снаряжение в ангар с вертолетами в хвостовой части «Орегона».

По пути к себе в каюту навстречу желанному и, казалось, такому недосягаемому сну, Хуан заскочил в медотсек, справиться о состоянии Слоун. Доктора Хаксли не было ни в ее кабинете, ни в прилегающей операционной, поэтому он решил проверить палаты. В третьей по счету как раз и оказалась Слоун. В приглушенном свете палаты он увидел ее распластавшуюся на типичной больничной кровати фигуру. Она спала мирным сном. Во сне Слоун откинула одеяло, и Хуан мог видеть обширную нареберную перевязку. Рана уже не кровоточила — Джулия потрудилась на славу.

Ее медно-рыжие волосы покрывали почти все подушку, а один локон упал Слоун на лицо. Рот был слегка приоткрыт, однако когда Хуан смахнул непослушный локон с ее лица, губы сомкнулись будто бы для поцелуя, а веки почти приоткрылись на секунду, прежде чем она еще глубже провалилась в безмятежный сон. Он тихонько поправил одеяло и зашагал из палаты.

Через десять минут Хуан уже сам мирно посапывал, и сон его был также безмятежен, как и сон Слоун, и это несмотря на всю сложность предстоящей операции и камнем лежащий на его душе груз от неудавшейся миссии с повстанцами.

Прозвенел будильник. До отлета в Свакопмунд на встречу с Малышом Хендерсоном оставалось еще около часа. Хуан открыл глаза, чистые, голубые, готовые ко встрече с любой опасностью. Подобного он уже давно не ощущал. Он резво вскочил с кровати, подумывая еще разок принять душ, чтобы взбодриться. Однако, подойдя к душевой, он понял, что в этом нет никакой необходимости.

Включив свет, Хуан, пританцовывая, направился к гардеробной. В самом ее конце были аккуратно сложены запасные протезы его ноги. Некоторые из них уже были замаскированы под настоящую ногу, так что их и от оригинала отличить-то было нельзя. А остальные стояли прямо так, как их и доставили от фирмы-производителя в Индонезии: холодные на вид титановые конструкции.

Хуан уселся на скамью и стал устанавливать протез. Он любовно называл его «мой боевой друг». И, действительно, этот «друг» редко подводил его в боях и прочих операциях, не говоря уже об обычной мирской жизни. В протезе была специально предназначенная для оружия секретная ниша. Там Хуан обычно прятал небольшой кинжал и самый маленький пистолет в мире трехсотвосьмидесятикалиберный «кельтек». Также в нем находилась небольшая аптечка и удавка, покрытая алмазным порошком. Кевин Никсон, специалист, спроектировавший для Хуана протез, заложил на его дно небольшой пакет взрывчатки «Си-4», подведя ее к детонатору, скрытому в голени протеза. Впрочем, помимо этого, протез оснащался еще парой-тройкой секретных штук.

Хуан еще раз убедился, что ему удобно ступать на протез, и потуже затянул ремешки, так, чтобы тот наверняка не слетел. Облачившись в камуфляж расцветки под пустыню, он обул пару жестких, прочных походных ботинок. Затем, направившись к оружейному сейфу,

он достал еще один пистолет и автомат про запас. Сложив все в обычный нейлоновый мешок, Кабрильо окончил приготовления.

Тут в дверь осторожно постучал Морис и, не дожидаясь ответа, вошел в каюту. Он принес привычный для Хуана завтрак перед миссией на таком жарком континенте, как Африка, преимущественно состоявший из фруктов и углеводов. И вместо так любимого им свежесваренного кофе Хуан просил несколько стаканов апельсинового сока. Поскольку они направлялись в пустыню, Кабрильо старался максимально насытить свой организм жидкостью — так, на всякий случай: вдруг что-то пойдет не так.

— Морис, ты просто гордость королевского морского флота, — с улыбкой произнес Хуан, окончив завтрак и откинув салфетку на поднос.

— О, перестаньте, ваша светлость, — сдержанно произнес Моррис. — Я подавал ужин и чай на двенадцать высоких персон тогда, во время сильного шторма у Фолклендских островов, когда между теми вспыхнула, мягко говоря, небольшая размолвка. Довольны они были лишь моим сервисом и поварскими способностями, благодаря которым мне удалось уладить разгоравшийся конфликт. И, если честно, то вы и ваш экипаж не испробовали и сотой доли того, на что я способен. А мне есть что показать.

— Ну, хорошо, Морис, уговорил. В следующий раз, как мы попадем в ураган, я требую подать мне сыр «грюйер» и свежих лобстеров, запеченных в сыре сорта «Аляска».

— Слушаюсь, сэр, — произнес Моррис нараспев и удалился из каюты.

По пути в ангар с вертолетами Хуан еще раз завернул в медпункт. Джулия Хаксли как раз вынимала из многочисленных шкафов пару красных чемоданчиков с различными лекарствами. Ее медицинский халат был перекинут через спинку стула.

— Судя по сборам, вы собираетесь сопровождать нас в этой операции, и, следовательно, наш пациент чувствует себя хорошо, — произнес Хуан вместо приветствия.

— Она проснулась где-то с час назад, — ответила Джулия. — Никаких признаков лихорадки или прочих, угрожающих жизни опасностей я не обнаружила. И я уверена, что она скоро поправится, так что пока я ей не нужна. Все помощники у меня высокой квалификации, это вам не медсестры скорой помощи.

— Я в этом и не сомневался. Дайте мне пару минут — я обязан проведать ее, я тогда я в вашем полном распоряжении. Думаю, этими двумя коробками с лекарствами мы не ограничимся?

Слоун сидела, облокотившись на стопку мягких белоснежных подушек. Лицо ее было бледным, глаза впали, а под ними чернели мешки переживаний и усталости прошлых дней. Однако увидев, как Хуан возник в дверном проеме, она лучезарно улыбнулась.

— Привет, солнце. Как вы себя чувствуете? — быстро пересек палату Хуан и сел на край ее кровати.

— Немного выбита из колеи, скорее всего, из-за лекарств, но в остальном чувствую себя отлично.

— Хакс заверила меня, что вы завтра же окончательно поправитесь.

— Меня очень удивило, что главный врач на вашем корабле — это женщина.

— А что здесь такого удивительного? В моей команде — одиннадцать женщин, включая моего второго заместителя — Линду Росс.

— Я тут недавно слышала, как взлетает вертолет. Он тоже ваш?

— Да, перевозит на берег людей.

Изучая его обмундирование, Слоун строго спросила:

— Вы пообещали мне, что скажете, кто вы есть на самом деле.

— И я сдержу свое обещание, — ответил он, — как только вернусь обратно на борт «Орегона».

— И куда же вы это собираетесь?

— Есть у нас одно дело, собственно, ради него мы и прибыли в Намибию. К тому же, надеюсь, предстоящая операция прольет свет на террористов, что атаковали вас, и продвинет нас по следам хозяев электростанции.

— Вы из ЦРУ?

— Нет, но я работал на них когда-то. А теперь отдыхайте, я вам все равно больше ничего не скажу. Так что ждать вам придется до завтрашнего утра. Что вы скажете, если я зайду к вам часиков в восемь, и мы вместе позавтракаем?

— Это свидание?

Хуан наклонился и поцеловал ее в щеку.

— Спите спокойно. До встречи завтра утром.

Она взяла его за руку и серьезно произнесла:

— Хочу еще раз перед вами извиниться за то, что втянула вас во все эти неприятности.

— Вам не за что извиняться, как оказалось, ваши неприятности тесно переплетаются с моими. Более того, это я должен просить у вас прощения.

— За что?

— Вы так и не нашли ваш корабль, полный африканских сокровищ.

— В этом нет вашей вины. Это с самого начала было бессмысленной затеей, — печально произнесла она.

— Так, повеселей, повеселей. С такими мыслями никто бы никогда не выиграл в лотерею.

С этими словами он покинул ее палату и направился вместе с Джулией Хаксли к ангару.

Глава 19

Места на борту самолета было достаточно, чтобы все участники операции без труда разместились на длинных скамьях со всем своим многочисленным снаряжением. В хвостовой его части прямо перед грузовым трапом располагались оба мотоцикла, поддерживаемые амортизирующими тросами. Салон самолета был полностью герметичен, так что пассажиры не ощущали ни резких смен температур на больших высотах, ни были вынуждены вдыхать разряженный воздух. Гул двух мощных двигателей свел на нет любые попытки разговоров между членами команды.

Прислонившись спиной к борту самолета, чтобы хоть как-то облегчить свою тяжелую ношу, Кабрильо медленно обводил взглядом лица подчиненных.

Эдди Сенг, увидев, как внимательно осматривает их шеф, весело ему улыбнулся. Майк Троно и Джери Поласки, словно мальчуганы, играли в камень, ножницы, бумагу. Однако это была далеко не детская игра — кто кого победит. Хуан знал, что этот своеобразный ритуал позволял им снять напряжение предстоящей миссии. Они играли до тех пор, пока оба пять раз подряд не выставят одинаковую фигуру. Хуан и сам потихоньку успокаивался, наблюдая за ними.

Благодаря своим физическим возможностям, только Линк не сгибался под тяжелой ношей парашюта и прочего снаряжения. Сидя на покрытом брезентом мотоцикле, он втянул голову в плечи и непрестанно поджимал губы — верный признак того, что ему очень хочется спать.

— Капитан, — прокричал Малыш Хендерсон.

Хуан перевел взгляд на кабину пилота. Дверь ее была открыта. Большой грузный швед искусно управлял самолетом. Его мясистая рука хладнокровно передвигала рычаги управления. Джулия занимала место второго пилота, а за ее спиной располагались все необходимые медицинские приспособления и препараты.

— Слушаю тебя, Малыш.

— Готовьтесь. Через пятнадцать минут вам прыгать. — Он включил красные боевые огни.

— Понял, — прокричал в ответ Хуан. — Джентльмены, пятнадцать минут до начала!

Линк вздрогнул, отчаянно зевнув.

Не было совершенно никакой необходимости еще раз проверять снаряжение,

поскольку они проделали это уже с десяток раз. Но все же это был очередной ритуал, и все члены команды, словно сговорившись, начали затягивать уже до упора затянутые ремни и стропы и проверять крепления парашютов. Они уже отсоединили мотоциклы от держателей, и те стояли на позициях, готовые к прыжку.

За пять минут до начала операции Малыш зажег желтое табло, предписывающее членам команды надеть маски дополнительного кислородного обеспечения. Все моментально приняли команду к действию и, поднеся маски ко рту и носу, закрепили их на затылке. Затем так же одновременно они надели огромные ветрозащитные очки. Когда они все подали Кабрильо знак, что полностью готовы, Хуан махнул рукой Малышу. Пилот-ветеран военно-воздушных сил уже произвел все необходимые приготовления.

Хендерсон захлопнул дверь кабины. Одновременно с этим поползла вверх дверь грузового отсека. Завывающий холодный воздух ворвался в салон самолета, перекрывая шум работающих двигателей. Клочок какой-то бумаги пролетел мимо Кабрильо и скрылся в ночном небе.

Хуан моментально ощутил ледяной, резко бьющий по щекам ветер, и тут же повыше натянул теплый шарф, чтобы защитить единственную выставленную навстречу стихии часть тела.

Когда задняя дверь полностью отворилась, хвостовая часть самолета представлялась не чем иным, как огромной, непроглядно-черной, зияющей дырой. В черном небе над пустыней перемигивались звезды. Казалось, их можно было достать рукой.

— Проверка, проверка, — произнес он в свои микрофон и тут же услышал, как поочередно отозвались члены его команды.

Желтый сигнал начал мигать, отсчитывая последние секунды перед прыжком.

Уже в сотый раз с тех пор, как они сели в самолет, Хуан продумывал все шаги, которые предпримет, оказавшись за бортом. Сначала он оттолкнется и выпрыгнет. Затем, оказавшись в свободном полете, моментально выгнет спину, чтобы получить как можно большее сопротивление потокам воздуха и удержаться на лету. Затем он разведет в стороны руки и ноги, чтобы уменьшить толчок от раскрытия парашюта. По закрытым глазам и сосредоточенности своих коллег по миссии Хуан мог с уверенностью сказать, что каждый из них проделывает то же самое.

Поскольку Малыш потихоньку набирал высоту, двигатели вновь взревели, и желтый огонек сменился зеленым. Сегодня не требовалось, чтобы вся команда выпрыгивала одновременно. Так как это были высокие затяжные прыжки, у членов команды было достаточно времени, чтобы перегруппироваться в воздухе и держаться близко друг к другу.

По очереди они подбегали к черной дыре и скрывались во тьме ночи.

Те, кто выпрыгнул на мотоциклах, сразу же отпустили их и развели руки и ноги в стороны, прежде чем распустили парашюты. Подойдя к краю, Хуан увидел по четыре горящих огонька на вершинах парашютов каждого из участников: это говорило о том, что их раскрытие прошло успешно. Когда они доберутся до Дьявольского Оазиса, автоматически желтые огоньки сменятся инфракрасными и станут различимы только через окуляры ночного видения.

Кабрильо направил свой мотоцикл прямо в пустоту, словно рок-звезда, выезжающая на сцену. Тут же он отпустил мотоцикл, расправил руки и ноги и хорошенько выгнул спину. Стремительный поток воздуха тут же атаковал его, но ему удалось удержаться на лету. И как только его начинало вращать, он тут же разгибал спину опять, что позволяло ему контролировать свое положение. Освоившись, Хуан потянулся к тесьме, выпускающей парашют, и раскрыл его. Мотоцикл, тем временем, пролетел всю длину троса, к которому был привязан, и повис на его конце.

Вспомогательный парашют Хуана раскрылся сию же секунду, как только тот рванул тесьму. Было слышно, как он, шурша, медленно наполняется воздухом. Согласно своей конструкции, основной парашют раскрывался сразу же после вспомогательного. Однако этого не произошло. Хуан мгновенно понял: что-то не так, поскольку не почувствовал того

рывка, хорошо знакомого по многим десяткам проделанных прыжков этого типа, и он вертикально полетел вниз. Вспомогательный парашют едва смягчал его падение, тогда как нейлоновая масса основного парашюта мягко свистела при полете у самой его головы под потоками воздушных струй.

Хуан пытался понять, что же все-таки произошло. Он взглянул вверх, однако в кромешной ночной тьме едва ли можно было что-то разобрать. Он сделал несколько прыжков в воздухе и понял, что трос, выпускающий основной парашют, спутан, поэтому и не отвечает на команды второстепенного парашюта. Хоть и действия Хуана не выдавали в нем паники, а были наоборот хладнокровны и неторопливы, пытливый ум его уже лихорадочно искал возможное решение этой проблемы.

Он тихонько ругал себя за свою небрежность, пока старался раскрутить запутавшийся трос, вращаясь то по часовой стрелке, то против. Ведь это он складывал парашют, значит, ему некого винить в том, что он не раскрылся. Если он не сумеет выпутаться и раскрыть основной парашют, то вся операция пойдет насмарку.

Кабрильо еще был на достаточной высоте, поэтому располагал запасом времени на поиски подходящего решения, однако, как только он окажется в двадцати тысячах футов от земли, от его действий уже будет напрямую зависеть его жизнь. Если он пролетит дальше, но ему все же удастся раскрыть парашют, он не сможет мягко спланировать к тюрьме. А если ему приземлиться прямо так, не прибегая к планированию, он окажется слишком далеко от Дьявольского Оазиса. С другой стороны, если подать сигнал Джорджу, чтобы тот подобрал его на берегу, Хуану не хватит высоты и скорости, чтобы спланировать к берегу.

Он бросил взгляд на наручный альтиметр. До земли оставалось чуть больше девятнадцати тысяч футов.

Выругавшись, он отрезал трос, к которому присоединялся мотоцикл, и отстегнул ремни, связывавшие его с тихо порхавшим над головой парашютом. Сделав это, он мгновенно почувствовал, как начал раскрываться его запасной парашют. Если и он подведет, то столкновение с землей произойдет менее чем через три минуты. «Вряд ли посадка окажется мягкой, — с горечью подумал он: врезаться в пустыню на скорости двести миль в час. — Зато все пройдет быстро. Ничего и не почувствую».

Однако, к величайшему его облегчению, запасной парашют с легким свистом раскрылся за спиной и воспарил вверх, большим черным бутоном унося его обратно к небу. Ремни кругового, плечевого и ножного охвата натянулись, с болью впиваясь в кожу даже через одежду, но в ту минуту это ощущение показалось Хуану самым прекрасным на свете.

— Красавчик-щеголь — Долине Смерти Скотти, — произнес он в свой микрофон. Этот шифр забавы ради придумал Макс в качестве своего вклада в данную операцию.

— Либо ты решил нас всех обогнать и прибыть к тюрьме первым, либо у тебя были серьезные проблемы, — тут же послышался голос Эдди.

— Отказал основной парашют. Мне пришлось сбросить его.

— На какой ты высоте, Красавчик?

— Восемнадцать с половиной тысяч футов.

— Секунду.

— Жду, Скотти.

Поскольку Эдди Сенг был ответственен за береговые операции, именно он вел всю команду к назначенной цели, и без его вмешательства не принималось ни одно важное решение. К тому же, у него имелся небольшой карманный компьютер со спутниковой навигацией, по которому он отслеживал спуск всех членов команды.

— Значит так, Красавчик. Сейчас ты с силой потянешь тормозные тросы, так чтобы при снижении твоя скорость оказалась не более четырнадцати футов в секунду. При этом приземлишься ты примерно через двадцать две минуты. Остальным членам команды, хоть вес их и утяжелен мотоциклами, понадобится на это вдвое больше времени, благодаря нашим мощным боевым парашютам. Скорость ветров на твоей высоте достигает примерно пятидесяти узлов, однако по мере твоего снижения она будет уменьшаться.

— Понял.

— По моим подсчетам, ты приземлишься где-то в районе четырехсот миль вглубь континента от побережья, поскольку мы выпрыгнули недалеко от границы с Ботсваной, а ветра дуют с востока на запад. Но даже при таком раскладе Джордж не сможет быстро добраться до тебя на «Робинзоне», чтобы доставить на «Орегон».

— Скотти, я буду ждать на берегу, пока меня не заберут. Ваша первостепенная задача сейчас — это отыскать и спасти Меррика и Донливи. Одного мотоцикла у вас уже нет, так что забудьте про пленных из числа похитителей.

Хуана разозлила потеря хорошей возможности допросить похитителей, но еще больше он вышел из себя, подумав, что его команда отправляется на эту опасную операцию без своего капитана.

— Приказ понят, Красавчик.

Хуан все более удалялся от остальной части команды, и это начало сказываться на радиосигнале. Голос Эдди звучал все тише и отдаленней.

Хуан подумал было о том, что он еще не сказал своей команде, пока связь окончательно не пропала, однако все уже было обговорено заранее.

— Удачи, Скотти.

— И тебе удачи, Красавчик. Конец связи.

Хотя Хуан и не собирался поддерживать связь со своей командой во время операции, он все же оставил радиосвязь включенной: так, на всякий случай.

Потянув за тормозные тросы, Хуан стал практически парить на месте, едва заметно снижаясь к земле. Работа по выравниванию парашюта, подчинявшегося любому дуновению ветра, требовала от него всей сноровки и координации, а самое главное, отвлекала от нестерпимого холода, что уже начал сводить плечи и быстро распространяться по всему телу, сковывая движения.

Плавно покачиваясь на дуновении ветров, Хуан медленно рассматривал пустыню под собой. И куда бы он ни взглянул, повсюду виднелись ее бесплодные бескрайние просторы. Ни городских огней, ни костров, ни каких-либо других опознавательных знаков — одна сплошная темнеющая пустота, словно ночная морская гладь.

Пересекая рубеж десяти тысяч футов, Хуан случайно выпустил тормозной трос из левой руки и тут же вошел в опасный крен. Его стремительно понесло вниз и начало вращать. Не теряя ни минуты, Хуан резко ослабил натяжение правого тормозного троса, чтобы выровнять парашют. А затем вновь нажал по тормозам. В считанные секунды этой отчаянной борьбы с воздушными потоками Хуану показалось, будто он заметил что-то внизу, в пустыне, слева от себя. Однако, еще раз приглядевшись, он уже ничего не мог разобрать.

Прекрасно осознавая, что это всего лишь могло оказаться игрой его воображения, он все же немного ослабил тормоза и потянулся к нагрудному карману за окулярами ночного видения. Быстрым движением руки стянул он кислородную маску и защитные очки на шею, а вместо них нацепил очки ночного видения. А затем вновь натянул тормоза.

Через окуляры пустыня просматривалась в уныло-зеленых, местами радужных цветах, а объект, что зафиксировал Хуан боковым зрением, оказался небольшой колонной машин, пересекающих пустыню. Они направлялись от Кабрильо, и только ведущий автомобиль ехал с включенными фарами. Его они заметить не могли, тем более что он находился еще на приличной высоте, однако он знал, что рано или поздно они остановятся.

Поэтому, немного ослабив тормозные тросы, Хуан принялся бесшумно планировать под укрытием ночного неба, направляясь по следу убегающего вперед каравана. Через несколько минут конвой уже почти скрылся из виду, и единственное, что выдавало его существование, это глубокая колея на песке.

Кабрильо старался продержаться на лету как можно дольше, однако теперь дело неизменно шло к посадке. Он взглянул на часы: Эдди Сенг оказался прав, он пробыл в воздухе на снижении чуть более двадцати минут. Огромные просторы пустыни представляли

собой не что иное, как океан огромных песчаных дюн. Хуан зажег вспомогательные огни и резко потянул тормозные тросы, снижая скорость до минимума так, чтобы успеть приземлиться на ноги.

Коснувшись ногами песка, Кабрильо незамедлительно начал сдувать воздух из парашюта, чтобы его не унесло ветром, и вскоре уже сжимал в руках блестящую массу нейлона. Затем, отстегнув ремни, крепившиеся к парашюту, Хуан облегчено скинул свою тяжелую ношу с плеч, включая все прочее свое снаряжение. Мышцы его ныли от холода и изнурительной работы. Однако он прекрасно понимал, что отдохнуть в ближайшее время ему не удастся.

Кабрильо приземлился всего в нескольких футах от колеи. Осмотрев ее, он сделал вывод, что кто-то передвигался на мощных тяжелых грузовиках, специально предназначенных для езды по песку, поскольку колея была довольно глубока, а расстояние между правыми и левыми колесами значительно больше, чем у джипа или любого другого внедорожника.

Хуану представлялись три возможных исхода этой ситуации, причем два из них весьма его обнадеживали. Либо эти грузовики принадлежали военным Намибии или какой-либо частной компании, специализирующейся на сафари, — тогда его без проблем подкинут на берег. Либо это были бандиты, которые скорее расстреляют его, едва он успеет он к ним приблизиться, нежели окажут помощь.

Но в любом случае, Хуану не улыбалось ждать еще пару суток, пока Макс засечет сигнал его маячка по спутниковой связи и вышлет за ним команду. Нет уж. Он лучше сам выберется из этой передряги.

Из всего своего многочисленного снаряжения Хуан собирался взять с собой лишь автомат, пистолет и большой запас боеприпасов, а также нож, аптечку, единственную флягу с водой и небольшой походный набор, в котором имелись спички, капсулы для очищения воды, несколько лесок и прочая всякая всячина. Сложив парашют в рюкзак, он закинул его за плечи.

Конечно, все это мало чем могло помочь Хуану справиться с конвоем бандитов, если отбросить первые два варианта, однако за его плечами находился многолетний опыт подобных операций. Так что рассчитывать, как всегда, приходилось только на себя.

Где-то около часа бесшумно планировали Эдди, Линк, Майк и Ски над безмолвной пустыней. Поскольку в ЦРУ Сенг служил командиром береговых операций, большого опыта в прыжках с парашютом он не имел, однако словно был рожден летать, равно как и ползать: прыжки и маневрирование на парашютах ему удавались на ура. А все благодаря боевым искусствам, которым его с детства обучал дед, когда они жили еще в Нью-Йоркском чайнатауне. Это укрепило его дух и научило мгновенно переключать все внимание и сноровку на каждое новое дело, за которое бы он ни взялся. И что еще более показательно, он практически не участвовал в боевых операциях, по сравнению с другими членами Корпорации. Он построил себе карьеру в ЦРУ, все эти годы работая под прикрытием, искусно представляясь тем, кем на самом деле не являлся, и выстроил огромную сеть тайных подпольных осведомителей, благодаря которым ЦРУ и по сей день получает всю необходимую информацию. Приняв его в ряды Корпорации, Хуан уже через несколько месяцев доверил ему пост командира береговых операций: Сенг доказал, что выйдет сухим из любой неприятности.

Руководствуясь спутниковой навигацией, Эдди безошибочно вел команду прямо к заброшенной тюрьме Дьявольского Оазиса. Они взяли такую высоту, чтобы иметь возможность замереть на несколько секунд над крышей тюрьмы и ее внутренним двором с целью изучения обстановки и не быть замеченными радарами противника. Окуляры ночного видения показали, что прямо у закрытых ворот внутреннего двора находятся трое охранников, а неподалеку стоит грузовик со все еще теплым двигателем. По догадке Эдди, этот грузовик, возможно, только недавно вернулся с патрулирования территории. Остальные

грузовики и автомобили, стоявшие как во дворе, так и снаружи, казалось, уже давно не приводились в действие.

Сенг коснулся своего микрофона, чтобы подать Линку сигнал к началу операции. Как уже было обговорено, он вступал в действие первым.

Франклин Линкольн ослабил тормозные тросы и, сопротивляясь ветру, постарался приземлиться на самом дальнем от ворот конце крыши. Он четко приземлился на обе ноги, не сделав и дополнительного шага, и начал быстро сворачивать парашют, прикрывая им мотоцикл и прочее снаряжение, чтобы оно не выделялось под покровом ночи. Закончив необходимые приготовления, он подал знак остальным, коснувшись своего микрофона.

Вслед за ним на снижение пошел Эдди, словно призрак подлетая к крыше. Он постарался опустить свой мотоцикл, покачивавшийся на длинном тросе, прямо вровень с мотоциклом Линка.

Обладающий невероятной силой Линк тут же подхватил его мотоцикл, как пушинку, и мягко установил его на крыше, убедившись, что он не опрокинется и не сдвинется с места.

Приземлению Эдди можно было позавидовать, и как только он разобрался со своим парашютом и снаряжением, на снижение пошел Майк Троно.

В очередной раз Линк осторожно подхватил мотоцикл, чтобы тот невзначай не грохнулся о деревянную крышу и не встревожил охрану.

Наконец, пришел черед Джерри Поласки. Его мотоцикл уже стоял на крыше, и он сам уже благополучно на нее приземлился и начал было отстегивать парашют, как тут налетел сильный ветер, и порывом его вновь начало относить в небо. Линкольн всем своим весом налег на его мотоцикл, стараясь не дать ему оторваться от крыши, но, казалось, ветер всерьез задумал сорвать спланированную операцию.

— Помогите мне, — задыхаясь, прошептал Ски, пока отчаянно пытался отстегнуть от себя парашют. Когда это не получилось, он постарался притянуть его к себе и быстро сложить, чтобы его не раздувало ветром.

Но не тут-то было, Линк уже скользил обеими ногами по пыли деревянных досок вместе с мотоциклом, так что теперь Поласки свисал над краем крыши.

Майк обхватил Линка за талию, а Эдди бросился к мотоциклу и начал толкать его в обратном направлении. Но никому еще не удавалось пересилить стихию, и через пару секунд Эдди сам оказался уже на краю крыши.

Решение пришло само собой. Он вынул нож, спрятанный в ботинке, и поднял его так высоко, чтобы Ски увидел его и понял, что он собирается сделать. А затем занес руку с ножом над сильно натянувшимся тросом, связывавшим Джерри с мотоциклом, и резко ударил им по нему. Одного удара было достаточно. Ски на секунду взметнулся вверх, а затем спиралью полетел вниз, приземлившись на вал из песка, что окружал тюрьму по периметру. Первые несколько секунд Ски лежал неподвижно, испытывая облегчение от того, что не сорвал миссию, а парашют его, словно медуза, мягко устилал песок блестящим черным нейлоном. Тут, футах в тридцати от себя, он увидел высокий деревянный столб, на верхушку которого была приделана вращающаяся сенсорная камера. Видать, похитители хорошенько продумали каждый шаг своей защиты, чтобы никто не смог пробраться на территорию тюрьмы незамеченным. Нейлон парашюта уже практически вошел в зону досягаемости сенсора: легкое дуновение ветерка — и сработает сирена.

Не теряя ни секунды, он с силой дернул гладкую ткань и начал быстро укладывать парашют перед собой. Но, казалось, сколько ни старайся, он никак не мог добраться до той части парашюта, что так неудачно оказался прямо под сенсором.

Поднялся ветер, и парашют вновь, как детский воздушный шарик, начал игриво наполняться воздухом. Тут Ски вскочил на ноги и, оттолкнувшись от вала, всем телом бросился на парашют, не давая ему подняться до уровня сенсора. Он покатился еще дальше по гладкому материалу и непременно врезался бы в этот самый деревянный столб, если бы вовремя не увернулся. Так он и замер, лежа на спине; его левое бедро оказалось всего в нескольких дюймах от столба.

Взглянув вверх, он увидел три темных силуэта, уставившихся на него с крыши, и поднял оба больших пальца, стараясь не попасть в поле зрения сенсора. А затем, скатав парашют, осторожно сунул его в рюкзак.

По всему периметру основания тюрьмы проходили круглые вентиляционные отверстия, и это заставило его вспомнить о том, как несколькими часами раньше на собрании перед операцией они обсуждали конструкцию тюрьмы. Под ней проходил целый комплекс тоннелей, специально организованных для того, чтобы ветра различных направлений, проходя по ним, выдували неприятный запах отхожих мест изо всей тюрьмы.

Закончив сборы, Ски взобрался по тросу, что спустил для него Линк.

— Да, веселенькое было приключение, — прошептал он, когда Майк и Эдди подхватили его под руки.

— Операцию не сорвал, значит, ничего не произошло, — коротко ответил Сенг.

Следующие несколько часов они вели тщательное наблюдение за тюрьмой и ее окрестностями с разных углов зрения на крыше.

К их всеобщему удивлению, все охранники были чернокожие. Поскольку они предположили, что похитители — это выведенные из себя экологи, они ожидали увидеть белых европейцев или американцев, но уж никак не африканских наемников. Каждый час двое охранников обходили тюрьму по периметру, а третий тем временем сторожил открытые ворота. Их поведение выдало в них полных непрофессионалов, что могло сыграть на руку членам спасательного отряда. Один из охранников курил во время обхода, на несколько секунд лишаясь обзора окрестностей, когда опускал голову прикурить сигарету, и к тому же выдавал свое местонахождение ее тлеющим огоньком.

Эдди приказал дождаться очередного обхода и начать действовать. Пока они с Майком и Ски будут осторожно обследовать территорию тюрьмы, Линк займется спуском мотоциклов наземь. Их главной целью было найти Джеффри Меррика и Сьюзен Донливи и по возможности остаться незамеченными, но если их все-таки обнаружат — они более чем готовы.

Конечно, было бы намного лучше дождаться утра и тогда уже продолжить преследование колонны грузовиков. Однако дело ведь происходило в пустыне, и Хуан четко помнил, что утро и день являются самой жаркой частью суток на континенте, поэтому пускаться в путь нужно было прямо сейчас.

Предупредив Макса Хенли о своем местонахождении по спутниковой связи, Хуан уселся на песок снять ботинок и носок с протеза, чтобы достать с его дна взрывчатку «Си-4». Он решил проделать одну вещь, которой его научил Макс. Он и его сослуживцы использовали «Си-4» во время войны во Вьетнаме для приготовления пищи. Теперь же Хуан решил приспособить ее еще для одного полезного дела. Вытащив из спинки рюкзака, из которого раскрывался парашют, жесткую пластиковую пластину в виде круга, он встал на нее обеими ногами, чтобы найти ее центр тяжести. А затем, взяв немного пластиковой взрывчатки, прилепил ее к основанию протеза и поднес к ней зажигалку. Пластик начал плавиться, и в этот момент Хуан поставил ногу на пластину и оперся на нее всем своим телом. Пластик с обеих сторон расплавился, а когда прошло еще немного времени и материал застыл, шва между протезом и пластиной будто и не бывало. Хуан набросал песка на пластину, чтобы сбить оставшиеся языки пламени, и подождал еще минут десять.

Затем для проверки он резко, со всей силы ударил ногой с огромной импровизированной лыжей по холодному песку. Конструкция держалась крепко. Но все же он для пущей страховки прострелил пистолетом четыре дырки в пластине и, протянув через них запасные тросы, отрезанные от парашюта, намертво прикрепил их к протезу.

Теперь можно пускаться в путь.

Взяв с собой лишь все самое необходимое, Кабрильо взобрался на самую высокую дюну в округе. Расправив парашют позади себя, он осторожно надел на плечи рюкзак, к которому он крепился, и обеими руками схватил тормозные тросы. Затем он сел на край

дюны и поставил вторую ногу на пластину.

Ветер дул ему в спину, временами его порывы достигали примерно тридцати миль в час. Отсюда еще хорошо просматривалась колея, оставленная грузовиками, и Хуан решил, что сияния звезд будет достаточно и пользоваться окулярами ночного видения не придется.

Наконец, осторожно привстав и согнув ноги в коленях, совсем как сноубордист — профессионал, он заскользил по склону дюны. Позади него мягко шелестел парашют. Поскольку скорость его все увеличивалась, парашют вновь наполнялся воздухом, пока не оказался прямо перед Хуаном, и вот он уже мягко планирует по воздуху, едва касаясь песка.

Внимательно разглядывая дюну перед собой, Хуан заранее прикидывал, как лучше разместить ноги на пластине, чтобы не упасть, когда приземлится, а продолжить скольжение по песку.

Приземлился Хуан успешно, и сразу же попутный ветер понес его вдоль колеи. Когда же она вошла в поворот, а усилившийся ветер стал относить его в сторону от нее, Хуану лишь нужно было поймать момент и взлететь, подставив парашют под воздушные струи, и затем уже скорректировать полет тормозными тросами.

Парапланинг как вид спорта придумали специально для таких мест, как Вермонт или Колорадо. Для него требовались сноуборд или пара лыж, а также небольшой парашют, конечно, значительно меньше того, какой приспособил для этого дела Хуан. Скользить по песку намного труднее, нежели по снегу, но огромный боевой парашют позволял с легкостью преодолевать сопротивление песка, и Хуан несся с такой скоростью, что и не снилась даже самым отъявленным охотникам за адреналином.

Первые пятнадцать минут своего полета Кабрильо несколько раз падал, задевая высокие верхушки дюн, однако затем приноровился к полету и змейкой стал огибать высоченные холмы песка. Он уже преодолел значительное расстояние.

Чернокожие охранники завершили свой очередной плановый обход в десять минут после полуночи. Скрип массивных деревянных ворот на железных петлях и глухой стук тяжело опустившегося засова тут же донесся до напряженного слуха сгрудившихся в кучку на крыше членов Корпорации. Выждав еще десять минут, пока охранники занимали свои привычные места, они начали операцию.

Майк и Ски бесшумно ввинтили в прочное дерево крыши несколько массивных болтов, за который зацепили длинные прочные тросы. По ним они собирались спускать мотоциклы. Еще по паре таких болтов они вкрутили прямо над окнами, чтобы потом попарно спускаться. Они немного помедлили, давая тросам спокойно повиснуть вдоль фасадов тюрьмы.

Эдди перебросил свой автомат на длинном ремне за спину и надел очки ночного видения. Не раздумывая ни секунды, он занес ногу над краем крыши и, прочно ухватившись за трос, быстро и легко, словно макака, стал спускаться вниз. Когда его грудь поравнялась с нижним краем незастекленного окна, рука тут же вытащила из кобуры пистолет, оснащенный глушителем.

Отделение тюрьмы, предназначенное для содержания заключенных, насчитывало три этажа и занимало примерно треть всего здания. Прямо под Эдди, оказавшимся сейчас полностью открытым для глаз противника, двумя рядами проходили железные прутья решетки, огибающей, словно балконная ограда, ту часть здания, где камеры выходили во внутренний двор. Доступ к камерам осуществлялся по узким железным помостам и таким же узким изогнутым лестницам. Расстояния между прутьями решетки казались настолько малыми, что в них едва можно было просунуть сразу несколько пальцев. Это делалось специально, чтобы не дать преступникам неожиданно просунуть руку в решетку и схватить проходящего мимо охранника. Каждая камера оснащалась парой коек, на которые сверху стелилась тощая подстилка под матрас, ссохшаяся при здешней жаре и изъеденная насекомыми.

Друг от друга камеры отделялись толстыми каменными стенами. По площади они едва достигали десяти квадратных футов. Передняя их часть закрывалась решеткой толстого,

прочного железа. С той высоты, на которой он повис, Эдди хорошо просматривались верхние камеры: все они были пусты. Однако нижний ряд он разглядел плохо.

Взглянув вверх, он подал Майку и Ски сигнал, и те начали спускаться к своему командиру. Тем временем Линк осторожно сгружал мотоциклы вниз со стороны задней стены походящей на крепость тюрьмы.

Стараясь действовать бесшумно, Эдди забросил свой трос в пустое окно, чтобы затем из него по решетке перебраться к железным помостам и винтовой лестнице самого верхнего этажа. Он лихо спрыгнул на железный помост, не издав ни единого звука, и двое подчиненных не замедлили присоединиться к нему.

Жестами Эдди приказал Майку и Ски прикрывать его, пока он будет обходить верхний этаж по периметру. Одновременно с этим он переключил свои окуляры с ночного видения на инфракрасное, чтобы понять, есть ли заключенные в камерах нижнего ряда, по исходящему от них теплу.

Есть!

В самой дальней от него камере находились двое: оба лежали, и довольно близко друг к другу. Он вновь переключил очки в режим ночного видения и уже хорошо мог различить двух пленных, мужчину и женщину. Он лежал на спине, голова его была повернута к стене. Она тоже от него отвернулась: лежала на боку, крепко прижав к груди колени.

Дождавшись, пока Майк и Ски встретятся с ним взглядом, он поднял вверх два пальца и указал ими в сторону камеры, где находились заключенные. Ски как раз стоял на площадке узенькой лестницы, возвышаясь над Эдди и Майком, обводя взглядом территорию тюрьмы при тоненьком лучике света оснащенного лазером автомата. Получив сигнал, Майк тут же начал спускаться, осторожно переставляя ноги так, чтобы не издавать шума.

Добравшись до нужной им камеры, они обнаружили, что решетка ее немного приоткрыта. Троно и Сенг удивленно переглянулись. Оба они ожидали, что по всем правилам похищения Меррик и Донливи будут надежно заперты, однако, видимо, похитители решили, что запертых главных ворот и чернокожего конвоя перед ними будет достаточно.

Не теряя ни минуты, Эдди выхватил из кармана сумки небольшой флакончик с графитовым порошком и обработал им петли решетчатой двери. Графитовый порошок действовал значительно лучше любого используемого для этих целей масла. Потянув решетку на себя, Эдди замер: раздался тихий скрип, и тут женщина, что-то тихо пробормотав, перевернулась на спину. Однако, к их облегчению, она не проснулась. Эдди еще раз осторожно попробовал сдвинуть решетку. На этот раз она поддалась, не издав ни единого звука. Майк и Эдди вошли в камеру, держа пистолеты наготове: стандартная проверка в любой операции по спасению похищенных. Им необходимо было убедиться, что эти люди на самом деле Меррик и Донливи. Когда они подошли к спящей паре, Эдди жестом указал Майку проверить женщину, пока сам он подбирался к лежащему у стены на куче простыней мужчине.

Словно по команде, Эдди и Майк зажали пленным рты, чтобы рассмотреть их лица, и Эдди тут же понял, что мужчина, который пробудился ото сна и глядел теперь на него в ужасе и панике, был совсем не похож на Джеффри Меррика. А он хорошо запомнил лицо владельца компании «Меррик и Сингер» и не мог ошибаться. Эдди с размаху ударил его под ухо прикладом пистолета, однако тот не отключился, тогда он ударил его еще раз. Мужчина потерял сознание. Тем временем Майк, удостоверившись, что видит перед собой Сьюзен Донливи, все же продолжал зажимать ей рот.

— Мы здесь, чтобы спасти вас, — тихо произнес он. И когда она успокоилась и перестала вырываться, он отпустил ее.

— Кто вы? — спросила она, в глазах ее отразилось полное недоверие.

— Тише, — предостерег он ее. — Мы здесь, чтобы спасти вас и мистера Меррика. Кто этот человек? — Майк указал на бесчувственного мужчину, которого Эдди привязывал к решетке.

— Он… он один из похитителей. Он… — голос ее оборвался.

Майка не интересовали сейчас подробности насилия, которому она подверглась: действовать надо было быстро.

— Он вооружен?

— Это лежало под подушкой, — Эдди повертел в руках пистолет.

Троно улыбнулся Сьюзен.

— Теперь вам не о чем беспокоиться, все кончено. Он вас больше не тронет.

— Он мертв? — Ее голос прозвучал словно эхо.

— Нет, просто в отключке, — Майк передал ей ворох одежды, что валялся в углу, и она быстро натянула ее на себя прямо под простыней.

— Вы знаете, где они держат мистера Меррика? — спросил Эдди, когда она откинула простыню.

— Он должен быть в одной из соседних камер.

— Как туда пройти?

— Я могу вам показать.

— Нет, это слишком опасно, — покачал Эдди головой.

— Пожалуйста, я очень переживаю за него. Охранников на этом этаже, как и на верхнем, больше нет. Этот должен был присматривать за нами обоими. Остальные же спят в другой части здания, в административном корпусе.

— Сколько всего похитителей? — спросил Майк.

— Я видела всего восемь-девять, но их может быть больше.

Их было меньше, чем они ожидали, особенно если учесть, что трое задействованы на охране ворот.

— И все они вооружены так же, как этот малый?

— Некоторые из них были вооружены автоматами, когда нас только привезли сюда, — слезы вдруг покатились из ее глаз. — Пожалуйста, позвольте мне провести вас к доктору Меррику. Если я не сделаю этого, если не помогу спасти его, я не смогу спокойно жить с тем, что сделал со мной этот охранник.

Эдди уже собирался отказать ей, но в последнюю секунду подумал, что непросто будет человеку отойти от такого похищения, да еще и после пережитого насилия. Одному Господу Богу было известно, что его собственная сестра смогла оправиться после насилия, лишь прикончив пятую стопку водки и пару упаковок снотворного. Та блаженная улыбка на ее лице до сих пор не выходила у него из головы. И, конечно же, он не мог быть против того, чтобы Сьюзен пошла с ними, ведь ее единственный охранник теперь лежал связанным.

— Ну, хорошо, — наконец произнес он.

Майк предостерегающе взглянул на него. Эдди сделал вид, что ничего не заметил.

— Спасибо, — ответила она и тыльной стороной ладони смахнула с лица слезы.

Выхватив из кармана брюк охранника увесистую связку ключей, Эдди вышел из камеры и подал Ски знак присоединиться к ним. Они встретились у единственной железной двери, что вела наружу из огороженного решеткой отделения с камерами. Вновь воспользовавшись графитовым порошком, Эдди распахнул ее ровно настолько, чтобы они могли протиснуться в образовавшуюся щель. Основной коридор представлял собой длинное темное помещение, в котором разгуливал ветер, а каменный пол был сплошь усыпан песком. Ски, Эдди и Майк одновременно натянули окуляры ночного видения. Так они и шли, ощупывая пальцами стену грубого нетесаного камня, пока не добрели до угла. За поворотом скрывался такой же длинный темный коридор.

— Камера доктора Меррика должна быть где-то посередине этого прохода. Там еще стоит стул для охранника, — прошептала Сьюзен.

Эдди рискнул зажечь фонарь с красными линзами, прикрывая ладонью его мощный луч. Стул с металлическим каркасом находился в точности там, где сказала Сьюзен. А рядом с ним виднелась дверь, абсолютно идентичная той, что вела в отделение с камерами, где они нашли Сьюзен. Обработав порошком ее массивный проржавевший замок, Эдди передал

флакон с графитом Ски, чтобы тот посыпал им петли. Сам он тем временем вставлял в замок ключ за ключом в поисках единственно нужного.

Даже с графитовой смазкой ключ в замке еле проворачивался. Зато, по крайней мере, скрипа никакого слышно не было. Держа пистолет наготове, под прикрытием Майка и Ски Эдди осторожно потянул дверь на себя. Петли еле слышно заскрипели.

Тщательно вглядываясь в помещение, мужчины, как только дверь полностью распахнулась, вошли в очередное отделение для заключенных.

Мягкое, молочное сияние луны, светившей в большое квадратное отверстие, заменявшее окно, поигрывало на железных прутьях решетки, заставляя ее мерцать, словно слоновая кость.

Низко пригнувшись, члены операции осторожно пробирались вдоль стен, разрезая полумрак дулами пистолетов. Так они обследовали каждый участок и каждый проход открывшегося перед ними помещения. Ски и Майк взяли на себя винтовые лестницы, что располагались в противоположных его концах. Забравшись достаточно высоко, чтобы им хорошо просматривались камеры второго этажа, они переключили ночное видение на инфракрасное. Наверху везде было пусто. Поднявшись на третий уровень, они с удивлением отметили, что и там заключенных не держали.

Спустившись обратно, они принялись обследовать каждую камеру самого нижнего этажа, медленно приближаясь к двери, что вела наружу. Там их ждали Эдди и Сьюзен.

У решетки одной из камер они обнаружили спящего человека. Пока Майк обрабатывал графитовым порошком замок и петли решетчатой двери, Ски подбирал ключ. Минутой позже Ски уже склонился над Джеффри Мерриком, с трудом узнавая его из-за щетины недельной давности. Он осторожно зажал ему рукой рот и тихонько потряс.

Меррик силился подняться с каменного пола, но Ски легонько придавил его вниз за плечи.

— Мы здесь, чтобы вытащить вас отсюда, — прошептал он.

Страх и ужас в глазах Меррика мгновенно сменился облегчением, он перестал бороться со Ски. Джери помог ему подняться на ноги.

— Кто вы? — тихо спросил Меррик.

— Мы — команда профессионалов по спасению заложников. Вы ранены? Можете идти?

— Черт возьми, да я и дистанцию сейчас пробегу, — ответил Меррик, — вас наняла моя компания?

— Всей официальной информацией по этому делу располагает наше руководство. Нам же нужно доставить вас и мисс Донливи в безопасное место.

— Вы нашли Сьюзен? Как она?

— Еле держится. Ее изнасиловали.

— После того, что они с ней сделали, у них хватило наглости еще и изнасиловать ее. Господь Бог мне свидетель: Дэн Сингер поплатится за это.

— Значит, за похищением стоит ваш бывший партнер, — произнес Ски, поддерживая Меррика.

На выходе из камеры их поджидал Майк, и два друга, подхватив Меррика под руки, направились к выходу из отделения. Увидев Сьюзен, стоявшую рядом с Сенгом, Джеффри Меррик вырвался и бросился к ней. Она была бледнее смерти. Меррик уже распростер руки для объятий, однако внезапно замер. Какая-то мысль остановила его.

— Ваше лицо… — озадаченно произнес он, — вы даже не…

Единственное, что он смог произнести. Сьюзен вдруг толкнула Эдди в сторону, выхватив его пистолет из незастегнутой кобуры. Выражение ее лица резко изменилось: глаза горели, как у помешанной, а пальцы медленно сняли пистолет с предохранителя.

— Умри, сукин сын! — надрываясь, прокричала она и нажала на курок.

Только Эдди в этой неразберихе среагировал быстрее нее.

Сьюзен Донливи с самого начала не была никакой жертвой. Она находилась в сговоре с

похитителями. И там, наверху, они наткнулись не на жертву и ее насильника, а на парочку любовников, что решила уединиться, благо размеры заброшенной тюрьмы позволяли.

За секунду до того, как Донливи спустила курок, Эдди успел ударить ее снизу по запястью. Она целилась Меррику в сердце. Пистолет выстрелил и взлетел в темноту, однако Эдди умудрился его схватить, приставить дуло к горлу Донливи и вырубить ее одним точным ударом руки. Все это он проделал в считанные секунды.

Обернувшись, он увидел, что Меррик лежит на полу, а Ски и Троно склонились над ним.

— Он жив?

— Да, но пуля угодила несколькими сантиметрами выше сердца, — произнес Ски, вынимая стерильные бинты из аптечки.

Меррик был смертельно бледен, дышал хрипло и неровно, с трудом превозмогая боль. Рана обильно кровоточила.

— Не могу сказать, задеты ли жизненно-важные органы. Но ясно одно: на данный момент вы спасли ему жизнь.

— Еще нет, — резко произнес Эдди, выхватывая бинт из рук Ски. — Донливи с ними заодно, соответственно, она соврала нам о численности охраны. Так что с минуты на минуту мы будем окружены. Хватайте его, нам нужно бежать.

— Что там у вас происходит? — раздался в наушниках голос Линка.

— Донливи стреляла в Меррика. Думаю, она в сговоре с похитителями.

Ски пригнулся, чтобы Майк и Эдди смогли водрузить ему на плечи раненого Меррика. К их облегчению, тот лишь тихонько застонал, с трудом пересиливая боль. Кровь теплой струйкой сочилась теперь по спине Ски, оставляя позади него непрерывный след. Ее характерный запах, словно от железа, мгновенно ударил ему в нос.

— Каков наш план? — спросил Линк.

— Держимся прежнего плана. Надеюсь, время у нас в запасе еще имеется. Подготовь мотоцикл, Меррика надо будет сразу же увозить отсюда: он тяжело ранен.

— Все уже готово. Жду вас.

— Что с Донливи? Оставим ее здесь? — спросил Майк, кивая в сторону Сьюзен, что без сознания лежала у стены, словно тряпичная кукла, лишившаяся большей части своего набивного материала.

— Что еще с ней делать, — произнес Эдди с едва скрываемым гневом. Он должен был предвидеть все это. Сколько раз повторял он своим подчиненным, что личные эмоции и переживания нужно оставлять вне работы, если она связана со спасением человеческих жизней. Если бы насилие над сестрой не затуманило тогда его сознание, возможно, Меррик сейчас не был бы ранен, и их миссия не оказалась бы на грани срыва. Теперь он и не сомневался, что карьера его в Корпорации завершена. Если они выйдут из этой передряги живыми, Хуан тотчас же попросит его уйти, ведь именно он отвечает за операцию.

Они быстро передвигались по коридору. Эдди шел впереди с пистолетом наготове, а Майк прикрывал их сзади. Вдруг сеть лампочек над их головами вспыхнула ярким светом, который затем начал постепенно тускнеть, пока, наконец, не уменьшился до слабого, сероватого свечения, — это привели в действие один из электрогенераторов. Далеко впереди, за поворотом, грохнула о стену железная дверь, и до них донеслось многочисленное шарканье по усыпанному песком полу.

Сенг, Майк и Ски прибавили шагу: они еще успевали добраться до той камеры, в окне которой оставили тросы. Теперь не было смысла действовать бесшумно, и они, не обращая внимания на тяжелые вздохи Меррика, — каждое движение Ски приносило ему ни с чем не сравнимую боль, — пустились бежать.

До заветной камеры их отделяли уже какие-то пятнадцать футов, когда перед ними из-за угла вывернул отряд мужчин. Многие выбежали прямо так, в чем спали, однако никто из них не позабыл об оружии. Их было не менее десяти, и они неумолимо приближались по узкому коридору, отрезая спецотряду Корпорации пути к спасению.

Оценив ситуацию, Эдди вдруг нагнулся, бросил свой пистолет и поднял руки прежде, чем вся их команда попала в поле зрения бандитов, которые, несомненно, открыли бы огонь по своим жертвам. Он блефовал и тут же позади себя услышал, как Майк и Ски сложили свое оружие. Выстрелов не последовало, однако до Эдди донеслись звуки шагов еще десятка террористов, что окружали их теперь с противоположного конца коридора. Бросив взгляд через плечо, он увидел нацеленные на них дула автоматов.

— Миссия провалена, — быстро прошептал Эдди в свой микрофон, обращаясь к Линку, — вызывай «Орегон».

Несколько минут спустя к преступникам присоединился еще один. Эдди понял, что это офицер, хотя на нем и была пара рабочих штанов и расшнурованные ботинки. На его тощем, осунувшемся лице с ястребиным носом и впалыми щеками отражались тревога и усталость.

— Только что мне предоставили информацию, будто некий немногочисленный отряд отправился на поиски Мозеса Ндебеле, — произнес он на идеальном английском. — Однако о кучке белых наемников мне ничего не сообщали. Хотя расправа над вами на рассвете изрядно меня позабавит.

— Не хотелось бы, конечно, вас разочаровывать, но нас совершенно не интересует ваш Мозес Ндебеле. Мы здесь, чтобы спасти Джеффри Меррика, — саркастично произнес Майк.

— В таком случае, расправа над вами не доставит мне огромного удовольствия, но кто-то должен сделать эту работу.

Глава 20

Хуан не знал прежде подобной боли. Она даже не походила на ту нестерпимую агонию, что испытал он, когда его подстрелили в ногу. Эта боль стремительно расползлась по всему телу, захватив мышцы, так что каждое малейшее движение приносило адское мучение. Мышцы ног и спины приняли на себя всю нагрузку парапланинга, и ощущение было такое, словно они горели изнутри. Он не мог разжать пальцев рук, уже более трех часов сжимавших тормозные тросы парашюта. Они посинели и совершенно его не слушались. Он не мог расслабить ни один нерв, ни один мускул своего тела. Да этого и нельзя было делать, иначе он потерял бы управление парашютом, и сильным порывом ветра его бы отнесло в сторону от колеи.

Делать было нечего, и Хуан так и продолжал свой полет над пустыней.

Однако через некоторое время он заметил, что начал уж совсем выбиваться из сил: на поворотах все слабее и слабее работал тормозными тросами, а когда приземлялся на верхушки дюн ради мимолетного отдыха, все с большим трудом вновь пускался в полет.

С тех пор как Макс сообщил ему по спутниковой связи, что Эдди, Майка и Ски взяли, Кабрильо еще ни разу толком не отдохнул.

Из разговора, который Линк услышал по наушнику радиосвязи, когда схватили его сослуживцев, он мог сделать вывод, что это были отряды африканцев, охранявших в Дьявольском Оазисе Мозеса Ндебеле, лидера оппозиции, выступившего против правительства Зимбабве.

Согласно результатам проведенного Линдой расследования, через несколько дней должен был состояться суд над Ндебеле, в ходе которого ему, скорее всего, вынесли бы смертный приговор. В Зимбабве ввели военное положение, а в ее столице Хараре — комендантский час.

Линда выяснила, что у Ндебеле имеется огромная сеть последователей, затрагивающая и многие воинственные африканские племена. Оппозиция во главе с Ндебеле имела все шансы свергнуть коррумпированное правительство страны и установить демократию, благодаря которой некогда Зимбабве была одной из самых богатых, процветающих стран на африканском континенте. Однако в настоящее время голод и болезни нанесли серьезный удар по ее возможностям, резко сократив численность населения. Хоть в те времена, когда Зимбабве была известна под названием Южная Родезия, а управляла страной кучка белых

людей, о Ндебеле бытовала слава как о жестоком лидере партизанской оппозиции, но все же он призывал идти по ненасильственному пути свержения старого режима, и в этом Линда увидела отголоски политики Ганди.

Линк уже связался с Максом и передал ему полученную информацию, и тот успел уже перенаправить ее Лэнгстону Оверхольту. Лэнг ответил, что спасение Ндебеле весьма удачно скажется на взаимоотношениях Африки и Америки, значительно укрепив позиции последней на побережьях южной Африки. Конечно, рано было еще делить шкуру не убитого медведя, однако Лэнг заверил Макса, что удачный исход этой операции обернется многими миллионами долларов.

Макс также сообщил Оверхольту, что Сьюзен Донливи отнюдь не была жертвой похищения, оказавшись с похитителями заодно. И, улучив удобный момент, она выстрелила в грудь ученого Джеффри Меррика, но Линг затруднялся ответить, насколько серьезно ранение.

Поскольку остальные члены операции оказались в плену, Линк поинтересовался у Макса, как ему следует поступать дальше, ведь охрана вот-вот обнаружит его. Следует ли ему отразить нападение или лучше убраться подальше от тюрьмы на одном из мотоциклов?

— И каково было твое приказание? — поинтересовался Хуан.

— Думаю, здесь не трудно догадаться.

— Да, должно быть, тяжело оставлять команду в такой ситуации. Но это было правильное решение. — Хуан точно знал, что иного выхода и быть не могло.

— Да, хотя это равносильно предательству.

— Ты засек его?

— Он уже в двадцати милях от того места, где Малыш посадил самолет. На мотоцикле он выжимает в среднем около тридцати миль в час. Кстати, ты и сам-то не подкачал: преодолел уже более сорока миль.

Глупо, конечно, но Хуан все же поинтересовался у Макса, далеко ли ему еще было до самолета.

— Более ста пятидесяти миль.

До того как взойдет солнце, он не успеет преодолеть и половины пути, поэтому надо позаботиться об укрытии, иначе обезвоживания ему не избежать. Конечно, был и другой выход: связаться с Хендерсоном, чтобы он сел где-нибудь неподалеку от Кабрильо. Но Хуан и сам понимал, что это вряд ли возможно, поскольку его окружали сплошь песчаные дюны, и возможность найти какую-нибудь ровную поверхность, способную выдержать вес самолета, была одной на миллион.

— Если террористы не засекли Линка, пусть тогда они с Малышом и Хакс ждут меня на месте.

— Что ты задумал?

— Пусть ждут так, на всякий случай. Вдруг я наткнусь на что-нибудь интересное.

Кабрильо никогда не делал ничего просто так.

С того момента прошло уже два часа, самых долгих в жизни Кабрильо.

Он немного расслабил правый тормозной трос, поскольку ветер слегка сменил направление, а впереди возвышался хребет огромной дюны. На протестующих против всякого движения ногах он заскользил по склону. Колея, шедшая у него справа, теперь оказалась левее: во время полета сменившееся направление ветра слегка отнесло его в сторону. Впереди показалась очередная дюна, однако эта была значительно выше всех остальных, что он уже преодолел за время своего путешествия. Высота, на которой он приближался к дюне, оказалась недостаточной, чтобы пластина, прикрепленная к его ноге, опустилась на хребет, пустив его, тем самым, по склону дюны. Пластина слегка взъерошила песок на хребте, и Хуан, потеряв скорость, начал усиленно натягивать то правый, то левый тормозной трос, стараясь не потерять равновесие и не упасть.

Физическая работа настолько сильно истощила ресурсы его организма, что каждое

движение он делал на автомате; мозг его, так страстно желавший опрокинуться в пучину сна, отказывался работать; его внимание и рефлексы притупились, он лишь мечтал о недосягаемом покое и отдыхе. Когда он скользил по склону, ему приходилось резко отклоняться назад, подчиняясь полету парашюта, поскольку тот находился теперь у него перед глазами, так что спина практически касалась склона дюны, невыносимо напрягая мышцы ног. Вдруг внезапным порывом ветра, подхватившим парашют, Хуана стремительно понесло к подножию дюны, и только тут он с ужасом заметил, что прямо внизу, светя ему навстречу фарами, в ряд остановились четыре грузовика. Один из них, по-видимому, сломался, поскольку вокруг него сгрудился экипаж всего конвоя, причем двое мужчин, взобравшись на бампер, старались выяснить причину поломки, скрывшись под капотом. Однако они не забыли о мерах предосторожности: несколько солдат ежеминутно обходили временный лагерь, баюкая в руках штурмовые винтовки. Кабрильо планировал осторожно приблизиться к ним и перед тем, как вступить в контакт, выяснить, на чьей они стороне.

Однако внезапный сильный порыв ветра подхватил его и грозился опустить прямо в сердце их вынужденного места стоянки. Он резко нажал по тормозам, и едва коснувшись песка ногами, стал отчаянно комкать руками парашют, чтобы поскорее скрыть его из поля видимости конвоиров. Он еще надеялся вскарабкаться обратно по крутому склону дюны, чтобы уйти незамеченным. Только Хуан добрался было до хребта дюны, изо всех сил упираясь руками и ногами в мягкий песок, как вновь налетел сильный ветер и сбил его с ног, и он, путаясь в нейлоне парашюта, кубарем покатился вниз. Через несколько секунд он оказался у подножия дюны, крепко обернутый в парашют, словно древняя египетская мумия; песок забился ему в ноздри и рот. Отчаянно отплевываясь и кашляя, он попытался высвободить хотя бы одну руку, чтобы разрезать тот плотный кокон, что сдавливал ему грудь, однако ничего не выходило. Тут же он увидел, как четверо мужчин, вооруженных штурмовыми винтовками, отделились от остальной команды и бросились к нему.

— Здорово, парни, — бодро произнес он, — не поможете ли мне освободиться?

После того как у них отобрали все снаряжение, включая окуляры инфракрасного и ночного видения, охрана рассадила их по одному по смежным камерам того отделения для заключенных, где держали Мозеса Ндебеле.

Джеффри Меррика забрала группа штатских. Они выглядели в точности так, как Майк Троно представлял себе экологов-фанатиков. По длинным волосам невозможно было различить их половую принадлежность. Легкий запах масла пачули едва скрывал запах марихуаны, насквозь пропитавшей их одежды.

Эдди массировал правую скулу, ноющую от удара, которым наградила его, очнувшись, Сьюзен Донливи. Охранник, что проходил мимо камеры, увидев, что он делает, самодовольно усмехнулся.

По вычислениям Эдди, тюрьму охраняли более сотни вооруженных наемников. Теперь, когда избыток адреналина покинул его жилы, и у него появилось предостаточно времени для раздумий, он мог критически оценить положение, в котором оказалась его команда. В этом отделении содержали Мозеса Ндебеле, и все это полчище вооруженных наемников его стерегло. Да это и не удивительно, он ведь был единственной надеждой оппозиции на урегулирование ситуации в стране, поэтому представители правящего режима поспешили его обезвредить, заперев в Богом забытой тюрьме на краю пустыни. Оставь они его в Зимбабве, сторонники тут же пошли бы на все возможное, чтобы вызволить Мозеса из заточения. А так никто даже и не догадывался, где он находится.

Затем он вспомнил о Меррике. Между ним и Ндебеле определенно была какая-то связь, не случайно ведь они оказались в одном месте в одно время, вот только какая? По-видимому, Дэниел Сингер пошел на сговор с властями Зимбабве, чтобы те дали разрешение на использование их старой тюрьмы.

Прошло около двух часов. Поскольку Линка не привели в одну из тюремных камер, Эдди сделал вывод, что бывший «морской котик» благополучно выбрался отсюда на одном

из мотоциклов. Он облегченно вздохнул. Некоторое время назад в отделение вошел старший офицер гарнизона и объявил, что их команда будет казнена на рассвете. Поэтому не было никакого смысла Линку лезть в эту заваруху: спасти он их все равно бы не смог, судьба их уже решена, а у него еще был шанс выбраться.

С другой стороны, ждать помощи с «Орегона» тоже не приходилось. Капитан застрял в пустыне, Малыш и доктор Хаксли где-то в милях двухстах от тюрьмы. Даже если Линк уже передал Максу, что операция провалилась, и тот выслал команду и несколько самолетов им на помощь, единственным транспортным средством, которое могло бы передвигаться по пустыне, был «Харлей-Дэвидсон» Линка, находившийся на борту «Орегона»: ведь никакой самолет не сможет сесть на мягкий песок. А Линк все еще торчал в пустыне.

Окончив колледж, Эдди сразу же вступил в ряды ЦРУ. Практически всю свою карьеру он мотался из США в Китай и обратно, налаживая сеть надежных информантов и снабжая тем самым ЦРУ ценными сведениями. Весной 2001 года он сыграл важнейшую роль в операции на острове Хайнань, когда китайские террористы удерживали в заложниках экипаж самолета американской секретной разведки. Тогда ему удалось проникнуть в штаб бандитов и раздобыть важнейшую информацию, которая позднее не дала вспыхнувшему международному конфликту перерасти в военное столкновение. Эдди так лихо и искусно обвел китайские секретные службы, весьма, кстати, квалифицированные, вокруг пальца, что те даже ничего не заподозрили.

Но все-таки в глубине души Эдди Сенга все еще теплился слабый лучик надежды на то, что Хуан Кабрильо найдет способ спасти их.

Хотя оба служили в ЦРУ в одно и то же время, встретились они и лично познакомились только тогда, когда ушли в отставку. Задолго до того момента Эдди уже был достаточно наслышан о подвигах Хуана Кабрильо. Решение одних из самых серьезных и опасных международных проблем в истории ЦРУ принадлежало лично Кабрильо. Тогда он действовал в одиночку, причем в самых горячих точках мира: превосходное знание многих языков, в том числе испанского, русского и арабского, уже говорило само за себя. В ЦРУ о нем ходили легенды. Из-за безупречной репутации и белокурой шевелюры его стали отождествлять с мистером Фелпсом, главным героем фильма «Миссия: невыполнима».

Выследить наркоконтрабандистов в Колумбии и Панаме или обезвредить сирийских террористов, собиравшихся врезаться в здание израильского парламента на захваченном пассажирском самолете, — все это было по плечу лишь одному Хуану.

Отсюда Эдди Сенгу оставалось только уповать на Хуана Кабрильо, своего бесстрашного и хитрого капитана, который, располагая всего лишь несколькими часами до рассвета и, мягко говоря, ограниченными возможностями, мог умудриться спасти команду и довести миссию до успешного конца.

Яркий луч света от фонаря одного из конвоиров ослепил Кабрильо. Было слышно, как щелкнули затворы предохранителей на винтовках. Хуан не шевелился. Следующие несколько секунд, когда обострились все его ощущения в ожидании выстрелов, показались ему самыми длинными в его жизни. Один из мужчин приблизился к нему, приставив к виску свой револьвер, «Уэбли» старой модели, насколько Кабрильо успел заметить. Он был старше Хуана, на вид за пятьдесят, седина уже проклевывалась сквозь его густую шевелюру, глубокие морщины изрезали лоб.

— Кто вы? — осторожно спросил он Хуана.

— Мое имя — Хуан Родригес Кабрильо.

И, исходя из возраста и обмундирования этого мужчины, а также из того, что все они были вооружены и направлялись в Дьявольский Оазис, Хуан рискнул добавить:

— Я здесь, чтобы помочь вам спасти Мозеса Ндебеле.

Пожилой мужчина еще плотнее прижал свой револьвер к виску Хуана.

Кабрильо инстинктивно сжался, молясь, чтобы его задумка не стоила ему жизни: вдруг эти люди все же имели отношение к экологам-фанатикам — внешность обманчива.

— Трое моих людей сейчас схвачены африканскими наемниками, стерегущими Ндебеле. Они проникли туда, чтобы спасти одного американского бизнесмена. Однако одному члену моей команды удалось сбежать, и сейчас он и еще пара моих людей ожидают меня около самолета моей компании, севшего в милях сорока от тюрьмы. Я собираюсь спасти своих людей и помочь вам освободить вашего лидера.

Револьвер все давил Кабрильо на висок.

— Как вы нас нашли?

— У меня не раскрылся основной парашют, и пока я планировал на запасном, увидел следы колес ваших грузовиков. Воспользовавшись пластиной в качестве доски и поймав парашютом попутный ветер, я преодолел все это расстояние вплоть до места вашей стоянки.

— Вы сами понимаете, что в это верится с трудом?

Африканец опустил пистолет и произнес что-то на родном языке, обращаясь к своему товарищу. И тот, выступив из темноты, вынул из ботинка нож.

— В подтверждение моих намерений хочу вас предупредить, что с собой у меня небольшой пистолет и автомат.

Конвоир, застыв в руке с ножом, бросил взгляд на старого африканца. Тот кивнул, и через секунду Хуан уже мог вздохнуть полной грудью. Он медленно поднялся, стараясь все время держать руки на виду конвоиров, как можно дальше от кобуры с пистолетом.

— Спасибо, — произнес он и протянул руку, — зовите меня Хуан.

— Мафана, — пожал ему руку старый африканец. — Что вам известно о нашем отце Мозесе Ндебеле?

— Знаю лишь только то, что через несколько часов его казнят, и если это произойдет, с ним умрет ваша надежда на государственный переворот.

— Мозес Ндебеле — первый вождь в Зимбабве, который своей властной рукой сумел объединить два воинствующих племени — матабеле и машона, — произнес Мафана. — В период войны за независимость он дослужился до звания генерала, когда ему еще не стукнуло тридцать. Но после войны правительство нашей страны посчитало, что его авторитет представляет угрозу стабильности. С тех пор его часто сажали в тюрьму по любому поводу и пытали. Последние два года они держат его в заточении и, как вы сказали, собираются покончить с ним на рассвете.

— Сколько у вас людей?

— Всего тридцать. Только те, кто остался верен Мозесу Ндебеле до самого конца.

Хуан вгляделся в лица африканских солдат. Им всем было не более тридцати, однако долгие годы кровопролитной войны уже наложили отпечаток на их лица, состарив их раньше времени. Только глаза их еще горели дерзким огоньком бесконечной верности своему вождю.

— Что с грузовиком? — поинтересовался Хуан, попытавшись ступить вперед, однако забыл, что пластина, служившая ему доской, все еще была приделана к протезу, и, споткнувшись, упал прямо лицом вниз. Двое африканцев тихонько прыснули.

Улыбаясь, Хуан перевернулся на спину и сел, при этом правая штанина его брюк задралась. Смех моментально стих, как только солдаты увидели поблескивавший в свете фар протез. Кабрильо, нисколько не смущаясь, произнес:

— Да, это протез, однако он ничуть не хуже самой настоящей ноги.

Солдаты вновь разразились смехом.

— Отвечаю на ваш вопрос: мы уже починили грузовик, теперь с ним все в порядке, — посерьезнев, произнес старый африканец, помогая Кабрильо подняться на ноги. Оба они медленно зашагали к остальным.

— Что произошло с машиной?

— Песок попал в бензонасос. Теперь нам нужно отправляться, мы уже потеряли уйму времени.

Кабрильо присел на песок около разложенной неподалеку от грузовика простыни, на которой солдаты разложили необходимые инструменты, и, позаимствовав на время молоток

и стамеску, принялся отцеплять от протеза пластину.

— Каков ваш план освобождения Ндебеле?

— Мы собираемся сесть в засаду неподалеку от ворот тюрьмы и ждать, пока его не повезут к месту казни. Они, конечно, могут воспользоваться грузовиками, однако мы думаем, что увезут они его на самолете. В Хараре ходят слухи, что слушание над ним состоится всего через пару дней.

«К этому времени мои парни уже будут мертвы», — подумал Хуан. Также он моментально критически оценил план освобождения Ндебеле, поняв, что перед ним не профессионалы. Как только бандиты обнаружат засаду, они тут же пустят пулю в голову вождя. Нет, Хуану нужно было найти способ, заставить Мафану атаковать тюрьму до рассвета, иначе какой смысл ему затевать все это, если Эдди, Майк и Ски погибнут?

— А что вы скажете на мой план освободить Мозеса Ндебеле сегодня и доставить его в Южную Африку, ради его безопасности, на самолете?

— Я бы хотел поподробнее узнать детали вашего плана, — задумчиво произнес бывший партизан.

«Да, я тоже хотел бы», — пробормотал про себя Хуан, понимая, что располагает лишь считанными секундами на составление хоть какого-нибудь плана.

— Значит, для начала я хотел бы спросить, располагаете ли вы гранатометными установками?

— Да, у нас есть старые русские «РПГ-7», оставшиеся еще после гражданской войны.

Хуан тяжело вздохнул: война за независимость в Зимбабве завершилась уже двадцать пять лет назад.

— Не беспокойтесь, — произнес Мафана, — мы их уже опробовали.

— А как насчет тросов? Сколько футов у вас есть?

Мафана задал этот вопрос своему помощнику и сразу же перевел его ответ:

— Вот троса у нас много, по меньшей мере, тысячи две футов хорошего нейлонового троса.

— Ну, и напоследок, — произнес Хуан, обернувшись назад, где остался его парашют, поскольку внезапная идея озарила его, — кто-нибудь из вас умеет шить?

Глава 21

В полудреме Дэниел Сингер едва не выпустил из рук спутниковую рацию. Не открывая глаз, он шарил рукой в ее поисках по скомканным влажным простыням, пальцами цепляясь за специально натянутую вокруг кровати сеть от насекомых. Они непрестанно жужжали. Сингер никогда не расставался со своей рацией, опасаясь, что африканские наемники могут ее украсть. Увы, деньгами можно было купить лишь их верность, но никак не исправить некую дикость, присущую всему их племени.

— Да, слушаю, — хрипло произнес он в рацию.

— Дэн, это Нина. У нас проблемы. Кто-то пытался вытащить Меррика.

Сингер моментально проснулся.

— Что? Расскажи мне все в подробностях!

— Их было четверо. Троих мы взяли, однако последнему удалось уйти на мотоцикле. Сьюзен ранила Меррика в грудь. Благодаря ей-то, мы, в общем, и узнали, что на тюрьму совершили налет. Люди, стерегущие Ндебеле, обнаружили на крыше парашюты.

— Стоп. Сьюзен стреляла в Меррика?

— Да, в грудь. Она разыграла роль жертвы похищения, а когда выдалась возможность, выхватила у одного из налетчиков пистолет и выстрелила. Мы остановили кровотечение и вкололи ему дозу героина из запасов Джена. Да, об этом не волнуйтесь, я конфисковала у него наркотики.

Наркозависимость подчиненных беспокоила Сингера меньше всего.

— Вы выяснили, кто пришел за Мерриком?

— Они заявляют, что их наняла сама компания, чтобы спасти Меррика и Сьюзен. Вот уже два часа они повторяют одно и то же. Старший офицер гарнизона заявил, что хочет расправиться с ними на рассвете, Дэнни, — на последней фразе ее голос дрогнул, в нем отчетливо отразился весь ужас того, что должно было случиться. — Все выходит из-под контроля. Я не знаю, что мне делать.

— Для начала успокойтесь, Нина, — было слышно, как Сингер и сам глубоко вздохнул, силясь успокоить и так расшатанные нервы и обдумывая, как лучше ему урегулировать эту ситуацию. Из-под навеса, под которым он спал, Сингер разглядывал пар, медленно поднимавшийся от кустов, росших прямо посреди илистого болота, которыми славился Дьявольский Оазис. Где-то неподалеку шумно вздохнул спящий африканец. Там, вдалеке, где располагалось сливно-наливное оборудование для нефти, отчетливо виднелись яркие огни прожекторов. От одного этого вида его начинало мутить: как губительна для природы деятельность людей.

— Как вы мне прикажете поступить? — спросила Нина.

Сингер взглянул на часы. Было около половины пятого утра. Ложась спать, он еще раз прослушал прогноз метеорологов. Они показали, что надвигающийся с Атлантики ураган собирается стать десятым, самым сильным ураганом текущего года и наверняка унесет многие миллионы жизней.

Захватить Меррика и заточить его в Дьявольском Оазисе — было стадией номер один задуманного Сингером плана. Затем оставалось только выждать время, пока шторм не наберет достаточной силы, и тогда наступит черед второй стадии. Мать-природа сделала свое дело, хотя ей, конечно, немного помогли генераторы, размещенные неподалеку от Намибии.

— Завтра я отправлю за вами самолет, — ответил он.

— Но… — начала было Нина, но вдруг замолкла.

— В чем дело?

— Дэн, они собираются убить трех спасателей на рассвете. Мы все здесь только это и обсуждаем. Никто из нас не хочет быть причастным к этому делу. Настроение, сами понимаете, не из лучших. Начальник охраны все еще считает, что за Ндебеле отправили команду, и не успокоится, пока этих троих не прикончат.

Сингер замолчал.

— Ну, хорошо. В сорока милях к востоку от вас есть одно подходящее место. Пилот, который доставил меня в Дьявольский Оазис в первый раз, рассказал мне о нем. Не помню точно его названия, но вы сразу же найдете его на карте. Город практически безлюден, однако в нем имеется взлетно-посадочная полоса. Сейчас я свяжусь со своим пилотом в Киншасе, и он вылетит за вами с рассветом. Садитесь на грузовик и езжайте туда. За вами прибудут где-то около обеда.

— Спасибо, Дэнни. Отличное решение.

Сингер выключил рацию. Ему уже было не до сна. Годы, потраченные на подготовку этой миссии, на составление ее тщательного, детально продуманного плана, теперь должны были принести свои плоды. Почти все свое состояние он спустил, чтобы осуществить этот грандиозный план мести. Насколько проще было бы заставить Меррика просто отвалить ему кругленькую сумму из многомиллионного состояния, только лишь припугнув его. Это избавило бы его теперь от стольких переживаний.

Однако, рассматривая нефтяные установки, Сингер вновь подумал, что все эти трудности сделают его месть еще более сладкой. Ведь, как это бывает, ничто не приносит столько удовлетворения, как день усердного труда. За это он с удовольствием расстался бы ещё с парочкой миллиардов долларов. Эти деньги достались ему легко. Ему и Меррику едва исполнилось тогда двадцать, когда они запатентовали свое первое и самое крупное изобретение — установку, предотвращающую выделение серы в атмосферу. Конечно, им тогда пришлось потрудиться, чтобы довести аппарат до ума, однако после открытия деньги полились ручьем. Да не это главное. Это деньги пришли к нему легко. Но известность, слава,

богатство, пришедшие позже — к ним он никак не смог привыкнуть. Меррик смог, а он нет.

Он работал не покладая рук, трудился с утра до ночи. Он также заслуживал успеха и популярности, как и Меррик. Однако мир, похоже, считал по-другому. Тогда он решил мстить. И результат этой мести, этой его победы над Мерриком, над остальными жалкими людишками, которые его любили и уважали, лишь он один мог полностью искупить те лишения, тот нечеловеческий труд, что вложил он в компанию. Что значили деньги по сравнению с этим? И руководствовался он благими намерениями: боролся за спасение планеты, пусть даже и странным, своеобразным способом.

В который раз за многие десятилетия, пока он мало-помалу приводил в действие свой коварный план, порадовался он тому, жизни скольких людей ему удастся спасти, когда мир, наконец, уже совсем скоро, проснется с осознанием всех бед, что натворило человечество, будь то глобальное потепление или загрязнение океанов, и начнет исправлять свои ошибки. Сознание человека перевернется, каждый превратится в эколога до мозга костей. Цифры забегали за десятки миллионов. Иногда ему даже казалось, что он был послан Богом, чтобы спасти умирающее человечество. Ему часто рисовалось, как в далеком будущем каким-нибудь историкам взбредет в голову покопаться в прошлом планеты Земля, и они наткнутся на этот год, год сильнейшего урагана в истории человечества, и поймут, кому они обязаны своей жизнью. Они будут его чтить. Будут любить и уважать.

Часто он задавался вопросом: как же тогда в будущем его будут называть? Как вообще обращаются к таким людям? Ведь к нему же будут обращаться там, в будущем, ведь он будет словно Бог для них. Единственное, что приходило ему на ум, было слово мессия. Его никогда не волновала религия, более того, он считал, что все мировые религии — сплошь вымысел, однако мессия, казалось ему, подходило, как нельзя лучше.

— Мессия, — громко и величественно произнес он. — Они даже никогда не узнают, что именно я спас им жизни, но я их мессия.

В пяти милях от Дьявольского Оазиса конвой сделал небольшую остановку: они проводили последние приготовления к штурму, и им необходимо было закрепить пошаговое исполнение их плана атаки. Грузовиками они окружили тюрьму, так что ветер теперь дул им в спины. Большую часть пути, что они ехали до Дьявольского Оазиса, Кабрильо провел в кабине рядом с Мафаной, оттачивая план и согласовывая его с Максом Хенли и Франклином Линкольном. К тому времени, как они подъехали к тюрьме, батарея его спутниковой рации почти окончательно села, однако они добились желаемого: каждый шаг плана был тщательно продуман и взвешен.

Казалось, появление Хуана взбодрило Мафану, он выглядел более уверенно и спокойно, не разгладились ли даже морщины, испещрившие его лоб? Он поделился, что во время войны был всего лишь юным, неопытным сержантом, и ему уж точно недоставало ума стратега — Кабрильо. План, что предложил Хуан, оказался более сложным и запутанным, нежели прямое нападение на стражей Мозеса Ндебеле, однако и шансов на успех он сулил намного больше.

Спрыгнув с грузовика, Хуан решил размяться перед атакой: широкими движениями ладоней он помассировал поясницу и спину вдоль позвоночника, а затем сделал по воображаемому врагу пару ударов, которым позавидовали бы самые искусные бойцы мира. Глаза его щипало от непрестанно летавшей в воздухе пыли, и сколько он ни пил бы воды, во рту все равно оставался привкус песка. Он пообещал себе после операции устроить самый настоящий банный день и хорошенько расслабиться в джакузи, позволив своим натруженным мышцам вдоволь отдохнуть. Мысли об освежающей, чистой воде помогли ему сбросить налетевшую было дымку усталости и дремы. Не положи он в аптечку несколько капсул кофеина пару месяцев назад, он давно бы уже рухнул наземь в беспробудном сне.

Сделав несколько глубоких вздохов, Хуан вновь принялся боксировать, стараясь как можно быстрее разогнать в жилах кровь. Теперь ему в голову пришла мысль о долгом, беззаботном сне. Пока люди Мафаны осторожно расстилали на песке его парашют, он

осматривал свое немногочисленное снаряжение, решая, что ему на самом деле понадобится в этой операции. Он, естественно, оставил кобуру с пистолетом, кинжал, аптечку и флягу с водой. Немного подумав, Хуан выложил часть амуниции и вместо этого взял пару гранат от «РПГ-7», что он позаимствовал у Мафаны.

Также он проверил, на месте ли его маленький карманный нож. Оригинал этого ножа подарил ему на десятилетие дед. К сожалению, он потерял его много лет назад, равно как и огромное количество карманных ножей, какие только у него были. Однако ощущение увесистости карманного ножа каждый раз напоминало ему о том, как в день его десятилетия дед подарил ему нож, а маленький Хуан сразу же порезался о его острое лезвие и горько заплакал, подумав, что ему никогда уже не суждено овладеть холодным оружием. Тогда старик мягко улыбнулся, сказав, что порезаться может даже профессионал своего дела.

— Макс, через пять минут мы начинаем операцию, — Хуан вновь вышел на связь.

— Малыш и Линк в полной боевой готовности, — ответил Макс. — Джордж и «Робинзон» тоже. Недавно со мной связался Марк. Он сообщил, что они с Эриком выходят на поиски оружия с самым восходом солнца. А Малыш, благодаря своим многочисленным закадычным друзьям среди пилотов, что разбросаны по всему свету, умудрился достать один из лучших вертолетов Центральной Африки, специально предназначенных для полетов по пустыне.

— Замечательно.

— Как самочувствие, брат? Что-то голос мне твой не нравится.

— Со мной все в порядке. Просто сейчас я вдруг подумал, как не хочется мне стареть.

— Да разве это старость! Настоящая старость наступит, когда тебе стукнет шестьдесят, и каждое утро ты будешь часок-другой мучиться, чтобы поднять свою сухую морщинистую задницу с постели.

Хуан улыбнулся.

— Ты думаешь, что с такой прекрасной картинкой в мозгах я смогу успешно провести операцию?

— Удачи, Хуан.

— Спасибо. Через пару часов увидимся.

— Ага. Вот сейчас прямо пойду и положу в ведро со льдом пару банок пива для тебя.

— Да, не забудь, нас будет четверо, так что не ошибись в расчетах.

Кабрильо опустился на песок и вновь начал привязывать к протезу пластину: на этот раз она, конечно, держалась не так крепко, но на самом деле так было даже лучше. В этот момент к нему приблизился Мафана.

— Вы готовы? — произнес бывший партизан. — До рассвета меньше часа, а нам еще необходимо занять нужные позиции.

— Готов, как никогда в жизни, — ответил Хуан, поднимаясь на ноги.

С помощью Мафаны Кабрильо неуклюже зашагал к парашюту. Согласно его приказу, африканские солдаты расстелили парашют на песке и присыпали его по краям, чтобы тот не улетел. Перед тем как влезть в снаряжение парашюта, Хуан передвинул сумку с боеприпасами и всем необходимым так, что теперь она висела у него на груди. Гранатомет и автомат крепились к ней по бокам. Парашют полностью починили: в тех местах, где разрезали нейлон, чтобы высвободить Кабрильо, теперь виднелись еле заметные аккуратные стежки. Все было готово. Теперь Хуану ничего не оставалось, как, превозмогая смутное плохое предчувствие, опоясаться ремнями.

— Мы будем ждать вашего сигнала, — произнес Мафана и пожал ему руку. — Сегодня вы поможете спасти целую нацию.

Африканцы медленно отошли к грузовикам. Через секунду послышался рев двигателей. Хуан, в очередной раз проверив тормозные тросы, приготовился к толчку.

Водитель последнего грузовика, к которому на длинном тросе был привязан Хуан, медленно и осторожно набирал скорость. Нейлоновый трос длиной почти в две тысячи футов начал постепенно натягиваться. Кабрильо еще больше отклонился назад, когда трос,

обвязанный вокруг груди, потянул его вперед, при этом пластиковая пластина, которую он вновь приспособил за место доски для парапланинга, тихонько скрежеща, заскользила по песку. Грузовик все смелее и смелее набирал скорость. На десяти милях в час парашют, высвободившись из-под насыпей песка, прижимавших его края, начал наполняться воздухом. Наконец он совсем оторвался от земли и потянул Хуана вверх. Однако скорости, с которой ехал грузовик, оказалось недостаточно, чтобы Хуан окончательно поднялся в воздух.

Трос оказался слишком длинным, и Хуан понимал, что если он сейчас не взлетит, а упадет обратно на песок, водитель этого так и не узнает и будет продолжать разгон. Так и будет его волочить по песку, пока он не сумеет отвязать трос. Но пока грузовик все набирал скорость, Хуан, согнувшись почти пополам, поскольку парашют тянул его назад и вверх, ожидал отрыва от земли.

Вдруг впереди он заметил несколько небольших песчаных насыпей. Ему пришлось резко маневрировать вправо и влево, чтобы не столкнуться с ними. Первые две он объехал благополучно, однако у третьей левая нога его соскользнула с доски, и он потерял равновесие. Однако в эту минуту парашют слегка приподнял его над землей, подарив ему секунду на то, чтобы составить ноги вместе и приготовиться к приземлению. На этот раз Кабрильо удалось устоять на ногах, и он вновь скользил по песку на воображаемой доске.

Грузовик уже развил скорость до двадцати миль в час, затем до двадцати пяти. Мышцы ног и коленные суставы Хуана, казалось, нестерпимо горели изнутри, как вдруг внезапно эта боль ушла: он поднялся в воздух.

Теперь парашют набрал достаточно воздуха, чтобы превзойти вес Хуана и всего его снаряжения. А пока грузовик все больше разгонялся, парашют поднимал Хуана все выше и выше. Он взглянул на наручный альтиметр: тот показывал почти две тысячи футов.

— Парапланинг, спуск на доске, прыжок с парашютом — и все за один день, — засмеялся Хуан, — какая у меня богатая развлекательная программа! Прямо работа и отдых, два в одном!

Вынув карманный нож, он потянулся и отрезал тросы, которыми привязал пластину к протезу. Он бы с радостью ее сохранил, чтобы пополнить свою коллекцию вещиц, привозимых из разных стран. Она-то уж наверняка напоминала бы ему о многом. Однако ни времени, ни возможности для этого у него не было.

Некоторое время он так и летел, все еще привязанный тросом к грузовику, представляя себе, как где-то прямо сейчас в разных частях света кто-то вот так же лихо катается на водных лыжах с парашютом, или спускается на горных лыжах с парашютом, или же вообще просто прыгает с парашютом. Глянув вниз, он увидел, что грузовик сейчас съедет в неглубокую впадину, потянув его за собой, словно воздушного змея, однако, в этом ничего страшного не было: он летел достаточно высоко.

Хуан сам должен был решить, когда лучше отсоединить трос. Далеко впереди зарумянились первые краски приближавшегося рассвета. По ним Кабрильо определил, что до рассвета оставалось как минимум минут пятнадцать. Впереди в синем утреннем воздухе уже проступали очертания тюрьмы Дьявольского Оазиса.

Не раздумывая ни секунды, Хуан отсоединил трос, крепившийся к ремням парашюта при помощи карабина. Нейлон мягко зашелестел из рук Хуана, пока тот поднимался все выше, освобожденный от привязи к грузовику.

Один из людей Мафана, наблюдавших за ним, подал знак остановиться, как только трос свалился на землю. Это было сделано в целях предосторожности, чтобы часовые тюрьмы не засекли приближавшихся грузовиков. У оппозиции оставались считанные секунды, чтобы занять боевые позиции.

Хуан натянул тормозные тросы, чтобы замедлить ход парашюта и как можно больше времени провести в полете, прежде чем подлетит к тюрьме. Хуану повезло: мало того, что ветер дул в попутном направлении, так у него в запасе еще было достаточно высоты, чтобы долететь до тюрьмы и приземлиться прямо на крышу.

Ветер посвежел и усилился. Хуан тщательно работал тормозными тросами, стараясь подлететь так, чтобы крыша тюрьмы находилась под его болтавшимися ногами. Небо по-прежнему было сине-фиолетовым.

Наконец Кабрильо завис над тюрьмой. Сигналов тревоги не последовало. Его приземление было таким мягким, будто он только сошел с трапа самолета, а не прилетел на парашюте. Несколько минут спустя он уже держал в руках охапку нейлона, чтобы его не сдуло во внутренний двор тюрьмы. Сбросив снаряжение, Кабрильо воспользовался им в качестве груза и придавил парашют. Взвалив на плечо автомат, он осторожно обошел крышу по периметру, оценивая ситуацию. Он заметил несколько болтов, крепко всаженных в крышу его ребятами, за которые они цепляли тросы, однако охрана уже срезала их почти под корень. Взглянув в сторону ворот, Хуан заметил следы шин мотоциклов, которые отогнали за пределы тюрьмы, где они бесхозно и валялись, только мотоцикл Линка отсутствовал. Рядом с тонкой колеей, оставленной его мотоциклом, виднелась широкая, по всей видимости, принадлежавшая грузовику: значит, за Линком все же выслали погоню.

Привязав парашют к одному из торчавших болтов, Кабрильо, быстро оценив ситуацию, обнаружил наиболее удобную для атаки позицию. В его распоряжении имелись семь гранат к «РПГ-7» и четыре цели, которые необходимо было обезвредить. Однако после стольких лет хранения вряд ли все гранаты сработают успешно. Тем не менее, попытаться стоило.

Он связался с «Орегоном». На том конце ответили сразу же. Это была Линда. Хотя специалистом по связи на корабле служил Хали Касим, Линда взяла управление операцией на себя.

— Рада слышать вас, капитан, — произнесла она вместо приветствия.

— Доброе утро, Линда, — прошептал Хуан. — Я уже на месте.

— Мы в этом и не сомневались. Видала я уже парочку семидесятилетних старушек, которые за милую душу катались на водных лыжах с парашютом, так что ваша выходка меня совсем не впечатлила, — шутливо произнесла она, но, тут же посерьезнев, сообщила: — Малыш взлетел где-то минут пятнадцать назад. После восхода солнца он минут двадцать будет вне зоны доступа спутниковой и радиосвязи. Затем вы без проблем сможете связаться с Линком по наушнику радиосвязи.

Кабрильо не было необходимости подтверждать место своего нахождения, поэтому он ничего не ответил.

— Удачи, капитан. Вытащите наших парней оттуда. «Орегон». Конец связи, — добавила она.

Хуан отключил рацию и положил ее в защитный футляр, висевший у бедра.

Вдруг трое часовых у ворот внезапно выпрямились, одновременно с этим прямо под Хуаном распахнулась дверь, и оттуда вышла длинная темная фигура. Ему отлично было видно, как, пересекая внутренний двор, человек размахивал вправо и влево внушительным фонарем. Подойдя к одному из охранников, он что-то у него спросил, а затем вернулся туда, откуда вышел.

Обжигающий солнечный свет ударил Хуану прямо в спину. Солнце постепенно восходило. Несмотря на отбрасываемые зданием тени, ему удалось увидать три невысоких деревянных столба вдоль стены левее ворот. Прежде чем солнечный свет залил весь двор, Хуан легким движением руки метнул свой карманный нож, целясь в один из столбов. Тот попал прямо в подножие среднего столба. Дед подарил ему его первый нож, дед же научил его парочке трюков.

Пока Хуан подготавливал гранатомет, во двор потихоньку стекались наемники, кто по двое, кто по трое. По оживлению среди них можно было ясно понять, что они находятся в предвкушении казни. По самым скромным подсчетам, солдат оказалось около сотни. И, конечно же, почти все они были вооружены. До Кабрильо доносились их оживленные разговоры и грубый смех, пока дверь административного здания не распахнулась.

Повернувшись, Хуан увидел, что пара охранников выводит Эдди, Майка и Ски. На секунду он невольно возгордился своими ребятами: они шли, расправив плечи и высоко

подняв головы. Они не были связаны. Они шли на смерть достойно и мужественно, как настоящие мужчины.

Кабрильо навел лазерный прицел.

За годы службы в ЦРУ Эдди Сенг дважды присутствовал на смертных казнях, пока работал под прикрытием. И оба раза место и дата казни держались под строжайшим секретом. Здесь же старший офицер гарнизона превратил казнь в настоящее зрелище, решив позабавить своих неотесанных солдат, вероятно, он подсмотрел это в каком-нибудь дешевом боевике.

Наблюдая все это со стороны, а не будучи на волоске от смерти, Эдди непременно зашелся бы от смеха от всей абсурдности этой сцены.

Он был очень храбр. Намного храбрее остальных, но он не хотел умирать. Не хотел умирать так — беспомощно, бессмысленно. Перед глазами всплыла семья. Хотя его родители умерли уже давно, в Нью-Йорке проживало огромное количество его дядь, теть, племянников и племянниц, братьев и сестер. Никто из них не знал, чем он зарабатывал на жизнь. Никто никогда не спрашивал, почему он так редко бывает дома. Каждый раз они лишь принимали его в своих домах с распростертыми объятиями, заваливали едой. Они разговаривали с ним, слушали его, показывали ему детей, что родились во время его отсутствия, они были семьей.

И каждый раз, уезжая на очередное задание, он скучал по ним. Скучал так, как никогда не мог себе представить, что будет так по ком-то скучать.

Теперь они никогда не узнают, что с ним произошло. Когда Хуан выписал ему первый чек, уже в то время семизначный, они не поверили, что деньги заработаны честным путем. Они посчитали, что он ввязался во что-то грязное, незаконное. Чек порвали и выкинули, а имя его забыли навсегда.

Эдди тяжело сглотнул, слезы стыда и позора перед семьей покатились из его глаз.

Сначала он не придавал значения еле заметному лучику света, игравшему на шее у Ски, однако вскоре понял, что это был далеко не случайно упавший солнечный луч, а сигнал азбуки Морзе.

— Красавчик прямо за вами, — Эдди приложил все усилия, чтобы инстинктивно не обернуться на Хуана. Капитан здесь, и он подает сигнал, используя прицел автомата. Вот хитроумный жук! Он пришел их спасти. Он не оставил своих ребят.

— «РПГ», нож у среднего столба.

Эдди понял, что Хуан собирается воспользоваться гранатометом, а у среднего столба, к которому, скорее всего, привяжут именно его, поскольку их выводят друг за другом, а он — посередине между Майком и Ски, должен лежать нож. План поистине замечательный. Пока наемники будут привязывать их к столбам, появится прекрасная возможность действовать: ведь командование вряд ли прикажет стрелять по своим.

— Капитан здесь, — прошептал он в микрофон под очередной взрыв хохота африканских наемников. Этого было достаточно. Они подчинятся любому приказу Кабрильо и будут действовать согласно изменившимся обстоятельствам. Ски лишь еле заметно кивнул в знак того, что услышал слова Сенга.

— Чертовски вовремя, — пробурчал Майк, и один из солдат врезал ему ребром ладони по шее.

Пара солдат плюнула на заключенных, пока те проходили мимо, а некоторые все норовили подставить подножку. Эдди не обращал на все эти выходки никакого внимания. Он мысленно продумывал каждый свой шаг с того момента, как завладеет ножом, как он повернется, чтобы разрезать привязь Ски.

Шеренга солдат расступилась, как только их подвели к столбам. У каждого из столбов стояло по наемнику с длинными веревками в руках. Вдруг один из солдат заметил нож и, не говоря ни слова, тайком сунул его в свой карман. Выпрямившись, он на секунду замер, встретившись с бешеным взглядом Эдди Сенга.

«Парень, это самая большая ошибка в твоей жизни», — подумал Эдди. В голове его уже созрел план нападения.

С внутреннего двора Кабрильо практически не было видно, тем более что всех присутствовавших поглотило предвкушение казни. На плече его уже в полной боевой готовности покоился гранатомет, оставалось только спустить курок.

Старший офицер шагнул вперед и помахал рукой. Он подарил своим солдатам такое зрелище и хотел погреться в лучах своей возросшей славы. Те сразу отреагировали, замахав руками и заулюлюкав. Он встал перед заключенными и, повернувшись к своим подчиненным, махнул рукой, на этот раз требуя тишины.

Как хотел Хуан разобраться с ним лично.

Офицер обратился к своим подчиненным на родном языке. Его глубокий низкий голос гулко разносился по всему двору. Солдаты внимательно его слушали и через некоторое время вдруг разом захлопали в ладоши — видимо, командир их особенно чем-то порадовал.

Кабрильо примерно представлял, о чем говорил этот малый: «Мы поймали трех агентов ЦРУ, бла, бла, бла… Да здравствует революция… Не правда ли, я самый великий офицер…» и тому подобное.

— Давай уже заканчивай со всем этим.

Наконец командир окончил свою десятиминутную речь и кивком дал наемникам, стоявшим у столбов, сигнал привязывать заключенных.

Указательный палец Хуана лег на курок. Прицелившись прямо в дверь, ведшую в отделение для заключенных, он резко сжал пусковой механизм и пустил первый снаряд. Как только тот взметнулся в воздух, Кабрильо моментально выстрелил снова и так несколько раз. Первая граната разорвалась прямо над дверью отделения с камерами. Взрывной волной выбило стекла, а через секунду-другую вся стена рухнула прямо во внутренний двор, практически полностью завалив ворота.

Тем временем Эдди, услышав свист рассекаемого снарядом воздуха, обернулся вокруг своей оси и одним точным ударом ноги в голову отбросил своего стража в сторону на несколько футов. Затем он рванул к солдату, присвоившему нож. Подбежав к нему, Эдди заехал ему в пах и, пока тот корчился от боли, побежал дальше: второй страж уже наступал ему на пятки. Выбрав момент, Эдди подставил ему ногу, и тот от неожиданности потерял равновесие.

Они повалились на землю как раз в тот момент, как первый снаряд разорвался прямо над дверью старого блока с камерами. Со связанными руками Эдди мог отбиваться только ногами, однако, падая, он умудрился заехать подбородком по горлу африканца, раздавив его глотку. Тот забился в конвульсиях, потеряв возможность дышать.

Эдди перекатился через спину и попытался добраться до кармана, где лежал нож, однако это было не так-то просто: африканец судорожно дергался и хрипел. Тогда Эдди, нащупав нож, резко дернул его, оторвав кусок обмундирования солдата.

Тут в воздухе вновь послышался свист гранаты. Эдди не стал терять времени, рассматривая, куда на этот раз целился Кабрильо, однако каким-то внутренним чутьем догадался, что капитан задумал заблокировать все входы во внутренний двор. Эдди раскрыл нож. Ски, видимо уже понял, что происходило, поскольку он подобрался к Эдди спиной и выставил связанные руки.

Освободившись, Ски схватил нож и разрезал веревки Сенга, тут же метнувшись к Майку. Тем временем Эдди, заехав кулаком по затылку одного из ошарашенных солдат, выхватил у него автомат. Научившись на своей ошибке со Сьюзен Донливи, в этот раз он не стал колебаться, а сразу же добил бесчувственного африканца. Тот грузно повалился наземь, подняв внушительный столб пыли.

Обернувшись, он увидел, как один из чернокожих целился прямо в голову Ски, пока тот освобождал Майка. Мощным ударом в два касания Эдди отправил его в кучку боевиков,

мявшихся в сторонке. В эту секунду около двадцати автоматов разразились шквалом очередей, паля без разбору по своим и чужим. Эдди бросился к своим товарищам, отстреливаясь, пока вместе они не скрылись под припаркованными рядом грузовиками. В этой неразберихе было практически ничего невозможно понять. Осколки камней, гильзы патронов, пыль, крики и вопли раненых — все смешалось в единое целое.

Пока африканские наемники беспорядочно отстреливались, Хуан хладнокровно обводил взглядом внутренний двор. Затем, зарядив еще раз гранатомет, он обежал тюрьму по крыше, остановившись прямо напротив последнего входа во двор. Пока никто из командования не раскусил коварного плана Кабрильо. Однако стоило хоть одному из них подумать, что эта внезапная атака может как-то быть связана с освобождением Мозеса Ндебеле, они сразу же свяжутся со своими людьми, стерегущими его в одной из камер тюрьмы, и тогда казнь вождя произойдет намного раньше, нежели чем через два дня. Только, похоже, такой роскошью, как рация, они не располагали, значит, необходимо было задержать их всех здесь, во дворе.

Отдышавшись, Кабрильо выстрелил и тут же пригнулся, увидев, что десяток чернокожих солдат, отследив, откуда была пущена граната, обрушил на него непрерывный град очередей. Хуан замер, но долгожданного взрыва не услышал. Скорее всего, последняя граната дала осечку.

Пригибаясь как можно ниже, Хуан прополз футов тридцать по крыше, осыпаемый осколками камня и дерева. Дождавшись, когда стрельба утихла, он выхватил автомат и зарядил сверху по всему второму этажу, чтобы случайно не зацепить своих парней, что находились в самом низу.

Бандиты не заставили себя ждать и, в свою очередь, открыли по Хуану непрерывный ответный огонь. Игнорируя визг пуль, пролетавших в миллиметрах от него, Хуан спокойно перезарядил гранатомет и пополз дальше, в поисках удобной позиции, с которой еще можно было нанести удар по последнему входу во двор.

Пока он полз, на ум ему пришла одна замечательная идея. Он быстро перебрался с кромки крыши, окаймлявшей двор, к дальнему ее краю и встал на колени. Так было гораздо удобнее. Теперь он наверняка попадет по своей последней цели. Это было безопасно: он не видел солдат, стрелявших по нему из винтовок, но и они тоже не могли его видеть. Продвинувшись вперед на несколько дюймов, он смог разглядеть противоположную стену и кусок двора. Подойдя еще немного ближе, он замер. Теперь цель хорошо просматривалась. Не требовалось особого умения, чтобы одним ударом ее поразить. Но все же ему не было видно, находился ли поблизости со входом кто-то из людей?

Вскинув гранатомет на плечо, Кабрильо тщательно прицелился и выстрелил.

Чего Хуан на самом деле не мог знать, так это того, что один из сержантов, разгадав его тактику, повел отряд чернокожих бойцов к единственному оставшемуся выходу как раз в тот самый момент, когда взорвалась граната. Один из солдат был уже прямо около входа, когда внушительный кусок каменной стены всей своей тяжестью обрушился прямо на него.

Хуан бросился к кромке крыши посмотреть, добился ли он своего или нет. Внутренняя стена тюрьмы напротив него была полностью снесена, и сквозь витавшие в воздухе ошметки строительных материалов, камня и дерева, сквозь дым и гарь проступали внутренности тюрьмы. Один из солдат упрямо пробирался по руинам, надеясь выбраться наружу. Хуан схватил свой автомат и взял в цель прыткого африканца. Когда меж его лопаток высветился маленький кругляшок лазерного прицела, он, не раздумывая, спустил курок. Кабрильо совсем забыл, что поставил оружие в режим непрерывной стрельбы: прошла секунда, другая, а автомат все продолжал изрыгать в бедного чернокожего свинцовые пули. Одумавшись, Хуан перевел шквал очередей на развалины тюрьмы. Разъяренные солдаты открыли по Хуану огонь, однако он, словно ничего не замечая, в очередной раз перезарядил гранатомет и, прицелившись в противоположную стену, выстрелил. На этот раз рухнула вся стена, окончательно завалив проход. Стрельба стихла.

Теперь ни входа, ни выхода наружу не было. Наступило время вызывать подкрепление.

Тем временем внизу, во дворе, старший офицер орал что было мочи, пытаясь привлечь внимание обезумевших солдат. По всей видимости, только он да сержант, приказавший солдатам выбираться через единственный тогда оставшийся выход, понимали, что все они угодили в ловушку. На крыше бродит какой-то безумец, которого ни схватить, ни ликвидировать они не могут. И ему ничего не стоит порешить их всех, словно баранов на бойне.

Он отобрал троих самых молодых и худощавых солдат, которые по руинам смогли бы выбраться наружу и прикончить Мозеса Ндебеле, прежде чем до него доберется освободительный отряд. Также он указал своим людям на главные ворота, которые были наполовину завалены обломками камня, однако, по всей видимости, распорядился действовать осторожно, опасаясь засады. Он хотел, чтобы солдаты расчистили главный вход во двор. Конечно, под шквалом очередей винтовок и пистолетов и залпов гранатомета они не могли услышать боевую тревогу, если даже кто-то и проник в здание тюрьмы, поэтому действовать им надлежало с особой осторожностью.

Старший офицер гарнизона с удовлетворением заметил, как один из чернокожих офицеров пытается приставить к карнизу крыши длинную толстую трубу, чтобы солдаты могли забраться наверх. Как только трубу установили и укрепили, один из солдат, сбросив ботинки и перекинув через плечо штурмовую винтовку, начал проворно взбираться на крышу.

Эдди Сенг заметил это слишком поздно: у него уже не оставалось времени, чтобы прицелиться в карабкающегося солдата и ликвидировать его. Тот уже взобрался на крышу и скрылся за парапетом. Обзор Сенга ограничивался остовом грузовика, под которым он, Майк и Ски прятались все это время. Поэтому он перевернулся на спину и уже собирался было выстрелить, как солдат на крыше скрылся из виду. Эдди зло снял палец с курка. Выстрели он, да еще и впустую, тут же их выгодное местоположение было бы обнаружено. Теперь Хуану надо быть начеку. Майк легонько похлопал Эдди по плечу: сейчас он действительно ничем не мог помочь своему капитану.

Однако от этого легче не стало.

Кабрильо тем временем перезаряжал гранатомет, чтобы выстрелить по воротам, открыв, тем самым, путь в тюрьму Мафане с его людям. Они условились, что Мафана забирает не только Мозеса Ндебеле, но и Джеффри Меррика.

Вдруг краем глаза Хуан заметил, что рядом с ним возникла какая-то тень, которой секунду назад не было. Резко обернувшись, он успел увидеть чернокожего солдата, что целился в него из винтовки, ослепляя подсветкой прицела, и за секунду до того, как тот выстрелил, Хуан с размаху бросился на деревянную крышу.

Больно ударившись плечом, он резко рванул грохнувшийся рядом гранатомет. Не успел африканец опомниться, увидев, что жертва умудрилась уйти от выстрела, Хуан уже нажал на курок.

Снаряд со свистом вырвался из гранатомета, но поскольку он практически тут же ударил в грудь солдату, которая значительно мягче бетона или даже дерева, взрыва не произошло. Однако кинетической энергии, что сообщила эта пятифунтовая граната телу африканца, оказалось достаточно, чтобы он слетел с крыши, словно тряпичная кукла. Он упал с тридцатифутовой высоты прямо посреди кучки своих товарищей. Те расступились, однако на этот раз столкновения с землей хватило, чтобы боеголовка детонировала. Взрывной волной убило сразу человек двадцать.

У Хуана оставался всего лишь один, седьмой снаряд, и если произойдет осечка, вся сегодняшняя операция пойдет насмарку. Он поспешно зарядил гранатомет, тщательно нацелился на деревянные ворота и выстрелил, вряд ли заметив, что кучка солдат, исполняя

приказ своего командира, тщетно пыталась открыть наполовину заваленные ворота.

Снаряд угодил прямо в середину ворот, только детонатор отказал, и взрыва не последовало. Услышав свист приближающейся боеголовки, солдаты как один бросились наземь, и только спустя несколько секунд, когда снаряд безмолвно свалился на песок, вместо того чтобы разнести все вокруг, осмелились они подняться на ноги, нервно пересмеиваясь и благодаря Бога, что на этот раз он их пожалел.

Увидев, что произошло, Хуан рванул свой автомат и, прицелившись, начал палить по деревянным воротам, чтобы выпустить в них большую часть очередей. Щепки летели во все стороны. Посчитав, что теперь пришло самое время детонировать несработавшую гранату, он выпустил последние пули в спящий снаряд.

Мощный взрыв скосил тех чернокожих солдат, что еще минутой ранее праздновали свое помилование, и ворота беспорядочным фонтаном досок и щепок разлетелись в стороны. В нескольких десятках футов от того места, где только что находились ворота, Хуан увидел четыре грузовика с самыми верными последователями Мозеса Ндебеле, человека, который еще был в силах спасти нацию и вызволить страну из кризиса. Этих людей воспитала война, самая кровавая и жестокая, что когда-либо господствовала в Африке. И воспитала она их так, что эти люди были готовы отдать свои жизни за правое дело — за спасение своей родины.

Глава 22

— Лоренс Аравийский Красавчику. Красавчик, прием.

Ощущая адскую усталость каждой клеточкой своего тела, испытывая полное истощение от последних сорока восьми, а особенно от последних двадцати часов, Хуан не сразу сообразил, что это вызов по радиосвязи, а решил, что его уже начали посещать какие-то таинственные голоса. Затем он вспомнил, что Лоренс Аравийский — кодовое имя Линка.

— Черт возьми, — поспешно ответил Кабрильо, — как же я рад тебя слышать!

— Только что увидел, как взлетели в воздух главные ворота, похоже, наши новые союзники приступили к действиям.

— Так точно. Где вы сейчас находитесь?

— Тремя милями западнее на высоте пяти тысяч футов. Наш орлиный глаз Малыш Хендерсон заметил взрыв, и я решил узнать, все ли у вас в порядке. Можем ли мы приступать к снижению?

— Пока нет, — коротко ответил Кабрильо, — мне все еще приходится прикрывать ребят Мафаны. Некоторые особо ретивые солдаты все надеются взять ситуацию под свой контроль. Нам нужно убедиться, что оппозиция будет в состоянии удержать противника в оцеплении.

— Без проблем, значит, будем по-прежнему кружить в воздухе, — подбадривающе ответил Линк.

Хуан перезарядил свой автомат и, пока какой-нибудь чернокожий не вздумал забраться на крышу, бросился к противоположной ее стороне, где с одного из болтов, установленных ранее его парнями, свисал парашют, раздуваясь и порхая, словно гигантская черная медуза. «Да, — подумал Хуан, — когда мои парни еще только приземлялись на эту крышу, они и представить себе не могли, чем обернется эта элементарная, как казалось на первый взгляд, спасательная операция. Тогда мы все думали, чего нам стоит убрать кучку помешавшихся экологов-фанатиков… А что теперь?»

Внутренний двор напоминал настоящее поле битвы: африканцы теперь сражались друг против друга, напропалую орудуя винтовками, словно битами.

Хуан, крепко сжимая нейлон парашюта обеими руками, уселся на краю крыши, свесив ноги. Три этажа здания тюрьмы отделяли его от белоснежного песка. Вздохнув, он медленно и осторожно начал спускаться по парашюту вниз. Когда кончилась длина гладкого, словно шелк, парашюта, до ближайшего оконного проема все еще оставалось добрых три фута.

Согнув ноги в коленях и опершись стопами о стену, Хуан резко оттолкнулся. Словно маятник, он отлетел от стены футов на десять, прежде чем сила притяжения вернула его назад. При этом он испытал адскую боль в коленях, когда врезался в стену, однако так он убедился, что все еще годился на пару-тройку трюков.

Вновь он сильно оттолкнулся от стены, мертвой хваткой вцепившись в парашют, и, достигнув вершины своего полета, нацелился на мрачную оконную дыру, так что обе его выпрямленные ноги указывали теперь на нее, и секундой позже отпустил парашют. Таким образом, он под собственной силой тяжести полетел прямо в оконный проем, да еще и под острым углом к стене. Это позволило ему влететь в окно, правда, в миллиметрах от подоконника, и он, тут же сгруппировавшись, покатился по каменному полу одной из камер, больной ударившись о ее решетку. По всему пустынному этажу, сильно походившему на настоящую пещеру, раздался оглушительный грохот.

Хуан тяжело поднялся на ноги и, превозмогая боль, принялся отряхиваться. Через пару часов по всей его спине равномерно проступят сине-лилово-зеленые синяки от удара о прутья решетки. Более не имея надобности скрываться или действовать тихо, Хуан помчался вниз по лестнице. Из предыдущих докладов Эдди он уже заведомо знал, что эта часть здания пустовала. Входя в главную дверь самого нижнего этажа, что была распахнута, Хуан осторожно осмотрелся по сторонам, благо длинный коридор впереди него освещался сетью лампочек от включенного генератора. В качестве мер предосторожности он стал по ходу сбивать эти лампочки по обеим сторонам коридора: возвращаться этим путем обратно в отделения с камерами он явно не собирался, да и нельзя было допустить, чтобы чернокожие солдаты, если им каким-либо образом удастся пробраться со двора вовнутрь здания, легко покинули тюрьму.

Дойдя до очередного поворота, он сначала осторожно заглянул за угол и увидел вдалеке, прямо около огромной железной двери, стул. Значит, в том блоке они и держали Меррика. Все было в точности так, как описал Эдди. Хотя вся их миссия задумывалась специально, чтобы спасти Меррика, теперь первостепенной его задачей было найти Мозеса Ндебеле. Поэтому он прошел мимо двери, представляя, как кучка похитителей заперлась там вместе со своей жертвой, не зная, как вернуть ситуации под свой контроль.

С приходом рассвета в каменных стенах тюрьмы становилось все жарче и жарче, на самом деле, жара здесь не спадала даже ночью: днем камень охотно поглощал солнечное тепло, но вот расставаться с ним отнюдь не торопился. Обливаясь потом, Кабрильо упорно продвигался по длинному коридору. Он уже прошел половину пути, когда вдруг заметил впереди размытые силуэты двух людей. Пара худощавых охранников спешила ему навстречу с противоположного конца коридора. По всей видимости, направлялись они к блоку камер, дверь в который Хуан увидал, пройдя еще несколько шагов. Значит, там они и держали Мозеса Ндебеле, самого опасного и могущественного противника правительства Зимбабве.

Хуан плашмя бросился на пол и, локтями опершись о каменный пол, вскинул автомат. Выпустив длинную очередь, он обратил их в бегство, заставив свернуть за ближайший угол. «Значит, им все-таки удалось пробраться по разрушенным входным проемам», — промелькнуло у него на подсознании. Усталость уже начинала сказываться: он даже не отдавал себе отчета в том, что был сейчас полностью открыт и беззащитен перед противником. Однако инстинкт самосохранения заставил его отползти назад, в более темную часть коридора, и перебраться к противоположной стене, чтобы сбить охранников с толку. В коридоре все настойчивее пахло порохом, поскольку Хуан стрелял каждый раз, как один из охранников пытался выглянуть из-за угла.

Только Хуан рискнул вновь двинуться вперед по коридору, как один из охранников открыл по нему огонь. Однако расстояние между ними было слишком велико, и капитан не пострадал, зато на него обрушился фонтан осколков каменных стен и латунных гильз. Стараясь подавить прыть противника, Хуан открыл ответный огонь, только на этот раз солдат не отступил, а упорно продолжал атаковать. Тут из-за угла вывернул второй охранник и присоединился к своему товарищу. Теперь оба двинулись Хуану навстречу под

безостановочный перекрестный огонь. Их шансы попасть по своей цели возросли вдвое, хотя оба они все еще не могли разглядеть Хуана в темном проеме коридора. Тут один из них ринулся к двери блока с камерами и, поскольку она была не заперта или же он отстрелил замок, скрылся внутри. Кабрильо даже не успел прицелиться.

Ситуация приняла катастрофический характер: у Хуана оставалось не более нескольких минут, прежде чем тот малый расскажет остальным о штурме, и те убьют Ндебеле. Действовать надо было быстро. Хуан поднялся на ноги и бросился навстречу врагу, который все еще стрелял вслепую. Хуан воспользовался своим преимуществом: поскольку охранник находился в более освещенной части коридора, он мог видеть его силуэт. Не переставая стрелять, Хуан стремительно приблизился к нему, и когда лазерный луч прицела уперся тому в грудь, он не пожалел целых трех очередей на его ликвидацию. Солдат тяжело повалился на каменный пол.

Не теряя ни минуты, Кабрильо помчался к двери. Поспешив, он не вписался в проем, больно задев плечом косяк.

Прямо перед собой он увидел шеренгу камер, забранных спереди решетками. Заключенных ни в одной из них не было. Конечно же, Ндебеле могли держать и на втором и даже не третьем этаже, и того охранника ему уже было не догнать. Тут позади себя поверх своего учащенного дыхания Кабрильо услыхал несколько голосов. Один из них, мелодичный, мягкий, совсем не похожий на жалобный плач приговоренных к казни, более походил на голос священника, что в последний раз пришел навестить заключенного, по-отечески его выслушать и проводить в последний путь.

Хуан спрятался за угол. Чернокожий солдат стоял прямо около железной решетки одной из камер, в то время как по ту ее сторону в футах двух от нее находился другой чернокожий, одетый в грязную тюремную форму. Солдат целился ему в висок из «АК-47». Мозес Ндебеле был спокоен, руки его расслабленно опущены вдоль боков, — и не скажешь, что он смотрел в глаза своей смерти. Впечатление складывалось такое, будто он мирно беседовал с другом, которого не видел несколько лет.

Хуан вскинул свой автомат — лазерный луч тут же отобразился у солдата на лбу — и вышел из укрытия, остановившись в футах тридцати от него. Африканец сразу же обернулся на звук шагов. Увидев Кабрильо, он потянулся к спусковому курку, однако Хуан опередил его. Еще секунда, и послышался характерный звук осечки. Хуан попробовал еще раз — но автомат отказывался стрелять: магазин был пуст.

Чернокожий солдат, растерявшись, с глупым выражением лица переводил винтовку с вверенной ему жертвы на непрошенного гостя и обратно, не зная, кого уничтожить первым. Он начал медленно отступать назад, продолжая беседу с Мозесом Ндебеле и держа Хуана под прицелом, видимо, решив сначала убрать самого главного предателя нации, а затем тут же выстрелить в Хуана. Действовать ему надо было быстро, иначе у Кабрильо появилась бы возможность перезарядить автомат или, что еще хуже, выхватить пистолет.

И в самом деле, Хуан, воспользовавшись мгновением, резким рывком поднял правую ногу и прижал ее к груди так, что протез теперь целился солдату в плечо. Тот почти было перевел винтовку на Ндебеле, когда Хуан, нащупав кнопку, спрятанную в пластике протеза, которая снимала оружие с предохранителя, выстрелил.

Это было очередной инновацией Кевина Никсона, главного оружейника-изобретателя на «Орегоне». Он умудрился поместить в протез восемнадцатидюймовый никелированный сорокачетырехкалиберный ствол и вынести механизмы его управления на внешний корпус протеза. Система двойного предохранения исключала возможность самопроизвольных выстрелов.

Пуля вылетела из протеза Хуана, пробурив на своем пути дыру в подошве его ботинка размером почти в половину дюйма.

Отдача от выстрела сбила с ног его самого. Кабрильо мгновенно вскочил, опуская штанину и выхватывая пистолет. Беспокоиться уже было не о чем. Хуан попал солдату в правую руку, поскольку тот стоял к нему полубоком, стараясь не упускать из виду Ндебеле.

Пуля прошла насквозь через всю грудную клетку африканца, тот медленно сполз на пол, извиваясь в предсмертных судорогах. Пуля прошла навылет, причем выходное отверстие на левой лопатке оказалось размером почти с блюдце.

Мозес Ндебеле, онемев от неожиданности, глядел, как Хуан вставляет полный магазин в автомат и отправляет свой запасной пистолет обратно в протез. Тюремную форму африканца сплошь украшали пятна крови, а по щеке сочилась тоненькая алая струйка. Хуан заметил на его руках следы многочисленных ожогов, припухлости вокруг глаз и рта от постоянных побоев. Он стоял практически на одной ноге. Ступня же другой распухла так, что напоминала футбольный мяч. Не мудрено, если каждая косточка в его теле была сломана.

— Мистер Ндебеле, я здесь с армией ваших солдат, которыми руководит человек под именем Мафана. Теперь мы вытащим вас отсюда.

Африканец покачал головой.

— Глупец! Проклятый глупец! Сколько раз, начиная с самого первого моего заключения, я повторял ему, чтобы он не совался сюда, чтобы он оставил любые попытки освободить меня. Я должен был предполагать, что он не послушает меня. Мой старый друг Мафана, он выполняет лишь те приказы, которые ему действительно нравятся.

Хуан попросил его отойти к дальней стене камеры и выстрелил в замок. Ндебеле пришлось практически скакать на одной ноге, чтобы больная его нога не волочилась по полу.

— Вы знаете, у меня тоже есть один такой друг. Его зовут Макс. Никогда не выполняет моих приказов, — произнес Хуан, встретившись взглядом с Ндебеле. — И что самое интересное, в большинстве случаев оказывается прав. Знает, каким из моих приказов следует пренебречь.

Решетка со скрежетом отворилась. Ндебеле тут же бросился к выходу, подпрыгивая на одной ноге. Придерживая его, Хуан произнес:

— Теперь мы воспользуемся другим путем.

За несколько дней до начала операции Линда Росс, просматривая информацию по Дьявольскому Оазису, наткнулась на дело одного заключенного, который вздумал расширить шестидюймовую сточную дыру у себя в камере, соединенную с канализационными трубами, проходившими под первым этажом. Каждый день охранники проверяли состояние этих дыр, пока не наткнулась на то, что этот заключенный, воспользовавшись ложкой или каким-то другим подручным средством, раскопал каменный пол толщиной в фут в том месте, куда подводилась одна из сточных труб. Об этом немедленно сообщили руководству тюрьмы. И оно пошло на небывалые меры. Охрана получила приказ каждый день проталкивать его в раскопанную им самим яму, пока, наконец, на поверхности не осталась одна лишь его голова. Арестованный скончался еще задолго до этого.

Никто никогда больше так и не осмелился сбежать из тюрьмы, тем более — подобным образом.

Кабрильо вручил Ндебеле свой автомат и попросил прикрывать их обоих, а сам уселся около сточной дыры. Быстрыми движениями рук он снял протез и вынул остатки пластиковой взрывчатки. Скатав в длинную толстую нить, он выложил ее кольцом, повторяя очертания дна сточной дыры. Прикрепив детонатор, Хуан поставил его на одну минуту — этого времени было достаточно, чтобы отойти на безопасное расстояние.

Поддерживая Мозеса Ндебеле за плечи, он повел его прочь из камеры. Взрыв напомнил извержение вулкана: в воздухе засверкали языки пламени, поднялся дым, а осколки камня, вырванного из пола, рикошетили от потолка в разные стороны.

Вернувшись к дыре, Хуан отметил, что теперь она была примерно футов в пять в диаметре, ее зазубренные края чернели от взрыва.

Легко соскользнув вниз, Хуан помог спуститься Мозесу Ндебеле. Лидер оппозиции шумно вздохнул, стараясь вытерпеть острую боль оттого, что его серьезно поврежденную ногу потревожили.

— Как вы?

— Думаю, пройдет еще немного времени, и я обращусь к вам с вопросом, где вы достали свой протез. Видимо, моя собственная нога прослужит мне теперь очень недолго.

— Об этом можете не беспокоиться, я знаю одного очень хорошего доктора.

— Вправе ли он считаться хорошим, если вы все-таки потеряли ногу?

— Поверьте мне. Она… Она, на самом деле, начала работать на меня, когда моей настоящей ноги уже не стало.

Они стали пробираться по темному тоннелю, куда сверху стекали человеческие отходы, и где их разносили и иссушали ветра различных направлений, исключая необходимость убирать за каждым заключенным в отдельности.

Трубы были достаточно узкими, и им приходилось, в полном смысле слова, пробираться по колено в отходах, помогая себе локтями. Хуан взял курс на восток, откуда они смогут быстрее добраться до взлетно-посадочной полосы. Радовало уже то, что ветер дул им в спины и песок не летел в лицо. Минут через пять они увидали впереди яркий солнечный свет. Они достигли восточной стены тюрьмы. Выбравшись на свободу, оба тут же повалились на песок.

— Красавчик — Лоренсу Аравийскому. Прием. Как слышишь, Ларри?

— Слышу прекрасно, Красавчик, — ответил Линк. — Что у вас происходит?

— Со мной африканский гость. Мы у восточной стены. Вижу посадочную полосу. Дайте нам минут пятнадцать, чтобы добраться до нее, и тогда можете уже снижаться. Наши ребята поймут, что им надо выбираться, увидев самолет.

— Нет, Красавчик. Этот план не сработает. Как только мы зайдем на посадку, самолет увидят не только наши, но и повстанцы. А их слишком много. Мы снижаемся сейчас.

— Тогда дайте нам десять минут.

— Капитан, я не шучу. У вас действительно нет десяти минут. Если мы не сядем сейчас, от людей Мафаны не останется ничего, возможно, и от наших тоже. Изначально эта операция не была миссией смертников. Мы должны прикрыть их при отступлении. — Большой грузовой самолет уже приступил к снижению. — Только что со мной связался Макс, он передал, что ситуация изменилась, надо менять план.

Малыш сажал самолет. Этим они вынуждали Кабрильо помочь Ндебеле добраться до посадочной полосы. Иначе они не уложатся и в пятнадцать минут. Ему придется понести его. А когда самолет сядет, с одной стороны, он окажется очень уязвим на земле, и даже не будет и речи о том, чтобы они подождали, пока Хуан вернется в тюрьму за Мерриком. С другой стороны, раз уже люди Мафаны начали отступать, непременно за ними погонятся солдаты правительства, имеющие значительное численное преимущество. И тогда никто из отступления живым не выйдет. Прикрытие им необходимо, пока они не доберутся до самолета.

О каких бы изменениях Макс ни говорил, в данной ситуации Хуану приходилось безоговорочно доверять своему второму заместителю, поскольку он располагал большей полнотой информации и мог видеть всю боевую картинку в целом у себя на экранах.

Старый «Хэвиленд Карибо» представлял собой поистине самый неуклюжий самолет, что Хуан когда-либо видел в своей жизни. Он был огромен, нескладен, сутул, с огромными крыльями и высокопосаженным корпусом. Размеры крыльев служили двум практическим целям: с одной стороны, за счет них значительно увеличилась полезная нагрузка самолета, а с другой, ему на взлет и посадку требовалось намного меньше времени, чем обычным самолетам. Он был выкрашен в белый цвет с бледно-голубой полосой по длине всего корпуса.

Хуан видел, как самолет выровнялся над посадочной полосой и начал снижаться: им уже надо было спешить.

— Идем, — произнес он, обращаясь к Мозесу Ндебеле, и поднялся на ноги.

Здесь, позади тюрьмы, звуки перестрелки заглушались толстыми каменными стенами, однако ни на минуту бои во внутреннем дворе не стихали и, казалось, шли не на жизнь, а на

смерть.

Взяв пистолет в левую руку, Хуан шагнул к Ндебеле и стал правой рукой придерживать его по ходу движения. Сомнений не осталось: вождь африканской оппозиции был человек высокий, статный, даже красивый, однако годы в тюрьме сгорбили его величественный стан, и он превратился в подобие человека с остро выпирающими костями, обтянутыми кожей. На вид он весил не более ста двадцати фунтов. Конечно, Кабрильо не составило бы труда понести такую ношу, только сейчас он сам был истощен последними несколькими сутками, что довели его организм до предела. Однако он прекрасно понимал, что с таким успехом до самолета они доберутся не раньше вечера.

Поэтому, напружинив мышцы ног и сделав глубокий вздох, Кабрильо присел перед Ндебеле и подождал, пока тот взберется ему на плечи. Затем, выпрямившись и сделав усилие над собой, Хуан рывками побежал по направлению к самолету, останавливаясь ради секундного отдыха. Ботинки его утопали в глубоком песке, он решительно передвигал дрожащие ноги и сгибался под тяжестью ноши с каждым новым шагом.

Огибая тюрьму, Кабрильо бросил взгляд на центральные ворота: как долго люди Мафаны смогут удерживать солдат правительства? Ведь именно от этого напрямую зависело спасение их глубокоуважаемого лидера.

«Хэвиленд Карибо», двухмоторный, семидесяти футов в длину грузовой самолет приземлился, когда Хуан преодолел уже половину пути к взлетно-посадочной полосе. Мощные винты взбили настоящую песчаную бурю вокруг себя, и она почти полностью поглотила самолет. Тормозной путь, не без усилий Малыша Хендерсона, сократился практически до шестисот футов. Более того, Хендерсон рассчитал так, чтобы при взлете ему не пришлось сдавать назад, то есть остатка полосы впереди было вполне достаточно для моментального взлета.

Вдруг слева от себя Хуан заметил, как один из грузовиков Мафаны тронулся с места и заспешил к ним навстречу. Похоже, что водитель, увидев, как заходит на посадку самолет, решил бросить товарищей в жестокой перестрелке и спасти свою собственную шкуру. Несколько мгновений спустя три остальных грузовика тоже последовали его примеру, однако, отъезжая от ворот, они немного повременили, видимо, решив хоть еще немного сдержать натиск солдат непрерывным огнем.

Тем временем с самолета спустили трап, и на самом его верху показался Франклин Линкольн с карабином в руках. Он еле заметно махнул Кабрильо, однако ни на секунду не выпускал приближавшийся грузовик из-под прицела. Позади него появился еще один чернокожий: это был человек Мафаны, которого днем ранее Кабрильо послал на встречу с командой «Орегона».

Почувствовав под ногами асфальт, Хуан прибавил скорости; всплеск адреналина от опасности быть пристреленным с приближающегося грузовика — вдруг это окажется враг? — вместе с облегчением от встречи с экипажем самолета словно открыл в нем второе дыхание, и он понесся, игнорируя невыносимую боль в отказывавшихся работать мышцах ног.

Хуан добежал до «Карибо» и, шатаясь, плюхнулся на ступени трапа за секунды до того, как подкатил грузовик. На борту самолета доктор Хаксли уже поджидала Хуана и их африканского гостя, подготовив все необходимое. За провода, проходившие по всему потолку, она даже умудрилась зацепить специальные трубки для переливания крови. Кабрильо осторожно опустил Ндебеле на скамью, обтянутую нейлоном, и бросился к Линку.

Тот, держа винтовку наготове, медленно подошел к кузову грузовика. Оттуда явственно послышались предсмертные стоны и крики умирающих. Заглянув внутрь, он увидел десяток раненых солдат и, перебросив винтовку через плечо, принялся переносить их на борт самолета. Вдруг из кузова выпрыгнули Эдди, Майк и Ски. Все они тоже помогали переносить раненых. Бурая кровь тут же окрасила посадочную полосу. Показался единственный стоявший на ногах солдат — это был Мафана, он крепко прижимал к груди раненую руку. Хуан помог ему подняться на борт. Хмурое лицо его, сплошь покрытое сажей

и перепачканное кровью, просветлело, как только он увидал Ндебеле, и, издав радостный вопль, мужчины горячо поприветствовали друг друга.

Между тем остальные грузовики из конвоя Мафаны подъехали к самолету. Колеса их глубоко утопали в песке, вздымая клубы пыли. И когда Линк вступил на борт, неся на руках последнего раненого, он крикнул Хуану:

— Капитан, это последний. Скажите Малышу, чтобы увозил нас отсюда.

Хуан махнул в знак согласия и направился к кабине пилота. Малыш сидел вполоборота в своем кресле и, увидев, как Хуан показывает ему два больших пальца, круто развернулся и стал готовить самолет к взлету. Через несколько минут пришли в движения гигантские лопасти винта, загудели двигатели.

Кабрильо вернулся обратно к Джулии. Она как раз разрезала форменную рубашку на груди одного солдата, чтобы добраться до его ранения в грудную клетку. Раны пузырились кровью: две пули прошили легкие. Не обращая внимания ни на антисанитарные условия, ни на предстоящий взлет, Джулия решительно взялась за дело.

— Вы специально так затянули с посадкой, чтобы изрядно пощекотать нам нервы? — произнес Эдди Сенг, увидев приближающегося Хуана.

Тот хитро улыбнулся.

— Вы же прекрасно знаете, каким медлительным я иногда могу быть, — ответил Хуан, протягивая ему руку в знак приветствия. — Вижу, с вами все в порядке?

— Ну, как сказать. Да, думаю, отделались парочкой седых волос, а так — что нам сделается! Кстати, как только мы вернемся на «Орегон», я с нетерпением буду ждать вашего подробного рассказа о том, как вам удалось собрать целую армию посреди безлюдной пустыни.

— Ах, нет. Великие маги и чародеи никогда не раскрывают своих секретов.

Самолет продолжал набирать высоту. По левому борту показался грузовик вражеских сил, однако за самолетом ему уже было не угнаться. Тогда они на всякий случай пустили пару-тройку очередей, ведь попасть по улетающим в небо у них не было никакой надежды, и водитель, круто развернув машину, направил ее в погоню за оставшимися грузовиками Мафаны.

От стремительного взлета самолет сильно затрясло, Хуан даже подумал, как бы ему не стало плохо от всего, что он уже пережил, и от этой невыносимой тряски, однако, выровнявшись, самолет полетел плавно, как ни в чем не бывало. Пока люк самолета оставался открытым, всех раненых заблаговременно перевезли в переднюю его часть.

У люка, у безопасной черты, стоял Линк, страховочным тросом пристегнутый к полу. На голове его сверкал черный блестящий шлем с внутренним микрофоном, чтобы он в любой момент мог связаться с пилотом по внутренней связи. У ног его находился длинный деревянный короб.

Хуан тоже осторожно пристегнулся и приблизился к бывшему «морскому котику».

Малыш развернул самолет вдогонку вражескому грузовику, и раскаленный пустынный ветер ворвался в корпус самолета, заставив Хуана и Линка отступить назад. Правительство Зимбабве хорошо обеспечивало своих подданных: у их солдат имелся замечательный новый быстроходный грузовик, специально приспособленный к передвижению по песку, поэтому они без труда уже почти догнали людей Мафаны.

Грузовики неслись к неглубокой впадине с двумя возвышающимися по краям дюнами. Людей Мафаны от их преследователей отделяло теперь не более полумили.

Малыш удерживал самолет на высоте тысячи футов, пока пролетал вдоль впадины, как вдруг он увидел, что впадина — это тупик. Обычно впадины в пустыне плавно сравнивались с уровнем остальной ее поверхности, и редко когда на пути них вставали высокие дюны. Однако сейчас был как раз такой случай. Впадина длилась всего каких-то три мили, а затем переходила в отвесную дюну, по которой грузовики могли, в принципе, забраться, но только не на таком бешеном ходу.

— Малыш, давай еще один круг! Мы должны оказаться у них на хвосте, — прокричал

Линк в микрофон.

Обернувшись, он жестом приказал Эдди и Линку присоединиться к ним. Не теряя ни минуты, оба быстро пристегнулись и приблизились к люку, прогибаясь вперед, поскольку самолет пошел на разворот. Линк поднял крышку короба. В нем находились четыре гранатометных установки, позаимствованные у Мафаны. Вот зачем понадобилось Хуану посылать навстречу экипажу самолета одного из солдат оппозиции.

Линк быстро распределил оружие между ними.

— Мда… с этого расстояния нам только и стрелять, — с сомнением произнес Майк. — Четыре гранатомета, четыре грузовика. Мы несемся со скоростью в сто двадцать миль в час, они — едва ли выжимают пятьдесят.

— Да, шансы невелики, — прокричал Линк.

Тем временем самолет опять выровнялся над входом в долину. На этот раз Малыш старался вести самолет как можно ниже, насколько позволяли горячие воздушные потоки, поднимающиеся от поверхности пустыни. Самолет практически задевал дюны по обеим сторонам впадины.

Линк сосредоточенно слушал отсчет Малыша до того момента, как им нужно будет стрелять. Когда он вскинул гранатомет на плечо, остальные трое тут же последовали его примеру.

— Цельтесь в основание дюны слева от грузовиков, — приказал он Хуану и Ски. — Мы с Майком берем на себя правую сторону. Постарайтесь выстрелить не ближе двадцати ярдов до ведущего грузовика.

Малыш попытался еще больше прижать самолет к земле, однако ему пришлось резко взять вверх, уводя его от вражеского обстрела. Казалось, в них целилось не менее тридцати африканских солдат. Пролетев над последним грузовиком, Хендерсон выровнял самолет.

— Огонь!

Они нажали спуск одновременно. Четыре боеголовки устремились по своим целям, со свистом разрезая воздух и оставляя белые газообразные хвосты, словно маленькие кометы. Однако взрывы от снарядов имели достаточную мощь, позволив членам команды добиться желаемого. Симметрия угла и высоты, что поддерживала обе дюны так, как они стояли, распалась. Теперь песок по их внутренним склонам начал стремительно осыпаться, словно дюны, будто не видевшиеся друг с другом много лет влюбленные, понеслись навстречу друг другу.

А тут как раз на их пути оказался грузовик с солдатами правительства.

Завязнув в круговороте песка, оползнем скатывающегося с обеих сторон, грузовик опрокинулся, солдаты вперемешку с оружием и боеприпасами покатились в разные стороны, погребаемые под тридцатифутовой толщей бездушного раскаленного песка.

Над впадиной повисло огромное облако пыли.

Линк захлопнул люк самолёта.

— Что я говорил? Все прошло просто бесподобно, — произнес он, обращаясь к Майку.

— Нам еще повезло, что на пути попалась эта впадина. Не будь ее, кто знает… — парировал тот.

— Повезло? Я ее заметил еще прошлой ночью, когда мчался отсюда на мотоцикле во весь опор. Так у нас с Хуаном и родился этот план заманить в ловушку этих чернокожих террористов.

— Блестящий ход, капитан, — восхищенно отозвался Троно.

Хуан даже и не старался скрыть свою самодовольную улыбку.

— Да, так всей было. Макс уже все подготовил? — спросил он, обращаясь к Линку.

— «Орегон» на причале у Свакопмунда. Макс встретит нас в аэропорту на грузовике с огромным пустым кузовом, и мы сможем погрузить всех раненых. Затем мы поедем к верфи, где нас будет ждать наш инспектор таможни, он распишется на листке прибытия-отбытия, и мы сможем вернуться на корабль.

— Ага. Значит, люди Мафаны доберутся до аэропорта в Виндхуке. А там уж им открыта дорога в любое из тех мест, где мы решим спрятать Ндебеле. Все вроде бы нормально. Только одно не дает мне покоя: мы не спасли Джеффри Меррика, и надежды на его спасение уже нет. Могу дать руку на отсечение, что его похитители скрылись, как только наша команда приземлилась на крыше тюрьмы.

— Тут уж ничего не поделаешь, капитан, — печально произнес Линк, понурив голову.

Нина Виссер сидела в тени брезента, натянутого над краем кузова их грузовика. Она заполняла записную книжку. Вообще она любила делать всякого рода записи. Эту привычку она вынесла с самого детства, исписав за годы прожитой жизни тонны дневников и записных книжек с тайно хранимой в сердце надеждой, что когда-нибудь они очень пригодятся ее будущему биографу. Она ведь скоро станет большим человеком. С давних пор Нина не сомневалась: скоро человечество будет обязано ей настолько, что не представит себе и жизни без книги об ее биографии, ее достижениях, о ее жизни вообще. Она твердо знала, что в будущем ей светит слава не меньше, чем Роберта Хантера и Пола Уотсона — основателей движения «Гринпис».

И, естественно, промах в нынешней операции ей нигде не аукнется. Что значит один малюсенький промах в целом свитке ее настоящих и будущих заслуг? Однако она понимала, что и этот дневник, и все прочие, в которых хоть как-то упоминается Сингер, ей придется уничтожить. А писала она сейчас только по привычке. Так, занимаясь любимым делом.

Вдруг откуда-то послышалось настойчивое жужжание. Нина захлопнула записную книжку и вставила ручку в специальный держатель.

Полуденное солнце нещадно палило. Поднявшись на ноги, она тщательно отряхнула с брюк пыль и, приставив к глазам ладонь, стала вглядываться вдаль, в поисках обещанного Сингером самолета. Даже в солнечных очках ее глазам понадобилась пара минут, чтобы привыкнуть к ослепительному солнечному свету, и тут она увидала в небе самолет, сверкающий, словно маленькая жемчужина.

Кучка ее друзей, включая Сьюзен, тоже выбралась из-под навеса, присоединившись к ней. Всех их очень изнурила жара, долгий и утомительный путь до посадочной полосы и жажда, потому что они не удосужились взять с собой в пустыню достаточно воды.

Но хуже всего приходилось Меррику. Он лежал связанный в кузове с кляпом во рту, где не было практически и намека на тень. Он по-прежнему не приходил в себя с того времени, как ему вкололи героин. Обожженное лицо пылало, а вокруг раны роились мухи.

Самолет заскользил по нерасчищенной посадочной полосе и, не сумев затормозить, проехал дальше. Все начали махать и кричать, чтобы ему не вздумалось улететь без них. Пилот резко развернул самолет, и до полной остановки он по инерции все еще катился около сотни футов. Пилот сманеврировал к припаркованному с краю грузовику.

Покинутый город находился как раз позади них. Да и город ли это был? — так, кучка полуразвалившихся зданий, что постепенно сдавались власти пустыни.

Задний трап самолета медленно опустился, напомнив Нине подъемный мост в каком-нибудь средневековом замке. На вершине показался незнакомый ей человек, который, как ни странно, окликнул ее по имени.

— Нина?

Нина горделиво выступила вперед.

— Да, я Нина Виссер.

— Добрый день, — произнес мужчина дружелюбным тоном. — Вы знаете, Дэн Сингер просил меня передать вам, что у правительства Соединенных Штатов есть такая программа, как «Эшелон». С ее помощью они могут прослушивать любой разговор практически в любом конце света.

— И что?

— А то, что, разговаривая по спутниковой связи, вы должны быть предельно осторожны. Кто-то вчера засек ваш разговор.

Пока он говорил это, Кабрильо плавно вышел из-за его спины, нацелив пистолет на Нину. Из самолета показались еще трое мужчин во главе с Линком. Все они были вооружены автоматами, которыми целились в людей, стоявших у грузовика.

— Надеемся, вам здесь нравится. Погода стоит чудесная. У нас вот очень плотный график, мы, к сожалению, не можем доставить вас в полицию лично.

В этот момент один из экологов еле заметно сместился по направлению к грузовику. Хуан отреагировал моментально. Пуля коснулась края подошвы его ботинка.

— Дорогой мой, хорошенько подумай, прежде чем что-то сделать.

Пока остальные члены команды связывали преступников, Хуан под прикрытием Линка переносил Меррика в самолет. Меррик был без сознания. На груди толстой коркой поверх рубашки запеклась кровь. Хуан положил его на свободную койку на борту самолета и вышел обратно на солнцепек, вынося две канистры воды.

— Если вы умело распределите эту воду, вам ее хватит на неделю, не меньше, — произнес он, ставя их в кузов грузовика.

Обыскав бардачок, он нашел спутниковый телефон Нины. Также у водительского сиденья он наткнулся на две винтовки и пистолет. Со всем этим добром он и направился обратно к самолету.

— Детям не следует играть с оружием, — произнес он, обернувшись.

Затем вдруг он остановился и зашагал обратно к кучке ошеломленных людей.

— Чуть не забыл.

Пристально разглядывая их лица, он, наконец, нашел того, кто так тщательно пытался спрятаться за огромным, медведеподобным бородатым детиной. Это была Сьюзен Донливи. Бородач попытался влепить Хуану пощечину, однако действовал он настолько неуклюже и неповоротливо, что Кабрильо без труда уклонился от удара, приставив ствол пистолета к его переносице.

— А ну-ка, попробуй теперь все то же самое, только постарайся как следует!

Тот отступил. Кабрильо, схватив Сьюзен за ворот, потащил к самолету.

Поднимаясь по трапу, он остановился, обратившись к двум младшим членам команды, несшим в руках два бака с горючим.

— Вы знаете, что делать?

— Так точно. Мы отъедем миль на тридцать отсюда и бросим их посреди пустыни.

— Очень хорошо. Так самолет, посланный Сингером, никогда уже не найдет их. Только не забудьте зафиксировать координаты по спутнику, чтобы мы потом смогли их подобрать.

— Будет сделано. Затем мы отправимся в Виндхук, спрячем где-нибудь грузовик и снимем комнату в каком-нибудь отеле.

— Как только прибудете туда, сразу же свяжитесь с нами и сообщите ваши координаты, — произнес Хуан и пожал каждому из них руки. — Не исключено, что мы сможем подхватить вас на обратном пути из Конго, куда отправимся за краденым оружием.

Стоя на вершине трапа, Хуан развернулся к экологам и громко крикнул:

— До встречи через неделю!

Линк последовал за ним, и, как только они втянули трап, Малыш завел двигатели.

Ровно девяносто секунд спустя после посадки они вновь поднялись в воздух, оставляя на земле восьмерых ошеломленных и испуганных террористов, которые еще не представляли себе, с кем связались.

Глава 23

Добро пожаловать на борт, капитан, — встретил Кабрильо Макс Хенли на корабельном мостике. Двое старых добрых друзей горячо пожали руки.

— Как же все-таки хорошо вернуться на «Орегон», — произнес Хуан, едва держась на ногах. — Последние двенадцать часов были самыми худшими в моей жизни.

Кабрильо поприветствовал Юстуса Уленгу, рыбака, на чьем судне Слоун Макинтайр и Тони Ридон подверглись нападению со стороны террористов. После того случая он на время залег на дно в Террас-Бей. Хуан специально попросил Макса связаться с ним и вызвать его на борт.

Уленга вновь любезно коснулся своего козырька, отдавая честь Хуану. Сегодня он получил внушительную пачку зеленых только за то, что предоставил свое судно команде «Орегона», на котором они подобрали Кабрильо и всех остальных. Ведь сам «Орегон» из-за своих внушительных размеров едва бы смог подобраться достаточно близко к побережью. Как только Уленга отогнал «Пингвин» на расстояние, достаточное для маневрирования «Орегоном», мощный грузовой корабль начал набирать скорость.

Джеффри Меррика подняли на борт корабля в специальной медицинской транспортировочной корзине. Накинув халат на перепачканную кровью и машинным маслом форму, Джулия Хаксли уже вовсю вилась вокруг своего подопечного. Также она не забывала и об остальных раненых, которых тоже погрузили на борт.

Меррику предстояла серьезная операция, однако Джулия, полагаясь на помощь двух медбратьев, рассчитывала справиться с ней по возможности быстро.

Тем временем Майк, Ски и Эдди отвели Сьюзен Донливи, связанную, с повязкой на глазах, в отдельный док.

Было очевидно, что ее сильно подкосило то, что тогда, в пустыне, когда Хуан только схватил ее и потащил к самолету, никто даже и слова не сказал ей на прощание.

— Ну, что, док, как он? — поинтересовался Кабрильо у Хаксли. Та сворачивала свой стетоскоп.

— Легкие чистые. Сердцебиение слабое, — взглянула она на капельницу с соляным раствором, которую держал над Мерриком один из ее помощников. — Это уже третья порция соляного раствора, которую мы ему ввели. Я собираюсь сделать переливание крови, чтобы хоть как-то поднять давление, прежде чем приступлю к извлечению пуль, что все еще находятся в его груди. Не нравится мне, что он так ни разу не приходил в себя за все это время.

— Может, дело в героине, что ему вкололи тогда в Дьявольском Оазисе?

— Этого не может быть, он уже должен был вывестись из его организма. Нет, должна быть какая-то другая причина. Видимо, рана инфицирована, у него жар. Нужно срочно вколоть антибиотики.

— А что с остальными. Как Мозес Ндебеле?

Хаксли отвела глаза.

— Я потеряла двух. Ещё один на грани. У остальных же сквозные ранения, жизненно важные органы не задеты. Пока что ни у одного из них не наблюдается лихорадки. Думаю, их жизнь вне опасности. Состояние Мозеса Ндебеле оставляет желать лучшего. Вообще в ноге человека двадцать шесть костей. В ноге же Ндебеле на рентгеновском снимке я насчитала пятьдесят восемь осколков. Если останется хоть какая-то надежда на сохранение ноги, в ближайшие двое суток его надо показать ортопеду.

Кабрильо кивнул.

— Вы-то сами как себя чувствуете?

— Признаться, чувствую я себя намного хуже, чем может казаться, — устало улыбнулся Хуан.

— Значит, чувствуете вы себя паршиво, и так плохо вы еще не выглядели никогда.

— Это ваш профессиональный диагноз?

Джулия приложила ладонь к его лбу, совсем как заботливая мать своему ребенку.

— Так точно.

Хаксли послала своих людей за носилками, чтобы те забрали Меррика. А сама направилась уровнем ниже, туда, где расположили раненых.

— Вы знаете, где меня искать, если я вам понадоблюсь.

Внезапно Хуан вспомнил о Слоун и сам себе подивился, что он смог о ней забыть.

— Джулия, а как же Слоун?

— Дела у нее идут замечательно. Мне даже пришлось выписать ее из палаты, тем более что свободные места в больничном отделении сейчас ох как понадобятся. Более того, я даже приняла ее в качестве младшего морского офицера, — так она хотела быть полезной. Кстати, она, конечно же, хотела вас встретить, но я настояла, чтобы Макинтайр осталась в постели. Несмотря на общее хорошее самочувствие, она все еще очень слаба.

— Спасибо, — только и ответил Хуан, задумчиво глядя вслед удаляющейся фигуре Джулии Хаксли.

К нему незаметно подошел Макс, покуривая свою любимую трубку, которая почему-то издавала очень приятные запахи, что-то среднее между ароматом яблока и кедра.

— Признаюсь, поначалу что-то меня почти остановило связаться с Лэнгом и воспользоваться «Эшелоном». Затем я все же решил положиться на тебя.

Первое, что Хуан предпринял, узнав о провале операции по спасению Меррика — связался с Максом и попросил его выйти на Лэнгстона Оверхольта, чтобы с его помощью воспользоваться системой «Эшелон». Каждые несколько секунд «Эшелон» считывал информацию, разговоры и перепись с мобильных телефонов, обычных и спутниковых телефонов, а также радио, электронной почты, онлайн-переписки и прочих средств коммуникации.

В главном штабе «Эшелона» в Форт-Мид, располагаются тысячи соединенных друг с другом компьютеров, которые распознают всю получаемую информацию, классифицируют ее и дают доступ к ней посредством специально-организованных поисковых систем. Стоит ввести интересующее слово, и база данных тут же реагирует множеством возможных результатов. Что говорить, «Эшелон» — один из основных источников информации для американской разведки.

И только «Эшелон» мог помочь в тот момент Хуану и корпорации отыскать иголку, связанную с именами Меррика, Сингера и Донливи в стоге информационного пространства.

Три минуты спустя после того, как Макс закончил разговор с Оверхольтом, в командный центр «Орегона» по электронной почте прислали запись телефонного разговора Нины Виссер с Дэниелом Сингером.

— Я решил: как только Эдди, Ски и Майка схватили, тот, кого Сингер оставил за главного, непременно должен был с ним связаться, чтобы получить дальнейшие указания к действию. Так оно и произошло, — потер Хуан руками глаза, ожесточенно борясь со сном. — Это же кучка любителей. Я мог поклясться, что у них даже запасного плана не было на случай непредвиденных обстоятельств.

— Как ты поступил с остальными похитителями? — трубка Макса внезапно погасла.

Хуан принялся ходить взад-вперед, в мыслях он уже давно находился в своей стеклянной душевой под освежающей струей воды.

— Мы оставили их посреди пустыни с недельным запасом воды. Пожалуй, попрошу Лэнга связаться с Интерполом. Пусть они, в свою очередь, дадут знать властям Намибии и подберут этих несчастных. Далее, думаю, их перенаправят в Швейцарию, где они предстанут перед судом за похищение. Кстати, Сьюзен Донливи светит еще один срок за попытку преднамеренного убийства.

— Но зачем надо было ее сюда-то везти? Почему бы не оставить ее там, посреди пустыни, гнить вместе с остальными?

Кабрильо замер и обернулся на своего друга.

— Потому что пока еще нет точных координат местонахождения Сингера. Думаю, из всех них лишь Донливи знает, где сейчас скрывается их любимый лидер. Похищение Меррика было лишь отправной точкой в деле, которое задумал Сингер. У нас будет о чем с ней поговорить.

Не прекращая разговор, они направились к каюте Хуана. Там он наконец-то стянул с себя грязную одежду, бросив ее в корзину для белья. Сняв ботинки, он также зашвырнул их

в корзину, предварительно высыпав из правого приличную горсть песка, что попал туда через дыру от пули сорок четвертого калибра.

— Интересно, как бы я ходил, не будь у меня протеза?

Затем он снял и протез, отставив его в сторонку, намереваясь потом отдать его Никсону на починку и перезарядку вставленного в него оружия.

— Марк и Эрик связались с «Орегоном» около часа назад, — уведомил его Макс, усаживаясь на край джакузи, пока Хуан забирался в душевую кабину и включал воду. — Они прочесали около тысячи квадратных миль, однако ни сигналов маячков, ни следов конголезской революционной армии нет.

— Что говорят в ЦРУ? — старался Хуан перекричать шум плещущейся воды. — Есть ли у них вообще какие-нибудь зацепки по поводу Макамбо?

— Абсолютно ничего. Словно этот малый взял и растворился в воздухе, будто его никогда и не было.

— Понимаю, если б он действовал в одиночку. Но как могла бесследно исчезнуть целая армия его последователей человек в шестьсот, не меньше? Расскажи мне поподробней об операции Мерфи.

— Отлетев от причала, они стали кружить с радиусом до двадцати миль в зоне досягаемости сигналов этих чипов.

— Вообще-то река является официальной границей между Республикой Конго и Демократической Республикой Конго. Они держатся южнее нее?

— Да, как оказалось, получить разрешение на проникновение в пространство Республики Конго не так-то просто. Поэтому им ничего не остается, как кружить над демократами.

— Как думаешь, может, Макамбо все-таки ушел на север, прихватив с собой вооружение?

— Вполне вероятно, — согласился Макс. — Если Макамбо скрывается на севере, это очень хорошо объясняет, почему его не могут найти все это время.

— Как я понимаю, в нашем распоряжении остается не более нескольких часов, прежде чем заряд батареи маячков кончится, окончательно похоронив любую возможность найти Макамбо, — Хуан выключил воду и распахнул дверь душевой. Теперь он был чист, но отнюдь не бодр и свеж, как это бывало ранее после хорошего душа. Макс подал ему пушистое полотенце.

— Свяжись с Марком и передай ему: пусть сделает все возможное и невозможное, только через несколько минут он должен быть на территории Республики Конго. Я могу поклясться, что оружие ушло не далее ста пятидесяти миль севернее от реки.

— Хорошо, я так и сделаю, — произнес Макс и зашагал к двери.

Расчесываться Хуану не пришлось, так как волосы всегда были у него достаточно коротки. Он взялся было за бритву, однако передумал бриться, решив, что с щетиной тридцатичасовой давности выглядит намного устрашающе. К тому же темные круги под глазами и краснота век придавали ему некий демонический вид. Все сочеталось как нельзя кстати. Для полной картины он еще и облачился в черные байковые штаны и черную футболку.

Так он и вышел, заскочив на пути к корабельному трюму в изобретательский отдел забрать новенький протез. Около трюма он столкнулся с Линдой Росс. Она, видимо, погрузилась в изучение информации, которую получала на свой маленький карманный компьютер посредством беспроводного Интернета.

— Как наш уважаемый гость? — поинтересовался он, приблизившись к Росс.

— Взгляните сами, — ответила она и протянула Хуану устройство. — Спешу поздравить вас с успешным завершением миссии.

— Да что вы! На самом деле, не меня одного стоит благодарить!

На экране он увидел картинку камеры, что была установлена в доке, куда поместили Сьюзен. Ее наручниками пристегнули к столику из нержавеющей стали, на котором сутки

назад Хуан складывал свой нейлоновый парашют. Док практически не освещался, если не считать единственную мощную галогеновую лампочку, что конусообразно выхватывала пространство над столом, чтобы Донливи ничего не могла видеть по сторонам. Камера же располагалась прямо над лампочкой.

Волосы Сьюзен были грязные и спутанные, а руки — сплошь усыпаны гнойничковыми укусами местных насекомых. Казалось, кровь совсем перестала течь по ее жилам, а лицо покрывала смертельная бледность. Приблизив картинку, Хуан увидел, что нижняя губа ее дергалась, а в глазах отражалось полное безумство и ужас. Кроме того, ее прошибал пот.

— Если бы мы ее не привязали, не ручаюсь за те последствия, коими это могло для нее обернуться.

— Вы готовы? — спросил Хуан.

— Почти. Я как раз просматривала свежую информацию.

— Да полно вам. Как всегда говорит Макс, перед смертью не надышишься.

— Макс Хенли — это Макс Хенли, — произнесла она и выключила компьютер. — Идем?

Хуан открыл дверь трюма. Жар моментально накинулся на него. Оказалось, что тот, кто бросил Донливи в эту темницу, включил обогрев на полную мощь. На самом деле, за всем этим стояла Линда. Она сказала позже Хуану, что высокая температура, равно как и испытание ярким светом, были стратегической частью допроса. Они заранее готовили жертву, подавляя ее нервную систему.

Линда и Хуан тихонько вошли в трюм, однако остановились за пределами светового круга.

— Кто здесь? — раздался срывающийся голос Сьюзен Донливи.

Тишина стояла почти звенящая.

— Кто здесь? — пронзительно прокричала она. — Вы не можете меня здесь вот так держать! У меня есть права!

Донливи балансировала на грани паники и гнева. Задача успешного допроса заключалась как раз в том, чтобы не дать жертве пасть во власть какого-либо одного чувства. Признанным мастером подобных штук как раз и была Линда Росс. Она отлично видела, как гнев потихоньку овладевал Донливи, как напряглись мускулы ее лица и шеи. За секунду до того, как та разразилась криком, Росс вступила в световой круг. На лице Сьюзен отразилось недоумение от вида еще одной женщины, что имела теперь над ней власть.

— Мисс Донливи, для начала хочу сообщить вам, что прав вы не имеете абсолютно никаких. Вы находитесь на борту корабля, плавающего под иранским флагом в нейтральных водах. Здесь ни одному человеку никогда не взбредет в голову уважать вас или каким бы то ни было образом считаться с вами. Вы должны это понять. У вас всего лишь две возможности. И только. Или вы говорите мне то, что я хочу узнать. Или вы попадете в руки человека, главное кредо которого «в бою все средства хороши».

— Кто вы? Вас наняли, чтобы спасти Джеффри Меррика, ведь так? Теперь он у вас, так сдайте меня полиции или кому там еще.

— Ну, вы сами и ответили на свой вопрос. Мы и есть те «кто-то еще». А теперь вы скажете мне, где сейчас находится Дэниел Сингер и что он вообще замышляет. Все, от начала и до конца.

— Я не знаю, где он сейчас, — выпалила Сьюзен.

«Слишком быстро, для того, чтобы это было правдой», — отметила Линда.

Она печально покачала головой.

— Вы расстраиваете меня, мисс Донливи. Я так надеялась, что мы с вами подружимся и будем сотрудничать. Мистер Смит, не будете ли вы так любезны присоединиться к нашей беседе, — произнесла она, обращаясь к Хуану.

Хуан выступил из темноты.

— Познакомьтесь, это мистер Смит. До вступления в наши ряды он работал на правительство США по делам с террористами. И, прошу заметить, работал он весьма

успешно. Сколько преступников было поймано с его помощью! Может быть, до вас доходили слухи о том, что правительство высылало многих своих преступников в страны с более мягкими законами относительно пыток. Вот там-то мистер Смит и процветал. Очень полезна была добытая им информация как для ЦРУ, так и для многих других подобных организаций. Хочу добавить лишь одно: еще никогда за всю свою карьеру он не выходил проигравшим.

Сьюзен Донливи невольно задрожала, взглянув на Хуана.

— Даже самые мужественные и стойкие не могли устоять под натиском мистера Смита. Даже те, кто давал клятву верности, заведомо выбрав смерть, нежели раскрыть противнику тайну.

Хуан мягко провел своей рукой по руке Донливи. Это скорее было похоже на проявление заботы и любви со стороны близкого человека, нежели на поведение кровожадного палача. Сьюзен сжалась и попыталась отдернуть руку, однако оковы не позволили ей сдвинуться более чем на пару дюймов. Страх перед болью был намного действеннее, чем сама боль. В голове Сьюзен уже роились кровавые сцены пыток, какие и представить себе не могли ни Хуан, ни Линда. Очередной хитрый ход принес ожидаемый эффект. Донливи истязала сама себя. Мысленно.

Линда потрясающе чувствовала время. Она выжидала, пока воображаемые мучения Сьюзен достигнут своего пика. Сознание Донливи металось в поисках внутренних сил, уверенности, храбрости.

— А как он поступит с женщиной, я даже не могу себе представить, — мягко произнесла Росс. — Знаю лишь одно: не хотела бы я стать свидетелем работы мистера Смита. Скажите мне то, что я хочу знать, и этот человек вас не тронет, обещаю вам, — Линда наклонилась к ней так близко, что лица их теперь разделяло не более пары дюймов. Однако она удостоверилась, что Хуан по-прежнему оставался в поле ее зрения.

Хуан едва сдержал улыбку, когда увидел надежду и доверие в глазах Сьюзен, пока та смотрела на Линду. Теперь-то они точно все выведают, и даже больше.

— Где Дэниел Сингер, Сьюзен? — прошептала Линда.

Донливи устремила взгляд на стол, видимо, внутри нее боролись два желания: сохранить клятву верности, данную боссу, и не попасть в руки этого мистера Смита.

Вдруг она остервенело плюнула в лицо Линды.

— Будь ты проклята! Я тебе ничего не скажу.

Линда только хладнокровно вытерла щеку, но ни на дюйм не отодвинулась от Донливи.

— Поймите, я не хочу этого делать. Честно вам говорю. Я знаю, как много значит для вас защита окружающей среды. Возможно, вы даже готовы отдать жизнь за нее. Но, уверяю вас, вы даже представить себе не можете, что вас ждет. Какую боль вам придется испытать.

Выпрямившись, Линда приблизилась к Хуану.

— Мистер Смит, простите меня, но я попрошу вас пока не вынимать своих инструментов. Я надеюсь, что наша гостья будет более дружелюбна. Я обещаю, что потом лично помогу вам со всем необходимым оборудованием. И тогда оставлю вас двоих наедине.

Затем она вновь взглянула на Сьюзен.

— Вы понимаете, что после того, что с вами сегодня произойдет, вы будете содрогаться каждый раз, как взглянете на себя в зеркало.

— Я ни за что на свете не сдам вам Дэниела Сингера, — дерзко прокричала она.

— А теперь задайтесь вопросом, на что он пойдет ради вас?

— Дело не во мне. Дело в защите планеты.

Линда молча огляделась вокруг себя, словно что-то искала.

— Сьюзен, что-то я больше никого не вижу вокруг нас. Значит, все дело именно в вас. Сингер сейчас где-нибудь отдыхает в уюте и безопасности и даже не подозревает, что вы здесь привязаны к столу. Подумайте хорошенько о том, долго ли вы протянете после сегодняшней ночи. Вы можете оказаться в намибийской тюрьме — тогда ваш приговор подписан. Или же вы можете отсидеть срок в европейской тюрьме повышенного комфорта.

Нам решать. Но все-таки выбор за вами.

— Если вы тронете меня хотя бы пальцем, клянусь вам, вы поплатитесь за это, — плюнула Сьюзен.

Линда подняла бровь.

— Простите, правильно ли я поняла? Заплатим? — она захихикала. — Да вы хоть знаете, кто мы такие? И как же вы собираетесь заставить нас заплатить? Вы так и не поняли. Вы, ваше тело, ваша душа — все это целиком и полностью находится в нашей власти. Мы вправе делать с вами то, что захотим. И никто никогда не заставит нас заплатить за это. Теперь ваша собственная жизнь более не принадлежит вам. Это право автоматически перешло к нам, как только вы оказались здесь. И ваше скорейшее освобождение от нашей власти напрямую зависит от того, будете ли вы послушной девочкой или нет.

Сьюзен Донливи молчала.

— Давайте так: вы мне скажете о планах Сингера, а я позабочусь о том, чтобы вас отсюда прямиком доставили в Швейцарию, где вы предстанете перед судом только лишь по делу о похищении. Джеффри Меррика я возьму на себя.

Линда искусно пользовалась приманкой, предлагая Сьюзен сделку, от которой она не могла отказаться.

— Хорошо, я не требую, чтобы вы сказали мне, где находится Сингер. Только расскажите мне о его замысле, и тогда вы даже не представляете, насколько ваша участь станет легче. Ну что, решать вам. На одной чаше весов — пара-тройка лет в швейцарской тюрьме, на другой — десятилетия гниения в тюрьмах третьего мира. Давайте же, Сьюзен. Облегчите себе жизнь. Станьте ее хозяином.

Линда пыталась заставить ее поверить, что она ничего не потеряет, раскрыв тайну Сингера, а только приобретет. Как сильно это иногда может действовать. Если бы эта информация не была нужна так срочно, Линда воспользовалась бы другой тактикой, для начала всего лишь наладив доверительный диалог, нежели чем сразу же переходить к прессингу. Хотя в данной ситуации казалось, что это форсирование событие потихоньку начинало приносить результат. Дерзость Донливи превратилась в сомнение.

— Никто никогда об этом не узнает, — продолжала Линда. — Скажите мне, что он задумал. Он хочет устроить какое-то шоу? И чтобы Меррик непременно стал его свидетелем? Просто кивните, вам не нужно ничего говорить.

Сьюзен осталась неподвижной. Только непроизвольно опустила глаза.

— Вот видите. Это же не было так сложно, — проворковала Линда. — И что же представляет собой данное шоу? Мы знаем, что это как-то связано с подогревом вод течения Бенгела.

Глаза Сьюзен раскрылись в шоке.

— Да, нам это уже известно. Мы также нашли электрогенераторы, которые работают на приливной энергии, и подводные водонагреватели. Кстати, мы отключили их некоторое время назад. Так что часть плана Дэниела Сингера уже сорвана, но не об этом сейчас речь. Сейчас важно то, что вы мне собираетесь рассказать.

Сьюзен молчала.

Линда в нетерпении всплеснула руками.

— Нет, это просто потеря моего драгоценного времени. Я пытаюсь оказать вам услугу, а вы даже не хотите воспользоваться ею. Значит, вы сами этого захотели. Мистер Смит.

Линда решительно зашагала прочь из дока, за ней последовал и Хуан, закрыв за собой дверь на замок.

— Бог мой, какой же устрашающей вы иногда можете быть! — произнес Хуан.

Не поднимая головы от карманного компьютера, Линда произнесла:

— Однако этого было недостаточно. Я надеялась, что она расколется.

— Что она сейчас делает?

— Дрожит, как осиновый лист.

— Значит, мы все-таки сделали это?

— Я навещу ее где-то через полчаса. Думаю, этого как раз достаточно, чтобы она одумалась. Если, конечно, это вообще произойдет.

— А если она продолжит играть в молчанку?

— Времени у нас на пределе, скорее всего — перейду к наркотикам. Хотя я бы очень не хотела, чтобы до этого дошло. Когда прибегаешь к наркотикам, часто пациент говорит только то, что ты хочешь услышать, а правда остается где-то за кадром. Хотя, если задуматься…

Вдруг Сьюзен Донливи начала громко кричать:

— Вернитесь, пожалуйста, вернитесь! Я расскажу вам все, что он собирается сделать.

Какая-то необъяснимая тень прошла по глазам Линды. Никакого торжества, что жертва раскололась.

— Что такое?

— Ничего, все в порядке.

— Линда, что происходит?

Она взглянула на него.

— Ненавижу я это. Ломать людей. Сначала ты врешь им, прикладываешь к этому все усилия, затем они раскалываются… Это тяжело оседает у меня на душе. С каждым новым разом какая-то часть меня умирает. Ты видишь перед собой человека, ты узнаешь о нем все до мельчайших подробностей. Ты понимаешь ход его мыслей. Он доверяет тебе все самое сокровенное, свои тайны, мечты, секреты, который он никогда не думал, что кому-то откроет. Через пару часов я уже буду многое знать о Сьюзен. Она сблизится со мной. Но это какая-то противная, неприятная близость, не как между дорогими друзьями. Это словно я просто краду информацию, мысли, надежды. Мне ненавистно все это, Хуан.

— Вы мне никогда об этом не говорили, — мягко произнес Хуан. — Если бы я знал, никогда бы не заставил вас это делать.

— Поэтому я и не говорила вам. Ведь вы наняли меня именно из-за моих способностей и опыта, которых пока нет ни у кого из нашей команды. Это моя работа. И моя личная неприязнь к ее определенной части отнюдь не является мне оправданием.

Хуан утешительно похлопал ее по плечу.

— Вы уверены, что справитесь?

— Разумеется. Пусть покричит пару минут. Затем я вновь присоединюсь к ней. Как только я получу все, что нам нужно, тут же свяжусь с вами. А перед сном выпью стакан вина и навсегда забуду о Сьюзен Донливи. Кстати, выглядите вы ужасно. Вам нужно немного отдохнуть.

— Спасибо, только вы меня тут понимаете.

Хуан развернулся и зашагал к собственной каюте, размышляя, как многим каждый из них жертвует, работая в Корпорации. Конечно, все они рискуют физически, принимаясь за очередную операцию, но с каждой новой миссией в них происходят те или иные ментальные сбои. Это не война, а они не солдаты, у которых есть одна лишь отговорка — «мы просто выполняли приказ». Они не могут полностью абстрагироваться от своей работы, она стала частью их жизней. Они вступили на этот путь, чтобы защитить общество и каждого человека в отдельности, но редко задумывались над тем, насколько правильны и приемлемы их собственные действия.

Как много раз Хуан и сам ощущал на себе весь этот груз ответственности! Сколько раз он уже переступал через себя и через законы международного права, чтобы обеспечить безопасность и спокойствие в мире. Как странно это: чтобы добиться добра, необходимо прибегнуть ко злу.

Добравшись до каюты, Хуан твердо осознал, что иного выхода у них не было.

В борьбе с врагом надо играть по его правилам. Никогда никому не удастся побороть террористов, соблюдая нормы и руководствуясь добродетелями. Для них ведь закон не

писан, они берут и без зазрения совести врезаются на самолетах в небоскребы, полные невинных людей. Те времена, когда война была честной и проходила открыто на полях сражений, давно прошли. Сейчас все стало по-другому. Маленькие войны сейчас можно наблюдать каждый день в метро, в клубах, в мечетях, на рынках…

Войдя в каюту, Кабрильо задернул шторы. Медленно раздевшись, он залез в холодные простыни, но, несмотря на адскую усталость, сон никак не шел.

Глава 24

Яркий солнечный свет упрямо пробивался сквозь щель в шторах и бил по глазам. Сквозь веки он казался почти алым.

Его разбудил телефонный звонок. Проспал он несколько часов. Поборов себя, Хуан уселся на кровати и тяжело облокотился на изголовье. Ощущение было такое, будто накануне он провел не менее пятнадцати раундов с чемпионом по борьбе в тяжелой категории и не выиграл ни одного.

— Слушаю, — произнес Хуан, облизывая высохшие губы.

— Извини, что потревожил твой нежный сон. — Это был Макс. Прозвучало это несколько иронично, будто ему доставляло огромное удовольствие будить полностью истощенного и измотанного друга в столь ранний час.

— Собрание основного состава «Орегона». Через пятнадцать минут в конференц-зале. Серьезные изменения в наших планах.

— Ну, хоть намекни, что случилось? — протянул Хуан, откидывая простыни. От протеза и чудовищной нагрузки, которую получило колено за последние несколько дней, правая его нога распухла и саднила. Благо, один из помощников Джулии был профессиональным массажистом. «Надо срочно к нему обратиться, если я все-таки еще собираюсь участвовать в дальнейших операциях», — подумал он.

— Дэниел Сингер задумал спровоцировать обширнейший разлив нефти, доселе невиданный на земле. А помогают ему в этом наемники, которых мы лично снабдили кучей оружия.

От этой шокирующей новости сна у Кабрильо не осталось ни в одном глазу.

Через четырнадцать минут он уже восседал в конференц-зале. Волосы все еще были влажные от принятого наспех душа. Морис уже суетился вокруг, предварительно поставив перед ним огромное блюдо с еще шипящим омлетом, сосисками и луковыми кольцами. Однако соблазнительный запах горячего завтрака, казалось, не привлек его внимания. Первая мысль была о Линде Росс. Миниатюрная женщина, возглавлявшая на «Орегоне» отдел разведки, сидела на своем привычном месте, как всегда уставившись в экран компьютера. На этот раз это был ноутбук. Лицо Линды в то утро отличалось особой бледностью, что роднила ее с хрупкой фарфоровой куклой, а глаза, обычно живые и блестящие, потускнели, и казалось, будто надежда навсегда покинула этот бренный мир.

Всего несколько часов назад приступила она к обработке Сьюзен Донливи, а уже, казалось, постарела на десяток лет. Встретившись взглядом с Хуаном, Линда попыталась улыбнуться, но улыбка так и не украсила ее губ. Кабрильо понимающе кивнул.

На заседании присутствовали также Эдди Сенг и Майк Троно, поскольку в этот раз Мерфи и Стоун были на задании.

Последним в огромной круглой комнате появился Макс, на ходу он разговаривал по телефону.

— Да, все верно. Прибрежная нефтяная установка. Точно я не могу сказать, где она находится. Ваш пилот наверняка подкинет вам пару идей.

Затем он на секунду замолк, внимательно слушая ответ.

— Да знаю я, что некоторые из микрочипов уже разрядились, однако хоть пара-то должна еще работать. Вам просто нужно уменьшить радиус круга, продолжайте обследовать территорию.

— Мерф? — поинтересовался Хуан, наспех проглотив кусок омлета.

— Хочу, чтобы они уделили основное внимание прибрежной зоне. Проведя небольшое расследование, я выяснил, что практически вдоль всего берега, от самого устья реки Конго и до самой северной провинции Кабинда, что принадлежит Анголе, растянулись нефтяные вышки.

— Ангола располагается южнее Конго, разве нет? — произнес Эдди Сенг.

— Пару часов назад я был в этом уверен, — Макс уселся в свое кресло. — Однако, как выяснилось, севернее Конго мы имеем дело с так называемым анклавом, который, между прочим, в прямом смысле слова сидит на богатейших месторождениях нефти. Чтобы дать вам возможность ощутить реальные масштабы этих месторождений, скажу лишь одно: с их помощью правительство США получает неочищенной нефти почти раза в три больше, чем из Кувейта, нашего основного поставщика этого продукта.

— Линда, как ваши успехи? — обратился Хуан к Росс.

Она выпрямилась.

— Как вы уже знаете, Дэниел Сингер принудил Джеффри Меррика выкупить его пакет акций. Вырученные деньги пошли на финансирование независимых организаций по защите экологии — охране тропических лесов в Южной Америке, защите водоемов в Африке и многие другие. Таким образом, он купил себе сторонников практически по всему земному шару. Поначалу руководствовался он весьма благими намерениями — действительно сохранить окружающую среду. Однако через несколько лет к нему пришло осознание, что все вложенные им средства не принесли абсолютно никакого результата. Была ли соизмерима парочка спасенных животных или несколько акров сохраненной земли с тем, что он рассчитывал получить в итоге? Он понял, что этот способ проигрышен, когда речь идет о бестолковом населении планеты, которое никак не может осознать всей опасности современного состояния окружающей среды. Никакие деньги не заставят людей сознательно отказаться от привычного образа жизни, от всех тех удобств, что значительно облегчают жизнь, делая ее более приятной и комфортной.

— И поэтому он решил перейти к более радикальным мерам? — поинтересовался Хуан.

— Мало того, что к радикальным, так еще и заручившись поддержкой фанатиков-экстремистов.

На секунду Линда погрузилась в экран своего ноутбука.

— По показаниям Сьюзен, поначалу Сингер организовывал банды, которые поджигали особняки богачей в таких штатах, как Колорадо, Юта и Вермонт. Одновременно, атаке подвергались и нефтяные вышки. Обычно они забрасывали в рядом стоящие цистерны с горючим, в которых нефть доставлялась покупателям, мячи для гольфа или тонны песка.

— Мячи для гольфа? — переспросил Линк.

— По ее словам, разлагающаяся резина приносит нефти еще больший ущерб, нежели примеси соли или сахара. Сингер подсчитал, что нанесенный им урон ведущим нефтяным компаниям мира зашкаливал уже за пятьдесят миллионов долларов. Однако и этого было недостаточно, чтобы люди образумились. Сингер уже подумывал о том, чтобы рассылать по почте небольшие бомбы с часовым механизмом главам нефтяных корпораций, однако справедливо посчитал, что ничем хорошим это не закончится: те лишь ограничатся заменой главного рассыльного. Примерно в это же время к нему в руки попала информация о том, что последующие два года ураганы в здешних местах обещают быть особенно жестокими. Конечно, ураганы всегда воспринимались как естественные капризы природы, однако средства массовой информации с неизменным успехом приписывали их к последствиям глобального потепления. Поэтому-то он и задумал найти способ еще больше усилить их мощь.

— Получается, все-таки мы были правы относительно тех водонагревательных установок в Намибии? — переспросил Кабрильо.

— Получается, что так. После этого Сингер оборвал все связи с экологическими

организациями, приступив к осуществлению своего коварного замысла. Для этого он нанял высококвалифицированных климатологов и океанографов. Тех заставили поверить, что все это — лишь научный эксперимент, не предназначенный для реализации в действительности. Так они и разработали эти водонагревательные установки, что позволили поднять температуру вод течения Бенгела на несколько градусов. А этого, как мы уже с вами выяснили ранее, оказалось бы достаточно, чтобы увеличить мощь надвигающихся ураганов. К счастью, в настоящее время и генераторы, и водонагреватели выведены из строя.

— Однако невозможно пойти против устройства природы, — продолжила Линда. — Как невозможно и регулировать мощь и ход ураганов. Даже ядерному взрыву было бы не под силу изменить скорость их ветра или их направление. Однако, воздействуя на сами очаги их зарождения, как убежден Сингер, можно добиться появления так называемых сверхураганов, чья сила и мощь уже не будут укладываться в пятибалльную шкалу Сэффира-Симпсона.

— Но какое отношение все эти ураганы имеют к нефтяным месторождениям? — произнес Эдди Сенг.

— Вот с этим-то Сингер и собирается поиграть на нервах у остальных людей, конечно, не без помощи средств массовой информации. Как известно, нефть, добываемая в здешних месторождениях, отличается самым высоким содержанием бензола в мире. Даже на Аляске такого не встретишь. А уж нефть в недавно открытых месторождениях Анголы и Конго намного превышает даже средние показатели по этому нефтяному району. Более того, здешняя нефть еще и загрязнена мышьяком. Конечно же, все эти вредные примеси уходят на стадии переработки нефти, однако в момент добычи она представляет собой гремучую бензолово-мышьячную смесь, которая является одним из самых опасных запрещенных канцерогенов в мире.

— Видимо, подспудно он решил отравить и банду африканских наемников, — произнесла Линда с отвращением в голосе.

— Может и так, однако главная его задача — это спровоцировать обширный разлив этой опасной, загрязнённой нефти с ее последующим испарением.

— И как только эти опасные для жизни вещества поднимутся в воздух, их подхватят западные ветра и отнесут их восточному побережью, — заключил Хуан.

— Ну, допустим, ему удастся вызвать разлив нефти, пусть даже большой. Но разве нет способов если не ликвидировать пятно, то хотя бы нейтрализовать его губительные свойства до того, как инцидент перерастет в мировую экологическую катастрофу? — вмешался Майк.

— Если бы все было так просто… — ответил Хуан. — Во-первых, в этой части света дела с ликвидацией нефтяных пятен и прочих связанных с ними аварий обстоят не так уж хорошо. Мягко говоря, они даже не предусмотрены ни законом, ни техникой безопасности. На здешних нефтяных вышках едва ли найдутся специально оборудованные баржи по сбору нефтяной пленки или хотя бы нейтрализации ее вредных испарений. К тому же Сингер хорошо потрудился, чтобы реализовать свою мечту. В здешних местах этих нефтяных установок видимо-невидимо, так что даже если международные команды и возьмутся за очистку пострадавших территорий, опередить испарение все равно будет им не под силу, — прокомментировал Хуан.

— Чертов придурок, — не сдержался Линк. — Здорово он все продумал. Ведь, насколько мне известно, бригадам экологов еще под силу остановить разлив нефти, если она дала течь на каком-нибудь танкере, однако в данном случае ситуация гораздо серьезнее. Сингер собирается вывести из строя нефтяные вышки так, чтобы под напором нефть все равно продолжала поступать, а прекратить ее подачу уже будет невозможно. Поэтому масштабы этой диверсии могут превзойти даже самые смелые ожидания Дэниела Сингера. Да и его вооруженные наемники вряд ли любезно подпустят какую-нибудь спасательную бригаду к этим самым установкам.

— Как только нефть окажется на поверхности воды, когда начнется ее испарение? — спросил Макс.

— Сразу же, — ответил Линк. — Однако ветрам понадобится где-то около недели, чтобы доставить эти токсины через Атлантику. Если наемники не подведут Сингера, через пару дней в мире уже будут обсуждать нефтяную катастрофу в сотни раз масштабнее, нежели авария на «Эксон Валдис».

— То есть иными словами, спасение мира снова в наших руках, — заключил Хуан, обводя взглядом присутствующих. — Нам придется отстоять нефтяные сооружения.

— А вот с этим могут быть проблемы, — отозвался Эдди. Сложив руки на стол, он продолжил: — Линда, вы сказали Максу, что Сингер нанял Самуила Макамбо для выведения вышек из строя?

— Да, об этом я узнала от Сьюзен Донливи. Она также упоминала и о Конголезской армии революции. Сингер заключил с Макамбо выгодную сделку, политика здесь совершенно не при чем. За пару-тройку миллионов Сингера Макамбо готов бросить своих людей в любую часть земного шара.

— Славный малый, — саркастически заметила Линда. — Его люди преданно следуют любому его приказу, свято веря в политические устои своей партии, когда здесь политики-то и след простыл. И получается, что на самом деле они расстаются с жизнями во имя всемогущего доллара и какого-то спятившего миллиардера-американца. Ненавижу Африку за это!

— Да, вы правы, — согласился с ней Эдди. — Однако вернемся к нашей операции. Самая главная проблема заключается в том, что мы лично снарядили армию Макамбо внушительным запасом «АК-47» и припасов к ним.

Хуан догадался моментально.

— Ну конечно. Боевые возможности «Орегона» превышают таковые любых других военных судов. Но какая польза нам оттого, что мы можем взять и в долю секунды уничтожить всех наемников Сингера? Ведь они-то, защищая нефтяные установки, будут прикрываться за обслуживающими их нефтяниками.

— Вот об этом-то я и говорю, — Эдди облокотился на стол. — Макамбо вынудит нас лично вступить в бой с его солдатами. А численность его войск, по полученным данным, зашкаливает за тысячу-другую. И ему не составляет никакого труда выставить на каждой вышке по сотне вооруженных солдат. И что тогда? Нас слишком мало, чтобы еще нести какие-то потери. К тому же на помощь вооруженных сил Анголы рассчитывать не приходится, — добавил он, прервав всеобщее молчание. — Макамбо понадобится пара дней, чтобы навести порядок в своих рядах, а Сингер превратит дельту Конго в отвратительно пахнущее озеро с непрекращающимся фонтаном нефти. И если у нас не хватит сил отвоевать вышки у повстанцев, в нашем распоряжении пока еще есть день, чтобы завладеть ими раньше, чем до них доберутся люди Макамбо.

Среди присутствующих вновь повисло молчание. Эдди прав. Опровергнуть его суждение нечем.

Вдруг в полураспахнутые двери тихонько постучали. Хуан был рад видеть Слоун Макинтайр, хоть она и предстала перед ними в паре мешковатых шорт и однотонной футболке. Рука все еще висела в петле, повязанной через шею. Медно-рыжие волосы волнами спадали на плечи. Впервые Хуан видел ее с макияжем. Тушь подчеркивала глубину огромных серых глаз, а пара искусных взмахов кисточкой с румянами по щекам почти скрыла мертвенную бледность ее все еще слабого организма. Даже губы переливались чарующим блеском.

— Надеюсь, я вам не помешала, — произнесла она с извиняющейся улыбкой.

Хуан вскочил на ноги.

— Нет, нисколько. Как вы себя чувствуете?

— Замечательно. Доктор Хаксли говорит, что недели через две я уже полностью поправлюсь, конечно, если буду следовать всем ее предписаниям. Повсюду на корабле только и обсуждают, как вы умудрились спасти не только своих парней и Джеффри

Меррика, но еще какого-то африканского лидера из Зимбабве.

— Поверьте, мне это удалось только потому, что моя команда всегда была рядом.

— Я всего лишь проходила мимо и решила с вами поздороваться, — произнесла она, удостоив Хуана взглядом. — Надеюсь, вы еще не забыли о своем обещании рассказать мне все в подробностях о том, кто вы такой, чем занимаетесь и откуда у вас такой корабль. Я вас еще навещу в вашей каюте.

— Обещаю, что всё вам расскажу. До встречи, Слоун.

— Ну, так что мы все-таки собираемся делать? — напрямик спросил Макс, чтобы вернуть разговор в прежнее русло.

— Думаю, сначала нам необходимо связаться с Лэнгстоном, — ответила Линда. — Если ему не удастся выслать нам на помощь отряд быстрого реагирования, так он хотя бы предупредит правительства Анголы и Конго о надвигающейся атаке террористов.

— Кстати, в каких мы отношениях с этими странами? — поинтересовался Линк.

— Понятия не имею.

— Может, нам также стоит связаться с нашими бывшими сотрудниками — Диком Труиттом, Карлом Генноном и Бобом Медоузом? — предложил Майк. — Мне известно, что Тони Райс владеет одним охранным агентством в Калифорнии.

— Кстати, у нефтяных компаний наверняка есть своя собственная охрана, — произнес Макс. — Хуан, что скажешь?

— А?

— Наше общество тебе наскучило?

— Нет, что вы, — сказал он, поднимаясь на ноги. — Вернусь через минуту.

Кабрильо проворно выбежал из зала прежде, чем кто-либо успел спросить его, куда он направлялся. Он зашагал по длинному коридору, ссутулившись и погрузившись в глубокие раздумья. Решения всегда легко и спонтанно приходили к нему. И это последнее не было исключением. Но перед тем как приступить к действиям, что-то обязывало его задать этот вопрос. Он догнал Слоун у кабинета Линды Росс.

— Хуан! — вскрикнула она, удивившись его внезапному появлению.

— Насколько вы уверены, что сокровища все-таки находятся на борту «Бродяги»? — проигнорировал он ее замешательство. Он задумал нечто такое, на что было недостаточно даже солидного капитала всей его Корпорации, а на финансовую помощь ЦРУ можно было даже и не рассчитывать.

— Простите?

— «Бродяга». Насколько вы уверены, что корабль набит алмазами?

— Я не могу быть… А что вы задумали?

— Просто скажите, каковы шансы. Сто к одному? Ну же!

На секунду она замолкла, собираясь с мыслями.

— Эйч Эй Райдер был самым лучшим проводником во всей Африке. Соответственно, пустыню он знал намного лучше всех остальных. И я уверена в том, что он провел своих путников через Калахари настолько же, насколько уверена, что стою здесь сейчас перед вами. С ними же свой длинный путь проделали и алмазы.

— Значит, они все-таки на борту «Бродяги»?

— Да.

— Вы уверены?

— Абсолютно.

— Спасибо огромное.

Он повернулся, однако Слоун схватила его за руку.

— Что случилось? Зачем вам все это? Почему вы спросили меня про эти алмазы?

— Потому что я собираюсь пообещать их одному человеку, который может мне помочь.

— Вам ведь неизвестно, где находится «Бродяга». Поиски могут продлиться многие

годы.

Хуан хитро усмехнулся.

— У меня на примете есть один человек, который, кстати, у меня в долгу. Он-то и займется его поисками.

— Интересно, кому и за что вы собираетесь посулить бриллианты?

Решительность Кабрильо застала Слоун врасплох. Однако в последний момент она вдруг вспомнила о подлинной цели своего визита в Намибию.

— Стойте! Ведь эти алмазы принадлежат моей компании. И никак не вам!

— Не хочу вас огорчать, однако по морским законам их хозяином станет тот, кто их найдет. Идемте.

По пути Хуан заглянул к себе в каюту взять кое-то из сейфа. Затем они направились в каюту для гостей. Кабрильо постучался в дверь. Мозес Ндебеле сидел на полу в окружении четырех своих людей и вел с ними мирную беседу. Все они были серьезно ранены, но отказывались покидать своего вождя. Трости и костыли усыпали пол каюты, словно детские игрушки. Четверо африканцев искренне улыбались, глядя на своего прославленного лидера.

Мозес только собрался было подняться на ноги, поприветствовать своих гостей, как Хуан тут же жестом усадил его обратно.

— Ваша доктор Хаксли сказала, что протез мне не понадобится, — произнес Ндебеле.

— Рад слышать это. Мне, конечно, неплохо живется с моим. Но как бы я хотел, чтобы у меня были обе ноги, — произнес Хуан, пожимая ему руку. — Мы можем поговорить с вами с глазу на глаз?

— Разумеется, капитан, — он сказал пару слов своим солдатам, и те неуклюже зашагали в соседнюю комнату.

Хуан подождал, пока за ними не закрылась дверь.

— Каковы шансы, что вы сможете свергнуть действующий режим в Зимбабве и вернете своей стране былое процветание?

— Отвечу вам, как мужчина мужчине. У меня много последователей, готовых драться за меня до последней капли крови. Но у моих людей практически нет оружия. Нынешняя власть лишена всякого милосердия и сострадания. Она пойдет по головам, лишь бы удержать свои позиции.

— И что необходимо, чтобы свергнуть эту кровавую группировку?

— То же, что и всегда. Время и деньги.

— За время поручиться не могу, но что вы скажете, если я профинансирую ваше освободительное движение?

— Капитан, мне известно о вашем мужестве и чести. Однако в данном случае речь идет о десятках миллионов долларов.

— Мистер Ндебеле, а я говорю о сотнях миллионов долларов, — Хуан помедлил секунду, позволяя ему переварить сказанное, а затем продолжил: — Они ваши. Но мне понадобится ваша помощь.

— Всегда рад помочь друзьям. И деньги этому не причина. Что я могу для вас сделать?

— Мне понадобится сотня ваших отборных бойцов, — ответил Кабрильо. И кратко обрисовал ему всю ситуацию. Ндебеле выслушал его спокойно, не перебивая, однако Слоун пару раз не удержалась от восклицаний, когда услышала о планах Сингера устроить нефтяной потоп и подчинить себе ураганы, которые должны были в скором времени обрушиться на Соединенные Штаты, и в частности — на ее родную Флориду.

— Мои люди, не задумываясь, пожертвуют своими жизнями за своих детей, жен, за свою страну, — начал Ндебеле, — однако вы просите меня послать их на верную, но пустую гибель, не дав им шанса умереть с честью за свою родину. За вашу помощь я могу предложить вам лишь свои собственные услуги, я последую за вами на край земли, но не просите меня отдавать этот чудовищный приказ моим солдатам.

— Но ведь они и будут бороться за свою страну, — продолжил Хуан. — Если вы согласитесь на мое предложение, у вас, во-первых, появятся материальные средства, чтобы

обеспечить ваших солдат необходимым вооружением, а во-вторых, вы сможете поднять восстание против властей и навсегда освободиться от оков их режима. И тогда Зимбабве, как и прежде, станет свободной, демократической, процветающей страной. Я не собираюсь вам лгать, говоря, что все ваши солдаты вернутся целыми и невредимыми. Я с вами предельно честен. Вернутся не все. Но те, кто падет, пожертвуют собой отнюдь не впустую. Их смерть будет символизировать клич к объединению под властью моего глубокоуважаемого собеседника. Расскажите им все, что я вам сейчас сказал, и я уверен, они охотно откликнутся на ваш призыв и сделают все, что вы им скажете во имя вас, во имя своей страны, а самое главное, во имя самих себя.

Некоторое время Ндебеле молча смотрел Хуану в глаза.

— Хорошо. Я вынесу этот вопрос на индаба, совет моих людей, — он взмахнул рукой в сторону соседней комнаты. — Пусть они решат сами.

— На большее я рассчитывать не смею, — произнес Хуан и пожал африканскому старцу руку. Затем быстрым движением руки вынул из кармана небольшой тряпичный мешочек и всыпал в ладонь Ндебеле несколько алмазов, что они выручили за оружие у Абала.

— Это знак моего доверия к вам. Эти алмазы останутся у вас независимо от решения, которое примут ваши люди. На столе в каждой комнате есть кнопка внутренней связи. Когда будете готовы, обязательно свяжитесь со мной.

Хуан и Слоун покинули каюту для гостей.

Уже в холле Слоун схватила Кабрильо за руку и, заглянув ему в глаза, спросила:

— Это правда? Все, что вы сказали про Сингера и его планы? А эти алмазы… откуда они у вас?

— К сожалению, все, о чем мы сейчас вели беседу с нашим гостем, правда. Не один десяток лет ушел у Дэниела Сингера на реализацию этого коварного замысла. И если мы не поторопимся и не найдем способ остановить его, все человечество в считанные дни станет свидетелем настоящего апокалипсиса. А что до алмазов, так это очень длинная история, и сейчас совсем не время рассказывать ее подробности. Одно могу сказать точно: вы потом поймете сами, что все, с чем мы сейчас имеем дело, связано между собой одним большим порочным кругом.

— Буду с нетерпением ждать новой встречи с вами.

— Да, а сейчас мне нужно идти. Нельзя терять ни минуты.

Слоун выпустила его руку.

— Хочу лишь, чтоб вы знали: я всегда готова вам помочь.

— Рад слышать. Кстати, мне понадобится ваша помощь, когда мы найдем «Бродягу». Тогда вам, волей-неволей, придется поработать посредником между руководством вашей компании и мной. Ведь я собираюсь выкупить эти самые алмазы.

— Это будет огромной честью для меня, — просияла Слоун.

Перед возвращением в конференц-зал Кабрильо на минутку заскочил к себе в каюту сделать один важный звонок. Хотя еще только-только рассветало, что-то подсказывало ему, что там, на восточном побережье Соединенных Штатов, человек, который был сейчас так необходим, обязательно возьмет трубку.

Хуан набрал номер и, когда на том конце провода ответили, произнес без приветствия:

— Ты должен мне за ногу. Но я все равно рад тебя слышать.

— Как давно это было, капитан Кабрильо, — произнес Дирк Питт из своего офиса Агентства Морских и Подводных Исследований в Вашингтоне. — Чем я могу быть полезен?

Глава 25

«Орегон» на всех парах несся на север, словно гончая в погоне за дичью. На борту в каждом отсеке и подразделении кипела работа. Пятеро человек быстро и складно разбирали оружие на оружейном складе. Они его прочищали, затем вновь собирали и заправляли

полными обоймами. Скоро большая часть пойдет на вооружение многочисленных солдат Ндебеле. Остальные оружейники проводили тщательную проверку защитных систем «Орегона», скрытых в обшивке корабля и замаскированных под всевозможную корабельную утварь. Пушки, огнеметы, пулеметы, гранатометы и прочее вооружение обследовалось на предмет коррозии. Специалисты прощупывали каждый сантиметр военной техники и, удостоверившись, что боеспособность не нарушена воздействием морской соли и воздуха, заряжали их полными боекомплектами.

Внизу, в буровой шахте корабля, механики полностью разбирали аппараты глубоководного погружения. Оборудовав каждый из них дополнительными наборами масок и защитных очков, чтобы сразу несколько людей могли дышать кислородом от каждого акваланга, они установили на них так называемые глушители, специально разработанные для поглощения пузырьков углекислого газа, чтобы передвижение небольшого подводного судна невозможно было засечь. Затем под гул и шум компрессоров все акваланги наполнили кислородом.

На кухне все повара были задействованы в приготовлении специального меню, к которому прибегали в зависимости от сложности приближавшейся операции. А многочисленные кухонные работники фасовали готовые блюда в герметические пакеты, как только те поступали из камбуза.

В медотсеке Джулия Хаксли и ее команда готовили операционную и палаты на случай, если поступит много раненых.

Хуан Кабрильо восседал в своем кресле в командном центре, погрузившись в изучение информации на мониторе компьютера, пока вокруг него с головокружительной скоростью сновали его подчиненные, проводя соответствующую проверку корабля.

Кабрильо прочитывал отчеты по поводу проводимой ими диагностики: ни одна малейшая деталь не могла быть упущена.

— Макс, — прокричал он, не поднимая глаз с монитора. — Тут до меня дошли сведения, что давление в наших противопожарных коллекторах упало почти на пятьдесят фунтов.

— Да, я уже выслал туда команду механиков. Через час давление в коллекторах придет в норму.

— Понял. Хали, как там Джордж? Каково расчетное время его прибытия?

Сняв правый наушник, Хали прокричал:

— Он только что вылетел из Кабинды с Эриком и Мерфи на борту. По моим расчетам, мы встретимся с ними где-то часа через два-два с половиной. За десять минут до посадки он свяжется со мной, чтобы мы успели сбросить скорость и подготовить ангар.

— Ясно. Где сейчас Малыш?

— На высоте тридцати тысяч футов над Замбией.

Хуан был вполне доволен полученными сведениями. Команда «Орегона» сумела быстро мобилизоваться и действовала согласованно на благо предстоящей операции. Одним из самых серьезных и опасных этапов операции было собрать солдат Мозеса Ндебеле, которые в настоящее время скрывались в лагере для беженцев в промышленном городке Франсистаун в Ботсване. Ботсвана, пожалуй, считалась одной из немногих стран на Африканском континенте, которую практически не затронула коррупция. Так что доставка на «Орегон» сотни африканских солдат, не имевших паспортов, обошлась Кабрильо недешево, к чему он совершенно не был готов. В остальном же никаких осложнений не предвиделось. Один из друзей Малыша постарался, чтобы тот смог сесть прямо в Кабинде без каких-либо проблем. Часов через пять «Орегон» пришвартуется у причала Кабинды и подберет Малыша и африканцев.

Оттуда корабль возьмет курс на север, к нефтяным месторождениям, где, и это абсолютно логично, Мерфи и Эрик засекли сигналы трех радиомаячков, установленных корпорацией на автоматы. По всей видимости, наемники Сингера затаились в болоте в пяти милях от нефтяных вышек, до которых они на лодках могли добраться менее чем за десять

минут.

Как только Мерфи и Эрик сообщили ему об обнаружении сигналов, Хуан тут же позвонил Лэнгстону Оверхольту. Тем временем Линк связался с госдепартаментом США, чтобы те проинформировали правительство Анголы о надвигающейся диверсии. Как и ожидалось, международная дипломатия действовала медленно и неэффективно, тратя свое и чужое драгоценное время, прежде чем в госдепартаменте вынесли окончательное решение.

Поскольку вся Кабинда тем или иным образом была охвачена военными действиями, каждая нефтяная компания, имевшая собственные месторождения на континенте, также держала свой аппарат секьюрити. Все вышки и работающие на них нефтяники находились под защитой вооруженной охраны. Поначалу Кабрильо собирался связаться с самими нефтяными компаниями напрямую и объяснить им всю ситуацию лично, однако понимал, что они вряд ли поверят ему. В то же время было ясно, что их охранные системы рассчитывались только на предотвращение грабежей и незаконного проникновения на территорию вышек и никак не смогли бы противостоять напору целого войска вооруженных солдат.

Также из отчетов Мерфи Хуан узнал, что в окрестностях города, неподалеку от нефтяных сооружений, в беднейших его кварталах, рассадниках преступности и наркомании, проживает всего несколько сотен людей. Таким образом, потенциальных раненых среди мирного населения должно быть немного.

Вдруг в командном центре появилась Линда Росс, ведя за собой Слоун Макинтайр. Переступив порог, Слоун замерла. Глаза ее непроизвольно расширились в удивлении от увиденного. Действительно — Хуан не раз сам себе льстил по этому поводу — командный центр напоминал самый настоящий космический корабль будущего. Чего стоил один только обзорный экран во всю стену, на который небольшими квадратиками передавалось изображение многочисленных камер, установленных в различных местах на корабле. В центре, в большом квадрате, можно было видеть, как заостренный нос «Орегона» рассекает сверкающие волны.

— Линда сказала мне, что я сама пойму, чем вы все здесь занимаетесь, если последую за ней, — наконец выдавила из себя Слоун, приблизившись к креслу Хуана. — Однако мне кажется, что сейчас пребываю еще в большем замешательстве, чем пару секунд назад. Что все это значит?

— Это вместилище сердца и души «Орегона», — ответил Хуан. — Отсюда осуществляется надзор за любой частью корабля: за рулевой рубкой, двигателями, системами коммуникации и безопасности, а также и за многочисленным вооружением.

— Значит, вы все-таки работаете на ЦРУ или что-то в этом роде?

— Как я уже говорил, раньше я действительно работал на ЦРУ. Сейчас мы просто команда волонтеров, помогающих поддерживать мир на этой бренной земле. Хотя, признаться, последние несколько лет ЦРУ нас буквально заваливает работенкой. И в большинстве случаев это самая черная, неприглядная, сверхсекретная работа, за которую не берутся даже самые матерые агенты. Изначально наша миссия заключалась в том, чтобы подцепить на крючок одну банду африканских революционеров, продав им подставное оружие. ЦРУ оснастило оружие специальными микрочипами, чтобы затем террористов можно было отследить. К сожалению, нас дважды подставили. И узнали мы об этом только тогда, когда взялись за дело Джеффри Меррика. Так что теперь мы должны вернуть похищенное оружие, однако, как выяснилось, во всем этом деле изначально замешан похититель Меррика и его бывший партнер по бизнесу Дэниел Сингер.

— А кто заплатил вам за операцию с оружием?

— Наше правительство заключило сделку с властями Конго. Однако основная доля финансирования поступила из ЦРУ. Остальное мы должны были выручить за грязные алмазы, что получили от африканских повстанцев в обмен на поставку вооружения.

— Это те самые алмазы, которые вы подарили Ндебеле?

— Эй, да вы, оказывается, не промах! Выходит, история оказалась не такой уж

длинной, — усмехнулся Хуан.

— И этим вы зарабатываете на жизнь, если я все правильно поняла? — спросила Слоун, но затем сама же ответила на свой вопрос: — Ну, конечно. Как же иначе. Я лично видела гардеробную Линды. Кажется, туда перекочевала пара бутиков.

— Капитан, могу ли поговорить с вами с глазу на глаз? — произнесла Линда.

Хуану не понравился тон ее голоса. Он тут же поднялся с кресла, указав Слоун на него рукой.

— Корабль в вашем распоряжении.

— В чем дело?

— Я тут просматривала записи, сделанные мной в ходе допроса. Сдается мне, Донливи хитрит. Она что-то скрывает.

— Что вы имеете в виду?

— Я уверена, что это никак не связанно с планами Сингера. Я вытянула из нее абсолютно все, что ей известно о его замысле. Здесь должно быть что-то другое, только я никак не могу нащупать, что это.

— Возможно, это касается сроков реализации плана Сингера.

— Может быть. Я не уверена. Почему вы начали именно с этого?

— Если честно, это не давало мне заснуть всю ночь, — признался Хуан. Он решил поделиться своими мыслями. — Сингер планировал эту миссию с генераторами и водонагревателями многие годы. И тут вдруг решил напасть на нефтяные вышки, чтобы спровоцировать разлив нефти и испарение токсинов. Спрашивается, зачем? И к чему такая спешка? Логично, что он задумал, чтобы ураганы перенесли вредоносные испарения через Атлантику. Но откуда он может знать точную дату и время зарождения урагана?

— Иными словами, вы предполагаете, что ему это под силу?

— Я хочу сказать, что он считает, будто ему это под силу.

— Но это же невозможно, даже если руководствоваться самыми точными прогнозами метеорологов. Никто никогда не сможет подчинить своей воле тропические ураганы и заставить их плясать под свою дудку.

— Вот именно. Он обязательно промахнется, и тогда никакого поучительного шоу для всего человечества не получится.

— То есть он знает, что грядет один из сильнейших штормов, который как раз и подхватит ядовитые токсины.

— Да. И, думаю, ему также известно, что на своем пути он непременно обрушится на Соединенные Штаты.

— Но откуда он может этот знать?

Хуан провел рукой по своей коротко стриженной голове. Это был единственный внешний признак того, что Кабрильо находился в неразрешимом затруднении.

— Вот это-то и не давало мне уснуть всю ночь. Я понимаю, что ни один человек не может предсказать время зарождения урагана, а тем более проследить его траекторию. Но действия Дэниела Сингера наталкивают меня только на этот вывод. Ведь как еще иначе объяснить то, что он поставил целую армию наемников защищать нефтяные скважины. Если бы он не знал, когда именно разразится ураган, что помешало бы ему уже разгромить вышки? Но тогда вся нефть уже давно бы вылилась, затопив все вокруг, а урагана все еще не было бы.

Ему известно нечто такое, чего мы пока не можем выяснить.

— Могу продолжить с допросом Донливи, — предложила Линда. — Я остановилась как раз после того, как выяснила детали плана Сингера про диверсии на нефтяных вышках.

Хуан оценил ее профессионально чутье. Ведь теперь он прекрасно знал, чего стоила Линде эта часть ее работы.

— Да, определенно здесь замешано что-то еще. Не сомневаюсь, что вам удастся это выяснить.

— Сделаю все, что в моих силах. — Линда направилась к лифту.

— Только держите меня в курсе.

В десяти милях к северу от того места, где Малыш Хендерсон посадил самолет с сотней нетерпеливых солдат на борту, Дэниел Сингер беседовал с Самуилом Макамбо, генералом Конголезской Армии Революции. Солнце поднялось около двух часов назад, и джунгли постепенно утихали, поскольку кишевшие в них ночи напролет насекомые укладывались спать на целый день. Хотя удивительно, как насекомые, да и весь животный мир вообще, могли по-прежнему поддерживать свой привычный биоритм, когда вдоль побережий повсюду переливались на солнце и шумели многочисленные нефтяные сооружения, насыщавшие окружающую среду выхлопами от сжигаемого природного газа. По всему побережью расположились маленькими и большими группами солдаты Макамбо, готовые сложить головы за своего вождя. Во главе самого многочисленного, насчитывавшего около четырехсот наемников, войска стоял полковник Райф Абала. Он находился здесь отнюдь не по своей воле. Макамбо таким образом наказал его за то, что он провалил сделку с оружием, позволив торговцам уйти с кучей алмазов. С другой стороны, Макамбо уже давно подозревал, что Абала подворовывает драгоценные камни, и не очень расстроился бы, если бы тот не вернулся из боя.

Повстанцы обосновались вблизи лачуг местных поселенцев, выросших вокруг нефтяных вышек, принадлежавших нефтяному магнату «Петромакс». Все они были одеты в гражданскую сильно потрепанную одежду и прохаживались с таким видом, будто пришли наниматься на работу. Оружие и лодки они легко упрятали в зарослях, поставив на всякий случай по паре охранников: вдруг какому-нибудь рыбаку или охотнику взбредет в голову близко к ним подобраться.

— Полковник, — проговорил Макамбо, — не сомневаюсь, что вы прекрасно знаете свои обязанности.

Самуил Макамбо заметно возвышался над всеми своими подчиненными, генерала в нем видно было издалека. Некогда этот человек походил на настоящую гору мускулов, которые, хотя и превратились большей частью в жир, все еще обеспечивали его огромной мощью. Подражая своему наставнику Иди Амину, Макамбо никогда не расставался с зеркальными солнцезащитными очками и шикарной тростью, обтянутой кожей гиппопотама. Личные пистолеты были специально заказаны для него в фирме «Беретта», а их инкрустация золотом стоила ему целого состояния.

— Так точно, сэр, — тут же выпалил Абала. — Сотня наших солдат, вооружившись винтовками и гранатометами, на лодках подойдут к нефтяным сооружениям и откроют по ним огонь, в то время как моя дивизия распределится по периметру всех нефтяных конструкций с целью отразить любого, кто попытается на нас напасть.

— Также вам придется следить за электрогенераторами и водонагревателями. Запомните: ни один из них не должен быть поврежден! — добавил Дэниел Сингер.

— В наступлении будут участвовать самые лучшие мои солдаты, так что никаких осечек или нарушений не будет. Нефтяные станции сразу же станут нашими.

— Ваши люди хоть раз в жизни имели дело нефтяными вышками или чем-либо подобным? — не унимался Сингер.

— Многие из моих солдат работали на этих нефтяных скважинах, пока наше правительство не запретило нефтяной промышленности Конго нанимать людей из нашего племени, — ответил Абала. — Как только мы завладеем установками, мои солдаты тут же ударят по насосам, чтобы нефть плескала в полную мощь, а затем выведут их из строя, так что она устремится в открытый океан.

— И что дальше с установками?

— Далее они разгромят трубы, проходящие под водой, по которым нефть поступает в специальные хранилища на суше.

«Как жаль, что до этих запасов нефти не добраться, — подумал Сингер, — ведь

все-таки тогда бы пришлось взорвать многие пласты земли, а это дорогостоящая вещь. Но тогда токсины наверняка добрались бы до Штатов. Значит, надо, чтобы нефть разлилась на как можно большую территорию».

— За каждый час, что ваши солдаты будут удерживать установки в нашей власти и нефть будет литься в открытый океан, — обратился Сингер к Макамбо, — мои люди будут переводить на ваш швейцарский счет по миллиону долларов.

— С этими деньгами мы одержим победу в революции и улучшим условия нашей жизни, — ответил Макамбо с воинственным видом. Хотя Сингер прекрасно знал, как это бывает: солдаты воюют, а львиная доля добычи неизменно остаются за пазухой у вождя. Так было, и так будет всегда. — Я согласился на эту весьма выгодную для нас обоих сделку, потому что всегда стоял на службе у добра.

Нанимая африканских повстанцев на службу, Дэниел Сингер позаботился о том, чтобы ни одна малейшая деталь о них не осталась неизвестной.

Конголезская Армия Революции была не чем иным, как кучкой зажравшихся мясников, которые пользовались беззащитностью мирного населения и за их счет пополняли запасы своего продовольствия и прочих необходимых для существования вещей, идя традиционным путем запугивания и насилия. И несмотря на якобы ожесточенную борьбу с правительством, армия порешила намного больше членов в своих рядах, нежели в рядах правительства. Макамбо был лишь очередным представителем африканской деспотии.

— Замечательно, — произнес Сингер, — думаю, теперь мне здесь больше делать нечего.

Согласно плану, Сингер должен был вылететь из Кабинды за день до начала операции, однако решил остаться по возможности дольше, надеясь, что Нина Виссер все-таки выйдет на связь. Как сообщил пилот, ни Нины, ни остальных его сотрудников в условленном месте не оказалось, хотя он заметил следы шин грузовика на песке, значит, совсем незадолго до этого кто-то около посадочной полосы все-таки был. Неуемные пустынные ветра замели какие бы то ни было следы, и, покружив немного над пустыней, пока топлива не осталось ровно столько, чтобы вернуться обратно в Виндхук, пилот бросил попытки найти пропавших без вести людей.

Сингер затем приказал ему возвращаться обратно в Кабинду, чтобы потом вылететь в Нуакшот в Мавритании, где его уже поджидал тайно купленный им у Ливии огромный грузовой танкер, рассчитанный на транспортировку ста тысяч тонн груза. Танкер носил название «Сидра» и большую часть своей карьеры провел в рейсах между Ливией, Югославией и Албанией, перевозя в эти страны африканскую нефть.

Когда он привел на борт танкера Сьюзен Донливи, она восхитилась его размерами, отметив, что это судно прекрасно подошло бы для ее эксперимента с водорослями. Она бы использовала его в качестве просторного инкубатора. Сингер тогда еще нанял команду специалистов, чтобы выяснить, какую максимальную температуру нагрева может выдержать танкер. Ведь подопытные Донливи, вступая в реакцию друг с другом, выделяли значительное количество тепла. Да и нефть, перевозимая все эти годы на танкере, еще очень долгое время сохраняла тепло земных недр, из которых была успешно извлечена. Затем Сингер официально оформил все документы на «Сидру», зарегистрировал судно в ливийской инспекции и успокоился, даже не поменяв танкеру имя.

К этому времени Сьюзен Донливи уже «заселила» судно вязкими субстанциями собственного производства и время от времени поглядывала за их развитием. Так продолжалось вплоть до ее самого «похищения». По отчетам Донливи, дела на танкере шли хорошо, так что на время операции по похищению Меррика она спокойно могла оставить своих подопечных. Поэтому Сингер отвел ей в своем замысле одну из ключевых ролей.

Исчезновение Нины не давало ему покоя. Вот если бы Сьюзен была рядом с ним. Их связывало некое родство. Родство душ, сердец, ощущение некоего взаимного одиночества. Когда Донливи получила положительные результаты в своем эксперименте и поделилась ими с Сингером, предоставив ему весьма приличный список сфер, в которых можно найти

достойное применение ее открытию, он не смог отказать ей в участии в заключительной и самой важной части своего плана.

А что же до Меррика… Так это именно его стоит считать источником, генератором и стимулом к реализации Сингером его ужасающего плана. Все началось еще тогда, в далекой молодости, когда они были всего лишь парой молоденьких ученых с благородными помыслами и устремлениями, мечтавшими спасти и сохранить планету. Тогда они еще были друзьями. Но как же все в этом мире непостоянно. Тогда ему и в голову не могло прийти, что когда-нибудь они с Мерриком превратятся в злейших врагов. Ну, ничего, ждать уже недолго. Скоро этот кретин воочию увидит все последствия своей грязной, мерзкой, разрушительной деятельности. Она потрясет его, сильнейшим в истории человечества ураганом обрушившись на Соединенные Штаты, но настоящий сюрприз им уготован, когда все более менее уладится, а люди вдруг начнут ни с того ни с сего умирать.

Сингер поделился с Мерриком деталями своего зверского плана, надеясь, что, когда тот станет свидетелем этого великого свершения, сердце его будет обливаться кровью за души всех, кто погибнет по его вине.

Исходя из специфики управления танкером, Сингер уже не мог более рассчитывать на услуги этих никчемных длинноволосых экологов, которые ничего и делать-то толком не умели. Поэтому ему пришлось нанять команду профессионалов, чье молчание он, тем не менее, мог купить за разумные деньги.

Капитаном на танкере теперь служил грек, питавший неуемную страсть к алкоголю. Однажды он на полном ходу врезался в персидское побережье. С тех пор и напивался каждый день, оплакивая потерянную лицензию. Главный механик был еще один грек, который также никогда не расставался с бутылкой. Его отстранили от службы, когда по его нерадивости в машинном отсеке произошел взрыв, тогда горячий пар под высоким напором опалил четверых мотористов. Практически нигде официально их имена по этим делам не прошли, однако все уважающие себя мореходные компании зареклись брать их на службу.

На фоне этих двух остальные члены сборной команды Дэвида Сингера выглядели почти что святыми.

— Когда вы планируете перейти в наступление? С рассветом? — спросил Сингер.

— Так точно, — насмешливо отозвался Макамбо, — не беспокойтесь, у вас будет достаточно времени, чтобы сесть на самолет и убраться отсюда.

Макамбо и сам не намеревался участвовать в битве. Неподалеку, в кустах, он заранее припрятал скоростную лодку, которая быстро доставит его вверх по течению Конго.

Сингер пропустил его насмешку мимо ушей.

— Запомните: как только вооруженные силы Анголы перебросят все свои подразделения на нефтяные вышки, с каждым часом вашего успешного противостояния им вы будете становиться богаче на миллион долларов. Если вы сумеете продержаться двое суток, я накину бонус в размере еще пяти миллионов.

Затем, взглянув на Абалу, он добавил:

— И еще пять миллионов получит ваш друг, полковник Абала.

— И они возликуют! — продекламировал Макамбо. — Так спустим же псов войны!

Глава 26

Стоя на мостике, Хуан наблюдал за тем, как старые школьные автобусы медленно ползут по мощеным дорогам, ведущим к единственному в Кабинде пирсу. Все они выкрашены в яркие, кричащие цвета, а позади них густыми клубами поднимаются в воздух выхлопные газы. Они осторожно петляли между колонной контейнеров, только что выгруженных с какого-то российского корабля, доставившего в Африку фермерское оборудование, подаренное правительством этой страны. «Орегон» пришвартовался как раз

рядом с кораблем русских.

Поскольку механикам пришлось до предела заполнить балласты корабля воздухом, чтобы «Орегон» смог добраться до сравнительного мелководья у пирса и не сесть на мель, корабль Корпорации теперь значительно возвышался над всем остальными. Хуану теперь открывался замечательный вид на весь город, расположенный на фоне высоких холмов. С первыми лучами восходящего солнца Кабрильо подметил: по Анголе и не скажешь, что страна богата месторождениями нефти. Должно быть, большая часть прибыли миновала казну.

Внизу, на причале, Макс Хенли и Франклин Линкольн беседовали с таможенным инспектором. Обоих было не отличить от прочих рабочих верфи: «Орегон» ревностно поддерживал репутацию самого обычного грузового корабля. Также неподалеку от них стоял друг Малыша Хендерсона, который и организовал эту встречу, а рядом с ним находился Мафана, преданный сержант Ндебеле. Он должен был взять на себя командование над африканскими солдатами, как только они прибудут. Подкупленный таможенный инспектор уже передал жене кейс со взяткой, которая прибыла сюда именно для этой важной миссии: увезти деньги домой.

Вдруг позади себя Хуан услышал звук поднимающегося лифта. Линда Росс не стала ждать, пока тот поравняется с мостиком, а выпрыгнула из него, бросившись к Хуану.

— Хуан, что с вашим мобильным? — произнесла она. — Наступление повстанцев началось. Хали перехватил уже несколько звонков, сделанных сотрудниками «Петромакса» в их главный штаб в штате Делавэр. По их предварительным подсчетам, террористов около четырехсот, и все они вооружены. А нефтяники на платформах передают, что недавно около сотни маленьких лодок, прорвавшись через ворота, подошли к ним почти вплотную. Их охрана бессильна.

Хуан подозревал, что Сингер поспешит с осуществлением своего плана, однако в глубине души все-таки надеялся, что у них в запасе есть еще хотя бы день, чтобы провести ускоренную подготовку прибывших солдат Ндебеле. Ему лишь оставалось надеяться, что эти некогда лихие африканские солдаты, так браво сражавшиеся против деспотичного и грязного на руку правительства, еще не растеряли сноровку и удаль, ведь со времени той гражданской войны прошло уже около двух десятков лет.

Поднеся ладони ко рту, Кабрильо окликнул Макса. И как только тот взглянул на него, он подал условный сигнал. Хенли что-то быстро сказал Мафане, поскольку первые два автобуса с солдатами уже остановились у трапа. Открылись двери, и первые шеренги солдат уже ступили на землю. Они уже направились было к Мафане поприветствовать его и поблагодарить за спасение Мозеса Ндебеле, однако, видимо, тот сказал им быстро подниматься на борт корабля, поскольку те заспешили по трапу. И когда они уже поднимались на палубу, подъехали остальные автобусы.

Хуан включил свой телефон и набрал номер ангара, где должен был находиться Джордж Адамс, его кодовый ник — Гомес. Пилот ответил сразу же.

— Тебе нужно вылететь в ночь на гражданских авиалиниях.

— Капитан, что случилось?

— Сингер перешел в наступление. Как только солдаты Ндебеле поднимутся на борт, я прикажу выслать один из наших самолетов-автоматов.

Вообще, самолет-автомат часто был незаменим для всевозможных разведок и шпионских операций, поскольку был довольно маневренный, благодаря своим небольшим размерам, а также оснащался различными камерами и детекторами инфракрасного излучения.

— Ясно, капитан. Но вдруг вам понадобится вертолет?

— Все в порядке. Малыш уже поднимается на борт, так что в случае чего он сядет за штурвал. Тебе лишь нужно его подготовить.

— Все готово.

Кабрильо бросил взгляд на трап. Две очередные шеренги солдат поднимались на борт.

Все солдаты были стройны, как на подбор. Хуан и не предполагал обратного, ведь сколько лет провели они лагере для беженцев? Однако и среди них была пара-тройка действительно огромных африканцев. Почти все они уже поседели, как Хуан и думал, но, тем не менее, все на вид казались достаточно боеспособными.

Кабрильо собрался вызвать Эдди Сенга, чтобы тот встретил африканских гостей, однако тут же увидел, что глава береговых операций уже на месте и направляет солдат в один из трюмов, где их ждал Мозес Ндебеле. Там они и должны были вооружиться штурмовыми винтовками, боеприпасами и прочим необходимым.

Подстегиваемые открытой атакой Сингера, члены команды Кабрильо работали еще с большей результативностью, чем раньше. Видимо, у них открылось второе дыхание.

Меньшего Хуан и не ожидал.

Эрик Стоун следил за процессией солдат по кабельным телесистемам корабля в командном центре.

Как только Макс и Линк поднялись на борт, замыкая стройные ряды солдат, трап тут же начал подниматься. По-прежнему стоя на мостике, Хуан взглянул на дымоход и одобрительно закивал, увидев, как из него уже вовсю валил густой дым.

По внутренней связи корабля тут же разнесся голос Эрика:

— Все готово к отплытию.

Кабрильо подал сигнал грузчику, стоявшему на причале у кормы корабля, и тот принялся отвязывать тяжелый швартовочный трос. Несколько секунд Хуан наблюдал за тем, как его свободный конец мягко скользит по воде. Затем подъемный ворот начал его сматывать. И прежде чем Кабрильо успел передать Стоуну, что трос отвязан и можно отплывать, он заметил, как запенилась вода по бортам «Орегона»: это заработали боковые двигатели. И как только корабль обогнул нос российского грузового судна, Эрик задействовал магнитогидродинамики. Однако он пока старался не разгоняться, чтобы корабль не сел на мель, поскольку им еще предстояло выйти из мелководья. Отойдя от пирса на милю, «Орегон» начал набирать скорость.

Хуан еще немного помедлил, стоя на мостике и наслаждаясь последними минутами покоя. Он прекрасно знал, что предстоящая операция может затянуться надолго. Как только Линда сообщила ему об атаке Сингера, какое-то необъяснимое, неприятное предчувствие охватило его. Только сейчас он понял, что оно уже ему знакомо. Так давал о себе знать адреналин, постепенно насыщающий кровь того, кто стоит перед лицом опасности. С годами и пришедшим вместе с ними опытом Кабрильо практически научился определять, когда уровень адреналина в его крови достигнет предела.

С правого колена все еще не спала припухлость, однако он уже не придавал этому никакого значения. Спина изнывала от тягот последней миссии, однако он уже не чувствовал этой боли. Сознание полностью переключилось на предстоящую операцию, а тело было готово подчиниться любому приказу.

— Вы готовы? — повернулся он к Линде, что все еще стояла рядом с ним на мостике.

— Так точно.

Спускаясь в лифте, Хуан поинтересовался у нее о результатах повторного допроса Донливи, однако она ответила:

— Я собиралась взяться за это сегодня, только…

— Я понимаю, — двери лифта раздвинулись. — Хали, что новенького?

— «Петромакс» пытается связаться с местными властями, однако от них ответа еще не поступало. Террористы не трогают самих служащих, ограничиваясь лишь обстрелом платформ и буровых установок. По перехваченным нами сведениям, две платформы уже находятся во власти налетчиков, однако еще две оказывают им упорное сопротивление, вооружившись водяными пушками. Охранник на одной из буровых установок сообщил, что под перекрестным огнем погибли два его товарища. Он заявил, что оставшихся надолго не хватит.

— Эрик, что с нашим расчетным временем прибытия?

— Будем там через час.

— Мерф, как вооружение?

Мерфи оторвал взгляд от экрана.

— Мы разобьем их в два счета.

— Прекрасно. Ах, да. Ребята, вы хорошо потрудились, обнаружив эти чертовы радиомаячки. Кто знает, чем обернулись бы наши скитания по Конго, когда Сингер уже начал бы атаку.

Направляясь к своей каюте, Хуан заметил Чака Хендерсона — Малыша — сидящего за одним из компьютеров в дальней части командного центра. На монитор передавалось изображение камер, установленных в самолете-автомате. Джордж Адамс тщательно прочищал линзы.

— Замечательно, — произнес Малыш с улыбкой в свой микрофон. Придвинув к себе клавиатуру, он приготовился к вводу команды. — Отойди назад, я завожу двигатели.

Изображение задрожало.

— Все в норме. Никаких нарушений нет. Можно взлетать.

Изображение сдвинулось, поскольку самолет начал разгоняться, используя длину всей взлетно-посадочной полосы. И, наконец, поднялся в воздух.

Хуан направился к своей каюте, чтобы подготовиться к миссии. Перед тем как облачиться в черную боевую экипировку и сменить обычный протез на боевой, Хуан включил компьютер, чтобы иметь возможность наблюдать за изображением камер с самолета.

Поглядывая на экран, он собирал оружие и амуницию.

Самолет-автомат длиной в четыре фута уже пролетал на высоте тысячи футов над большим полуостровом, который «Орегону» еще только предстояло обогнуть. Там, впереди, как раз располагался комплекс нефтяных сооружений «Петромакс».

Зона передачи данных с самолета на корабль была значительно расширена, так что теперь ему не приходилось торчать так близко к «Орегону», как раньше.

Самолет промчался над джунглями и фермерскими владениями и вылетел на болотистую местность с густыми зарослями, которые отделяли порт Кабинда от самого города, оставляя лишь единственный связующий путь между ними. Это как раз и была дорога, ведущая к комплексу нефтяных сооружений, что в океане переходила в дамбу.

Малыш заставил самолет снизиться, так что теперь он пролетал над дорогой на высоте не более пятисот футов. Грузовики, припаркованные у ворот, завели двигатели. Не трудно было догадаться почему. Тут изображение камер вдруг заслонили ветви упавших Бог весть знает сколько времени назад деревьев. А поскольку асфальтом была покрыта только лишь сама дорога, обочины представляли собой мешанину песка и земли, и грузовикам было очень трудно разворачиваться. А иначе выехать теперь отсюда было невозможно. Здесь требовался мощный тягач, чтобы вытянуть грузовики из песка, или же неделя уборочных работ, чтобы расчистить дорогу.

Хуан предполагал этот шаг со стороны повстанцев. Будь он ответственен за штурм, он в первую очередь приказал бы перекрыть нефтяникам этот единственный путь на континент.

Тем временем Малыш заставил самолет набрать высоту, поскольку тот довольно быстро приближался к нефтяным скважинам. С высоты тысячи футов, на первый взгляд, ничто не вызывало подозрения. Комплекс нефтяных сооружений растянулся примерно акров на двести вдоль побережья. Помимо вышек, то здесь, то там рассыпанных по всему комплексу, на самой южной его окраине в большом количестве виднелись огромные резервуары для хранения нефти. На противоположном конце располагалось несколько административных зданий, а также небольшой рабочий городок с центром досуга. И по площади всего комплекса, огибая вышки и платформы, змеились сотни труб различной толщины и угла наклона: каждой из них отводилось определенное предназначение.

Кабрильо приятно удивило наличие у нефтяников обширного лодочного парка, выделенного для обслуживания рабочими вышек, платформ и танкеров. Также на них

нефтяники перебирались на континент и обратно. Помимо этого, среди многочисленных вышек виднелись огромные склады, действительно поражавшие своими размерами. В нескольких футах от берега располагалась плавучая база, к которой подплывали танкеры, перевозившие африканскую нефть покупателям в разных частях света.

Как раз в этот момент у причала базы на привязи стоял огромный танкер, длиной почти в тысячу футов. По специальному внешнему показателю Хуан ясно видел, что танкер еще пуст.

Около одной из самых высоких вентиляционных башен на особо укрепленной плавучей базе Хуан заметил большое здание. Согласно проведенному его сотрудниками расследованию, там находились три мощных реактивных двигателя производства «Дженерал электрик», которые обеспечивали электроэнергией весь комплекс в целом. От здания ко всем сооружениям отходили линии высокого напряжения.

В трех милях от берега к северу протянулся целый архипелаг нефтяных вышек, связанных между собой посредством многочисленных подводных труб. Хоть эти вышки и не могли соперничать с теми, что видел Хуан в Северном море или Мексиканском заливе, каждая из них в высоту была не менее двухсот футов. А для обеспечения их устойчивости их установили на специальные быки — тяжелые опорные столбы, что далеко уходили в морскую глубь.

Да, все выглядело вполне прилично. На первый взгляд.

Хуан отчетливо видел, как откуда-то внизу изрыгались языки пламени, и это происходило отнюдь не от сжигания природного газа. Пламенем уже было охвачено несколько грузовиков, а пару-тройку зданий уже окутало густым черным дымом. По всему комплексу то там, то здесь можно было заметить крохотные, недвижимые тела нефтяников и охранников, убитых солдатами Макамбо. Странные темные пятна вокруг них, которые Хуан сначала ошибочно принял за тени, всего-навсего оказались лишь лужами крови.

Малыш Хендерсон направил самолет вдоль берега, а затем к плавучей базе. Трубы, отходившие от комплекса к базе, казалось, в размерах не уступали железнодорожным вагонам. Хуан выругался, увидев, что четверо, похоже, это были солдаты Макамбо, барахтались в воде около базы, а через несколько минут нефть в четыре мощных черных потока полилась в открытый океан, затопляя собой все вокруг.

Один из солдат, видимо, заметил самолет-разведчик, поскольку через несколько секунд все они, как по команде, задрали головы. Один из них, тыча пальцем в самолет, что-то прокричал остальным. Те не растерялись и тут же открыли по самолету огонь.

Хотя шансов попасть в цель у них практически не было, Малыш все равно повел самолет резко вверх, а затем по направлению к ближайшей нефтяной платформе. За милю до нее Хуан уже мог отчетливо разглядеть, что и она уже утопала в огромной луже нефти. Неочищенная нефть гораздо тяжелее воды, и волн не было. Так что теперь океан лишь плавно покачивался, словно нежно покрытый черным блестящим шелком. Пятно все увеличивалось. Сильные северные ветра стали медленно относить его к северу.

Когда же самолет добрался до очередной скважины, Кабрильо с раздражением заметил, что и она тоже утопала в луже нефти, только эта лужа казалось раза в три больше предыдущей. Хотя это было абсолютно невозможно, Хуану показалось, что он даже ощущал ее резкий химический запах.

Кабрильо никак не мог взять в толк, как бывший ученый мог пойти на такой безответственный поступок: совершить намеренное преступление против окружающей среды, когда он последние десятилетия так упорно боролся за ее защиту и сохранение. И сколько еще невинных людей погибнут от этой его затеи? Сингер сам подписал себе приговор. Та слава, те любовь и признание, которые он так страстно желал получить, и это неуемное желание, что подтолкнуло его на этот поистине устрашающий шаг, скоро обернутся для него всеобщим презрением и осуждением. Да, он будет известен. Но в самом худшем смысле этого слова. Его имя будет связано с самым черным днем в истории человечества. С днем, когда океан окрасился в черный цвет.

Но пока у Корпорации еще была возможность предотвратить всемирную катастрофу.

Собрав все необходимое, Хуан бросился к трюму. Тот был до отказа заполнен сотней лучших солдат Мозеса Ндебеле, а среди них он разглядел и пару-тройку своих.

Африканцы уже вооружились всем необходимым и получили специальную экипировку, по большей части все нуждались в паре добротных сапог.

Они уселись на пол вокруг своего вождя, стоявшего на воображаемом помосте из тюфяков, и внимательно его слушали.

Кабрильо не стал заходить внутрь, а лишь прислонился к дверному косяку. Языка Хуан не понимал, да здесь все было понятно без слов. Слова Ндебеле были полны страсти, решимости, даже экстаза, которые передавались его солдатам. Прилив адреналина в их крови стал почти физически ощутим. Ндебеле умел завести своих солдат. Он поочередно обводил каждого глазами, произнося пламенную, чистую речь. Когда же взгляд его упал на Хуана, тот вдруг почувствовал, как внезапно екнуло сердце. Хуан поприветствовал его кивком головы. Ндебеле ответил ему тем же.

Когда Ндебеле окончил речь, трюм взорвался громом аплодисментов. Лишь несколько минут спустя бурное чествование солдатами своего лидера начало постепенно утихать.

— Капитан Кабрильо, — Мозес Ндебеле старался перекричать гул голосов. Солдаты тут же затихли. — Только что я сказал своим солдатам, что сражаться за вас — все равно что сражаться за меня. Теперь мы с вами братья. Вы спасли мне жизнь и поддержали мое дело. Еще я им сказал, что вы сильны, как слон, ловки, как леопард, и бесстрашны, как лев. И несмотря на то, что сегодня мы будем отстаивать нефтяные скважины, для моих солдат сегодняшний день является началом отвоевания нашей родины.

— Огромное спасибо. В жизни не произнес бы такой чувственной речи, — ответил Хуан. Он хотел сказать пару напутственных слов африканским солдатам, но выражение их глаз подсказывало ему, что речь Ндебеле уже здорово над этим поработала. Так что он просто добавил:

— Хочу поблагодарить всех вас за то, что вы готовы сражаться за меня. Этим вы способствуете добрым отношениям между нациями. Я верю, что вы с честью отстоите свою страну.

Встретившись взглядом с Эдди Сенгом, Хуан подозвал его к себе.

— Стратегия уже проработана?

— Да. Все находится здесь, — он вынул свой карманный компьютер. — Мафана мне здорово помог еще до того, как солдаты прибыли на борт корабля. Он расписал личные способности каждого из африканцев. Мы даже закрепили их за определенными лодками, на которых они будут добираться до горячих точек.

— Есть какие-нибудь поправки к плану?

— Нет, капитан. План действий остался прежним.

— Ну что ж. Тогда приступим!

Предполагалось, что Хуан и Эдди поведут закрепленные за ними отряды африканских солдат к нефтяным платформам и попытаются отвоевать их. Поэтому, собрав своих солдат, они направились к буровой шахте, где их ожидали акваланги.

Остальные же, воспользовавшись корабельными шлюпками и прочими маневренными судами, должны взять на себя плавучую базу и пирс, в их же распоряжение отдавался весь нефтяной комплекс в целом. Однако, в соответствии с планом, они должны будут согласовывать свои действия с «Орегоном» под управлением Макса Хенли, который и обеспечит им необходимое прикрытие и поддержку с помощью корабельного вооружения.

Звонок Макса из командного центра застал их как раз на пути к шахте.

— К твоему сведению, подводные лодки будут готовы к спуску через десять минут.

Хуан сверился с часами. Эрик ухитрился выиграть для них целых пятнадцать минут. Они добрались сюда раньше запланированного времени.

— Как только спустимся на воду, нам понадобится около двадцати минут, чтобы добраться до вышек. Так что не подводи «Орегон» близко, пока мы не отзвонимся.

— Я все знаю. Можешь не беспокоиться, уж я-то на вчерашнем совещании был поглощен именно грядущей операцией, — лукаво произнес Макс. — Значит, так. Перед самым вашим наступлением мы спустим несколько лодок с солдатами. И как только они уведут террористов от вышек, я подведу «Орегон» поближе к нефтяным скважинам. Затем в операцию вступят Линк и Ски. На скоростной лодке они доберутся до пирса и атакуют повстанцев.

— Все верно. Остается только надеяться, что эти наемники не жаждут пожертвовать своими жизнями, чтобы удержать вышки во власти Сингера. Кто знает, может, столкнувшись с нашим форсированным наступлением, они испугаются и сбегут?

— А если эти парни на самом деле помешаны на этой миссии? Вдруг Сингер нашел способ подчинять себе и людские умы?

— Тогда, Хенли, посидеть и поговорить с тобой за баночкой пива нам удастся еще ох как не скоро.

Пока «Орегон» еще находился в движении, люки в буровой шахте, что располагалась на самом дне корабля, все еще оставались задраенными. Однако над ними на специальных спусковых салазках уже покачивалась большая из двух субмарин «Орегона» — «Номад-1000». «Номад», способный погружаться на глубину более тысячи футов, спереди оснащался мощными прожекторами и специальной механической рукой, которая функционально практически ничем не отличалась от человеческой, с одной только разницей, что с легкостью могла разрывать сталь и прочие твердые материалы.

Субмарина поменьше, «Дискавери-1000», висела как раз над «Номадом», готовая к спуску сразу после выхода своей старшей сестры.

Согласно плану, помощником Хуана была Линда Росс, а Эдди работал в паре с Джери Поласки. Командование береговой атакой Хуан передал Франкину Линкольну и Майку Троно, которые уже собирали солдат около шлюпок в лодочном отсеке. Механики завершили досмотр субмарин, поэтому Хуан, похлопав «Номад» по корпусу и пожелав, тем самым, им всем удачи, принялся взбираться внутрь по приставной лестнице, которую один из механиков старался устойчиво поддерживать.

Субмарина слегка покачнулась, когда Хуан добрался до ее вершины и, отдав честь Эдди, начал осторожно спускаться в люк.

Спустившись, Хуан сразу же направился в тесный кубрик, где уселся в одной из двух кресел. Вся носовая часть субмарины была просто напичкана техникой: горели экраны компьютеров, на приборной панели всеми цветами радуги мигали всевозможные датчики и указатели, повсюду находились разного рода рычаги и кнопки. Хоть снаружи «Номад» и казался больше из-за толстой бронированной обшивки, внутреннее пространство этой субмарины было гораздо меньше, нежели в «Дискавери». Львиную долю свободного места в «Номаде» занимали мощные батареи, позволявшие субмарине функционировать свыше шестидесяти часов подряд. Также она оснащалась автономными дыхательными аппаратами, что гарантировало спасение всему экипажу на случай непредвиденных обстоятельств. Механики здорово потрудились, поскольку вместительная способность «Номада» увеличилась с шести человек до восьми. Для этого им пришлось снять значительную часть ненужного для данной операции оборудования.

«Дискавери» также могла перевозить до восьми человек.

Линда пробралась в кубрик следом за ним, но усаживаться в кресло не торопилась: ей еще нужно было продемонстрировать африканским солдатам, как нужно пристегиваться. Тем временем Хуан просматривал список своих солдат.

Затем он активировал радиосвязь, нажав на специальную кнопку на приборной панели.

— «Номад» — «Орегону». Проверка связи. Как слышите?

— Связь отличная, «Номад», — незамедлительно ответил Хали. — Мы уже снизили скорость практически до минимума. Через минуту откроются люки.

— Вас понял.

Хуан бросил взгляд на Линду, которая только что пристегнулась в своем кресле,

положив свой пистолет, оборудованный глушителем, рядом с автоматом Хуана в углубление в приборной панели.

— Все в порядке? — обернулся Кабрильо на солдат.

Конечно, ни один из них, оказавшись в таком замкнутом пространстве, особой радости не испытывал. А тут еще накрепко задраили единственный люк. Однако все солдаты, как по команде, подняли вверх большие пальцы.

— Мафана, как вы?

Мафана, правая рука Мозеса Ндебеле, настоял, чтобы Хуан взял его в операцию, хотя несколько дней назад и получил ранение.

— Я теперь немного лучше понимаю Библию, — произнес он.

На вопросительный взгляд Хуана африканец пояснил:

— Я о Ионе и ките.

— Джентльмены, я обещаю вам, что наше путешествие продлится недолго. И мы погрузимся лишь на пятьдесят футов в глубину.

Несколько сигнальных огней, размещенных около люка, замигали красным светом. В этот момент должна была раздаться сирена, однако находившиеся в субмарине услышать ее не могли. Взглянув вниз в иллюминатор, Хуан увидел, как огромные створки люка в килевой части «Орегона» начали медленно раздвигаться. В ту же секунду в шахту хлынула вода и заполнила ее прямо по ватерлинию.

С характерным скрипом спусковые салазки начали медленно опускать субмарину в воду. По мере того как вода поднималась все выше вдоль иллюминаторов, внутри субмарина практически полностью погрузилась во мрак: рубка освещалась лишь экранами компьютеров, а зона экипажа и того меньше — парой лампочек низкого напряжения.

Как только субмарина полностью погрузилась в воду, спусковые салазки тут же отсоединились. Подлодка направилась в открытый океан.

— Можете спускать «Дискавери».

Включив двигатель на полную мощь, Хуан задал компьютеру глубину: не более пятидесяти футов. Этого было достаточно, чтобы наземные радары не могли засечь субмарину, курсирующую в водах океана. Главный компьютер «Орегона», с которым был связан «Номад», уже задал направление и расчетное время прибытия на место, так что больше Хуану делать ничего не пришлось.

Минут через пять с ним связался Эдди и передал, что «Дискавери» успешно спущен на воду и уже держит курс на нефтяную вышку.

«Номад» был способен развивать скорость лишь до десяти узлов, поэтому путь его экипажу казался почти вечным. Однако не это волновало Хуана, а то, что с каждой минутой пролитой нефти в океане становилось все больше и больше. Он уже представил себе комичную ситуацию, как он, вооружившись аквалангом, выбирается из субмарины и подталкивает ее сзади. Кто знает, может, это и помогло бы?

— «Орегон», это «Дискавери», — раздался голос Эдди. — Мы добрались до нефтяной вышки. Находимся почти на поверхности воды. Пятно нефти уже разлилось почти на три мили…

— «Диско», это «Номад», — произнес Хуан. — Согласно данным нашего компьютера, мы будем на месте через три минуты. — «Номад» уже достаточно долго проплывал под покровом однородной черной пленки.

Через несколько минут навигационная система «Номада» остановила субмарину прямо между четырьмя опорными столбами платформы с вышкой, которую отметил Хуан еще по видеотрансляции с самолета-разведчика. Он опознал ее как вышку с приставной лестницей.

— Хьюстон, «Номад» на месте.

— Вас понял, «Номад», — последовал ответ Хали. — Дайте мне минуту, пока Малыш проверит, нет ли рядом с вами гостей и можете ли вы всплывать.

Хуан встал с кресла и осторожно подошел к люку, держа наготове автомат.

Мафана и его люди отстегнули ремни безопасности.

— Хуан, — позвала Линда. — Хали сообщил, что вокруг нас все чисто. Однако по подсчетам Малыша, за самой платформой скрывается не менее тридцати повстанцев.

— Ну, это ненадолго, — пробурчал Кабрильо. Затем приказал Линде осторожно спустить балласт.

Словно монстр из фильма ужасов, и без того черный «Номад» начал потихоньку всплывать, взболтнув вязкую пленку нефти под огромной платформой. Она нехотя стекала с корпуса субмарины, словно горячий воск, оставаясь на малейших выпуклостях подлодки черными желеобразными сгустками.

— Маски! — крикнул Хуан, надев специальную защитную маску.

Джулия несколькими часами ранее провела исследования образцов этой неочищенной нефти и выяснила ее влияние на организм человека. Согласно ее выводам, они могли находиться в субмарине, не надевая громоздкие защитные костюмы, а ограничившись лишь защитными масками. Да и на самой платформе специальной экипировки тоже не требовалось, поскольку вышки находились в открытом океане и, благодаря ветрам, застоя нефтяных токсинов не происходило.

Хуан открыл люк и поморщился, почувствовав резкий химический запах нефти. От такого близкого знакомства с этим, особенно токсичным в здешних краях, веществом моментально заслезились глаза.

Выбравшись из подлодки, Хуан огляделся вокруг и заметил на ближайшем к субмарине опорном столбе узкие железные перекладины, по которым можно было забраться на платформу.

Нефтяная скважина глубоко уходила в недра земли. От нее в разные стороны отходили толстые трубы, по которым нефть попадала в специальные хранилища. В отличие от многих других нефтяных месторождений, вышки здесь были сконструированы и установлены таким образом, что нефть под напором сама выплескивалась из недр, и ее не приходилось выкачивать механически. И теперь, когда террористы вывели из строя систему контроля давления или же попросту открыли все клапаны, нефть мощным черным фонтаном с хлюпанием текла прямо в океан, поблескивая в ясном лунном свете.

Хуан, зачарованный этой почти мистической картиной, взглянул через плечо на субмарину. Солдаты уже начали по одному выбираться из «Номада». «Орегон» спешил к берегу. Пусть это и был внешне потрепанный, не раз проверенный на стойкость грузовой корабль с нагромождением всевозможных кранов и прочих сооружений прямо на палубе, он никогда еще не казался ему таким прекрасным, как в эти несколько минут.

Макс держал курс на третью платформу «Петромакса», где нефтяники все еще пытались отразить атаку террористов, однако согласно последним данным уже собирались покинуть вышку на спасательных шлюпках. В то время как на четвертой платформе нефтяники заявили, что ни за что не сдадутся.

Последней субмарину покидала Линда. Задраив люк, она запрыгнула на опорную колонну.

— Все готово! Давайте побыстрей выберемся отсюда. Я уже чувствую, как токсины забивают поры на моей коже. Еще немного, и отравление обеспечено, — прокричала она, повиснув прямо над гладкой серебристой пленкой нефти.

А затем добавила, хитро ухмыльнувшись:

— Еще немного, и Корпорация вовек не покроет моих расходов на дезодорант.

Глава 27

Когда на горизонте замаячил «Орегон», никто из террористов не обратил на него ни малейшего внимания. Все они были поглощены лишь единственной целью: завладеть третьей вышкой. Однако их настойчивые попытки пока еще не увенчались успехом. Нефтяники оказывали им достойное сопротивление, вооружившись водяными пушками. Повстанцы тоже не заставляли себя ждать. С нескольких лодок они вели непрерывный

обстрел платформы, что возвышалась над ними почти на сорок футов, и время от времени в воду слетал какой-нибудь нефтяник. И когда это происходило, африканцы вопили и улюлюкали, словно бы одержали окончательную победу. Война не могла длиться бесконечно: водяные пушки против штурмовых винтовок. Проигравших определить нетрудно.

Сидя на своем месте в командном центре «Орегона», Марк Мерфи следил одновременно за изображениями с десятка различных камер, а также за состоянием оборонных систем корабля.

Неподалеку от него на возвышении находился Эрик Стоун, одной рукой мастерски управляя рычагом, к которому подводились рулевое управление и двигательные насосы, а другой контролируя скорость корабля.

— Мистер Стоун, подведите-ка нас ярдов на пятьсот к платформе, — приказал Макс, восседая на капитанском кресле. — Теперь попрошу приготовить к действию пушки и пулеметы в носовой части корабля. Открыть защитные люки и стрелять по моему сигналу.

Малыш Хендерсон заставил самолет кружить вокруг вышки, чтобы Мерфи мог засечь все лодки террористов, внести их в базу данных главного компьютера, взять их на прицел и ликвидировать. Шестиствольные пулеметы «М61А1» и дула пушек выдвинулись из своих гнезд и начали автоматически смещаться, следуя за целями. Корабль мягко скользил по волнам, приближаясь к платформе.

— «Номад» — «Орегону». Мы на платформе, — голос Хуана внезапно раздался из колонок в командном центре.

— Давно пора бы, — поддразнил его Макс. — «Дискавери» прибудет на место через две минуты.

— Да мы просто заскочили за кофе и булочками по пути. Макс, вы-то на месте?

— С нетерпением ждем твоей команды, чтобы спустить шлюпку.

— Ну, что ж. Тогда мы готовы.

Макс переключился на «Дискавери».

— Командный центр Майку. Майк, как готовность?

— Все в полном порядке, — голос Троно, абсолютно лишенный всяких эмоций, свидетельствовал о его полной сконцентрированности.

— Счастливого пути, Майк.

Спасательная шлюпка с шестьюдесятью солдатами на борту, сидевшими чуть ли не на плечах друг у друга, была спущена на воду по левую сторону «Орегона», так что в этот момент они находились под прикрытием его мощного корпуса и с платформы или вышки их заметить было невозможно. Как только спусковые салазки отсоединились и шлюпка свободно закачалась на волнах, Майк тут же включил зажигание.

Когда Майк Троно ушел из военно-воздушных сил, где работал спасателем-парашютистом и провел целых пять успешных спасательных операций, он заслужил себе славу в профессиональном скоростном лодочном спорте. Конечно, леденящие кровь соревнования на быстроходных лодках, развивавших свыше сотни миль в час, насыщали его необходимой дозой адреналина, однако когда Кабрильо сделал ему предложение вступить в Корпорацию, он не смог перед ним устоять. Как оказалось, на «Орегоне» ему понадобились опыт и мастерство не только в прыжках с парашютом.

Шлюпка в два счета набрала скорость. Затем он активировал крылья и винт. Неказистая на вид лодка, походившая на летающую рыбу, осторожно сновала по морской глади, тщательно избегая зоны досягаемости террористов, поскольку Троно еще только ожидал приказа к началу наступления. Как только дадут добро, шлюпка направится к терминалу с танкерами «Петромакса», где хранилась нефть.

Там он и его подопечные обрушатся на террористов и отвоюют «Петромакс» у головорезов Макамбо.

Вдруг на третьей платформе, которая входила в сферу действий «Орегона», произошел взрыв. Малыш приблизил камеру, установленную на носу самолета, и они обнаружили, что

два повстанца перезаряжают ракетную установку. Языки пламени и густой дым охватывал теперь то место на платформе, где пару минут назад стояли два нефтяника, мужественно атакуя террористов двумястами галлонами морской воды. От них не осталось и следа. А водяная пушка лежала разбитая.

— Только что я засек еще один звонок с «Петромакса» их руководству в Делавэр, — произнес Хали, подняв указательный палец, пока он внимательно слушал, о чем говорили нефтяники. — Они оставляют платформу.

— Нет, не оставляют, — ожесточенно проревел Макс. — Огонь!

— Есть огонь!

Марк ввел пароль и нажал на клавиатуре кнопку. Пушки и пулеметы разразились огнем. Снаряды с визгом пилы полетели в цель. Находившиеся под платформой террористы, бурно радовавшиеся убийству еще двоих нефтяников, так никогда и не узнают, что поразило их. В мгновение ока три лодки бросило в разные стороны. Причем две из них подлетели так высоко, что было видно как солдаты, падали в воду. Еще мгновение — и лодки приземлились фонтаном охваченных пламенем осколков стекловолокна и стали.

Рулевой четвертой лодки, находившейся дальше остальных, видимо, заметил, откуда началось нападение, и резко крутанул лодку вокруг одной из опорных колонн.

В поле зрения он так и не появился. Главный компьютер все не выводил его местонахождение, и, вводя команду повторно, Мерфи отметил про себя, что надо бы проверить его программное обеспечение.

Компьютер молчал. Тогда он прибег к камерам, расположенным на носу «Орегона».

На основном экране появилась сетка координат как раз того места, куда совсем недавно целились пушки. Затем Марк немного сдвинул камеру, так что на экране отобразилась серая бетонная колонна. Максимально увеличив изображение, он, наконец, увидал четвертую лодку, которая на всех порах мчалась к ближайшей нефтяной вышке. Мерфи взял ее на прицел.

Марк перезарядил пушки и пулеметы и, когда лодка выглянула из-за колонны, решительно нажал на клавишу. Хотя лодка выступала всего на фут, этого было достаточно для сверхточной системы наведения «Орегона». Послышался характерный визг, и даже с расстояния более чем в пятьсот ярдов до цели «Орегон» попал прямо в двигатель лодки.

Лодка вспорхнула в воздух. Все восемь ее пассажиров полетели в воду. Некоторых взрывной волной отбросило на колонну. Там, где еще минуту назад была лодка, теперь все окутал густой черный дым.

— Платформа номер три наша, — с глубоким вздохом произнес Макс. — Рулевой, курс на следующую платформу, захваченную террористами, — приказал он, понимая, что командам с подлодок так легко с террористами не разделаться.

Об этом же подумал и Кабрильо, взбираясь по колонне платформы. Где-то внизу неприятно хлюпала нефть, словно приступила к пожиранию океана. Пятно разрослось настолько, что и конца-края ему не было видно. Хуану показалось, что оно добралось до самого пирса. А там до побережья и рукой подать.

Здесь, почти у самой платформы, где дули свежие южные ветра, дышать было гораздо легче, чем внизу. Однако в воздухе явно ощущался едкий нефтяной запах.

В отличие от гигантских нефтяных установок в Северном море и в Мексиканском заливе, которые могли разместить около сотни нефтяников в одну смену и соперничали с самыми высокими небоскребами мира, эти платформы едва ли доходили до четырехсот квадратных миль по площади. Посередине возвышались буровые вышки с сетчатыми перекладинами и выкрашенные в яркие цвета подвижные грузоподъемные краны для поднятия грузов и продовольствия.

На каждой из платформ находилось по нескольку обшитых металлом зданий. В одном из них располагался центр управления. В двух других — машинное оборудование, напрямую связанное с устьем буровой скважины, с помощью которого рабочие регулировали поток

нефти. Помимо этого, по платформе лабиринтом проходили всевозможные трубы и валялся всякий хлам: сломанные винтовые сверла, разного рода технологический инструмент и пара маленьких грузовых контейнеров.

Хотя этот комплекс нефтяных установок соорудили совсем недавно, около двух лет назад, платформы и вышки были сплошь покрыты грязью и сажей, что свидетельствовало о крайней нерадивости как самих рабочих, так и их руководства.

Хуан с облегчением вздохнул, не увидев на платформе убитых рабочих.

У основания буровой вышки мощным неиссякаемым фонтаном прямо из земных недр била токсичная нефть. Черная, как смоль, она поднималась на высоту пятнадцати футов, перед тем как под собственной тяжестью обрушиться вниз. Скользя по буровому ротору, нефть плавно стекала прямо в Атлантический океан.

По такому мощному потоку невозможно было определить, выведены ли из строя насосы или же попросту открыты предохранительные клапаны.

От всех них сейчас требовалась крайняя осторожность: малейшая искра — и взрывом выкорчует все деревья на побережье, что уж говорить о них.

Забравшись на платформу, они заметили террористов, которые маячили у противоположной стороны платформы. Некоторые из них тщательно осматривались по сторонам, чтобы засечь возможное приближение врага. Однако по большей части они были уверены в том, что держат ситуацию под контролем.

Когда же они увидели, как «Орегон» мощно атаковал их товарищей и в два счета расправился с ними, их главарь приказал приготовить гранатометы на случай, если их настигнет огромный грузовой корабль. Тридцать африканцев тут же засуетились, кто-то все еще продолжал поглядывать по сторонам. Кабрильо и остальные укрылись в рундуке, когда четверо африканцев направились к вышке.

Увидев, что «Орегон» на всех парах несется к вышкам, расположенным в открытом море, повстанцы вновь потеряли бдительность. Назначенные среди них постовые попросту облокотились на ограждение платформы и уставились на четвертую платформу смотреть, как «Орегон» расправится с их товарищами.

Кабрильо вспомнил, что большинство солдат Макамбо были всего лишь подростками, и вряд ли бы он снабдил Дэниела Сингера своими лучшими бойцами, пусть даже тот и заплатил ему огромную кучу денег. Этих африканцев привели сюда далеко не нищета и безвыходность положения, а слепое подчинение детей своему идолу, который подарил им эти опасные игрушки и разрешил пострелять. Но, тем не менее, это все же был террористический акт с тяжелыми последствиями. Нужно их немедленно остановить.

Кабрильо указал Мафана на лестницу, приказывая занять позицию на ее верхушке, а сам обратился к Линде:

— Эту вышку они взяли первой и, по всей видимости, без особых проблем. А вот на второй платформе они встретили ожесточенное сопротивление со стороны нефтяников.

— То есть они попросту окружили их и где-то заперли?

— Думаю, да. Несмотря на всю их жестокость, прежде всего с практической точки зрения им невыгодно было бы убивать около полусотни рабочих.

— Значит, сейчас я отправляюсь на их поиски?

Хуан закивал головой.

— Как только мы обезвредим повстанцев, эти рабочие нам понадобятся, чтобы остановить нефтяной поток. И если на платформе, к которой устремился Эдди, никого из нефтяников не осталось в живых, нам придется перевезти туда этих.

Возьмите троих солдат и спускайтесь вниз, только будьте осторожны. Здесь должна быть комната отдыха или столовая, в общем, какое-то просторное помещение, чтобы вместить весь рабочий состав платформы.

— Будет сделано, капитан.

Кабрильо не мог не улыбнуться, наблюдая, как Линда в сопровождении трех солдат в два раза выше нее направилась к вышке. Кабрильо присоединился к Мафане. Еще раз

оглядевшись вокруг, Хуан мысленно просчитывал углы обстрела, возможные укрытия и места, куда они могли бы отступить, если террористы начнут их теснить.

Вдруг он ощутил на себе взгляд Мафаны.

— Вы хотите попросту перейти в наступление? — спросил он.

— Это единственный план, по которому я привык действовать, — ответил тот, широко улыбаясь, — и он еще ни разу меня не подводил.

Хуан покачал головой. Затем попросил напомнить солдатам об их действиях.

Солдаты молча повисли на лестнице.

В этом наступлении Хуан использовал тактику шахматной игры, тщательно продумав партию, словно гроссмейстер, уверенно передвигающий свои фигурки навстречу победе.

Солдаты Ндебеле, привыкшие к боям в джунглях, уверенно и осторожно действовали в этой незнакомой обстановке. Они крадучись пробирались по платформе с осторожностью бывалых охотников, выслеживающих дичь, — охотников, которые всю свою молодость провели в погоне за самым диким и свирепым зверем — другим человеком.

На рассредоточение ушло около десяти минут. Хуан вновь окинул взглядом платформу и удостоверился, что все находятся на своих местах.

Удовлетворенный увиденным, Хуан спрыгнул с лестницы и стремглав помчался к стоявшему впереди контейнеру. Добежав, припал к полу и трижды проверил, что предохранитель оружия снят.

Главарь повстанцев находился в ста ярдах от него, разговаривая по внушительной на вид рации, скорее всего, либо с Макамбо, либо с тем, кто стоял над ним и был, по всей видимости, ещё на берегу.

Хуан вскинул автомат и лазерным прицелом уткнулся тому в грудь, прямо в сердце.

Секунду спустя на том месте, где только что виднелась красная лазерная точка, уже зияла огромная дыра от пули. Солдат беззвучно упал. Благодаря глушителю, выстрела никто не услышал, однако несколько повстанцев заметили отсутствие командира. Казалось, все они обладали единым умом, единым зрением, едиными ощущениями, поскольку все, как один, вскинули оружие и медленно начали передвигаться по площадке.

Когда один из солдат Кабрильо пустил несколько очередей из винтовки без глушителя, тридцать автоматов ответили ему в унисон. Однако Кабрильо расставил свои силы таким образом, чтобы ни одна траектория стрельбы не приближалась на опасное расстояние к нефтяному потоку, иначе катастрофы не избежать.

Шестеро повстанцев повалились на землю сразу же, как только был открыт огонь. Еще двоих уложил Хуан выстрелом от бедра, поскольку те неожиданно вывернули из-за угла контейнера, за которым он скрывался. Свирепость и напряженность перестрелки усиливалась. Один из его солдат на бегу к очередному укрытию получил ранение в ногу. Он плашмя припал к земле футах в десяти от Кабрильо. Не раздумывая, Хуан открыл огонь и, бросившись к солдату, за воротник подтянул его в укрытие.

— Нгиябонго, — произнес тот, сжимая раненую ногу.

— Не за что, — ответил Хуан, догадавшись.

В следующую секунду все вокруг них перевернулось вверх дном, поскольку одна из боеголовок разорвалась прямо за дальним углом их контейнера.

В этот момент Линда больше всего на свете желала, чтобы коридоры административной зоны погрузились в кромешную тьму. Это было бы намного безопаснее, и она прибегла бы к окулярам ночного видения. Но их повсюду освещали яркие высоковольтные лампочки.

Нижний этаж буровой установки представлял собой лишь отсеки с машинным оборудованием, однако, когда они поднялись выше, перед ними предстал целый лабиринт проходов и смежных комнат. Также они нашли несколько спален для рабочих и пару офисных помещений.

Не было ничего скучнее и муторней, чем проверять комнату за комнатой, однако иного

выбора у них не оставалось. Линда явно ощущала, как поджимало время. Чем больше времени займут поиски, тем дольше придется капитану сражаться с повстанцами в этих неравных условиях. Она не осуждала его тактики. Только, по ее мнению, в операции нужно было задействовать больше людей.

Заглянув за угол, она заметила двух повстанцев, прислонившихся к двери по обе ее стороны, автоматы свисали с их плеч. Она тут же метнулась обратно за угол, ее резкое движение заставило ее солдат насторожиться! Она молча показала два пальца и дала понять, что за углом увидела двух охранников. Боевые жесты по всему миру были универсальны, поэтому африканцы без труда ее поняли, кивнув головами. Указав на одного из них, Линда жестом указала на пол. Тот кивнул, повернулся к своему товарищу и сначала показал руками стрельбу из пистолета, а затем два больших пальца. Этим он дал Линда понять, что его товарищ — лучший стрелок. Линда кивнула, и тот занял позицию.

Лазерный прицел ее автомата метался по потолку, пока она шаг за шагом осторожно приближалась к углу. Опустив автомат, она вновь заглянула за угол. А затем быстрым, но беззвучным движением прицелилась в грудь одного, ее солдат — в грудь другого. Они выстрелили одновременно. Послышался лишь выстрел штурмовой винтовки, не оборудованной глушителем.

Затем они вчетвером ринулись к комнате, где держали заложников, как вдруг из нее выскочил третий охранник. Открыв огонь, они его тут же ликвидировали. Но как только их перестрелка стихла, из-за двери донеслись выстрелы и крики мужчин в агонии и страхе.

Первой до двери добралась Линда. Тремя мощными очередями она практически снесла дверной замок и, вышибив ногой дверь, влетела в комнату, оказавшуюся столовой, и резко спикировав вниз, чтобы уйти от града ринувшихся на нее очередей. Приземлившись на плечо, Линда вскинула свой автомат. Встревоженные выстрелами в холле, повстанцы открыли беспорядочный огонь по обезумевшим заложникам, пули летали во всех направлениях и рикошетили от стен. Террористов оказалось всего двое.

В столовой воцарился полный хаос, еще уцелевшие нефтяники метались из стороны в сторону, пытаясь избежать шальной пули, а те, кого уже ранили, падали на пол, истошно вопя.

В панике пролетевшие к выходу несколько человек едва не раздавили Линду, лежавшую практически у порога. Вместо того чтобы выстрелить по повстанцам, она загнала несколько очередей прямо в проходившую по потолку вентиляционную шахту. Еще двое нефтяников повалились на пол, прежде чем она успела перезарядить автомат и выстрелить одному из преступников прямо в голову. Случай для этого пришелся великолепный. Оставалось ликвидировать еще одного. Тут в столовую ворвались трое подопечных Линды. Оглушительно прокричав нефтяникам пригнуться, они внимательно оглядывали помещение в поисках последнего террориста. Как только Линда прикончила его товарища, повстанец перестал отстреливаться и пригнулся, намереваясь затеряться в толпе рабочих, которые теперь ринулись к выходу.

— Никому не покидать помещение! — пронзительно скомандовала она, стараясь перекричать разыгравшееся буйство. Однако толпа все упорно продолжала напирать на дверь.

Линда вскочила на ноги, внимательно вглядываясь в лица. Только-только она увидала террориста, как он уже скрылся из виду. Вдруг боковым зрением она заметила какое-то еле уловимое движение слева. Еще минута, и дверь, ведшая на кухню, осталась болтаться туда-сюда на петлях. Линда стремглав помчалась через всю столовую к кухне, рабочие, плотным кольцом окружавшие ее в надежде прорваться к выходу, немедленно расступились, увидев нацеленный на них автомат и убийственный взгляд.

Добравшись до двери, она резко пнула ее ногой. Дверь отлетела и ударилась о что-то твердое, однако Линда успела юркнуть в щель, прежде чем та принялась болтаться взад и вперед.

Естественно, на кухне она никого не увидела, поэтому, присев на корточки, начала

медленно продвигаться вперед. Слева от нее находились несколько посудомоечных машин и следующий проход, ведший либо на склад, либо вообще из кухни. Только она повернулась, чтобы оценить обстановку справа, как почувствовала, что кто-то схватил ее за загривок. Рывком ее поставили на ноги, приставив горячий ствол штурмовой винтовки где-то в области почек. Повстанец, учащенно дыша, что-то горячо заговорил на своем языке. Линда не понимала ни слова, однако прекрасно догадывалась, что он хотел ей сказать. Теперь она оказалась у него в заложниках, и попробуй кто его атаковать, он тут же вышибет ей весь спинной мозг.

Около десяти минут потребовалось «Орегону», чтобы добраться до последней захваченной террористами платформы. Лодки повстанцев бросились врассыпную. И только одну команду террористов «Орегону» удалось прижать на месте. Однако могучий летающий «глаз» Малыша Хендерсона в виде самолета-автомата тут же отследил три сбежавшие лодки, направлявшиеся к пирсу, где был пришвартован огромный танкер. Их координаты он сразу же передал на главный компьютер.

Не давая им возможности встретиться со своими на берегу, Хенли приказал Мерфи взять их на мушку. Компьютер сегодня соображал туго, поэтому прошло около пяти-шести секунд, прежде чем пушки разразились огнем. Лодки ушли уже достаточно далеко от «Орегона», поэтому первые несколько снарядов попросту взбороздили воду. Когда же фонтаны брызг улеглись, в командном центре ясно увидели, как последняя лодка преступников взметнулась в воздух и практически разломилась пополам.

Резко разворачивая корабль, так что боковые насосы жалобно застонали, Эрик Стоун направил «Орегон» к пирсу. Останки лодок медленно погружались в воду.

— «Орегон» — «Либерти», — произнес Макс.

Как ни странно, на «Орегоне» никогда специально не давали имен ни шлюпкам, ни каким-либо другим морским суднам, входившим в его состав. «Либерти» — так называлась их самая первая спасательная шлюпка, которую они получили в свое распоряжение. А та, на которой Хуан когда-то потерпел неудачу, отплывая от берегов Намибии, носила название «Смерть».

— «Либерти» на связи, — послышался голос Майка Троно.

— Только что мы покончили с преступниками на четвертой платформе. Идем к вам на помощь.

Попытка отвоевать хорошо укрепленную базу на абсолютно не приспособленной для боев спасательной шлюпке было равносильно самоубийству. Однако под прикрытием «Орегона» любая задача казалась вполне выполнимой. Поэтому теперь ему осталось только оказать помощь Троно и Кабрильо.

— Понял, «Орегон». Вижу вас. По моим подсчетам, вам понадобится еще около пяти минут, чтобы добраться до терминала. Думаю, как раз тогда мы и начнем штурм.

— Не ждите нас, — вмешался Эрик Стоун. — Пока вы доберетесь до базы и займете позицию, «Орегон» уже станет на место.

Макс вывел на монитор компьютера показания своих ненаглядных двигателей и увидел, что Стоун задействовал их практически по максимуму. Все те опасения, что он испытывал относительно их нормального функционирования после той жесткой мели в устье Конго, отпали сами собой. «Орегон» выкладывался по полной и даже больше.

— Понял. Заходим на позицию.

Все это время Майк кружил в двух милях от берега. Зная, что рано или поздно ему подадут сигнал к атаке, он заранее активировал крылья и винт. Резко крутанув рулевое колесо на восток, он понесся к терминалу с огромными танкерами для хранения нефти, расположенному в южной части нефтяного комплекса. Согласно данным самолета-разведчика, в этой части комплекса повстанцев практически не было, однако и спасательную шлюпку, и уж тем более огромный грузовой корабль террористы не заметить не смогут и обязательно соберут все свои силы для атаки.

Майку приходилось осторожно маневрировать между нефтяными пятнами, которые потихоньку начинали срастаться в одно огромное нефтяное озеро. И хотя он не мог наверняка определить масштабы катастрофы, то, что он видел перед собой, выглядело раза в два устрашающе, нежели авария в заливе Принца Уильяма, когда «Эксон Валдис» напоролся на риф. Майк управлял лодкой из кубрика, откуда ему открывался обзор почти в триста шестьдесят градусов, и от шума не услышал, как самолет-разведчик Малыша спикировал почти на двадцать футов вниз прямо над ним, покачивая своими легкими крыльями.

— Что творит, — ухмыльнулся Майк, увидев, наконец, самолет на дисплее, вмонтированном в приборную панель шлюпки всего сутки назад.

Ничто не вызывало беспокойства. Все было в точности так, как показали камеры самолета, когда Малыш отправил его еще по первому кругу над комплексом. Повстанцев в окрестностях нефтебазы видно не было. Только когда Малыш взял севернее, камеры самолета засекли кучку террористов. Одни охраняли ворота комплекса, пока другие выводили из строя танкеры, выпуская из них нефть. Блестящим черным потоком выливалась она прямо в открытый океан. Еще одна группа повстанцев, подобравшаяся к нефтяному терминалу с противоположной стороны, ждала условного сигнала к очередной диверсии. Именно их возьмет на себя Линк, как только Майк примется за своих.

Однако когда Майк уже находился в полумиле от того места, где дамба, шедшая от берега, соединялась с терминалом, он увидел, что его засекли. Повстанцы мгновенно бросились к грузовикам «Петромакса», намереваясь догнать его по дамбе и остановить.

С обеих сторон комплекса, навстречу друг другу со стороны берега и нефтяной базы бросились повстанцы на всем, что двигалось: на грузоподъемниках, кранах, огромных неповоротливых грузовиках, лишь бы остановить нападение противника.

Те, кому не хватило места в машинах, попросту бежали.

— «Орегон», видите ли вы, что вижу я? Может, мои глаза меня подводят?

— Мы все прекрасно видим, — отозвался Макс.

Марк Мерфи снял защитные люки с автоматических пушек и активировал гидросистемы, чтобы те перевели их в позицию для стрельбы. Его монитор сразу же разделился на две части, на одной отобразилось состояние пушек, тогда как на другой — состояние пулеметов с вращающимся блоком стволов. Управляя прицелом с помощью пары джойстиков, Марк как можно скорее попытался взять в цель каждый из грузовиков и кранов, чтобы их координаты автоматически сохранились в памяти компьютера. Еще секунда, и мощное вооружение разразилось огнем, попадая точно по цели.

Очереди пулеметов прошили самосвал насквозь, а гиперзвуковые пушки вырвали двигатель, разворотив всю кабину. Под силой инерции двенадцатитонный самосвал еще несколько секунд покачивался на своих правых колесах, прежде чем завалился и окончательно замер.

Пушечные снаряды пробурили две воронки в асфальте перед огромным внедорожником, облепленным вооруженными повстанцами. Многие стояли на подножках и висели на дверях. Водитель машины взял круто вправо, однако переднее левое колесо все-таки угодило в коптящуюся воронку. В этот момент очередным снарядом вырвало еще кусок асфальта прямо перед правым передним колесом, и внедорожник взлетел в воздух. Повстанцы посыпались из него, словно конфетти.

— Эрик, — крикнул Марк, не поднимая глаз от монитора, — разверни нас другой стороной. Теперь нам необходимы пулеметы, установленные на палубе.

Управляемые с других головных станций, эти пулеметы были рассчитаны так, что каждый из них в отдельности можно было направить на определенную цель. В этом и состояло их преимущество, поскольку пушки и прочее вооружение переключались на следующую запрограммированную цель, только покончив с предыдущей. Хотя по большей части они предназначались для того, чтобы отделаться от судна, идущего на абордаж, они также прекрасно подходили и для поражения грузовиков с такого дальнего расстояния.

На палубе «Орегона» им нашлось достойное укрытие в нефтяных баках.

По приказу Мерфи защитные крышки баков слетели, и из них показались шесть пулеметов. Каждая пулеметная установка оборудовалась камерой с местной подсветкой и инфракрасным видением.

Далее он передал своим коллегам из центра управления этими пулеметами координаты противников и вернулся обратно к своим пушкам. Когда пулеметы разразились очередями, Мерфи аккомпанировал им из пушек.

Минут через пять они заметили, как огромная толпа наемников устремилась к тому месту на дамбе, где Майк собирался пришвартоваться. Очередными пушечными выстрелами их удалось разогнать. Теперь они рассыпались по территории всей нефтяной базы, скрывшись в укрытиях.

Марк Мерфи сделал все возможное, чтобы расчистить Майку зону высадки, однако наемники все не отступали. Они то и дело высовывались из укрытий и открывали огонь. А пока Майк и его солдаты не разделаются с этой группой террористов, Линк и Ски не смогут выступить против тех, которые вот-вот собирались выпустить очередные тысячи тонн токсичной нефти.

Глава 28

Эдди Сенг, все еще не веря своим глазам, смотрел, как нефть мощным потоком изрыгается из недр земли, поднимаясь на пятнадцать футов в высоту, прежде чем обрушиться вниз. Невообразимо жалко смотрелись нефтяники «Петромакс» в своих стараниях остановить неуемный нефтяной фонтан.

Затем взгляд его упал вниз, где на краю платформы на коленях сидели террористы, со связанными спереди руками. Наручников на всех не хватило, поэтому его команде очень помогли огромные запасы электропроводов, которыми их снабдили нефтяники.

На вид всем им было не больше двадцати пяти, и ни один из них не мог достойно ответить на его суровый холодный взгляд. Тела шестерых преступников, убитых в ходе молниеносной атаки Эдди, были свалены в кучу и покрыты куском старого брезента.

Лишь один солдат из команды Эдди получил легкое ранение в ногу, да и то пуля настигла его рикошетом. Профессиональная атака людей Сенга продлилась всего минуту. Не больше. Потому как повстанцы тут же поняли, с кем имели дело, сложили винтовки и подняли руки. Некоторые даже принялись рыдать. Когда преступников связали, Эдди отправился к вышке, где обнаружил, что нефтяники уже обезвредили приставленных к ним сторожей собственными силами. Как выяснилось, у восьмерых из них имелись пистолеты.

Главного механика, который заправлял насосами и прочими агрегатами, повстанцы убили еще в самом начале штурма, и теперь его заместителю необходимо было найти какое-нибудь действенное решение по остановке нефтяного потока. Пока не стало слишком поздно.

Когда Эдди нашел рабочих в одной из комнат, именно заместитель, ставший теперь главным на платформе, первым заговорил с Эдди, предложив свою помощь по ликвидации утечки. Спецодежда и перчатки его были черны от нефти, а лицо покрыто сажей.

— Мы можем все исправить, — сказал он по-английски с сильным акцентом. — Они всего лишь заменили стандартный клапан на двенадцатидюймовую запаску. Открыв этот клапан, они сломали его задвижку. Но, думаю, мы все же можем заменить его.

— И сколько времени это займет?

— У нас еще есть запаски на складе. Они не родные для этих установок, но течь остановить смогут. Это займет около трех часов.

— Тогда вперед. Хватит терять время на болтовню.

Под звуки рычащего нефтяного фонтана Эдди отчетливо, почти на интуитивном уровне слышал отдаленную перестрелку на платформе Хуана. Он чувствовал, что тому сейчас из всех них приходилось хуже всего.

На какой-то миг Хуан не мог понять, ни где он находился, ни кем он, собственно, был. Только когда звук непрерывных очередей винтовок и автоматов прорвался сквозь оглушительный звон в его голове, он вспомнил, что находился на операции. Открыв глаза, Кабрильо едва не закричал от ужаса.

Хуан висел на высоте сорока футов над бурлящей нефтяной массой, и если бы не страховочная сетка, в которой он запутался, ветром его бы давно уже сдуло вниз. Кстати, тот контейнер, что некогда служил ему укрытием, сейчас раскачивался на поверхности бурлящей нефти. Однако тела раненого солдата, что находился с ним, нигде видно не было.

Рывком Кабрильо согнулся пополам и руками ухватился за сетку. Удостоверившись, что она его выдержит, он принялся осторожно ползти наверх. Подобравшись к поверхности платформы, он огляделся: вдруг кто-то из повстанцев заметил его особо уязвимую позицию. Террористы все еще владели вышкой, перестрелка продолжалась, а ответный огонь его ребят заметно ослабел. И по тому, что солдаты его отстреливались лишь, единичными выстрелами, он понял, что боеприпасы у них на исходе. Тогда как запасы повстанцев, видимо, все не иссякали, поскольку они палили по всему без разбору.

Когда Хуан удостоверился, что никто не смотрит в его сторону, он пробежал по платформе до ближайшего крана. Там, проверив автомат, он сменил полупустой магазин на полный. С этого места ему было очень плохо видно расстановку сил повстанцев, и, чтобы открыть по ним огонь, ему придется практически совсем выползти из-за крана, рискуя вновь попасть под обстрел гранатомета. Оглядевшись по сторонам, он переместился к самому краю крана, осторожно выглянув из-за него.

Впереди, там, где недавно стоял контейнер, а теперь лишь, съежившись, лежал раненый африканец, неожиданно возник террорист с гранатометом. Но едва он выстрелил, как Хуан убил его. Взрывной волной его отбросило назад, а на месте, куда попала боеголовка, образовался глубокий кратер. Взрывом задело какие-то трубы, и теперь из кратера вздымался черный дым.

Пока никто не определил, где произошла перестрелка, Хуан бросился бежать и в несколько кувырков достиг кучи бурильных труб шести дюймов в диаметре, валявшихся неподалеку. Он спрятался за ними так, чтобы смотреть в них, словно в подзорную трубу. Сквозь них он увидел повстанца, пробиравшегося мимо чугунной конструкции вышки в нескольких футах от фонтанирующей нефти. Просунув ствол своего автомата в трубу, Хуан трижды выстрелил. Пули угодили террористу в живот. Он завалился назад, и его мягко подхватил нефтяной поток.

На секунду Хуану показалось даже, что он оперся на нефть, словно бы прислонился к стене, настолько густой и вязкой была ее консистенция. Однако затем африканец исчез в черном фонтане навсегда.

Только Хуан скрылся за горой труб, его тотчас же атаковали пятеро повстанцев. Пули звенели, отскакивая от металла. И впервые с начала операции в голове Хуана появилась мысль, что они могут ее завалить. Если Линда в скором времени не появится с подмогой, им, скорее всего, придется отступить. «Орегон» здесь ничем помочь уже не мог, иначе вся платформа взлетела бы на воздух: повстанцы слишком глубоко рассредоточились в ее недрах.

С другой стороны, он понимал и то, что спуститься вниз обратно к субмарине под напором такого числа повстанцев было настоящим самоубийством. Они перестреляют их всех и не позволят добраться до подлодки.

Нет, должен был быть другой выход.

И Кабрильо подумал о том, чтобы воспользоваться спасательной шлюпкой самих нефтяников — армированной лодкой из стекловолокна, которая автоматически спускалась на воду и как нельзя лучше им сейчас подходила. Но находились эти лодки на отдельной площадке на противоположном конце платформы, окруженной океанскими водами и открытой со всех сторон — самый что ни на есть настоящий аэродром смерти.

Кабрильо настроился на волну Линды, и тут прогремел очередной залп.

— Линда, это Кабрильо. Оставляйте заложников и спускайтесь сюда. Живо! Вы нужны мне здесь!

Когда она не ответила, он в недоумении пробурчал:

— Куда, черт возьми, она подевалась?

Пять часов в неделю на протяжении двух лет посвящала она этому. Более пятисот часов за два года провела она в борьбе на матах с Эдди Сенгом в специально оборудованном додзё — помещении для занятия боевыми искусствами. Он учился у самого настоящего мастера, который еще в самом начале пути практически считался непобедимым на всем земном шаре.

Голос Хуана заставил Линду вспомнить об этих часах долгой и упорной тренировки, и паника, поглотившая ее, мигом отступила. Ее противник и опомниться не успел, как ствол винтовки, несколько секунд назад упиравшийся ей в поясницу, теперь был прижат к его бедру. Она резко ударила повстанца локтем в грудь, и тот одарил ее неприятным запахом изо рта. Затем, ни секунды не медля, Линда заехала ему кулаком в пах, вспоминая, как Эдди говорил:

— Если противник заваливается вам на спину или пытается захватить вас из-за спины, резко ударьте его в пах. Если же вы свободно можете от него уйти, то уходите и добивайте его так.

В этот раз Линда почувствовала, как преступник крепко схватил ее за талию. Схватив его за руку, она напрягла все свои мышцы и перебросила его через плечо, так что теперь они вместе полетели на стоявшее по правую сторону оборудование.

От столкновения с полом под своей собственной тяжестью и весом Линды повстанец начал задыхаться. Линда не растерялась и пережала ему горло. Глаза его закатились, и он надолго потерял сознание.

Она вскочила на ноги и в распахнутую дверь кухни увидала того мужчину, которого приняла за террориста. Он медленно опустил винтовку, которую вскинул было, чтобы выстрелить в схватившего ее преступника, но не решился. Она невольно ему кивнула, а он ответил ей широкой улыбкой. Затем, воспользовавшись парой наручников, она пристегнула преступника к ножке посудомоечной машины.

Вернувшись в столовую, Линда обнаружила, что двое ее солдат все так же стоят в дверях, не выпуская никого из нефтяников наружу, где их ждала еще более свирепая перестрелка.

Пол был завален людьми. Некоторые уже скончались. Однако большинство все еще корчилось от ран, полученных в рукопашной и при обстреле. Уцелевшие их сотрудники уже вовсю суетились вокруг них, пытаясь остановить кровотечение всевозможными тряпками и тканевыми салфетками и стараясь придать раненым удобное для них положение. Один из нефтяников, оказалось, в прошлом был медиком. В отличие от остальных, он принадлежал к белой расе. Его рыжие волосы уже тронула седина. Линда никогда прежде не видела таких огромных рук, как у него. Как никогда она ранее не видала людей такой грубой, мужественной красоты, как он. Когда он закончил с осмотром своего коллеги, который прислонился к столешнице перевернутого стола, он заметил ее и в пять длинных шагов пересек столовую, направляясь к ней.

— Хрупкая леди, я ума не приложу, каким чертом вас сюда занесло и кем вы вообще являетесь, но я чертовски рад вас видеть, — произнес он с явным западно-техасским выговором, уставившись на Линду сверху вниз. — Позвольте представиться: я Джим Гибсон, данная платформа находится в моем ведении.

Осознав, что перед ней стоит сам начальник этой платформы, Линда ответила:

— Росс. Линда Росс. Минуточку, — она вновь вставила в ухо свой наушник радиосвязи, выпавший во время схватки с террористом.

— Хуан, это Линда.

— Ну, слава Богу! Вы мне нужны, сейчас же! Мы попали под обстрел. Позаботитесь о

рабочих позже, — ему ничего не нужно было говорить, раскаты непрекращающегося огня все сказали сами за себя.

— Рабочие освобождены. Я иду к вам, — она подняла глаза на высокого техасца. — Мистер Гибсон?

— Джим.

— Джим, мне нужно, чтобы вы удержали своих людей здесь, пока мы не расправимся с террористами наверху. Они, видимо, вывели из строя какие-то важные защитные системы, так что теперь нефть хлещет прямо в открытый океан. Как только мы обезвредим преступников, нам понадобится ваша помощь. Вы сможете остановить нефтяной поток?

— Конечно. Это не проблема. А что происходит?

— Команда наемников из Конго была нанята, чтобы вывести из строя несколько вышек и терминал, — ответила она, заправляя автомат новой обоймой.

— В этом как-то замешана политика?

— Джим, обещаю, что объясню все, когда появится свободная минутка. Сейчас мне нужно идти.

— Мы сможем поговорить за ужином. Я знаю один замечательный ресторан с португальской кухней в самом центре Кабинды.

— Я знаю лучше, и находится он в Лиссабоне, — сказала она, обернувшись, — но все равно платите вы.

Майк подвел лодку прямо к стене нефтяного терминала, заглушив двигатели в самую последнюю секунду. Майк заранее спрятал крылья и винт, чтобы не сломать их о бетонную стену.

Солдаты начали стремительно выбираться из лодки прямо на причал, подходивший к нефтяной базе, и тут же оглядывались по сторонам в поисках укрытия. С терминала раздалось несколько очередей. Однако благодаря усилиям Мерфи, их пули попасть по цели не могли. Да и Майк Троно уже демонстрировал все свои способности, будучи опытным стрелком. Так он прикрывал своих солдат, пока те высаживались на причал.

Собрав все свое снаряжение, Майк тоже выпрыгнул на дамбу. Поскольку пришвартовать лодку было невозможно, он выхватил специальное ружье и дважды выстрелил болтами в бетонную стену терминала. К этим двум болтам он и привязал трос, крепившийся к левому борту лодки.

Многие годы гражданской войны научили африканских солдат одному важному, необходимому в каждом бою правилу: обязательно прикрывать товарища, чего бы это тебе ни стоило. И сейчас, пробираясь к своей цели, которая находилась еще в сотне ярдов впереди, они продвигались к ней, неизменно пропуская вперед друг друга.

Взглянув на небольшой экран, прикрепленный к рукаву своего боевого обмундирования, Майк тихонько выругался. Тот погас и не думал включаться. Без информации о расположении вражеских сил ему будет довольно трудно продвигаться вперед. Но, несмотря на обстрел, он повел своих солдат — ничего другого ему не оставалось, он ведь руководил наступлением. Благо, что солдаты не подводили, а профессионально обеспечивали ему прикрытие, открыв мощный огонь по отстреливавшимся наемникам, чтобы их прижать.

Боковым зрением Майк заметил, что к причалу устремилось сразу несколько лодок, до отказа набитых повстанцами. Никто из них, казалось, и внимания не обращал на огромное грузовое судно, покачивающееся неподалеку.

Тем временем они проникли на территорию нефтяного терминала.

Первые потери Майк и его люди понесли, когда один из бандитов внезапно поднялся во весь рост из своего укрытия и выпустил несколько очередей; держа свою винтовку у бедра и несколько секунд не отпуская курок. С его стороны это был необдуманный поступок, так как солдаты освобождения под руководством Майка тут же открыли ответный огонь. Повстанцев ждать не пришлось. Однако внезапно четверо солдат Майка замертво

повалились на землю. Остальные же бросились врассыпную, кидаясь из стороны в сторону в поисках укрытия, откуда бы им открывался более удобный обзор на врага. Это напоминало самый худший сценарий уличной перестрелки, поскольку враг мог неожиданно выпрыгнуть откуда ни возьмись.

В наушнике Майка загремел голос, и он наспех бросился за грузовик, чтобы прослушать сообщение.

— «Либерти», это «Орлиный глаз», извини за временные неполадки. Отсоединился кабель твоего экрана, — вышел с ним на связь Малыш Хендерсон.

Троно вновь взглянул на темный квадрат, прикрепленный к рукаву. На этот раз на нем зеленым цветом загорелось изображение нефтяной базы. Картинка была чистой, разрешение ничуть не уступало основному экрану в командном центре «Орегона», однако батарея позволяла получать только отдельные фотоснимки, которые отправлял самолет с десятисекундным интервалом.

Это изобретение было настоящим чудом техники, однако пройдут еще годы многочисленных доработок и инноваций, прежде чем американская армия полностью на них перейдет.

Картинки менялись, на одной из них Майк увидел троих повстанцев, что находились за складом и вот-вот собирались напасть на двоих его солдат. Майк сорвался с места и бросился к складу, спрятавшись за углом, за которым в сорока ярдах от него находились повстанцы.

Просчитав нужный угол, он выстрелил из гранатомета. Тот издал смешной булькающий звук, и снаряд стремительно вылетел из установки. Однако результат этого выстрела был отнюдь не комическим. Снаряд приземлился всего в футе от террористов и взорвался, превратив все вокруг в сплошное месиво металла и человеческой плоти.

Эту картину и показал ему нарукавный экран.

Теперь, когда команда обрела своего ангела-хранителя, операция была обречена на успех. Майк мог видеть все организованные повстанцами засады еще задолго до того, как те думали нападать. И, что важнее, он мог предупредить своих людей об опасности, давая им время переиграть тактику наступления.

Так они и добрались до электростанции, расположенной на территории терминала, не потеряв больше ни единого солдата.

Несмотря на толстые стены, здание, казалось, сотрясалось от гула многочисленных реактивных генераторов, производивших электроэнергию.

Выбрав пятерых солдат, которые пойдут с ним на станцию, остальным он приказал следить за повстанцами на территории нефтебазы и, в случае чего, прикрыть Линка и Ски, когда они появятся на пирсе, чтобы остановить очередную группу преступников, собиравшихся спустить еще многие тонны нефти в открытый океан.

Выстрелив в замок, Майк пнул ногой дверь. Гул реактивных генераторов был почти оглушительным. И если бы не специальные защитные наушники, они едва ли смогли продержаться там более нескольких минут.

Майк начал стремительно прокладывать себе путь, активно переводя лазерный прицел с места на место.

Выставленные в ряд на стально-бетонных опорах три огромных реактивных генератора «Дженерал электрик» всасывали воздух через огромные толстые трубы, а их выхлопные отходы выводились через другие трубопроводы, почерневшие от копоти и сажи, прямо за пределы здания.

В настоящий момент работал лишь один генератор. Как объяснил Макс тогда, еще на собрании, подобного рода электростанции обычно одновременно задействовали всего один или два агрегата, подключая третий, только когда предвиделся большой расход энергии.

На собрании решили вывести из строя только один генератор, зная, что ребятам понадобится энергия на очистительные работы после ликвидации катастрофы.

Майк направился к центру управления генераторами, прикрываемый своими

солдатами. Сквозь стеклянную дверь, оборудованную тремя стеклопакетами, им были видны несколько рабочих, наблюдавших за работой генераторов, и несколько повстанцев, наблюдавших уже за ними.

Двое рабочих «Петромакса» изучали на огромном дисплее какие-то таблицы и графики, расцвеченные различными цветами. Нефтяники и повстанцы стояли слишком близко друг другу, поэтому Майк решил выстрелить поверх них, превратив массивную стеклянную дверь в тысячи мерцающих осколков.

Шок от одного только гула электрогенераторов, проникшего в полностью изолированную комнату, застал их всех врасплох, а тут еще и Майк забросил противопехотную гранату в помещение. И пока она не взорвалась, кувырком достиг разрушенной стеклянной двери и плашмя бросился на пол около нее. Когда прогремел взрыв, он стремглав вбежал в помещение, пока никто не успел опомниться. Он прижал прикладом своего автомата одного из преступников, а двое его солдат схватили других террористов, приставив к ним свои штурмовые винтовки.

Связав своего заложника, Майк бросил пару наручников помощникам и направился осмотреть техников. Один получил довольно легкое ранение осколком стекла, а остальные отделались испугом.

Отыскав среди них самого вменяемого, он что было силы заорал, стараясь перекричать гул генераторов:

— Можете вы выключить один из генераторов?

Мужчина глупо на него уставился. Майк ткнул пальцем в сторону генераторов и провел ребром ладони по своему горлу — универсальный жест сработал. Инженер кивнул и направился к панелям управления. Используя мышку, он прорывался сквозь огромное количество диалоговых окон, выделяя только ему понятные цифры и нажимая на клавишу ввода. Казалось, его действия не приносили никакого результата, пока, наконец, невыносимый для слуха гул не стих до просто раздражающего. Гул все продолжал утихать довольно медленно, поскольку требовалось остановить невообразимое количество внутренних механизмов, пока, наконец, не воцарилась абсолютная тишина. Хотя в ушах Майка звон еще долгое время не утихал.

— Оставайтесь здесь и не давайте никому заводить генераторы снова, — скомандовал он инженеру, передавая ему рацию. — Свяжитесь со мной, если появятся повстанцы.

— Ясно. Нкоси, — казалось, этот африканский инженер был не очень доволен, что его опять оставляют вдали от боевых действий. Он схватил винтовку связанного повстанца и ткнул ею в сторону заложников. — Что делать с этими?

Майк уже зашагал к выходу.

— Если они будут вести себя плохо, вы знаете, что делать.

— Ясно. Нкоси, — ответил тот с нотками энтузиазма в голосе.

Пока Линда вела своих ребят наверх, на поле боевых действий, Хуан сообщал ей последнюю информацию по расстановке вражеских сил. Кабрильо приказал ей направляться к дальнему выходу на платформу, который находился по соседству с площадкой, где размещались спасательные шлюпки. Выходить оттуда, куда они заходили, не имело смысла. Воспользовавшись этим путем, они обойдут противника снизу и выйдут позади него.

Затем он на минуту прервался, отчаянно объясняя жестами своим солдатам то, чего хотел от них добиться, понимая, что эта была их единственная возможность разгромить террористов или хотя бы приструнить их пыл. В его запасе находилось всего лишь два полных магазина. Права на ошибку никто из них не имел.

— Итак, Хуан, мы на месте. Вижу четверых повстанцев. Они скрываются за большим резервуаром-накопителем. И еще один пытается подобраться к крану.

— Дайте мне знать, когда он окажется в ярде от гусеницы. Я возьму его на себя. Вам придется разделаться с той кучкой за накопителем. Сдается мне, что еще парочка висит на страховочной сетке. Так что в любой момент они могут возникнуть на платформе. Следите в

оба.

— Вас поняла. Вы можете продвинуться еще на десять ярдов вперед. Перед вами никого нет.

Прижимаясь спиной к теплым трубам, Хуан чувствовал, как вскипает адреналин в его крови, предвкушая последний рывок. Однако, несмотря на всю сложность этой операции, он ни на секунду не забывал о расчетах Дэниела Сингера. Хоть эта идея и была крайне абсурдна, Кабрильо не сомневался, что Сингер нашел способ подчинить ураган собственной воле. Он все же был гением науки. Ведь уже в двадцать лет он умом зарабатывал себе на жизнь миллионы. Как сказал бы Макс: «Человек, может, и тронулся, но машинка-то работает».

— Повстанец в пяти ярдах, — раздался голос Линды.

Не осталось сомнений, что Сингер задумал нечто очень масштабное. И располагал неким секретом. Каким образом умудрился он подчинить своей власти саму суть формирования урагана, его мощность, его траекторию? Если он и додумался до этого, зачем же применять эти ценные для всего мира открытия таким самым противоестественным образом? Его охватил гнев. Ураганы в Атлантике и их собратья в Тихом и Индийском океанах — тайфуны и цунами — ежегодно приносили разрушений на миллиарды долларов, унося миллионы человеческих жизней. Если Сингер так хотел спасти планету, то этот поступок не только круто развернет все его предыдущие достижения вспять, но и заставит все человечество ненавидеть ученого до скончания веков. Как могло в голову взбрести человеку подобное? Только сейчас Хуан осознал, насколько противно ему все это — грязная революция Макамбо, чистое самовозвеличение, создание собственного культа по сути, коррумпированность власти в Зимбабве, приведшая к плачевному состоянию Мозеса Ндебеле и его армию патриотов, а теперь еще и это.

— Два ярда!

Боже, как опустошили его эти боевые действия! Когда пала Берлинская стена и Советский Союз распался, его начальники в ЦРУ похлопали друг друга по плечу, поздравляя с успешно выполненным заданием. Но Хуан прекрасно осознавал, что худшее еще только впереди. Теперь, когда весь мир распался, когда каждый народ, каждое племя ревностно охраняет свои границы, опасность может возникнуть в любом месте и в любое время.

Этому он и был сейчас свидетелем.

Как же он ненавидел свою правоту. Кто знает, может, в беспечном океане лжи живется гораздо спокойнее?

— Берите его!

Решимость и стойкость вернулись к Кабрильо без минутного промедления. Он выскочил из-за труб и пустил три длинные очереди, попав ползущему ему навстречу бандиту в грудь и левый бок. Тут же с левой стороны на Хуана обрушился град пуль — это компания из четверых террористов попыталась отомстить за своего убитого товарища. Однако команда Линды с ними быстро разобралась. Кабрильо побежал вперед, намеренно не переставая отстреливаться, чтобы заставить преступников раскрыть свои позиции. Его солдаты были к этому готовы и тут же поддержали его. Во второй раз с момента начала атаки на платформе воцарился полный хаос.

Это был самый ожесточенный рукопашный бой, в котором Хуану когда-либо приходилось участвовать. Пули пролетали в миллиметрах от него, он чувствовал их горячее дыхание. Хуан перелетел через пустую бочку для нефти и, спрятавшись за нею, пополз дальше. Бочку тут же прошили из штурмовых винтовок.

Линда заметила одного из повстанцев, целившегося в Хуана, и выстрелила в него, но промахнулась, и тот стремглав бросился за кучу труб. Она выбежала из укрытия и погналась за ним. Ее жертва удачно спряталась: трубы разной величины лежали сваленные и перекрещенные, предоставляя ему обзор во всех направлениях. Линда его не видела.

Осознавая, что в любую секунду может угодить в ловушку, Линда начала медленно отступать. Взгляд ее не задерживался на одном объекте более секунды, поскольку бандит

легко мог обойти ее с фланга.

Она обогнула круглую вертикальную трубу, походившую на водосточную. Вдруг чья-то рука схватила дуло автомата и с силой дернула, заставив ее распластаться на земле в неуклюжей позе. Сейчас она ожидала удара. Как позволила она себе допустить эту глупую ошибку! Это будет стоить ей жизни.

Вдруг проревел выстрел. Словно из пушки. Лицо повстанца исказилось, будто восковая маска. Подняв глаза, Линда увидела в нескольких футах перед собой огромные ботинки Джима Гибсона. В его руке дулом вверх был зажат здоровенный револьвер. Из дула все еще вырывалась тоненькая струйка густого черного дыма.

— Строго говоря, моей ноги здесь и не должно быть. Вы мне запретили. Однако я всегда думал, что правила и запреты созданы лишь для трусов. — Он протянул ей свою широкую ладонь и помог подняться на ноги. — Как вы, милочка?

— Да меня только что спас самый настоящий ковбой. Думаете, как я могу себя чувствовать?

Зная каждый болт, винт и сварочный шов на платформе лучше собственных пяти пальцев, Джим Гибсон безошибочно вывел Линду из этого лабиринта. Когда они добрались до входа на вышку, Линда вдруг осознала, что раскаты выстрелов прекратились.

Она осторожно осмотрелась. Пятеро террористов стояли совсем неподалеку от них: руки с винтовками высоко подняты над головами. Однако они не увидели еще двоих, висевших все это время на страховочной сети и только что взобравшихся на платформу.

— Хуан, все кончено, — произнесла она в микрофон.

Хуан выскочил из укрытия. Не выпуская преступников из цели, он метнулся к Линде и ее спутнику, крича на ходу:

— Ложитесь. Живо!

Линда помогала остальным укрывать брезентом убитых. Солдаты освобождения разыскивали своих товарищей, помогали раненым. Хуан связывал уцелевших террористов. Закончив, он связался с кораблем.

— «Номад» — «Орегону». Задача выполнена. Повторяю, задача выполнена.

— Прекрасно слышал тебя в первый раз, — протянул Макс. — Пусть я и старше тебя, но еще не глухой. — Помедлив еще секунду, он добавил: — Отлично сработано. Я в тебе ни секунду не сомневался.

— Спасибо. Ну, как у нас дела?

— Майк вырубил электростанцию. С нескольких танкеров на терминале нефть продолжает выливаться в океан. Однако поток ее не такой мощный, как на вышках.

— Линк готов?

— Мы подали ему сигнал готовиться, как только Майк отключил генераторы. Так что спускаем его команду прямо сейчас.

Силовым приводом, по строению похожим на катапультирующее устройство в воздушных суднах, черную прорезиненную лодку вытолкнуло по выдвижному трапу из лодочного отсека «Орегона» прямо в океан. Такого типа лодки V-образной формы производились в Ванкувере. Ей было под силу мягко и проворно преодолевать волны любой величины на скорости почти сорока узлов, которую обеспечивали ее два мощных забортных двигателя.

Линк стоял у руля. Джери Поласки находился у него слева. Оба надели бронежилеты поверх экипировки. Более того, вокруг них, почти до середины лодки, был установлен защитный экран из пуленепробиваемого стекла. Так что пока они чувствовали себя полностью неуязвимыми. У ног они поставили внушительных размеров ящик с винтовками «Беретта» пятидесятого калибра. Это были чуть ли не самые совершенные винтовки в мире, приспособленные для стрельбы на дальние расстояния.

Команде «Орегона» пришлось назначить две группы для устранения террористов на нефтяном терминале, поскольку окрестные воды были настолько запружены токсичной нефтью, что ни один здравомыслящий капитан ни при каком условии не направил бы свой корабль прямо в самое сердце нефтяного пятна: двигатели и жизнеобеспечивающие системы тут же вышли бы из строя.

По той же причине «Орегон» теперь не мог воспользоваться своим сверхсовременным вооружением, поскольку иначе весь нефтяной комплекс взлетел бы на воздух.

Линк и Ски на всех парах неслись к огромному танкеру, стоящему на якоре около пирса, лишь слегка замедлив ход, когда лодка заскользила по нефти. Слой ее был не менее шести дюймов в толщину, и, хлюпая, она приставала к понтону лодки липкими комьями. К счастью, ни до одного из двигателей ей было не добраться. Иначе лодка, как минимум, встала бы на месте.

Позади них «Орегон» вновь пришел в движение, стараясь занять наиболее выгодную в данной ситуации позицию для стрельбы, учитывая также опасную близость к нефтяному пятну. Хотя они и не собирались целиться прямо в пирс или в его окрестности, Максу даже и в голову не пришло отказаться от затеи пострелять по врагу только оттого, что нефть отвоевывала все больше и больше владений у океана.

Между тем Ски в бинокль наблюдал за танкером. Пока террористов он не обнаружил. Они планировали подобраться к его носу, чтобы оттуда забраться на сам танкер. На носу было самое удобное место для начала операции, поскольку с него открывался великолепный обзор на весь терминал в целом.

Они уже добрались до буйков, обозначавших безопасную стоярдовую зону вокруг танкера. И по-прежнему — никакой реакции со стороны противника.

— Как мы и предполагали, повстанцы обделили его вниманием, — заметил Линк.

С близкого расстояния танкер казался самой настоящей стальной глыбой, совсем не предназначенной для плавания в морях. И поскольку он был практически пуст, его массивный корпус угрожающе возвышался над маленькой лодкой практически на шестьдесят футов.

Пока Линк маневрировал, чтобы пристать как можно ближе к носу танкера, Ски подготавливал специальное ружье, походившее на гарпун с мощными зубцами. Когда они подошли лодку еще ближе, Ски выстрелил из гарпуна, и два черных троса из нановолокна, прикрепленные к крючкам, тут же взвились в воздух.

Зацепившись за борт танкера, тросы сами подтянули лодку, так что она резко уткнулась в его корпус.

Нановолокно было настоящим чудом современности. Крепче стали, оно обладало многими преимуществами, взять хотя бы то, что из него производили наипрочнейшие тросы, которые на вид казались не толще обычной веревки.

Ски пропустил трос через лебедку, прикрепленную к палубе лодки, и проверил стремена.

Закончив с этим, он оглянулся на Линка и увидел, что тот уже открыл ящик с оружием и вынул две снайперские винтовки. Каждая была заряжена на десять выстрелов и имела запас патронов.

— Колесница готова, ваше величество, — произнес Ски и поставил ногу в стремя. Линк сделал то же самое и включил автоматическую лебедку. Трос заскользил по ведущему шкиву. Стремя Ски поползло вверх, унося его с лодки, при этом, чтобы сохранять равновесие, ему приходилось свободной рукой держаться за трос. В другой была зажата винтовка.

Оказавшись на высоте восьми футов над лодкой, он заметил, как начал подниматься Линк, лебедка правильно распределила их весовые категории, поскольку тот значительно превосходил его в весе. Теперь оба они поднимались все выше к борту танкера.

Через несколько секунд Ски уже запрыгивал на борт. Мягко приземлившись на палубу, он тут же вскинул винтовку и через оптический прицел принялся обследовать палубу и

судовые надстройки. Тут появился Линк.

— Все чисто, — произнес Ски.

Они направились к корме танкера перебежками по пятьдесят футов. Находя себе подходящее укрытие, они прятались, и один прикрывал другого, пока тот бежал до следующего укрытия. И наоборот. Хотя террористов видно не было, они сохраняли эту тактику в качестве меры предосторожности.

Около трех минут им понадобилось, чтобы таким образом добраться до рулевой рубки, и пока они пробегали по левому борту, впервые за всю вылазку им удалось взглянуть на погрузочный причал. Два крана-близнеца возвышались над танкером. Из шлангов, что беспорядочно свисали с них, толчками выливалась нефть, падая на причал и медленно стекая с него в океан.

Около ста повстанцев были переброшены сюда, чтобы охранять пирс. Находились они там уже давно, и в их распоряжении оказалось достаточно времени, чтобы выставить баррикады и укрепить свои позиции. Троно и его команде сегодня придется туго, если Линк и Ски не сумеют разделаться с этой оравой террористов.

— Как думаешь, этой высоты нам достаточно или нужно забраться выше? — спросил Ски.

— Высоты вполне хватает, только с этой позиции мы слишком уязвимы. Давай заберемся на крышу надстройки.

Пока они пробирались по ее бесконечным внутренним лестницам наверх, Линк связался с Максом и изложил ему ситуацию. В свою очередь, тот сообщил ему, что команда Майка прорвалась обратно через весь терминал от электростанции и заняла позицию.

На последнем пролете внезапно распахнулась дверь. Появился какой-то человек в черных брюках и белой рубашке с эполетами. Линк мгновенно выхватил пистолет и приставил дуло между глаз мужчины, едва он успел осознать, что на лестнице есть кто-то еще.

— Нет, пожалуйста, — истошно завопил он.

— Тихо! — прошипел Линк и убрал пистолет. — Мы спасатели.

— Вы американцы? — мужчина, видимо, был англичанин.

— Так точно, капитан, — ответил Линк, заметив четыре золотые полосы у него на эполетах. — Мы здесь, чтобы положить конец всему этому хаосу. Нам нужно попасть на крышу.

— Да, да, без проблем. Следуйте за мной. — Они поспешили за капитаном. — Что случилось? Мы бросили танкер на якорь и приготовились к погрузке нефти, как вдруг появились эти идиоты и вырвали все шланги, теперь моему танкеру еще долго придется простоять в ремонте. Я попытался дозвониться до береговой охраны, однако там не берут трубку. Затем мои люди доложили мне, что пирс усеян вооруженными африканцами. Ума не приложу, что здесь происходит?

— Вам достаточно знать, что вам и вашему экипажу теперь ничего не угрожает. Просто не пускайте никого на палубу. Оставайтесь здесь и держитесь все вместе.

— Ну, этим мы занимаемся с самого утра, — ответил капитан, — так что будьте уверены: никто из моих людей на палубе и носа не покажет.

Они дошли до вершины лестницы. Двери никакой не было, только глухая стена. Зато в потолке находился люк. Ни слова не говоря, Ски полез по вертикальной лестнице.

— Спасибо вам, капитан. Здесь нам придется расстаться, — протянул руку Линк.

— Ах да, конечно. Удачи, — произнес тот и пожал Линку руку.

Ски откинул люк, позволяя яркому солнечному свету заполонить темное пространство под крышей. Затем он вылез на крышу. За ним последовал Линк. Люк с этой стороны никак не закрывался, поэтому им придется время от времени следить за тем, что никто из террористов не оказался у них в тылу.

Крыша рулевой рубки представляла собой ничем не примечательную плоскую стальную поверхность, покрытую белой краской, на которой тенями отражались дымоходная

труба и лес всевозможных антенн.

Добравшись до ее края, они бросились плашмя, чтобы снизу никто их не заметил. Отсюда они могли различить Майка и его людей, занявших свои позиции и ожидавших сигнала к наступлению. Неподалеку от них порхал самолетик под управлением Хендерсона.

— «Орегон», это Линк. Мы на месте. Нам понадобится еще пара минут, чтобы взять этих красавчиков на мушку. Оставайтесь на связи.

Расставив винтовки по краю крыши, чтобы иметь возможность стрелять сразу с нескольких ракурсов, и проверив, что каждая заряжена, они начали внимательно разглядывать повстанцев в оптические прицелы, чтобы выяснить, кто из них более всего подходил на роль главаря. Они прекрасно понимали, насколько велика его фигура в сознании африканцев, и без него они окажутся абсолютно беспомощными.

— Черт меня подери, — пробурчал Линк.

— Что такое?

— Одиннадцать утра. А один африканец уже имеет в тени какого-то подростка.

Ски навел винтовку туда, куда указал Линк.

— Вижу. Во дает! Ты знаешь, кто это?

— Это, мой друг, полковник Райф Абала, самый подлый ублюдок на свете. Он дважды нас подставил в той сделке с оружием. Это правая рука Макамбо.

— Сдается мне, больше нет. Иначе сидел бы этот Абала сейчас где-нибудь в уюте и спокойствии по правую руку от Макамбо, — поделился своими соображениями Ски. — Это и есть наша цель номер один, я полагаю?

— Да нет. У меня есть план получше. Хочу посмотреть на выражение его лица, когда мы покажем, кто есть кто на этом нефтекомплексе. Ты готов?

— Да. На моей стороне пирса, похоже, лишь шестеро отчетливо понимают, где они находятся. Остальные и в ус не дуют. Так что начинать можно.

— Тогда взорвем их! «Орегон», мы готовы!

— И мы тоже, — услышал он в наушнике голос Майка.

Ответом с «Орегона» послужило около десяти залпов бортовых пушек. Когда снаряды прошили нефтяной «суп», беспросветной пленкой поблескивавший вокруг них, возникло впечатление, что на воде возникла огненная стена, с одной стороны окружившая пирс на дистанции около десяти ярдов от него.

Пойманных врасплох повстанцев тут же окатило волной грязи и нефтяных комьев. Многие из них попросту озирались по сторонам, не сумев даже скрыться от нефтяного фонтана. Многие бросились по дамбе в сторону берега.

Под прикрытием пушечных залпов, заглушавших их выстрелы, Линк и Ски принялись палить по целям с максимальной скоростью. Один выстрел — один поверженный террорист. Секунд через пять, когда пали все их высокие чины, кроме полковника, солдаты замерли, совершенно дезориентированные происходившим.

Линк и Ски отползли от края крыши. Взглянув в прицел винтовки, Ски увидел, как Абала кричит на своих солдат. Испуганные лица африканцев отчетливо свидетельствовали о том, что его шумная проповедь не имела никакого успеха. Тем временем, воспользовавшись всей этой неразберихой, солдаты Майка осторожно прокладывали себе путь по дамбе позади них.

Затем Линк и Ски, вновь взяв повстанцев на мушку, открыли по ним точечный огонь. Один из солдат, наконец, понял, откуда доносились выстрелы, и посмотрел наверх, на крышу рулевой рубки танкера. Однако только он раскрыл рот, чтобы предупредить об этом своих товарищей, как Ски точным выстрелом из винтовки остудил его прыть.

— Майк, вы в восьми футах от первой засады, — предупредил Малыш.

— Как они расположены? Мой экран опять отказывается работать.

— Знаешь, разбирайся я больше во всех этих боевых действиях, я бы сказал, что они собираются сдаваться. Нет, стоп. Я ошибся. Кажется, один из них все-таки пытается поднять их боевой дух. Нет. Ему крышка. Ски, выстрел на шесть баллов!

— Вообще-то, стрелял я, — отозвался Линк.

— Подумаешь, ошибся. Говорю же, что ни черта не понимаю в ваших боях, — пробурчал Хендерсон. — Зато все они, теперь уж совершенно точно, бросили ружья. Как высоко тянутся! Руки-то вот как мы высоко умеем поднимать!

Увидев, что их товарищи капитулировали, остальные повстанцы незамедлительно последовали их примеру: все, как по команде, сложили винтовки. Только Абала все никак не унимался. Похоже, он не рассчитывал проиграть эту битву. Он орал, словно безумный, размахивая пистолетом. Он схватил за шею одного из подростков, которому не посчастливилось стоять рядом, и пригибал его к земле, видимо, заставляя поднять винтовку. Линк не мог больше смотреть на это и прострелил полковнику ногу, едва он приставил дуло пистолета к голове солдата.

В это время команда Троно, собрав сложенные винтовки, теперь обыскивала каждого повстанца на предмет дополнительного вооружения.

Линк и Ски не торопились уходить с занимаемых позиций на тот случай, если кому-то из террористов в голову взбредет геройствовать.

— Этот последний, — прозвучал в наушниках голос Майка; он стоял около Абалы, который сжимал свою ногу, корчась от боли. — Кто промахнулся?

— А никто не промахивался, сынок, — незамедлительно ответить Линк, — как только этот малый выйдет из больницы, он предстанет перед Макамбо и Сингером и ответит за проваленную операцию по полной.

Через десять минут Линк и Ски уже присоединились к остальным. Линк подошел к полковнику и плюнул в него. Тот находился в полубредовом состоянии и никого уже не различал. Тогда Линк легонько коснулся ботинком его лица, заставляя того взглянуть ему в глаза. Слюна пузырилась у его губ, а лицо мертвенно побледнело под шоколадным цветом кожи.

— Помнишь меня, дружок? — произнес Линк. Глаза Абалы раскрылись в ужасе и удивлении. — Да, да. Устье реки Конго. Неделю или около того назад. Ты, наверное, почему-то подумал, что тебе это так легко сойдет с рук? Нет. Ты жестоко ошибся. — Линк присел. — Никогда, понял? Никогда не связывайся с Корпорацией!

Когда вооруженные силы Анголы, наконец, прибыли на комплекс нефтяных сооружений, «Орегон» со всем своим экипажем, снаряжением, вооружением и солдатами Мозеса Ндебеле, живыми и мертвыми, уже давно скрылся за горизонтом. К этому времени рабочие уже перекрыли нефтяной поток на двух вышках и нефтяном терминале. Обследовав территорию, военные обнаружили восемьдесят шесть тел повстанцев, сложенных около здания администрации. Еще около четырехсот террористов, связанных и до смерти перепуганных, они нашли внутри него. Большинство из них получили ранения различной степени тяжести.

У одного из них, с кровавым обрубком ноги, на шее висела табличка: «Меня зовут Райф Абала. Я полковник, правая рука Самуила Макамбо, возглавляющего Конголезскую Армию Революции. Меня нанял Дэниел Сингер, ранее бывший компаньон Меррика по компании „Меррик и Сингер“, для осуществления этого теракта. Я осознаю, что, если не буду с вами сотрудничать, меня из-под земли достанут люди, которые предотвратили сегодняшний теракт. Желаю хорошего дня».

Глава 29

«Орегон» являл собой настоящее чудо военно-морских сил всего мира. Внешняя его потрепанность и обветшалость была лишь внешней. Более того, над этим изрядно постарался не один десяток инженеров, конструкторов и прочих умелых людей. Но вот ветхость и плачевное состояние «Сидры» никто нарочно не задумывал. Десятки лет бегал этот танкер по волнам Средиземноморья, доставляя нефть покупателям и принося своим хозяевам

огромную прибыль. Однако хозяева были достаточно скупы и старались придержать каждую копейку, которую могли сэкономить на своем судне. Едва ли танкер когда-либо стоял на капитальном ремонте. Если что-то ломалось, поломку наспех чинили давно отслужившей свой век деталью, или засмаливали, или заколачивали, или перевязывали, или попросту плевали на нее. Когда сломался механизм по очистке сточных вод, их стали сбрасывать прямо в открытый океан. Система вентиляции едва вызывала слабое перемещение горячего затхлого воздуха в рулевой рубке и прочих надстройках, а не охлаждала его. Туго приходилось поварам в этой ситуации, еда портилась неимоверно быстро.

Черный корпус во многих местах проела ржавчина, оголяя металл. А единственная дымовая труба настолько закоптилась, что не было и намека на прежнюю желто-зеленую расцветку.

Единственным более-менее современным приспособлением на танкере являлась спасательная шлюпка, подвешенная за бортом у носа. Да и то она появилась лишь недавно по настоянию капитана, стоило ему услышать о пункте их следования.

Шириной в сто двадцать футов и длиной в три футбольных поля, «Сидра» был поистине огромным кораблем, хотя даже он казался малюткой по сравнению с гигантским танкером, стоявшим на якоре у терминала «Петромакс». В настоящее же время вследствие своей ветхости он был способен перевозить всего лишь до ста четырех тонн нефти.

Хотя «Сидра» стоял уже в порту Нуакшот недели три с лишним, вряд ли кто-нибудь из местных обратил внимание на то, что эта черная глыба внезапно начала отдаляться от берега и взяла курс на запад. Как только Дэниел Сингер прибыл из Анголы, «Сидра» тут же на всех парах отправился в путь. Он преследовал мощные тропические ветра, кочующие по всей Атлантике. Как ожидалось, именно они должны были спровоцировать сильнейший в истории человечества тропический ураган. И именно его так ждал Дэниел Сингер. Еще не приступив к осуществлению своего коварного плана, он уже знал, что этому урагану суждено стать венцом всей его деятельности. Этим он как раз и проверит, насколько совершенны новейшие технологии прогнозирования погодных условий, о которых в последнее время так громко кричат виднейшие метеорологи всего мира.

Дэниел Сингер старался как можно реже посещать свою каюту. Отсутствие системы кондиционирования давало о себе знать: в каюте находиться было попросту невыносимо — горячий затхлый воздух недвижимым туманом повис под потолком. Поэтому практически все время он проводил на крыле капитанского мостика, где на скорости в семнадцать узлов хотя бы чувствовался слабый ветерок.

По радиоволне «Би-би-си» только что передали, что вооруженные силы Анголы накрыли атаку Самуила Макамбо. В ходе решительного контрнаступления им удалось ликвидировать около сотни повстанцев и более четырехсот взять в плен. Тут Сингер призадумался над тем, вошел ли в число пленных полковник Абала, единственный из банды Макамбо способный опознать его в лицо. Хотя какая теперь была разница? В любом случае скоро по всему миру распространится слух о его причастности к этому делу: слишком много свидетелей. Ну и что? Он наймет самых именитых адвокатов, каких только сможет найти, и добьется, чтобы его дело перевели на рассмотрение в Международный Суд в Гааге. Там ему не составит труда прикрепить к делу преступление, совершаемое человечеством против природы, повернув, тем самым, весь судебный процесс в выгодное для себя русло. Тогда уже никто не сможет обвинить его в акте терроризма или в чем-либо подобном.

Другое не давало ему покоя. По оценкам «Би-би-си», общий объем нефти, пролитой в океан, составил всего около двенадцати тысяч тонн. Так какая же это экологическая катастрофа? Он рассчитывал на более широкие масштабы. Ее должно было пролиться уж никак не менее миллиона тонн. Теперь обширного бензолового облака не получится, какой толк тогда во всей этой затее с ураганом, если ядовитые испарения не смогут попасть на юго-восточное побережье США? Ну, ничего. Я им еще покажу. Этот шторм, сильнейший в истории всего человечества, падет на их головы наказанием за все, что они сотворили. Конечно, если бы ураган принес с собой еще и ядовитые вещества, эффект был бы куда

масштабнее. Однако и так, предчувствовал он, паника этих никчемных людишек превзойдет все его ожидания. Ведь люди сегодня так уязвимы.

Когда шторм закончится — нет, лучше на пике его активности, он свяжется с какой-нибудь радиостанцией и произнесет свою пламенную речь. Он расскажет о том, как в отдаленной части Земли недавно по чистой случайности остановили надвигавшуюся катастрофу. Это станет еще одним примером того, насколько привыкли люди бросать свои жизни на волю случая. Однако природа так легко не отступится: им удалось предотвратить бедствие в одном месте, однако в другом им все так легко с рук не сойдет. Человечество получит по заслугам.

Боковым зрением рядом с собой Сингер увидел Адониса Касседина, капитана корабля. Как не подходило это красивое мифологическое имя его опухшему небритому лицу с маленькими красными крысиными глазками. Видимо, большую часть своей никчемной жизни он провел в драках с собутыльниками, поскольку нос его, будучи не раз сломанным, далеко съехал со своего изначального месторасположения, так что грязные заляпанные очки держались теперь практически на одном рваном ухе.

— Только что со мной связался капитан контейнерного судна, находящегося в ста милях впереди нас. — Уже прошло несколько часов, как село солнце, и от него разило запахом перегара. Когда же успевали они заглотить по паре бутылок какого-нибудь дешевого джина? Даже глазом моргнуть не успеешь, а они уже навеселе. Благо, что хоть язык у него не заплетался. Стоя на крыле мостика, капитан лишь слегка покачивался, вторя мягким колебаниям волн. — Он сообщил что-то про северо-восточные ветра четвертой степени, с которыми они уже столкнулись.

— Да, это шторм. В океане зарождается ураган, — объяснил Сингер. — И почти в том самом месте, где нам и нужно. Конечно, неплохо было бы, если бы центр находился немного ближе к побережью, однако он не так уж далеко, так что эти ветра еще успеют соединиться с мощными здешними ветрами.

— Я могу вас доставить в этот центр, — ответил Касседин, — только мне все это не нравится.

Опять двадцать пять. Сингеру сейчас и так много крови попортил провал Макамбо, так теперь еще и этот пьянчуга. Сколько раз ему можно объяснять?

— Вы сами видите, что корабль в плачевном состоянии. Он очень стар. Корпус его прогнил уже во многих местах, а то, что находится в его трюмах, выделяет слишком много тепла. Фактически в нашем распоряжении гора плавящегося металла.

— Я вам уже показывал отчет специальной комиссии, проверка которой показала, что корабль еще обладает вполне приличной термоемкостью.

— Да что мне эти комиссии! — махнул рукой Касседин. — Кучка каких-то обряженных новичков, что строит из себя профессионалов, а на деле и знать ничего не знает о море и кораблях. Вы хотите проникнуть на этом корабле прямо в сердце урагана, а я вам говорю, что судно развалится на части, стоит нам подойти к нему еще ближе. Сингер, пользуясь своим преимуществом в росте, начал потихоньку надвигаться на болтливого грека в надежде заставить его присмиреть.

— А теперь послушай меня, ты, проклятый пьянчуга! Я плачу тебе столько денег, сколько тебе и во сне не снилось. Так что, если захочу, на этом корабле мы попадем не только в сердце урагана, но и на луну. От тебя лишь требуется молча выполнять свои обязанности. И чтобы я больше не слышал твоего писка о том, что ты думаешь или что тебе кажется. Я ясно выразился?

— Я лишь говорю…

— Я ясно выразился? — рявкнул Сингер. — Что я только что тебе сказал? Теперь убирайся с моих глаз, пока меня не стошнило от твоего запаха!

Несколько секунд Сингер и Касседин сверлили друг друга взглядом, пока, наконец, последний не начал пятиться назад. Сингер прекрасно знал, что большинство алкоголиков — очень слабые люди. Их легко можно приструнить. И этот экземпляр ничем от остальных не

отличался. Касседин зашел слишком далеко в своем алкоголизме. Он уже не мог побороть эту зависимость, поэтому сделает все, чтобы обеспечить себе неограниченный доступ к спиртному. А это возможно, только если он будет слушаться Сингера.

Как легко управлять людьми, пользоваться ими. Как просто оказалось воспользоваться наивностью экологов Нины Виссер и управлять жадностью Самуила Макамбо. Так же просто было повлиять и на Касседина. И если бы оказалось так же просто открыть человечеству глаза на содеянное им, он бы ни за что не пошел на это ужасное преступление против природы. А как бы все сложилось, если бы Меррик тогда не присвоил себе заслуги Сингера? Если бы не загреб своими широкими руками его достижения, его славу, его деньги?

Все это время люди и не сомневались в том, что это его, Сингера, желание — держаться в тени, ведь он истинный человек науки. Будто он сам напросился, чтобы о нем все забыли или же не узнали о нем никогда. Но какой человек, пребывающий в своем уме, сознательно отказался бы от похвал, грамот, наград за свои заслуги? Сингер хотел этого. Более того, без этого он не мыслил своей жизни. Но на самом старте их карьеры пресса, казалось, замечала лишь одну половинку целого «Меррик и Сингер», телегеничную половинку, притягательно улыбающуюся и разбрасывающуюся направо и налево располагающими байками и анекдотами.

Был ли виноват Сингер в том, что немел за кафедрой при виде битком заполненного лекционного зала? Или в том, что походил на робота под прицелом телекамер? Или в том, что от волнения нес всякую ерунду во время интервью? Люди жестоки. У него не оказалось иного выхода, как перевоплотиться в тень Джеффри Меррика. Его заставили, и иначе быть не могло.

Вновь Сингер очень сильно пожалел, что не взял своего бывшего партнера с собой. Сейчас бы он показал Меррику, к чему привела его бурная «научная» деятельность. Он жаждал взглянуть Меррику прямо в глаза и крикнуть:

— Все это — твоя вина! Ты способствовал загрязнению окружающей среды, и вот к какому результату это привело! Наслаждайся!

Он со злостью плюнул за борт и наблюдал за своим плевком, пока тот не стал частью огромного океана. Вот и Сингер сам был такой же частью чего-то огромного, целостного, того, что скоро его поглотит навеки. Чего мог он добиться, эта маленькая букашка в океане мироздания? Что он хотел изменить?

Себя?

Вернувшись на борт «Орегона», Кабрильо первым делом приказал рулевому держать курс на север, где Африка выдавалась в Атлантику, туда, где горячие ветра, дувшие с Сахары, наконец, испаряли достаточно влаги, чтобы зародиться урагану. И он не возвращался к себе в каюту до тех пор, пока корабль не встал на заданный курс.

Корпус «Либерти» отмыли, ее саму заправили горючим, и теперь она вновь покоилась на своем месте на шлюпбалке.

Обе субмарины пришлось оттирать щетками и растворителем, иначе нефтяные пятна так и остались бы на их поверхности разъедать металл. Батареи снова зарядили, а всю технику, которую пришлось временно извлечь для обеспечения большей вместительности, вернули на свои места.

Пушки, пулеметы и прочее вооружение «Орегона» было тщательно проверено, прочищено и перезаряжено. Специалисты по вооружению занимались чисткой и перезарядкой штурмовых винтовок. Более того, Хуан не забыл об обещании, данном Лэнгстону Оверхольту — найти и вернуть почти пятьсот автоматов, что похитили тогда террористы. Сейчас все они снабжались специальным лейблом с надписью ЦРУ. Ни один член экипажа не стоял без дела.

Однако тяжелее всего в эти минуты приходилось доктору Джулии Хаксли и ее команде. Общей сложностью ей надо было управиться с двадцатью тремя пациентами

одновременно: вынуть около тридцати пуль, вернуть буквально вываливавшиеся наружу органы обратно, зашить все раны. Казалось, она никогда не покинет хирургический отсек.

Как только она сбрасывала в рядом стоящую корзину измазанную в крови пару перчаток, ее помощник тут же подавал новую, чтобы, не теряя драгоценных секунд, она тут же могла приступить к осмотру следующего раненного.

Наконец, спустя пятнадцать часов непрерывного труда, Джулия разобралась с небольшой царапиной от пули на плече Майка Троно. Тот даже не помнил, как получил это смехотворное ранение. В остальном же он был цел и невредим. Как только Майк соскочил с операционного стола, на нем тут же с театральным вздохом разлеглась Джулия.

— Да ладно тебе, Хакс, — подтрунил над ней Троно. — Ты ведь знаешь, получать раны намного тяжелее, чем их лечить.

Она даже не потрудилась открыть глаза, пока говорила:

— Во-первых, заметь, эту твою царапину даже и за рану-то не сочтешь. Меня и кошка посерьезней кусала. Во-вторых, если ты так не уважаешь мой труд, я могу тут же распустить все те швы, что тебе наложила, и оставить тебя здесь истекать кровью. Как тебе этот расклад?

— Ха-ха, ну, а как же клятва Гиппократа?

— А я скрестила пальцы, когда ее давала.

Троно чмокнул ее в щеку.

— Сладких снов, доктор Хакс. Спасибо.

Стоило только Майку покинуть операционную, как тут же чья-то тень загородила Хаксли от яркого света над столом. Открыв глаза, она увидала склонившегося над ней капитана, и по угрюмому выражению его лица поняла, что тому уже доложили о случившемся.

— Я хочу ее видеть.

Джулия моментально соскочила со стола и провела Хуана в дальнюю часть медицинского отсека, в прохладную комнату с единственным столом посередине. В одну из стен были встроены четыре выдвижных ящика из нержавеющей стали. Джулия подошла к одному из них и выдвинула его. В нем находилось тело, помещенное в специальный светонепроницаемый пакет. Хуан слегка надорвал полиэтилен и отступил назад, изучая бледное лицо мертвой Сьюзен Донливи.

— Как это произошло?

— Она выбрала самый ужасный способ уйти из жизни, — ответила Джулия, чувствуя себя в десятки раз более усталой, нежели несколькими минутами ранее. — Она высунула язык насколько смогла вперед и, с силой стукнув подбородком о пол трюма, прикусила его, завалившись вперед. Так что она захлебнулась в собственной крови. Даже представить себе не могу, насколько безвыходно надо себя ощущать, чтобы решиться на этот отчаянный поступок. Она даже рукам не позволила себя спасти. Даже не попыталась.

— Она ведь была связана.

— Ну и что? Она могла хотя бы повернуть голову в последний момент, чтобы не захлебнуться, — Джулия с болью посмотрела на ее тело. — Может быть, она долго не могла решиться на это, но все-таки пересилила себя?

Несколько секунд Кабрильо ни слова не произносил. Ему вспомнилось, как они с Слоун преследовали бандита на скоростной лодке после того, как уже узнали об убийстве Папы Генрика. Тогда этот террорист намеренно разогнал лодку и врезался на всех парах в берег, сделав выбор в пользу смерти, нежели чем быть пойманным и взятым в плен. Сначала Хуан подумал, что бандитом руководил страх пресловутой африканской тюрьмы. Однако позже он понял, что тот пожертвовал собой ради дела. Точь-в-точь как Сьюзен Донливи.

— Нет, — ответил он неожиданно резко. — Она сделала это сразу же, без минуты колебаний.

— Значит, вы уже просмотрели пленки с записью изображений?

— Нет, мне это делать ни к чему. Просто на свете существуют несколько типов людей.

А этот я уже изучил хорошо.

— Фанатики?

— Так точно. Покончить жизнь самоубийством, прикусив язык, было одной из альтернатив харакири для японских солдат, попадавших в плен во Вторую Мировую войну.

— Мне очень жаль, Хуан. По кораблю ходит слух, что она скрыла какую-то важную информацию.

— Так оно и есть, — поднял он глаза на Джулию. — Мне нужно поговорить с Джеффри Мерриком. Я думаю, он тоже может знать то, что нам пока неизвестно.

— А вот об этом забудьте. Давление у него еще слишком низкое. Я едва успела обработать его рану, как обнаружила, что у него началось заражение. Только недавно мне удалось стабилизировать его состояние. Пока он в себя не приходил. Я могу с уверенностью сказать, что мы не имеем дело с глубокой комой, однако организм по каким-то причинам отказывается работать.

— Джулия, у нас нет иного выхода. Сингер не случайно приказал террористам напасть на нефтяной комплекс именно сегодня утром в определенное время. Он задумал что-то еще. И похитил он Меррика, чтобы тот стал этому свидетелем. На допросе Сьюзен сказала Линде, что Сингер около двух часов провел с Мерриком наедине в тюрьме Дьявольского Оазиса. Могу поклясться, что тогда он ему все и выложил.

— И вы готовы рискнуть жизнью Меррика?

— Да, — незамедлительно ответил Хуан. — Сингер задумал что-то с ураганами. Думаю, он открыл какой-то способ управлять ими, равно как и провоцировать их зарождение. Вы действительно хотите, чтобы я рассказал вам о последствиях этих ураганов? Вы же лично отпросились у меня поехать волонтером в Новый Орлеан, когда на город обрушилась «Катрина».

— Но ведь я там родилась.

— Да, но теперь мы можем избавить чей-то родной город от подобной участи. Джулия, вы заведуете медицинским отсеком на борту «Орегона» и пользуетесь полной автономией. Но это так только потому, что я даю вам эту автономию. Если вы хотите, чтобы я отдал вам приказ, я это сделаю.

После минуты колебаний Джулия согласилась.

Хуан прекрасно знал, что ему бы следовало попросить Линду поговорить с Мерриком, ведь именно она была профессионалом в этой области. Однако здесь ведь речь шла не о допросе пленного, а всего лишь о разговоре с гостем, находящимся, правда, в полубессознательном состоянии.

— Ну что, идем?

Хаксли взяла несколько приборов и инструментов из операционной и направилась по коридору вдоль послеоперационных палат.

Теперь Меррику приходилось делить палату вместе с тремя ранеными африканцами. Его обожженное солнцем лицо было смазано специальным заживляющим гелем, но даже под многочисленными ожогами Хуан отчетливо видел почти мертвенную бледность его кожи. Проверив жизненные показатели, Джулия Хаксли ввела в капельницу стимулирующее вещество.

Веки его по-прежнему были закрыты, но Меррик начал медленно приходить в себя. Признаком этого послужило то, что он попытался облизать свои высохшие губы. Джулия тут же обтерла их влажной губкой. Затем веки его вдруг задрожали и раскрылись. Сначала он взглянул на Хаксли, затем на Хуана, а затем вновь на Хаксли.

— Доктор Меррик, меня зовут Хуан Кабрильо. Теперь вы в безопасности. Мы вытащили вас из плена. Сейчас вы находитесь в медицинском центре моего корабля.

Прежде чем Меррик успел что-либо ответить, Джулия спросила его:

— Как вы себя чувствуете?

— Пить, — прохрипел он.

Она тут же поднесла стакан с водой и соломкой к его рту, и он благодарно выпил пару

глотков.

— Как ваша грудь?

Он замер на минуту, словно проверяя свое состояние.

— Я почти ничего не чувствую.

— В вас стреляли, — пояснил ему Хуан.

— Я ничего не помню.

— Сьюзен Донливи в вас стреляла.

— Ее не избили, — произнес он, словно память начала к нему возвращаться, — ее не избили. Это всего лишь был хороший грим, а я-то думал, что они пытали ее.

— Пока вас держали в заложниках, Дэниел Сингер вызывал вас к себе. Вы помните это?

— Вроде бы да.

— И вы с ним разговаривали.

— Где Сьюзен сейчас? — спросил он вдруг.

— Она покончила с собой, доктор. — Меррик на него непонимающе уставился. — Она сделала это, чтобы не дать нам узнать, что задумал Сингер.

— Нефтяные вышки, — голос Меррика превратился в шепот, он отчаянно старался побороть себя и не потерять сознание.

— Все верно. Он задумал спровоцировать широкомасштабный разлив нефти на нефтяном комплексе у побережья Анголы. Что еще он задумал? Он вам говорил?

— Вы должны остановить его. Эта нефть чрезвычайно токсич… — последние его слова практически затерялись в глубоком вздохе.

— Мы уже остановили его, — ответил Хуан. — Эта его затея провалилась. Скоро нефтяное пятно ликвидируют.

— Корабль, — бессознательно произнес Меррик.

— Да, у терминала стоял какой-то танкер. Но он не представлял никакой опасности.

— Нет. У Сингера есть корабль.

— Зачем он ему нужен?

— Это было открытие Сьюзен. Она рассказала ему о своих экспериментах и успешных результатах. Я-то думал, это всего лишь один из тестов, которые мои практиканты проводят в больших количествах. Только я и предположить не мог, что она в нем так преуспела, — Меррик закрыл глаза, не в силах больше смотреть на свет.

— Преуспела в чем? Джефф. Что открыла Сьюзен? Доктор Меррик!

— Она открыла органический гель, который превращает воду в самое настоящее желе.

— Для чего? — обреченно прошептал Хуан, видя, что Меррик не реагирует на его вопросы.

Секунд двадцать Меррик не произносил не слова.

— Для тепла, — наконец, выдавил он из себя. — Он выделяет огромное количество тепла.

Вот то недостающее звено, которое Кабрильо так долго искал. Для зарождения ураганов и их большей мощности необходимо тепло. И Сингер собирался «подкинуть» это тепло надвигающемуся урагану. И если он сольет этот гель в определенном месте в океане, то тепло, выделенное им, позволит ему спровоцировать зарождение урагана именно в этом месте. Этим и объясняется выбор Сингером именно сегодняшнего рассвета для начала своей ужасной миссии на «Петромаксе». Сингер рассчитал, что северные ветра пригонят токсичные испарения к центру формирования урагана, а тот доставит их к американскому побережью.

Хуан понимал, что воды у западного побережья Африки как нельзя лучше подходят для выброса этого органического геля. Однако территория там достаточно обширна, и поиски наверняка займут несколько часов, а то и более. Нужна дополнительная информация.

— Что за корабль у Сингера?

Танкер более всего подходил для перевозки подобных выделяющих тепло веществ, так

как отличался высокой теплоемкостью.

Меррик молчал. Веки его слиплись, а губы слегка приоткрылись. Джулия взглянула на монитор к которому Меррик был подключен, и Хуан отчетливо понял, что ей не понравилось увиденное.

— Джефф, что у него за корабль? — потряс Хуан Меррика за плечо.

— Хуан, — предостерегающим тоном произнесла Хаксли.

Меррик склонил лицо в сторону Хуана, однако не смог разомкнуть век.

— Танкер. Он купил нефтяной танкер.

Линия жизни начала бешено скакать на экране монитора. Джулия оттолкнула Хуана в сторону.

— Мы теряем его. Подготовить все для дефибрилляции!

Она откинула простыни, а один из ее помощников уже прибыл со всем необходимым.

Глаза Меррика раскрылись от боли и ужаса. Он схватил Хуана за руку, силясь произнести еще несколько слов, однако у него ничего не вышло.

Линия сердца превратилась в сплошную прямую.

— Разряд, — крикнула Джулия. Оголенный торс Меррика подпрыгнул под действием тока. Хуан за несколько секунд до этого предусмотрительно отдернул руку, чтобы не получить удар электричеством. Прямая на мониторе также подпрыгнула, а затем вернулась в свое прежнее состояние.

— Эппи! — Один из помощников Хаксли подал ей шприц с эпинефрином. Игла его показалась Хуану слишком уж длинной. Прицелившись между двух ребер Меррика, она вонзила иглу прямо ему в сердце.

— Двести джоулей!

— Заряд идет. Есть заряд! — ответил помощник.

Тело Меррика вновь подпрыгнуло на больничной койке. И линия на мониторе тоже.

— Давай же, давай! — не унималась Джулия, и вот сердце Меррика заработало вновь, сначала с большими перебоями, однако затем сердцебиение выровнялось.

— Приготовить все для вентиляции легких.

Затем, осуждающе взглянув на Кабрильо, она произнесла:

— Стоило ли это того?

Он встретился с ее холодных взглядом.

— Это мы узнаем, когда перехватим танкер под названием «Сидра».

Глава 30

Погода все ухудшалась. «Орегон» по-прежнему держал курс на север. Кабрильо приказал рулевому поддерживать среднюю скорость, чтобы не усугубить и без того тяжелое положение раненых. По настоянию Джулии, самых тяжелых из них распределили по специально сооруженным для них гамакам, так что когда на «Орегон» налетали особенно мощные волны, солдаты лишь мягко покачивались.

Как только сердцебиение Меррика стабилизировалось, доктор Хаксли еще около двадцати минут его не оставляла, внимательно наблюдая за жизненными функциями.

Получив название танкера, Мерфи и Стоун без труда узнали, что «Сидра» около месяца простоял на якоре у мавританского побережья, однако вчера неожиданно покинул порт. Изначально танкер принадлежал ливийской государственной нефтяной монополии, а совсем недавно был продан некой фирме под названием «Крунер и Ко». Марку Мерфи удалось выяснить, что она имеет непосредственное отношение к Дэниелу Сингеру.

Согласно данным Стоуна и Мерфи, танкер в настоящее время мог находиться в любой точке на расстоянии шестисот миль от африканского побережья. Именно в этой обширной зоне метеорологи предвещали зарождение сильного урагана.

Понимая, что времени у них в обрез и обследовать всю территорию они не успевают,

Хуан связался с Лэнгом Оверхольтом для получения более точных координат «Сидры» с правительственных спутников. Оверхольт передал информацию, предоставленную Кабрильо руководству ЦРУ, а оттуда она в виде краткого обзора попала на стол американскому президенту. Тот, в свою очередь, незамедлительно задействовал береговую охрану на юго-восточном побережье страны, а также военно-морские силы, Агентство Морских и Подводных Исследований и специальный отдел государственной метеослужбы, специализировавшийся на ураганах.

Близко к центру зарождения урагана находился алжирский миноносец, возвращавшийся с учений в Красном море. Как только его экипажу передали о надвигающейся операции и кратко изложили ее суть, капитан тут же выразил свою готовность сделать все возможное, чтобы остановить террористов. Также примерно в двадцати часах пути до опасной зоны находились две атомные подводные лодки.

Правительство Англии, осведомленное о предстоящей диверсии, выслало на помощь объединенным международным силам два судна из Гибралтара и одно из Портсмута. И, несмотря на то, что судна эти прибудут на несколько дней позже начала операции, американское правительство было весьма польщено незамедлительной поддержкой иностранных коллег.

Однако Хуан прекрасно понимал: даже если все эти корабли и субмарины на полном ходу устремятся к африканскому побережью, «Орегону», находящемуся сейчас ближе всех к зоне зарождения урагана, придется взять на себя Дэниела Сингера и его приспешников.

Слоун Макинтайр медленно пробиралась по пустому коридору каютного отсека «Орегона», неся поднос со специально приготовленным Морисом по ее просьбе ужином. Со все еще подвязанной правой рукой идти ей приходилось частично опираясь на стену, чтобы не опрокинуть поднос.

В одиннадцать вечера в коридоре не было ни души, поэтому никто не мог стать свидетелем ее комичного путешествия.

Добравшись до нужной ей двери, она легонько постучалась носком ноги, поскольку руки ее были заняты. Ответа не последовало. Она постучалась еще раз, но уже громче. Тишина.

Слоун опустила поднос на ковер, постеленный во всех коридорах «Орегона», и тронула ручку двери. Та со скрипом поддалась. Каюта была слабо освещена.

— Хуан, — тихонько позвала Слоун, поднимая поднос. — Вы сегодня не спустились к ужину, поэтому я попросила Мориса приготовить вам что-нибудь.

Она решительно переступила через порог. Настольная лампа выхватывала лишь небольшую часть письменного стола Кабрильо, в то время как другая слабо освещалась свечением включенного монитора. Кресло было отодвинуто назад, словно Хуан только что встал. Однако ни около стола, ни вблизи сейфа его видно не было. И софа, что так удачно вписалась рядом со столом под затемненный иллюминатор, оказалась пустой.

Слоун еще раз окликнула Хуана по имени — ответа не последовало. Она решительно направилась к его спальне. Он спал, лежа на животе, распластавшись по всей кровати, и Слоун, входя в комнату, инстинктивно отвернулась, подумав, что он может быть обнажен. Когда же она все-таки решилась взглянуть на него, то увидала, что на Хуане пара боксерских плавок, цветом почти в тон его коже. Затем вдруг ей показалось, что он не дышит. Но в следующую секунду она с облегчением услышала его глубокий вздох.

Впервые она позволила себе рассмотреть его поврежденную ногу. Кожа у колена была буро-красного цвета и сморщенная, так что казалось, будто нога не успевала заживать от всех этих многочисленных операций, в которых он участвовал и еще только собирался принять участие. Мощные, упругие мышцы, казалось, не расслаблялись даже во сне. Даже во время отдыха все тело было напряжено. Слоун на секунду задержала дыхание и услышала, как Хуан непроизвольно заскрипел зубами.

Спину его украшали многочисленные шрамы и свежие синяки. От почек по обе

стороны спины вниз спускались шесть идентичных шрамов. Слоун надеялась, что это были какие-нибудь зарубцевавшиеся хирургические надрезы, а не серия ножевых ранений, поскольку иначе могли быть задеты его жизненно важные органы.

Одежда его в беспорядке валялась на кровати, и пока она аккуратно складывала ее, Слоун не могла отделаться от мучившего ее вопроса — что он за человек? Что пережил он в своей жизни, чтобы так рисковать ею каждую секунду? Хуан продолжал скрипеть зубами, хотя внешне тело его не подавало ни единого признака, что он видел во сне нечто воинственное или опасное. Хотя ему было всего лишь около сорока, он уже «заработал» как минимум два опасных ранения, которые, случись с любым другим человеком, непременно заставили бы его покончить со всем этим делом. Но Хуана словно какая-то неведомая сила бросала в лапы опасности и риска, и пока фортуна ни разу не изменила ему: он выходил победителем из любой схватки.

Что же это, что так настойчиво влечет его к опасности и риску? Нет, это не суицидальные наклонности, которые Слоун поначалу в нем подозревала. Не может человек, что так добродушно подтрунивает над своим лучшим другом и пользуется безграничной любовью и уважением всего экипажа, стремиться во что бы то ни стало найти свою смерть в одной из схваток. Ведь никто так не любил жизнь, как Кабрильо. А может, именно это и толкало его постоянно рисковать ею? От этого ведь жизнь кажется еще дороже? Или же он негласно принял на себя ответственность за жизни других, став их ангелом-хранителем, покровителем, спасителем, защитником… как угодно? Затем она вдруг вспомнила их разговор несколько дней назад, когда Хуан сказал ей, кем бы стал, не свяжи он свою жизнь с морем. Он бы стал фельдшером и спасал бы жизни других людей, все время оставаясь в тени именитых врачей.

Внезапно из кармана его брюк, которые она держала в руках, выпало портмоне.

Слоун взглянула на Хуана. Тот даже не пошевелился. Понимая, что не должна этого делать, она не смогла устоять против любопытства, обуревавшего ее, и заглянула в портмоне. Все, что в нем находилось, это крупные и мелкие купюры различных валют. Ни кредитных карточек, ни визиток — ничего, что могло бы выдать его личность. Конечно, она должна была догадаться. Хуан не стал бы рисковать своим кораблем и Корпорацией, беря с собой повсюду документы, поскольку портмоне легко могли завладеть враги.

Слоун подошла к небольшому комоду и, непрестанно поглядывая на спящего Хуана, потянула за ручку средний выдвижной ящик. Там-то и хранилось все, что могло о многом ей рассказать. Там она нашла позолоченную зажигалку «Данхилл» с отделкой из оникса и украшенный орнаментом резак для сигар. Раскрыв его американский паспорт, она обнаружила, что почти все страницы были усеяны всевозможными печатями. На фотографии, сделанной около шести лет назад, у Кабрильо были еще довольно длинные волосы. Ей он больше нравился так, как сейчас, с короткой стрижкой. Помимо этого, в ящике находилось еще два американских паспорта. С фотографии одного из них на нее смотрел какой-то громила под именем Джеддедия Смит. И только вглядевшись получше, она поняла, что это был сам Хуан, конечно, искусно замаскированный. Также в ящике Слоун обнаружила несколько паспортов других стран, несколько соответствующих им кредиток, лицензий на управление кораблем и удостоверений капитана. Среди вороха документов в ящике хранились красивые золотые часы с гравировкой «Гектору Кабрильо от Розы», видимо, они некогда принадлежали его деду или отцу; несколько писем от родителей, удостоверение служащего ЦРУ, маленький пистолет, увеличительное стекло на ручке из слоновой кости и поржавевший перочинный нож.

В самом дальнем углу ящика лежала красивая маленькая коробочка, в которой Слоун, к своему великому удивлению, обнаружила обручальное кольцо. Рассмотрев его поближе, она убедилась, что Хуан носил его очень мало: выглядело оно как новенькое. «Какой глупой надо быть, чтобы упустить такого мужчину, как Хуан?» — подумала она. Таких ведь — один на миллион, и уж если судьба дала тебе шанс быть с ним, надо во что бы то ни стало воспользоваться им! Взглянув еще раз на кольцо, Слоун вдруг обнаружила на дне коробочки,

в которой оно лежало, сложенную в несколько раз записку.

Она не могла остановиться. Бросив взгляд через плечо и убедившись, что Хуан спит, как младенец, Слоун быстро выхватила записку и прочла ее. Это была выписка из полицейского отчета об аварии в Фолз-Чёрч, Виргиния, в которой говорилось об обстоятельствах смерти Эми Кабрильо. Слезы навернулись на глаза Слоун, пока она читала этот сухой, словно машиной составленный отчет о ее смерти, о том, что уровень алкоголя в ее крови почти в три раза превышал норму.

Человек такого типа, как Хуан, вступал в брак лишь однажды. И лишь с той, с которой был готов разделить всю свою жизнь. И тот факт, что его жена погибла по своей собственной вине, заставил Слоун возненавидеть ее всем сердцем.

Она быстро положила записку и все остальное на место, схватила поднос и вылетела из каюты Кабрильо.

Только она успела захлопнуть за собой дверь, как из-за угла показалась Линда Росс.

— Добрый вечер, — поспешно произнесла Слоун, стараясь скрыть свое смущение. — Хуан не спустился к ужину, поэтому я решила принести ему немного еды. А он спит.

— И поэтому вы плачете?

— Я… — Слоун больше ничего не могла из себя выдавить.

Линда ей тепло улыбнулась.

— Не беспокойтесь об этом. Это будет наш маленький секрет. Хуан — один из самых лучших людей, которых я когда-либо встречала.

— Вы с ним?..

— Признаюсь, что он чертовски привлекателен, и когда я только устроилась к нему в Корпорацию, в голове у меня проскользнула подобная мысль… Но нет, мы с ним всего лишь друзья, и между нами никогда ничего не было и не будет. Он мой друг и мой шеф, а это для меня важнее всяких интрижек, — улыбнулась Линда.

— И для него тоже. Он ведь однолюб. Иначе и быть не может.

— Вам известно об Эми?

— Я… просмотрела его личные вещи. Среди них была выписка из полицейского отчета.

— Никогда не говорите Хуану об этом. Он по-прежнему считает, что ни одному члену команды не известно о его вдовстве. Однажды Макс проговорился Морису, а тот, старая болтушка, разнес это по всему кораблю. Не скажу, что Хуан после этого зарекся любить. Более того, он нашел свою любовь. Ту, с которой не соперничать в его глазах ни одной женщине.

— «Орегон»?

Линда кивнула.

— Так что хорошенько подумайте, прежде чем что-либо… ну, думаю, вы меня прекрасно понимаете.

— Спасибо.

Слоун и Линда начали потихоньку удаляться от каюты Хуана, как вдруг дверь ее осторожно приоткрылась. Хуан высунул голову. Звук выдвигаемого шкафчика еще тогда разбудил его, однако он не решился спугнуть Слоун. Он еще поговорит с Максом за неумение держать язык за зубами. И Морису тоже достанется. Но все это потом. Он закрыл дверь. Необъяснимое облегчение мягко окутывало его сердце: он предполагал, что рассказать об этом ей будет очень сложно. Но все вышло само собой.

Хуан мирно беседовал с Мозесом Ндебеле в каюте для гостей. В этот день его солдат не было видно, похоже, что всех их сразила морская болезнь, ведь погода все бушевала. И Хуан по-настоящему наслаждался умом и интеллектом, некой жизненной мудростью африканского вождя. Тот познал небывалую силу прощения. Он нисколько не винил правительство, что так жестоко обходилось с ним все эти годы. Он совсем не походил на тех людей, что, сосредоточив в своих руках власть, старались нажиться на ней, идя по головам и

прибегая к насилию. Нет. Он же делал все возможное и невозможное, чтобы жизнь в Зимбабве наладилась, чтобы страна вздохнула свободно и вернулась к былому богатству и процветанию. Он мудро рассуждал об экономических реформах и прочих необходимых преобразованиях. Говорил о поддержке сельского хозяйства, которое некогда кормило всю его страну, а сейчас находилось в упадке. Он говорил о необходимости мирного сосуществования и разделения власти.

Больше всего на свете он хотел, чтобы его люди перестали бояться правительства, а нашли способ внутри себя понять и простить его.

Кабрильо в очередной раз убедился, что предпринял верный шаг, вступив в дела с Ндебеле. Этот человек знает, что говорит. Теперь у него есть все шансы, чтобы вернуть Зимбабве былую славу лакомого кусочка на всем африканском континенте. Хотя, конечно, для этого еще надо отыскать погребенный под водами океана столетие назад корабль с сокровищами на борту.

Вдруг Хуан почувствовал, что «Орегон» сменил направление. По опыту он просчитал, что корабль отклонился примерно на пятнадцать градусов от прежнего курса, и уже хотел было встать на ноги, как тут зазвонил телефон.

— Его нашли. — Это был Макс с новостями, которых они ждали вот уже более тридцати часов. Извинившись перед Мозесом, он зашагал навстречу Максу. Тот стоял на мостике.

— Его засек какой-то аппарат «Мег-Стар», — произнес Хенли. — По всей видимости, это какой-то новый военный спутник.

Хуан отлично был знаком с этим самым «Мег-Стар» еще по работе с ЦРУ.

— Как далеко мы от «Сидры»?

— Примерно в ста пятидесяти милях, и мы ближе всех к нему среди остальных судов, высланных нам на помощь.

— Значит, где-то к закату мы уже будем на месте.

Тучи все сгущались над «Орегоном», пока он бежал все дальше по курсу; мощные волны, достигавшие порой пятнадцати футов в высоту, с силой врезались в его борта. Благодаря особой конструкции, «Орегон» идеально подходил для бега по волнам на еще большей скорости и в более тяжелых условиях, поэтому держался на море довольно ровно. Но все же раненым в эти минуты приходилось несладко. Порывы ветра достигали скорости тридцати узлов, шторму уже было присвоено восемь баллов по шкале Бофорта. Через несколько часов, по прогнозам синоптиков, ожидался ливень.

— Я хочу сказать тебе, мой дорогой друг, что разобраться с Сингером в такой шторм — все равно что сейчас пуститься в плавание брассом по океану, — произнес Макс, — а когда еще и сядет солнце…

— Позови меня, когда танкер появится в поле видимости, — ответил Хуан.

Кабрильо зашагал к командному центру.

По пути он отметил, что обычных часовых теперь заменяли лучшие из его людей, поскольку корабль входил в шторм и наблюдать за окружающей обстановкой без специальных навыков стало намного труднее.

Эрик Стоун занял свое место у руля, Марк Мерфи, как обычно, отвечал за вооружение, а Хали Касим за средства коммуникации.

Вскоре в командном центре появилась Линда, а сразу же за ней Макс, не успел Кабрильо удобно разместиться в своем кресле.

На основной монитор передавалось спутниковое изображение Атлантики. Уже были отчетливо видны завихрения огромных туч, обозначающих центр стремительно зарождающегося урагана. Картинка менялась каждые несколько секунд, чтобы отобразить последние данные о надвигающейся стихии.

— Итак, где находимся мы, а где «Сидра»? — осведомился Хуан.

Стоун дотронулся до своего монитора, и на основном экране тут же отобразились две мигающие точки. Сидра находился как раз у самого центра зарождающегося урагана, в то

время как «Орегон» на всех парах несся к нему с юго-востока. Около часа они наблюдали за картинками, предоставляемыми им Национальным Управлением Военно-Космической Разведки, секретным агентством правительства, в ведении которого находились практически все американские спутники.

Чем четче вырисовывалось ядро урагана, тем заметнее становилось, что «Сидра» стремится попасть прямо в него, чтобы скрыться от все более свирепеющего облачного вихря вокруг.

— Только что от Оверхольта пришло сообщение, — раздался голос Хали. Тот уставился на свой монитор. — В разведке говорят, что у них есть какая-то интересная информация для нас. Они прокрутили записи спутника на два часа назад от того момента, когда обнаружили «Сидру». Пересылаю эти файлы.

Получив материалы, Эрик произнес:

— Уже вывожу их на основной экран, — и нажал клавишу ввода.

Мигающая точка, обозначающая «Сидру», вздрогнула и переместилась на несколько дюймов назад. Ощущение складывалось такое, будто это не она гналась за ураганом, а наоборот, его центр следовал за танкером.

— Что за черт? — не удержался Хуан.

— Я был прав! — неожиданно прокричал Эрик.

— Да, ты самый настоящий гений! — не отставал от него Мерфи. — Это произошло, когда мы сидели у меня в каюте и обсуждали задумку Сингера. Нам также удалось прорваться через защитные системы головного компьютера компании «Меррик и Сингер». Как выяснилось, Сьюзен Донливи не вела никаких электронных записей о своем эксперименте. Должно быть, она любила пописать вручную. Все, что нам удалось найти, так это цели и задачи проводимого ею проекта. Идея Донливи заключалась в том, чтобы создать органический пептизатор.

— Что?

— Это особое вещество, заставляющее частицы почвы и других осадков, находящихся в воде, слипаться и образовывать комки, — тут же объяснил Эрик. — Подобные вещества находят широкое применение, например, при обработке сточных вод на заводах, чтобы препятствовать выбросу отходов в окружающую среду.

— То есть она нашла способ превратить воду в гель.

— Но зачем? — непонимающе произнес Макс.

— А вот об этом-то как раз никто и не знает, — ответил Марк, — у меня создалось такое впечатление, что она, начинающий молодой ученый, просто работала себе и работала, и никто с нее не требовал никаких отчетов или объяснений. Вот так ей и удавалось обводить Меррика вокруг пальца и работать на Сингера.

— Насколько я могу судить из вашего разговора с Мерриком, — продолжил Стоун, — реакция обращения воды в гель экзотермическая, то есть идет с выделением большого количества тепла, уровень которого неконтролируем. Как только реакция достигнет пика, сама тепловая энергия, выделившаяся в процессе, разрушит образовавшийся гель, и вода вновь вернется в свое обычное состояние. Таким образом, мы можем наблюдать прямую и обратную реакцию в одной.

— Я прекрасно тебя понимаю, Эрик. Только не вижу смысла во всех этих реакциях, — вмешался Хуан.

— Сингер превратит воду в гель, а затем он сам собой исчезнет, — попытался объяснить Марк Мерфи, лопнув пузырь малиновой жвачки для пущей убедительности.

— Моя идея такова: Если Сингер обратит воду в гель прямо в сердце урагана, когда тот еще только начнет формироваться, он передаст ему это тепло и сможет управлять им, вплоть до того, что изменит место его зарождения, направление и мощь.

— А если передать ему дополнительное тепло, то скорость завихрений урагана значительно возрастет, — догадался Макс.

— Ураган «Эндрю» был не менее одиннадцати миль в диаметре, когда обрушился на

Майами, — произнес Мерфи. — Это был один из самых сильных ураганов в истории человечества. Однако у Сингера есть все шансы побить рекорды этого и еще парочки сильнейших ураганов, присвоив ему почти пять баллов по шкале Саффира-Симпсона. Более того, двигаясь вместе с его глазом, он сможет указывать урагану траекторию, меняя курс своего танкера и нацеливая ураган на любое место в Атлантике.

Кабрильо вновь взглянул на экран. Похоже, Эрик и Мерфи были правы, поскольку «Сидра» делал именно то, о чем они только что говорили. Танкер сейчас находился рядом с центром зарождающегося завихрения и, несомненно, уже начал сбрасывать в воду генерированное Сьюзен Донливи вещество. Далее Сингер, заняв позицию в центре, максимально сузит ядро урагана, превратив, тем самым, этот ураган в мощнейшее орудие убийства, на порождение которого не способна даже сама природа.

— Войди он в ядро, мы уже ничего не сможем сделать, — заключил Эрик. — Ураган будет сметать все на своем пути, и никто и ничто на земле его уже не остановит.

— И куда, вы думаете, Сингер направляется под руку с ураганом?

— Будь я на его месте, обрушил бы его на Новый Орлеан, — ответил Марк. — Однако я сомневаюсь, что Сингер настолько контролирует ход урагана. Думаю, он гонит его к берегам Флориды, где более теплые воды наверняка не приведут к его ослаблению. По моим расчетам, наиболее уязвимые города этого штата — Майами и Джэксонвилл. Насколько мне известно, «Эндрю» тогда вызвал разрушений на девять миллиардов долларов, и ему присвоили четвертую степень. Попади они под ураган Сингера — их просто сотрет с лица земли.

— Макс, какова наша скорость? — произнес Хуан.

— Только что достигли тридцати пяти узлов.

— Рулевой, сорок узлов!

— «Орегону» эту не понравится, — произнес Макс.

— И Меррику тоже, но я готов этим пожертвовать, — ответил Хуан без малейшего намека на шутку.

Эрик подчинился приказу капитана и заставил магнитогидродинамики качать больше электроэнергии из толщи морских вод. «Орегон» ускорил ход, теперь опасно раскачиваясь на волнах. Морская вода перекатывалась через палубу.

Кабрильо связался с вертолетным ангаром. Подошедший к телефону механик бросился на поиски Джорджа Адамса.

— Что-то не особо меня радует этот ваш звонок, — раздался голос Джорджа Адамса.

— Джордж, ты сможешь это выполнить?

— Это тянет на самоубийство, — ответил пилот, — но, думаю, смогу, до тех пор, пока не обрушится ливень. И имейте в виду: не потерплю никаких упреков по поводу того, что амортизаторные опоры шасси будут «опять повреждены».

— Обещаю, что и словом не обмолвлюсь. Будь наготове и жди моей команды.

— Понял.

— Как там поживают наши петарды? — поинтересовался Хуан.

По обе стороны носа «Орегона» располагались торпедные установки «Тест-71». Каждая из двухтонных торпед управлялась по проводному каналу связи. Радиус ее действия составлял десять миль, а скорость передвижения — сорок узлов. В нос каждой торпеды заложено около четырехсот пятидесяти фунтов бризантного взрывчатого вещества. Когда «Орегон» только проектировался, Хуан захотел оборудовать свой корабль американскими «МК-48», однако взамен получил лишь русские «Тест-71», и переубедить Лэнга Оверхольта не представлялось никакой возможности. Тем не менее, этих торпед было вполне достаточно, чтобы ликвидировать какой-нибудь танкер.

— Вы же не собираетесь атаковать «Сидру» торпедами? — осторожно поинтересовался Макс. — Это ведь приведет к тому, что вся масса созданного Донливи вещества тут же прольется, облегчив Сингеру задачу. С той только разницей, что он уже этого не увидит.

— Я лишь стараюсь обеспечить альтернативы нашим действиям, — заверил его Хуан.

— Ну, разве что так, — Марк вывел на экран состояние обеих торпед. — Дня три назад они прошли стандартную проверку, в ходе которой батарея одной из торпед подверглась замене. Теперь обе готовы к действию.

— Итак, каков же твой план? — спросил Хуана Макс.

— Самый простой выход для нас — это перебросить с помощью вертолета наших людей на танкер и закрыть отводные трубы, по которым гель сливается в океан.

— Капитан, а что если нам отогнать танкер дальше от центра урагана и спустить оставшийся гель? Выделившееся тепло подорвет мощь урагана, вплоть до того, что он буквально рассеется.

— Боже мой! — внезапно вскрикнул Хали Касим. Он тут же потянулся к кнопке громкой связи. Голос тут же заполнил весь командный центр.

— Повторяю, это Адонис Касседин, капитан танкера «Сидра». Мы попали в шторм. Опасаемся, что, если он усилится, наше судно развалится на части. По кораблю уже поползли трещины, — далее последовали координаты. — Чрезвычайное положение! Кто-нибудь слышит меня? Мэйдэй! Мэйдэй! Мэйдэй!

— Развалится на части? Ничего себе парень дает, — усмехнулся Макс. — Что будем делать?

— А пусть малый попотеет. Он будет продолжать свои завывания, даже если никто ему не ответит, — шепотом произнес Хуан. — Эрик, наше расчетное время прибытия?

— Через три часа.

— «Сидра» не выдержит столько в зарождающемся шторме. Судно их, насколько можно судить, ни к черту. Гляди и вправду развалится.

Хуан понимал, что его друг прав. Они должны что-то предпринять. Только что? В штормовых условиях особо и не развернешься. Конечно, он не мог допустить, чтобы корабль развалился. И, на самом деле, стоящая идея, которую предложил Эрик — использовать сам танкер, чтобы рассеять ураган — теперь была сведена на нет. Можно было бы воспользоваться торпедами и подорвать танкер, заставив его затонуть с той целью, чтобы прекратить выброс геля на поверхность океана и воспрепятствовать передачу его тепла урагану. Однако пока танкер окончательно затонет, пройдет еще несколько часов.

Вдруг его осенило. Он вспомнил, как быстро затонула его лодка, когда их со Слоун подорвали из ракетной установки охранники тех электрогенераторов. Тогда нос лодки был задран кверху, поскольку он активировал крылья и винт для набора скорости. Несмотря на всю опасность этой безумной идеи, Кабрильо произнес:

— Линк, Эдди, спускайтесь в хранилище и достаньте мне двести футов гиппертерма, это вещество с магнитами на оболочке.

Гиппертерм отдаленно походил на пластиковую взрывчатку, делался он на основе магния и способен создавать температуру до двух тысяч градусов Цельсия. Главным образом его использовали в спасательных операциях под водой, когда необходимо было разрезать сталь или какой-нибудь другой металл.

— Встретимся в ангаре, Эдди. По дороге возьми все необходимое. Не могу сказать наверняка, как нас примут на борту «Сидры».

— А что делать мне? — раздался голос Линка.

— Прости, Линк. На этот раз ты в операции не участвуешь. У нас жесткие весовые ограничения.

Макс коснулся плеча друга.

— Сдается мне, эта твоя безумная выходка побьет рекорды предыдущих. Не потрудишься посвятить нас в свой коварный план?

Кабрильо согласился и в подробностях ему все изложил.

— Как я уже сказал, ты еще нас всех здорово удивишь.

— А есть ли у нас другой выход?

Глава 31

Никогда прежде не доводилось Хуану видеть Джорджа Адамса таким сосредоточенным. Он, опытный пилот-профессионал, буквально вцепился в штурвал вертолета, словно новичок. Завывающий ветер с ревом врезался в борта вертолета, норовя поднять его в воздух и закружить в своем бешеном вихре.

«Робинзон» стоял наготове. Джордж Адамс сосредоточенно ждал команды с «Орегона».

Вдруг «Орегон» опасно накренился, стремясь ускользнуть от особенно высокой волны и угрожая перевернуть вертолет с тремя пассажирами на борту.

— Эрик, ты на связи? — произнес Джордж Адамс, заметив, что корабль начал взбираться на очередную высокую волну.

— Держитесь. Стоп! Сейчас самое время взлететь. Следующая волна еще сравнительно далеко.

Как только «Орегон» взобрался на вершину этой волны, Джордж лишь немного прибавил газу, зная, что как только вертолет оторвется от палубы, палуба, в свою очередь, резко уйдет из-под них, поскольку корабль начнет стремительно скатываться с волны.

Джордж слегка нырнул носом вертолета, чтобы набрать скорость, а затем понесся прямо в ветряной вихрь. Он старался поймать поток ветра, чтобы развить скорость и набрать высоту. В итоге «Робинзон» понесся над океаном на скорости шестидесяти узлов. Однако и это казалось Хуану недостаточным, так как время неумолимо, словно песок, ускользало от них.

Согласно его плану, к тому времени, как он и Эдди установят гиппертерм на борту танкера, «Орегон» уже войдет в радиус действия торпед и сможет активировать их.

— По моим подсчетам, мы настигнем «Сидру» через час и двадцать минут, — произнес Джордж, немного приноровившись к тяжелым условиям полета.

— Хуан, — раздался голос Макса.

— Внимательно слушаю.

— Касседин только что подал очередной сигнал СОС.

— Понял. Действуй так, как мы с тобой договаривались.

Макс специально оставался на связи, чтобы Кабрильо мог слышать весь разговор.

— «Сидра», это «Орегон». Говорит капитан Макс Хенли. До меня дошел ваш сигнал. Я делаю все возможное, чтобы добраться до вас как можно скорее, но между нами еще около двух часов пути.

— «Орегон»! Спасибо, Господи!

— Капитан Касседин, пожалуйста, доложите ситуацию.

— Посередине корабля по левому борту поползла трещина. Мы стремительно набираем воду. Пока мои насосы справляются с поступающей водой. Однако если трещина пройдет глубже, нам придется покинуть корабль.

— Трещина хоть немного увеличилась с момента ее появления?

— Нет. После того, как на нас налетел сильнейший порыв ветра, чем вызвал трещину, она не увеличилась.

— Если вы возьмете восточнее, мы доберемся до вас гораздо быстрее.

Это был блеф чистой воды. Однако если «Сидра» все-таки сместится восточнее, танкер выйдет из центра формирования урагана, и, возможно, потеряв тепло, ураган пойдет на убыль. К тому же, заодно Кабрильо рассчитывал проверить, кто фактически управляет танкером, Касседин или Сингер.

Внезапно связь прервалась.

Когда же помехи стихли, снова раздался голос Касседина, только на этот раз он прозвучал с совершенно другим оттенком страха — страха перед другим человеком.

— К сожалению, на данный момент это невозможно, «Орегон». Мои инженеры сообщают о серьезной поломке рулевого управления судна.

— Похоже, ему пистолет к голове приставили, — прошептал Макс Хуану.

Они предполагали подобный поворот событий, поэтому Макс продолжил, как ни в чем не бывало:

— Понял, что у вас проблемы с рулевым управлением. Как только нас будут разделять миль десять, я сообщу вам, чтобы вы и ваш экипаж садились в спасательную шлюпку.

— Значит, вы поможете заделать в судне дыру или возьмете его на буксир?

Хуан усмехнулся: Касседин висит на волоске от смерти, но все еще печется о своей дырявой посудине.

— Капитан, «Орегон» всего лишь тысячетонное рыболовецкое судно, — солгал Хенли. — Сомневаюсь, что оно сможет взять на буксир целый танкер, иначе ни вы, ни мы из этого урагана живыми не выйдем.

— А… понял вас, капитан, — наконец ответил Касседин.

— Сколько вас на борту?

— Три офицера, двенадцать членов экипажа и один внештатный. Всего — шестнадцать.

«Этот внештатный — Сингер», — подумал Хуан. Шестнадцать человек — весьма недостаточно для обслуживания танкера подобного уровня. Хотя Сингера, скорее всего, это как раз устраивало.

— Вас понял. Шестнадцать человек. Я сообщу, когда мы приблизимся к вам. Конец связи.

— Вас понял, капитан Хенли. Я сообщу вам, если наша ситуация изменится. Конец связи.

— А ты, я смотрю, уже приноровился ко всему этому делу — «Говорит капитан Хенли. Вас понял, капитан Хенли», — с усмешкой произнес Хуан.

— Разве? А я и не заметил, — произнес Макс. — Как считаешь, Сингер покинет танкер вместе с остальными?

— Трудно сказать. Он ведь давно съехал с катушек. Ему вполне может прийти в голове завершить начатое в одиночку. Особенно, если он заставит Касседина показать основные действия по управлению судном. Тогда дело плохо.

— Как бы ты поступил на его месте?

— Я бы прямо так и сделал. Зачем же отступать, если развязка так близка?

— Да, в самом деле. Одно могу сказать точно: когда вы с Эдди будете прокладывать гиппертерм, держитесь от этого психа как можно дальше.

— Мы будем осторожны, не беспокойся.

Примерно через час Джордж доложил Максу, что они практически настигли «Сидру». Пришло время освободить танкер от экипажа.

— Капитан Касседин, «Орегон» на связи, — произнес Макс.

— Это Касседин, слушаю вас, «Орегон».

— Вы готовы покинуть корабль? Мы находимся примерно в десяти милях от вас.

— Не поймите меня неправильно, однако мои радары показывают, что нас с вами разделяют тридцать миль.

— Вы все еще доверяете радарам в такую непогоду, — усмехнулся Хенли. — Мои радары даже вас и не показывают. Я руководствуюсь данными спутника, и, согласно им, нас разделяет не более десяти миль.

— Вообще-то, вы правы. Да, теперь мои радары показывают, что вы отстоите не далее десяти миль от нас.

— Мы можем подойти ближе, если у вас еще не все готово.

— Нет, у нас все в порядке. Один человек пожелал остаться на борту. Все остальные готовы покинуть танкер.

— Один человек? Почему? — Макс попытался притвориться заботливым капитаном.

— Он — владелец корабля и полностью принимает на себя ответственность за себя и свое судно.

— Ясно. Как только спустите шлюпку на воду, отклоняйтесь от курса танкера на двести семьдесят градусов и держитесь со мной на связи.

— Двести семьдесят градусов и частота сто двадцать один и пять мегагерц. Через пару минут спускаем шлюпку на воду.

— Удачи вам. Да поможет вам Бог, — серьезно произнес Макс.

Через четверть часа Хали Касим настроил частоту сто двадцать один и пять мегагерц и включил громкую связь.

— Хуан, ты все слышал?

— Так точно. Приступаем к операции.

На расстоянии чуть более мили от танкера вертолет прорвался сквозь непроглядную пелену туч, и Кабрильо увидел судно собственными глазами.

Будучи тяжелее «Орегона» примерно на девяносто тысяч тонн, «Сидра» намного плавнее скользил по бушующим волнам. Неподалеку от него, взяв резко вправо, отделилась маленькая желтая точка — это и была спасательная шлюпка. Касседин, как ему предписал Макс, взял курс на запад, так что шлюпка не помешает «Орегону» активировать торпеды. После того как спасательную лодку спустили на воду, танкер вновь начал набирать скорость.

Только сейчас Кабрильо и все остальные заметили, что огромный танкер скользит далеко не по водной глади. Он стремительно рассекал прозрачную жижу, отдаленно походившую на нечто среднее между гелем и кашей. Казалось, эта смесь заполонила все океанские просторы вокруг.

— Такое ощущение, что она разрастается сама собой прямо на глазах, — прокомментировал Эдди. Рядом с ним на заднем сиденье размещалось около двухсот футов гиппертерма. — Похоже, что химическое вещество, содержащееся в геле, заражает окружающие воды. Реакция выходит из-под контроля.

Джордж Адамс повел «Робинзон» вокруг танкера, чтобы они могли рассмотреть повреждение, полученное судном. Глубокая трещина протянулась от самой ватерлинии. Когда танкер преодолевал очередную волну, трещина расширялась и сужалась, словно пасть какого-то хищного зверя.

— В каком месте вы планируете высадиться? — обратился Джордж к Хуану.

— На носу танкера. Только тебе надо будет приблизиться к нему как можно ближе.

— Как только вы высадитесь, мне придется подняться как минимум на сотню футов над танкером, чтобы вихревыми потоками меня не бросило прямо на него.

— Да, но имей в виду: мы не собираемся охотиться за Сингером. Наша миссия на борту закончится, как только мы разместим гиппертерм. Так что будь готов подлететь за нами как можно быстрее.

— Доверьтесь мне, капитан. Мне и самому не хочется торчать посредине всей этой бури лишнюю долю секунды.

Адамс начал стремительно снижаться над танкером с высоты сотни футов. Океан, казалось, обратился в живую пульсирующую массу. Снизившись до двадцати футов, Адамс искусно удерживал вертолет над танкером под сильными порывами ветра. Когда нос танкера пополз вверх по очередной волне, пришло время высаживаться.

— Эдди! Пошел!

Распахнув дверь и придерживая ее одной ногой, Эдди скинул гиппертерм. Пластиковая взрывчатка зазмеилась к палубе. Налетел очередной порыв ветра и захлопнул отворенную Эдди дверь. Теперь им с Хуаном пришлось ждать очередной волны.

Вдруг несколько капель дождя упали на ветровое стекло. Джордж Адамс, однако, не позволил плохому предчувствию завладеть собой.

Эдди и Хуан, вооружившись пистолетами, были готовы в любую секунду выпрыгнуть из вертолета.

Как только нос танкера начал вздыматься, Джордж приступил к снижению. Расчет был великолепен: теперь вертолет и палубу танкера разделали всего какие-то пять футов.

— До встречи, ребята.

Кабрильо и Сенг по команде открыли двери и спрыгнули на палубу. Вертолет начал набирать высоту.

Приземлившись на палубу, Хуан перекувыркнулся и тут же почувствовал через свою боевую экипировку, как сильно нагрелась металлическая конструкция танкера. Он тут же поспешил встать на ноги, прекрасно осознавая, что через пару секунд жар просочится и сквозь толстую подошву его ботинок. Если они не поторопятся, ожоги первой-второй степени им обеспечены.

— Да, туго же нам придется, — произнес Эдди, словно читая его мысли.

— Надеяться остается только на одно: может, вода, которую черпает носом танкер, преодолевая волны, хоть как-то остудит поверхность палубы, — ответил Хуан, подбежав к вороху гиппертерма.

Он махнул Адамсу, который завис на высоте около пятисот футов над танкером: вдруг откуда ни возьмись появится Сингер?

Из-за огромного веса танкера и его большой силы инерции они не смогут ничего добиться, просто поменяв курс судна или даже попытавшись повернуть его вспять. Единственный способ остановить Сингера — как можно скорее разместить гиппертерм.

Взрывчатка этого типа представляла собой куски двадцатифутовой длины, оснащенные металлическими зажимами для провода электричества. Детонатор и батарея должны были размещаться между каждыми двумя кусками взрывчатки.

Хуан вскинул на плечо свою часть гиппертерма.

— Готов?

— Так точно!

Сгибаясь под своей стапятидесятифунтовой ношей, оба они мужественно зашагали к носу танкера. Порывы ветра и колебания судна заставляли их вилять из стороны в сторону, однако друзья настойчиво пробирались вперед.

Когда они, наконец, добрались до самого носа танкера, Хуан заметил, что с тех мест, куда попадала плещущаяся морская вода, тут же вздымались струйки пара. Это напомнило ему о поездке на гейзеры в Йеллоустоун, когда он был еще маленьким мальчуганом.

Здесь Кабрильо и Эдди сбросили свою тяжелую ношу, стараясь, для осторожности, держаться подальше от бортов танкера, чтобы невзначай не вылететь в открытый океан.

— Джордж, ожидаются ли у нас гости? — глубоко дыша, осведомился Хуан.

— Я еще раз облетел танкер. Ни на мостике, ни где бы то ни было еще Сингера не видно. Палубы сплошь завалены какими-то трубами и прочим подсобным материалом.

— Что говорит Макс?

— Только что передал, что танкер вошел в зону досягаемости торпед. Он ждет ваших указаний.

— Понял.

В этот момент внезапно сплошной стеной по всему танкеру прокатился сильный ливень, однако, к облегчению Хуана, он быстро закончился, перейдя в морось. Видимо, его пригнало сильными порывами ветра откуда-то издалека, оттуда, где дождь уже приступил к выполнению отведенной ему роли в этом урагане.

Пока, дождь не настиг их, им необходимо разделаться с двумя невероятно сложными для выполнения в подобных условиях задачами: не дать танкеру занять позицию в центре ядра урагана и как можно скорее разместить взрывчатку по его бортам, а самое главное — они должны успеть вернуться на «Орегон», иначе ливень перекроет им все пути к отступлению.

Эдди начал укладывать гиппертерм, пока Хуан возился с детонаторами и батареями. Несколько раз, чтобы исключить всякую возможность осечки, он проверил детонатор при помощи дистанционного пульта управления, хранившегося у него в кармане, а затем принялся крепить батареи между отрезками взрывчатки.

Для того чтобы выложить гиппертермом носовую часть судна, ушло около шестисот двадцати футов взрывчатки. Теперь каждый ее отрезок, имеющий магниты в своей оболочке,

сопровождался батареей. Когда батареи активируют, магниты тут же прижмут взрывчатку к металлическому корпусу танкера, и уже ничто не заставит гиппертерм сместиться с занимаемых им позиций, как бы судно ни плясало на волнах.

Теперь Хуан и Эдди принялись крепить взрывчатку к бортам танкера с внешней стороны носовой части, так что свободные концы двадцатифутовых отрезков болтались в воде. По ходу дела им приходилось сразу же активировать магнитные батареи, чтобы гиппертерм не падал в воду. Далее они переместились в среднюю часть судна и проделали все то же самое и, наконец, не обошли своим вниманием и корму танкера. В итоге весь «Сидра» до самой ватерлинии оказался опоясанным гиппертермом. Оставшуюся взрывчатку Кабрильо и Сенг попросту сгрудили в кучу на палубе.

Как только они закончили, Хуан тут же связался с Джорджем.

Дождь все усиливался, теперь по палубе плясали огромные холодные капли. Хуан и Эдди вернулись на нос танкера, и отсюда сквозь сплошную стену ливня видневшаяся вдалеке капитанская рубка и прочие судовые надстройки походили на самых настоящих парящих призраков.

Адамс тем временем готовился к самой авантюрной за всю свою блестящую карьеру летчика выходке.

Кабрильо вышел на связь с Хенли.

— Макс, гиппертерм готов. Активируй торпеды. Пока они долетят до «Сидра», нас уже на его борту не будет.

— Понял. Активировать торпеды, — послышался голос Макса.

Марк Мерфи вывел на свой компьютер программу управления торпедными установками и открыл защитные люки на торпедных трубах. Трехмерное изображение торпедных установок, подключенное к радиолокационным системам и комплексу гидроакустических средств, тут же всплыло на экране его компьютера. На вспомогательном экране он отчетливо видел танкер, упорно следующий собственным курсом в семи тысячах ярдов от «Орегона». При таком раскладе танкер Дэниела Сингера окажется для них легкой добычей, если учесть, что последний даже представления не имеет о том количестве взрывчатки, которой был буквально напичкан его корабль.

— Марк, по моему сигналу запускаешь первую торпеду, — приказал Макс. — Пли!

Под давлением сжатого воздуха торпеда длиной в двадцать один фут пролетела почти двадцать ярдов прежде, чем ее серебряно-цинковые батареи стали питаться энергией ее собственного мотора. Через несколько секунд торпеда развила максимальную скорость в сорок узлов.

На своем мониторе Макс наблюдал за траекторией полета торпеды, несущейся навстречу огромному танкеру. Позади нее длинным хвостом тянулись провода, по которым осуществлялось управление. Они подводились к специальному джойстику, зажатому в данный момент в руках Макса. В любой момент, как только появится необходимость скорректировать траекторию торпеды, он прибегнет к этому устройству.

— Вторая пошла!

Мерфи пустил вторую торпеду. Грохот от ее выстрела ревом какого-то невиданного чудовища прокатился по всему «Орегону».

Секунду погодя, Марк прокомментировал:

— Обе торпеды пущены и исправно следуют по обозначенному курсу.

— Хуан, — связался с Кабрильо Макс. — Псы спущены с цепи, вам самое время убираться.

— Как раз этим мы сейчас и занимаемся.

Хуан следил за тем, как Джордж осторожно снижает «Робинзон» над носом танкера в беспорядочном вихре дождя и ветра. Эта была уже его третья попытка посадить вертолет на палубу танкера. Не успевал Адамс снизиться до пятидесяти футов над судном, как завывающие ветра, и без того пихавшие машину из стороны в сторону, буквально подхватывали вертолет и норовили закружить его в своем безумном танце. Посадка

усугублялась еще и тем, что «Сидра» по-прежнему продолжал свой ход на семнадцати узлах.

— Давай, Джордж. Мой мальчик, ты же можешь это сделать, — приговаривал Хуан, переминаясь с ноги на ногу: стоять было нестерпимо горячо.

Наконец, Джорджу удалось снизиться над палубой танкера; несущий винт его вертолета производимыми воздушными потоками заставлял струи нещадно хлеставшего дождя бегать по кругу.

Хуан и Эдди уже могли разглядеть Джорджа за штурвалом вертолета. Его по-голливудски красивое лицо в этот момент выражало предельную сосредоточенность и внимание. Теперь между вертолетом и палубой оставалось всего каких-то десять футов, но, казалось, при таких бешеных порывах ветра совершить посадку не под силу даже самому опытному летчику. Но не Джорджу Адамсу, конечно. Он уже заранее заметил высокую волну, которая непременно должна была подхватить корабль, и приступил к снижению, рассчитав так, чтобы оказаться над палубой судна, когда танкер поползет вверх. Это позволило ему сосредоточить все усилия на том, чтобы удержать «Робинзон» в сантиметрах от палубы как можно дольше. И это ему удалось, Хуан и Эдди, стоявшие наготове, тут же подскочили к вертолету и распахнули задние двери прежде, чем палуба начала уходить у них из-под ног. Вертолет вновь взвился в воздух. Джордж Адамс тут же взял курс на «Орегон», резко сменив направление вращения рулевого винта.

— Молодчина, Джордж. Вряд ли кому еще удастся повторить эту штуку, — похлопал Хуан Адамса по плечу, усаживаясь в свое кресло и пристегиваясь.

— Еще не время для поздравлений! Мне еще предстоит посадить «Робинзон» на палубу «Орегона», — ответил Джордж, но затем все равно расплылся в благодарной улыбке. — По правде сказать, я и сам удивляюсь, как все вышло так гладко. Кстати, к вашему сведению, трещина, что прошила танкер почти посередине, уже начала разрастаться, захватив и палубу.

— Ну, для нас это теперь не имеет никакого значения, — произнес Хуан и поднес к губам рацию.

— Мы на пути к «Орегону», — передал он Максу, — и где же торпеды?

— В четырех тысячах ярдов от цели. Столкновение произойдет через четыре минуты.

Атлантический океан, охваченный бурей, надежно скрывал пущенные с «Орегона» торпеды, несущиеся сейчас под поверхностью морских вод, однако сам взрыв, что вот-вот должен был произойти, будет прекрасно виден даже в такую непогоду, особенно пилоту и двум пассажирам «Робинзона», зависшего на высоте восьмисот футов над уровнем моря.

— Я взорву гиппертерм за десять секунд до столкновения торпед с танкером, — произнес Хуан. — Взрывчатка, что мы расположили по правому и левому бортам, при детонировании разорвет корпус танкера на две части, а торпеды добьют судно ниже ватерлинии. Так что это жестяное корыто моментально затонет.

В наушнике Хуана раздался голос Мерфи:

— Я буду вести отсчет расстояния от торпед до танкера. На пятидесяти ярдах взрывайте гиппертерм.

Следующие несколько минут Макс при помощи джойстиков корректировал траекторию торпед, нацеливая их на правый и левый борта, точно туда, где Хуан и Эдди разместили взрывчатку.

Тем временем Хуан вынул из кармана дистанционное управление детонатором и занес большой палец над спусковой кнопкой.

— Сто ярдов, — произнес Марк.

Приближаясь к танкеру, торпеды постепенно выходили из воды, чтобы поразить судно в оба борта. Марк тщательно следил за их показателями по трехмерной картинке на экране, отображавшей состояние торпед. Пока все было в норме.

— Семьдесят пять.

— Что за черт, — сидя за штурвалом, Джордж Адамс увидел это первым.

Кабрильо мгновенно отреагировал на его крик.

— Что случилось?

— На палубе кто-то есть!

Кабрильо тоже заметил. Крошечная фигура какого-то человека неслась от носа корабля по направлению к рубке. Это был Дэниел Сингер. Не удивительно, что ни они, ни Джордж его на палубе не заметили, поскольку Сингер облачился в дождевик практически одного цвета с корпусом танкера. По всей видимости, он уже находился на палубе, спрятавшись за ворохом мусора, когда Кабрильо и Сенг прокладывали гиппертерм.

— Это же Сингер!

Кабрильо, не раздумывая, активировал детонатор и отвернулся, чтобы взорвавшийся гиппертерм не ослепил его, поскольку Хуан прекрасно знал о последствиях подобных взрывов. Однако когда боковым зрением он не увидел сильнейшей яркости вспышки, капитан понял: что-то пошло не так. Уставившись вновь на танкер, он увидел, что взрывчатка по-прежнему находилась там, где они ее установили.

— Уничтожить торпеды! Уничтожить торпеды!

Марк Мерфи мог одним нажатием клавиши поставить торпеды на самоликвидацию, однако он решил не прибегать к этому опасному предприятию, поскольку торпеды находились сейчас слишком близко к танкеру, и от взрыва гель, содержащийся в его трюмах, непременно вылился бы на поверхность океана. Вместо этого он максимально замедлил их ход и джойстиками направил их под танкер. На экране отобразилось текущее положение торпед. Угол, под которым они сейчас располагались относительно корпуса судна, не позволял резко изменить траекторию их полета, однако попытаться стоило.

— Снижайся, ну снижайся же! — приговаривал Стоун.

Макс затаил дыхание, глядя на основной монитор, куда выводилось изображение траектории торпед… И вот они пролетели в шести футах под плоским дном танкера.

Весь командный центр облегченно вздохнул.

— Немедленно доставь меня туда! — проревел Кабрильо, указывая на танкер.

Адамс резко развернул вертолет.

— Капитан, не уверен, что смогу забрать вас. У нас кончается топливо.

— Неважно! — В голосе Хуана явно прослеживались нотки гнева.

«Робинзон», словно ястреб, преследовал Сингера на высоте не более десяти футов над палубой. Хуан отстегнул ремень безопасности и уже сидел, одним плечом высунувшись в дверь. В прошлый раз, когда они с Эдди прыгали на танкер, автомат, висевший за спиной, очень больно ударил его, в этот раз он решил не повторять своей ошибки. Положив оружие на сидение рядом с собой, он невольно подумал, что этот прыжок может оказаться последним.

Сингер, видимо, даже сквозь всю эту непогоду услышал шум преследующего его вертолета, поскольку несколько раз оглянулся. Глаза его в ужасе расширились, и он припустился бежать еще быстрее. В одной его руке Хуан заметил какой-то черный предмет, в котором он впоследствии узнал одну из батарей, что они прикрепили к гиппертерму. Сингер метнулся вправо, обегая огромную кучу всякого хлама, возвышавшуюся над палубой на сорок футов. Далее он бросился к борту танкера, намереваясь швырнуть батарею в океан.

Хуан решительно распахнул дверь. Вертолет продолжал лететь со скоростью десяти миль в час, а до палубы было не менее десяти футов. Но это его не остановило.

Жесткое приземление заставило его несколько раз перекувыркнуться по раскаленной палубе, пока он не врезался в основание какой-то трубы. Огромным усилием воли он заставил себя подняться на ноги, каждой клеточкой тела ощущая отголоски этого жуткого приземления. Держа автомат наготове, Хуан бросился вдогонку Сингеру, петляя среди лабиринтов мусора в поисках своей жертвы. Сингер заметил, что Хуан спрыгнул на борт его танкера, и ускорил свой бег. Легкий и прыткий, словно газель, он быстро ускользал от Кабрильо. Но несмотря на всю его решимость швырнуть батарею за борт танкера и спасти многолетний план, на который он поставил всю свою жизнь, ему не суждено было уйти от Кабрильо, отдававшего каждому делу не только собственную жизнь, но и всего себя.

Сингер вновь оглянулся и увидел позади себя разъяренного Хуана, уже наступающего

ему на пятки.

Танкер вскарабкался на очередную высокую волну; трещина, шедшая по всему его левому борту разверзлась, а затем вновь сомкнулась, как только судно ее преодолело. Сингер почти успел добежать до релинга, как вдруг огромная трещина, уже захватившая часть палубы, начала угрожающе расти как раз на том самом месте, где он стоял. Палуба начала буквально проваливаться у него под ногами, раскаленным металлом вгрызаясь в его тело. Он отчаянно пытался выбраться из растущей дыры, однако она все больше его затягивала. Зацепившись дождевиком за острые края покореженного металла, Сингер наполовину свесился над бурлящей гелеобразной жижей, что находилась как раз под палубой в трюмах. Обжигая руки, он тщетно пытался ухватиться за раскаленные обломки, пока танкер не налетел на очередную волну и трещина не сомкнулась, зажав его между своими зазубренными краями. Раздался душераздирающий вопль.

Кабрильо бросился к нему на выручку и успел вытянуть его за дождевик, когда трещина разверзлась вновь. Оглядев Сингера, он увидел, что все его тело ниже бедер отрезало, кровь мощными струями хлестала из свежих ран, размываясь дождевыми потоками.

Хуан схватил Сингера и повернул его лицом к себе.

— Зачем?! — он не мог не задать этого вопроса.

— Я должен был, — прошептал Сингер. — Людям нужно преподать урок, пока не стало слишком поздно.

— Неужели вам не приходило в голову, что планета сама может позаботиться о своем будущем? Около сотни лет назад в Лондоне нельзя было увидеть солнце: настолько развивавшаяся промышленность загрязняла воздух. А взгляните на него сейчас — появились новые технологии, и пелена, взявшая город в плен, отступила. Вот на каждом углу вы кричите, что увеличение численности автомобилей послужило причиной глобальному потеплению. Однако через пару десятилетий на смену двигателям внутреннего сгорания придет нечто новое, и проблема решится сама собой. Кого или что тогда вы станете обвинять во всех экологических проблемах?

— Десять, двадцать, тридцать лет… Кто знает, можем ли мы ждать столько времени?

— С такими убеждениями вы спокойно могли бы ускорить этот процесс, вложив в него свои миллионы, нежели чем устраивать всеобщую демонстрацию результатов человеческой деятельности. Этим вы еще более усугубили ситуацию. Вы нанесли непоправимый ущерб экологии. Ваше движение в защиту планеты с самого начала пошло не в ту сторону, вот в чем дело, Сингер. Все, на что вы ориентировались, это привлечь внимание общественности, пропагандируя защиту окружающей среды, а когда это не помогло, вы пошли на крайние меры. К сожалению, опять же, не в том направлении. Вы не продвинули ни одного стоящего предложения по сохранению планеты «для будущих поколений», как вы говорили, поэтому люди не откликнулись на ваши призывы.

— Люди не умеют слушать. Люди хватаются за голову только тогда, когда происходит нечто на самом деле пугающее, — слабо пробормотал Сингер.

— Может, это и правда. Только такими способами жизнь планете вы не продлите никогда.

Сингер ничего не ответил. Он ушел из жизни, по-прежнему глубоко убежденный в своей правоте.

Фанатики, подобные ему, никогда не постигнут природу компромиссов, взаимодействий, уступок. Хуан прекрасно знал это, и ничего с этим поделать не мог. Хуан поднялся на ноги и зашагал к тому месту, где в последний раз видел батарею, чудом уцелевшую и не последовавшую за Сингером в дыру.

— Макс, это Кабрильо.

— У тебя есть три минуты, чтобы убраться с танкера и взорвать гиппертерм, пока не кончился заряд выпущенных торпед.

Из-за проводов, по которым осуществлялось управление торпедами, невозможно было

зарядить торпедные установки новыми снарядами, пока не будут использованы первые. Если они не воспользуются этим шансом, «Орегону» понадобится около получаса, чтобы подготовить новые торпеды, зарядить их и пустить по цели, а за это время танкер развалится на части, и все его содержимое окажется на поверхности океана.

— Не ждите меня. Даже если я не успею активировать гиппертерм, пусть торпеды взорвут танкер. Авось им удастся детонировать взрывчатку.

— Я понял тебя, только мне все это совсем не нравится.

Танкер казался необъятным даже для взора, нос и корма его, словно небо и земля, были невозможно далеки друг от друга. Палуба накалилась до предела, и испарина ни на секунду не покидала кожи Хуана, а стоило ему опереться на левую ногу, как горячий пот тут же градом прошибал его. Он уже чувствовал, что ступня сплошь покрылась волдырями, но, не обращая на это внимание, принялся за дело.

— Две минуты, Хуан, — услышал Кабрильо, как только добрался до гиппертерма.

Когда Сингер дернул батарею, он сорвал связующие ее с остальной цепью провода, по которым должно было проводиться электричество. Однако прежде чем оголить провода и прикрепить батарею обратно, следовало еще отсоединить детонатор, чтобы случайно самому не подорваться на нем. Вооружившись карманным ножом, Кабрильо приступил к зачистке проводов. Всего их было три, и на каждый требовалось примерно по двадцать секунд.

Индикатор, отражавший состояние на детонаторе, загорелся зеленым: Хуану удалось восстановить цепь.

— Одна минута, Хуан.

Теперь оставалось только соединить его с гиппертермом. Подключив одну сторону корабля, опоясанную взрывчаткой, к детонатору, Хуан услышал голос Марка Мерфи:

— Капитан, это Мерф. Торпеды в ста пятидесяти ярдах.

— Замечательно. Я уже здесь почти закончил.

Разобравшись с детонатором, Кабрильо изо всех сил бросился в противоположном направлении, убегая от летящих на танкер со скоростью сорока узлов торпед. Кабрильо в бешеном темпе преодолел уже сотню футов, когда Мерфи предупредил, что торпеды находились в ста ярдах от судна. Превозмогая адскую боль, раздирающую его ступню, Хуан еще больше ускорил ход, осознав, наконец, что вскрикивает от боли всякий раз, как левая нога касается палубы.

— Пятьдесят ярдов, капитан, — виновато произнес Марк.

Хуан не останавливался.

Через несколько секунд он нажал кнопку на дистанционном пульте и тут же услышал, как сработал где-то позади него детонатор. Яркая вспышка, настолько яркая, что могла соперничать с самим солнцем, которой сопровождался взрыв гиппертерма, озарила мрачно-серое небо непогоды. От температуры почти в две тысячи градусов палуба танкера практически превратилась в воск, так что еще через несколько минут он буквально начал стекать в трюм, где хранился гель Сьюзен Донливи. Хуан спиной ощутил мощный тепловой удар от взрыва, и если бы не дождь, волосы у него на затылке спалились бы. Оглянувшись через плечо, Хуан увидел, что нос танкера представлял собой груду покореженного металла, и от него поднималось черное облако едкого дыма.

Заряд быстро прокатился по всему кораблю, взрывая прикрепленный к бортам и палубе гиппертерм. В тех местах, где детонировала взрывчатка, остались только темные рваные траншеи, из недр которых вырывался жар.

Хуану удалось преодолеть еще двадцать футов, прежде чем торпеды врезались в судно. Сотрясением от столкновения и взрыва сбило его с ног, и он покатился по раскаленной палубе, обдаваемый фонтаном водяных брызг и кусков разорванного металла. Нос танкера оторвало сразу же, и он в мгновение ока затонул, освобожденный от огромной массы остального судна. Вода хлынула в трюмы утопающей носовой части, и под ее давлением гелеобразное вещество, заполнявшее трюмы, тут же по трубам, проходившим через все судно, устремилось в кормовую часть корабля. Когда разорвалось соединение труб, гель

огромными сгустками начал вытекать на поверхность, но поскольку нос быстро уходил под воду, это было не так страшно, как если бы весь он вытек наружу.

Хуан вскочил на ноги. В голове его угрожающе загудело от многочисленных взрывов и ушибов.

На том месте, где еще недавно находился нос корабля, стеною пенился океан. «Сидра» продолжал свой бег, его мощный дизельный двигатель продолжал бешено работать, унося огромный танкер на семнадцати узлах вперед, будто бы совершенно ничего не произошло.

— Хуан, это Джордж. — Кабрильо взглянул вверх и увидел над собой до боли знакомый вертолет. — Думаю, у нас хватит топлива на одну попытку приземлиться.

— Ты не успеешь, — прокричал Хуан, стараясь не отставать от «Робинзона», который держал путь к корме, — это чертово корыто утопает быстрее, чем я ожидал. Меньше чем через минуту оно исчезнет с поверхности океана.

— Попытка — не пытка. До встречи у релинга на корме.

Хуан бросился бежать.

— Мы на подходе, Хуан, — раздался голос Макса. — Спасательные шлюпки уже высланы.

Хуан намеренно понесся по правому борту судна, чтобы не попасть в ловушку огромной, разверзающейся каждый раз, как судно вздымается на волну, пасти. Танкер, вернее, то, что от него осталось, все больше погружался в пучину морских вод.

Добежав до технических надстроек, Хуан понесся по узкому проходу между ними и релингом; палуба все выше и выше вздымалась у него под ногами, поскольку средняя часть судна уже практически скрылась под водой. Достигнув флагштока с поникнувшим либерийским флагом, Хуан огляделся в поисках «Робинзона»: вертолета нигде не было видно. Как только танкер уйдет у него из-под ног, ему останется лишь молиться, чтобы его не затянуло вместе с ним, иначе выбраться он уже не сможет.

Кабрильо принялся взбираться на релинг, как вдруг из-за опасно накренившейся высоченной конструкции надстроек вывернул вертолет. С задней двери его свешивался длинный трос, наспех связанный из всего, что только можно было найти в кабине под рукой: ремней от винтовок, проводов, каких-то тряпок, куртки от экипировки Адамса и штанов Эдди Сенга.

Под давлением погружения стекла верхних иллюминаторов надстройки, которые уже находились вровень с Хуаном, неожиданно взорвались, и ему пришлось на секунду отвернуться и зажмуриться, чтобы фонтан стекольных осколков не попал ему в глаза. Повернувшись, он вовремя заметил штаны Эдди, свисавшие прямо над ним.

Он подпрыгнул и ухватился за них, в это время вертолет начал набирать высоту, оставляя ветрам бешено его раскачивать, словно монетку на нитке. Прямо под собой Хуан увидал, как «Сидра» окончательно погрузился под воду, оставив после себя гелевое озеро, в тысячи раз меньшее, чем планировал Сингер.

Первым поприветствовать Адамса, Кабрильо и Сенга после бесподобной посадки, продемонстрированной Джорджем, прибежал Морис, как всегда в безукоризненном, сшитом на заказ черном костюме. Через левую руку специально для прибывшего капитана было перекинуто белоснежное полотенце, а в правой он держал блюдо, накрытое серебряной крышкой. Пока Кабрильо и остальные выбирались из вертолета, к Морису вовремя подоспели Макс, Линда и Слоун.

Как только Хуан приблизился к встречающим, Морис поспешно снял крышку с блюда и произнес:

— Ваш заказ выполнен, капитан.

— Мой заказ? — от усталости и боли Кабрильо никак не мог взять в толк, о чем говорил Морис.

Тот все с таким же чопорным видом, хотя в глазах его заплясали огоньки радости, произнес:

— Сэр, понимаю, что это не совсем ураган, но уверен, вы испытаете истинное удовольствие от сыра «грюйер» и свежих лобстеров, запеченных в сыре сорта «Аляска».

Это сложнейшее блюдо было приготовлено настолько искусно, что суфле, вовремя снятое с огня, еще не успело осесть, и от запеченных лобстеров исходил головокружительный аромат. По всему вертолетному ангару прокатился взрыв хохота.

А тропический шторм, зародившийся в Атлантике, все-таки получил десятое место среди самых сильных бурь того сезона, хотя ему так и не суждено было перерасти в настоящий ураган. Метеорологи всего мира бились над вопросом, почему его ядро так и не сформировалось должным образом, ведь именно это и послужило причиной спада активности и мощи зарождавшегося циклона.

Согласно ежегодной традиции давать самым сильным штормам и ураганам название по букве алфавита, например, название первого начиналось с буквы «Эй», второго — с буквы «Би», десятый шторм того года получил, в известных кругах, название «Хуан», согласно написанию этого имени латиницей. Он вошел в историю как ураган, которому так и не суждено было обрушиться на землю.

Глава 32

Вездеход с Кабрильо, Слоун и Мафаной на борту буквально летел по пустыне: Хуан выжимал из двигателя все, на что тот был способен в передвижении по глубокому песку. Мозес Ндебеле тоже изъявил было желание поехать с ними, но доктора в частном госпитале в Южной Африке строго-настрого запретили ему подниматься ближайшую неделю после операции на ноге. Поэтому вместо себя он послал свою правую руку и своего друга — сержанта Мафану, несмотря на свое бесконечное доверие к Кабрильо.

И теперь они во весь опор неслись на долгожданную встречу.

Вот он, легендарный «Бродяга»…

Посреди бескрайней пустыни корабль, погребенный среди дюн, производил неизгладимое впечатление. Казалось, он все так же, как и столетие назад, верно следовал своим курсом. Большие и маленькие дюны белоснежного песка нежно касались его бортов, словно океанские волны. Если бы не отсутствующая дымоходная труба и облупившаяся краска, корабль выглядел в точности так же, как и в тот день, когда был погребен сильнейшей песчаной бурей столетия.

Неподалеку от него стоял огромный грузовой вертолет бирюзового цвета с надписью «НУМА» и пара небольших экскаваторов, потребовавшихся, чтобы раскопать около тридцати футов песка, под которыми был погребен «Бродяга». Сейчас рабочие мирно отдыхали в тени огромного белого навеса.

Хуан нагнулся и поцеловал Слоун в щеку:

— Вы оказались правы! Мои поздравления!

— А вы сомневались? — просияла она в ответ.

— Весьма, весьма, — ответил Макс с заднего сиденья.

Слоун потянулась назад и игриво шлепнула ладонью Макса по ноге.

Как только рабочие увидали приближающийся вездеход, они тут же вскочили на ноги и начали суетиться. Один побежал к трапу, специально сооруженному, чтобы обеспечить доступ на главную палубу «Бродяги». Другой подхватил какую-то коробку и кинулся вслед за товарищем.

Кабрильо нажал по тормозам, остановившись в сантиметрах от трапа. Отстегнув ремень безопасности, он спрыгнул с вездехода и повернулся к двум подошедшим. Оба они казались на вид на год-два младше него. Один из них, уже совсем седой, одарил его ясным лучистым взглядом таких же, как у него, голубых глаз. Другой же, темненький, по виду — латиноамериканец, приветливо подмигнул ему.

— В жизни не видал кого-то, о ком Дирк Питт был бы такого высокого мнения. Этому

старому дьяволу ничем не угодишь, — произнес седовласый рабочий, который оказался сотрудником Агентства Морских и Подводных Исследований, судя по надписи на его форме. — Поэтому я тут же воспользовался шансом, чтобы встретиться с вами. Капитан Кабрильо, я полагаю?

— Хуан Кабрильо, — Хуан пожал протянутую руку.

— Курт Остин, а этот жуликоватый на вид парень — Джо Завала. — Кстати, огромное спасибо за ликвидацию катастрофы на «Петромаксе». Наверное, вы знаете, что Ангола входит в нашу юрисдикцию.

— Очень рад встрече с вами. Как там успехи?

— Все намного лучше, чем ожидалось.

— Джо удалось переоборудовать землесосный снаряд — специальное оборудование откачки насыщенной вакуумной нефти — так, что теперь наши люди отсасывают нефть с поверхности воды прямо в танкеры терминала. Думаю, нефтяное пятно нам удастся полностью ликвидировать недели через две.

— Весьма рад это слышать, — произнес Хуан, а затем самокритично добавил: — Окажись мы там парой часов раньше, этого могло бы и не произойти.

— А окажись вы там на пару часов позже — последствия были бы непредсказуемы.

— Это верно, — Кабрильо обернулся к своим спутникам. — Это Макс Хенли, президент Корпорации. Мафана, представитель и правая рука Мозеса Ндебеле. И, наконец, Слоун Макинтайр, благодаря которой мы, хоть и оказались посреди бескрайней пустыни, нашли этот корабль.

— Впечатляет, не правда ли?

— Позвольте спросить, как вам удалось так быстро обнаружить «Бродягу»?

Прежде чем ответить, Джо Завала вынул из коробки несколько бутылок кенийского пива.

— Для начала необходимо освежиться.

Все еще раз поздравили друг друга с находкой и сделали по нескольку больших глотков охлаждающего напитка.

— Вот это я понимаю! — выдохнул Завала.

— Что касается вашего вопроса, — начал Остин, утирая губы, — поисками вашего корабля занимался наш компьютерный гений Хайрам Йегер. Он, словно мозаику, по крупицам собирал всю картину песчаной бури, что разразилась в ночь, когда пропал «Бродяга». Каждый кусочек информации, полученный им от жителей Свакопмунда и из старых бортовых журналов кораблей, он вводил в свой компьютер. Также большую помощь оказал отчет Британского Адмиралтейства по поводу навигационных изменений плавания в морях Юго-Западной Африки. Затем он добавил к полученной информации данные метеорологов с момента исчезновения корабля и практически до наших дней. И где-то день спустя Макс выдал нам точные координаты «Бродяги».

— Макс? — переспросил Хенли.

— Да, так Хайрам зовет своего помощника, свой ненаглядный компьютер. Именно компьютер предоставил нам подробную карту современного африканского побережья. Ведь «Бродяга» тогда встал на якорь у берега чтобы принять на борт пассажиров, предпринявших опасное путешествие за столь желанными алмазами. Получив в руки карту, мы тут же сели на вертолет и отправились на обследование побережья, вооружившись магнитометром.

— Сколько лет я этим занималась, — произнесла Слоун, — только осматривала я в основном водные просторы у побережья. Как же я не догадалась!

— Нам понадобилось около двух дней, чтобы магнитометр засек довольно сильный сигнал. И, как оказалось, корабль был погребен под менее чем тридцатью футами песка.

— Потрясающе!

— После этого я много раз просил Хайрама составить программу по выявлению выигрышных билетов в лотерее, — ухмыльнулся Завала, — только он ни в какую не соглашается.

— Затем мы воспользовались наземными радиолокационными радарами, чтобы убедиться, что это действительно корабль, а не груда железа в виде какого-нибудь метеорита, — продолжил Остин. — А дальше в ход пошла техника.

— Вы уже входили внутрь корабля? — спросила Слоун.

— Мы решили сохранить эту честь для вас. Идемте.

И все они последовали за Куртом Остином на борт «Бродяги». Работники проделали поистине потрясающую работу, освободив всю главную палубу корабля от залежей песка.

— Иллюминаторы капитанского мостика выбило либо непогодой, либо уже когда корабль поглотил песок, так что там практически все было завалено песком. А вот жилые отсеки для экипажа, как ни странно, — он постучал кулаком по крышке люка, и металл откликнулся глубоким эхом, — песок не тронул.

— Мне удалось расчистить люк, так что крышка должна легко открыться. Прошу, мисс Макинтайр, — ухмыляясь, произнес Завала.

Слоун прошла вперед и несколько раз прокрутила колесо, закручивающее крышку люка. Оно поддалось без усилий, и через несколько секунд проход был открыт. Кают-компания лишь слабо освещалась солнечным светом, проникавшим сквозь иллюминаторы, расположенные по обеим ее сторонам. Пол был усеян небольшим количеством песка, в остальном же все выглядело так, будто и сотни лет не прошло с тех пор, как корабль попал в песчаную бурю. Весь такелаж остался на месте, на плите стоял чайник, а с потолка свешивалась лампа. Поднеся спичку, они без труда ее зажгли.

Приглядевшись, они поняли, что куски скатерти, устилавшей стол, на самом деле, оказались останками двух людей, перекинутых через него. Кожа их высохла и посерела, казалось, только их тронь, и они превратятся в труху.

Один из них был абсолютно гол, не считая набедренной повязки и нитки с перьями вокруг черепа. А около второго лежала огромная широкополая, некогда белого цвета, шляпа.

— Эйч Эй Райдер, — выдохнула Слоун. — А второй, скорее всего, один воинов из эреро, которых вождь послал за украденными алмазами.

— По всей видимости, они напали одновременно с началом бури, — донесся до них голос Остина. Он прошел дальше по коридору. — Здесь еще более десятка других тел. Все эти люди погибли в схватке. Если учесть, что на телах эреро следов ран практически нет, можно сделать вывод, что сначала они перебили всю команду Райдера, а затем сами умерли от голода, когда «Бродягу» завалило песком.

— Только они оставили самого Райдера в живых, — произнес Хуан. — Хотелось бы знать — почему.

— Скорее всего, потому что Райдер был знаменитой фигурой как среди своих, так и среди эреро. Обе стороны его хорошо знали как человека чести и правды. А эти двое, что похоже умерли последними, вполне могли оказаться приятелями еще до самого ограбления.

— Этого нам не дано узнать, — произнес Макс, нагнувшись и потянув к себе седельный вьюк, хранившийся под столом.

Иссохшаяся кожа вьюка мгновенно рассыпалась, и чистые, неограненные алмазы звездопадом посыпались на пол, поигрывая в тусклом солнечном свете, проникавшем сквозь иллюминаторы.

Все тут же восхищенно вздохнули. Слоун подняла камень, который потянул бы на двадцать карат, и поднесла его к иллюминатору, чтобы разглядеть получше. Мафана сгреб камни в кулак и позволил им просочиться сквозь его пальцы, зачарованно дивясь их притягательной красоте. По выражению его лица, Кабрильо понял, что этот человек в эту самую минуту думал далеко не о себе, а о том добре, что принесут эти сокровища его людям и его стране.

Сержант тут же потянулся к другим вьюкам и начал перебирать их, тут же откладывая в сторону самые большие и прозрачные. По правде сказать, выбирать ему было из чего. Ведь воины эреро приносили своему вождю только самые отборные камни. Собрав алмазы в кулак, он поднялся и обратился к Хуану:

— Мозес рассказал мне, что в знак ваших добрых намерений вы подарили ему целую горсть алмазов. Он просил меня подарить вам две в знак нашей благодарности, — торжественно произнес он.

— Мафана, — Хуан был поистине потрясен, — не стоит… Это ведь была сделка. Я предоставил камни, а Мозес — своих лучших солдат. Это была всего лишь сделка.

— Мозес предполагал подобный ответ, поэтому он просил меня поднести эти алмазы мистеру Хенли, он менее сентиментален, чем вы, и с радостью примет их во имя вашей команды.

— А он чертовски прав, — произнес Макс и сложил ладони. Мафана передал ему камни. — Могу с уверенностью сказать, будучи бортовым ювелиром, что здесь не меньше миллиона баксов, — усмехнулся он.

— В таком случае, я могу с уверенностью сказать, что ювелир из вас никудышный, — Слоун взяла из его рук самый большой алмаз, — только один этот камень тянет уже на миллион долларов.

Макс лишь только весело рассмеялся.

Спустя час после того, как они обследовали каждый сантиметр корабля, Слоун нашла Хуана на носу «Бродяги». Он величественно смотрел в бескрайние просторы пустыни.

— Чем это вы тут занимаетесь? Воображаете себя капитаном этого малого?

Он обернулся и просиял.

— Да нет, всего лишь любуюсь дюнами.

— Мне в руки попал судовой журнал. Райдер продолжал записи и после того, как корабль попал в песчаную западню. Курт оказался прав, эреро напали на «Бродягу» с началом бури. Они же и перебили всю команду Райдера, кроме него самого. Предводитель эреро знал Райдера. Более того, он был обязан ему жизнью: тот спас его ото льва.

— Что же произошло потом?

— Буря длилась около недели. Когда же она стихла, ни Райдер, ни эреро люк отворить не смогли. Тогда они поняли, что их дни сочтены. Продовольствия хватило ровно на месяц, дальше они один за другим начали умирать. Пока их не осталось двое. По всей видимости, Райдер умер предпоследним, поскольку на этом его записи обрываются, а заметок о смерти предводителя эреро нет.

— Какие ужасы, должно быть, постигали этого последнего в очереди на смерть, — Хуана передернуло.

— В журнале есть еще кое-что. И это весьма интересно. Он пишет, что, ворвавшись в лачугу эреро, где те хранили алмазы, они оставили нетронутыми целых четыре кувшина. А насколько мне известно, нигде в истории не упоминается, что вождь эреро использовал их, чтобы откупиться от немецких оккупантов. Значит, они все еще на своем месте.

— Забудьте об этом, — ухмыляясь, произнес Хуан. — В прошлый раз, когда я согласился вам помочь, я в итоге побывал верхом на огромной металлической змее и чуть не утонул вместе с танкером. Хотите найти оставшиеся алмазы — пожалуйста! Только я лучше погоняюсь за террористами.

— Я всего лишь предположила, — рассмеялась Слоун.

— Кстати, раз уж речь зашла об алмазах, у меня есть к вам пара вопросов, — произнес Хуан.

— Валяйте.

— Вы уверены, что ваша компания мне хорошо заплатит за эти камешки?

— Можете быть уверены, мое руководство выкупит у вас алмазы по полной рыночной цене. Они пойдут на все, чтобы сохранить свою монополию в мире. Им, конечно, не понравится, что я не нашла их лично. Ведь тогда бы им и платить ничего не пришлось, хотя, по большому счету, другого выбора у них нет. Не волнуйтесь, Мозес получит достаточно средств, чтобы однажды утром проснуться в счастливой стране.

— Прекрасно. Это подводит меня ко второму вопросу. Раз уж вы облажались в этом

деле, руководство ведь будет вами недовольно, а, значит, и прибавки к жалованию вы в скором времени не получите. Может, пришло время сменить работу?

— Вы предлагаете мне работу, капитан Кабрильо, я вас правильно понимаю? — одарила его Слоун улыбкой, сияние которой могло по праву соперничать с блеском самого большого и чистого бриллианта на свете.

— Выкладываться надо по полной. Работа опасная. Но, как вы сами только что видели, и заработок весьма неплохой.

Она приблизилась к нему вплотную.

— Недавно я тут беседовала с Линдой… Насколько я понимаю, с романами у вас на борту все очень строго?

— Да, правильно понимаете. Проводить бок о бок двадцать четыре часа в сутки и так тяжело, а если еще и…

Слоун кончиком пальца нежно провела по его руке и заглянула в глаза.

— Значит, прежде чем я приму решение пополнить ряды пиратов, мне нужно вам кое в чем признаться.

— И в чем же это? — еле слышно произнес Хуан.

— Вот в этом, — произнесла она, и они слились в горячем поцелуе.